

МИССИОНЕРСКІЙ ПРОТИВОМУСУЛЬМАНСКІЙ СБОРНИКЪ.

ТРУДЫ СТУДЕНТОВЪ

МИССИОНЕРСКАГО ПРОТИВОМУСУЛЬМАНСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ПРИ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Выпускъ X.

КАЗАТЬ.

Типо- и литографія К. А. Тилли, на Грузинской улицѣ.

1876.

МУХАММЕДАНСКІЙ БРАКЪ
ВЪ СРАВНЕНІИ СЪ ХРИСТІАНСКИМЪ БРАКОМЪ.

ВЪ ОТНОШЕНІИ ПХЪ ВЛІЯНІЯ
НА СЕМЕЙНУЮ И ОБЩЕСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢКА.

СОЧИНЕНІЕ

СТУДЕНТА КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ ХУІІ УЧЕБН. КУРСА (1872—1876 г.)

Михаила Машанова.

КАЗАНЬ.
Типо- и литографія К. А. Тилли, на Грузинской улицѣ.
1876.

Отъ Казанскаго Комитета духовной цензуры печатать дозволяется.

Декабря, 30 дня, 1875 г.

**Цензоръ, экстраординарный профессоръ Казанской Духовной Академіи,
Священникъ *Евсимій Маловъ*.**

Исторія свидѣтельствуетъ, что всѣ народы, стоящіе на разныхъ ступеняхъ развитія, обладали жизнію семейною: *семья есть неотъемлемое достояніе всѣхъ народовъ*. Слѣдя за состояніемъ семейной жизни въ разные времена и у разныхъ племенъ, мы находимъ въ этой области чрезвычайное разнообразіе. Въ одно время и у одного народа мы находимъ тѣ основы семейной жизни; въ другое время и у другого народа семейная жизнь представляется намъ совершенно съ иными характеристическими чертами. Но при внимательномъ разсмотрѣніи семейной жизни, намъ, при всемъ разнообразіи ея формъ у разныхъ народовъ разныхъ временъ, представится одна общая черта, какъ неотъемлемое условіе этой жизни, условіе, существовавшее и существующее во всѣ времена. Условіе это — *бракъ*. Съ глубокой древности до настоящаго времени было много самыхъ разнообразныхъ постановленій о бракѣ, но нѣтъ и не было ни одного народа, который бы не имѣлъ брака. Исторія, легендарныя сказанія и преданія разныхъ народовъ не даютъ намъ даже и права предполагать, чтобы когда-нибудь существовало такое общество, въ которомъ не было бы законовъ о бракѣ, хотя самыхъ простыхъ. Въ этомъ между прочимъ можно видѣть одно изъ существенныхъ, положенныхъ самою природою, отличій человѣка отъ животныхъ: у животныхъ нѣтъ брака, *какъ брака*, а есть лишь простое и временное соединеніе двухъ особей разнаго пола; между тѣмъ у людей постоянно существовало и существуетъ стремленіе къ *брачной* жизни. Брачный союзъ есть поэтому одно изъ тѣхъ отношеній половъ между собою, которыя (отношенія) заключаются въ нравственно-духовной природѣ человѣка, а не простое слѣдствіе чувственнаго влеченія. Въ противномъ случаѣ исторія человѣчества представляла бы намъ такія общества, въ которыхъ бракъ стоялъ бы на степени простаго удовлетворенія чувственнымъ потребностямъ. Не общество,

не государство своими юридическими постановленіями избрѣло и установило бракъ: брачный союзъ не тогда появился, когда уже образовалось государство и когда нужно было регулировать отношенія между полами. Бракъ не обязанъ своимъ происхожденіемъ постановленіямъ общественнымъ и гражданскимъ: онъ существовать еще задолго раньше ихъ; у самыхъ дикихъ народовъ, при отсутствіи почти всякихъ общественныхъ отношеній, бракъ всегда существовалъ и существуетъ. *Брачный союзъ есть поэтому праотецъ общества и государства, а не потомокъ ихъ.* Общество и его законы только регулируютъ брачныя отношенія, придаютъ имъ тѣ или другія гражданскія права, сообщаютъ браку ту или другую форму, но отнюдь не образовали самую идею брака, которая врождена человѣчеству съ самыхъ первыхъ эпохъ его существованія.

Такое существованіе въ душѣ человѣка наклонности къ брачной жизни неизбѣжно заставляетъ насъ согласиться съ тѣмъ, что сказалъ намъ объ этомъ Моисей съ своей исторіи творенія человѣка. Нельзя представлять бракъ иначе, какъ первоначальнымъ *божественнымъ* закономъ, стремленіемъ, вложеннымъ Творцемъ въ душу человѣка, о чемъ говоритъ намъ богодухновенный писатель первой исторіи человѣчества. По бытописанію Моисея, человѣкъ, вскорѣ послѣ своего сотворенія, ощутилъ въ своей душѣ пѣчто такое, что заставляло его чувствовать себя одинокимъ; онъ увидѣлъ, что ему недостаётъ такого существа, которое бы дополняло его, не смотря на все совершенство его богоподобной природы. Богъ внемлетъ этому естественному влеченію человѣка и по Своему таинственному и предвѣчному совѣту творитъ ему жену. Только теперь человѣкъ почувствовалъ себя *полнымъ* человѣкомъ, только теперь у него могло удовлетвориться естественное стремленіе къ общественной жизни и браку. Жена была создана изъ костей и плоти мужа, такъ что между ними образовался неразрывный, постоянный союзъ. Наклонность человѣка къ семейной жизни осталась въ немъ навсегда, обратилась въ постоянное его стремленіе, которое коренится въ самой духовной природѣ человѣка.

Въ силу своего божественнаго происхожденія, идея брака легла въ основу человѣческихъ отношеній: *первыми отношеніями между людьми были отношенія брака; семья не мыслима безъ брака.* Замѣтивши это, мы тѣмъ самымъ говоримъ,

что бракъ есть *основа* отношеній общественныхъ. Нельзя себѣ представить общества, которое не имѣло бы своимъ основнымъ семейныхъ отношеній; семья же основывается на бракѣ; слѣд., бракъ является прототипомъ, прародителемъ общества и государства; общество есть не что иное, какъ дальнѣйшее распространеніе семьи.

При такой тѣсной связи общества съ семейной жизнью, а чрезъ нее съ брачнымъ законодательствомъ, бракъ всегда имѣлъ громадное вліяніе на общество и оказывать на него то благотворное, то гибельное дѣйствіе. При хорошемъ состояніи брачныхъ отношеній и брачныхъ законоположеній общество благоденствовало, при упадкѣ ихъ общество неминуемо шло къ гибели самыми быстрыми шагами, такъ что никакія учрежденія, никакіе законы не могли поддержать того общества, въ которомъ положеніе брака было не нормально. Исторія всѣхъ народовъ прошедшаго времени доказываетъ эту тѣсную связь и зависимость общества отъ брачныхъ отношеній. Персія, Греція, Римъ и другія государства только тогда были сильны и процвѣтали, когда имѣли правильный брачный институтъ; но лишь только бракъ искажался въ государствѣ многоженствомъ, разводами и униженіемъ женщины, — неминуемо слѣдовала порча нравовъ, внутренніе беспорядки, обезлюденье цѣлыхъ провинцій и наконецъ совершенный упадокъ государства.

Сознавая такую тѣсную связь и такое важное значеніе брака для семьи, общества и государства, основатели религій никогда не упускали изъ виду брачныхъ отношеній, такъ какъ религія всегда является между прочимъ съ тою цѣлью, чтобы улучшить и облегчить жизнь людей на землѣ, водворить между ними правильныя отношенія и правильные законы. Вотъ почему мы не находимъ ни одной религіи, которая бы прошла молчаніемъ брачныя отношенія человѣка, которая не коснулась бы этихъ отношеній и не постаралась бы измѣнить ихъ сообразно со своими идеями. Каждая религія, сообразно своему идеалу, стремилась сообщить браку тѣ или другія формы, направить его такъ или иначе, потому что было невозможно оставить безъ своего вліянія эту основу человѣческихъ отношеній въ семьѣ и государствѣ. Какова была религія, каковы были ея идеалы и направленіе, такими являются и брачныя отношенія, установленныя ею; постановленія ре-

лиги о бракѣ неизмѣнно соотвѣтствуютъ духу цѣлой религіозной системы: *каковъ характеръ цѣлой системы, таковъ и бракъ.*

Потому-то христіанство и исламъ, явившись въ міръ съ цѣлью преобразовать и направить на тотъ или другой путь современное имъ человѣчество, взяли и брачныя отношенія подъ свой контроль. Въ названныхъ двухъ, какъ и вообще во всѣхъ религіяхъ міра, бракъ является какъ нельзя болѣе соотвѣтствующимъ всему характеру религіозной системы. Поэтому въ законоположеніи о бракѣ яснѣе всего обнаруживается то огромное различіе, какое существуетъ между духовнымъ въ высшей степени направлениемъ христіанства и чувственностью ислама. Освятивши своимъ авторитетомъ совершенно различныя законоположенія о бракѣ, какъ esposación семейныхъ и общественныхъ отношеній, христіанство и исламъ пришли къ совершенно различнымъ результатамъ. *Христіанскій бракъ и мухаммеданскій, различныя по своему духу, произвели диаметрально противоположныя дѣйствія на семью и общество.*

Въ чемъ заключается основной характеръ христіанскаго и мухаммеданскаго законодательства относительно брака, въ чемъ состоитъ существенное различіе этихъ законодательствъ и къ какимъ результатамъ они пришли, т. е. какое вліяніе оказалъ христіанскій и мухаммеданскій бракъ на жизнь семейную и общественную,—это и будетъ составлять предметъ нашего изслѣдованія.

Для яснаго и опредѣленнаго представленія о томъ и другомъ бракѣ, мы сначала установимъ понятіе, опредѣлимъ характеръ и изложимъ законоположенія о христіанскомъ бракѣ, а потомъ сравнимъ съ нимъ мухаммеданское понятіе и законоположеніе о бракѣ. Это будетъ составлять два отдѣла первой части. Затѣмъ мы прослѣдимъ, какимъ образомъ бракъ христіанскій произвелъ и какое произвелъ вліяніе на жизнь семейно-общественную; наконецъ рассмотримъ вліяніе мухаммеданскаго брака въ тѣхъ же отношеніяхъ. Это будетъ составлять два отдѣла второй, послѣдней части.

II

ХРИСТИАНСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О БРАКѢ И РАЗВОДѢ.

Происхождение и отличительный характеръ христiанскаго брака сравнительно съ до-христiанскими воззрѣніями на бракъ.

Богъ въ самомъ началѣ міра хотѣлъ показать людямъ, какимъ долженъ быть бракъ—эта основа семейной и общественной жизни. Богъ сотворилъ человѣка (Адама) и изъ ребра человѣка создалъ его жену (Еву), чтобы указать чрезъ то на тѣсную связь мужа съ женой. Адамъ, увидѣвши свою жену, воскликнулъ: *„это—кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моей“*¹⁾. Только теперь человѣкъ чувствовалъ себя удовлетвореннымъ, потому что только теперь онъ могъ удовлетворить своему врожденному стремленію къ обществу, поставить себя въ кругу семьи. Этотъ богоучрежденный союзъ имѣлъ всѣ признаки своего божественнаго происхожденія; онъ не былъ простымъ актомъ, обусловленнымъ одною волею человѣка. Здѣсь самъ Богъ опредѣлилъ ту возвышенную цѣль, которая должна быть достигнута брачнымъ союзомъ людей. Богъ сказалъ первой четѣ: *„растите, множитесь и наполняйте землю“*²⁾. Цѣль брака повидимому односторонняя, но она заключала въ себѣ всѣ другія высшія цѣли. Человѣкъ былъ повиненъ, онъ былъ вѣрнымъ служителемъ Бога, членомъ Его Церкви; потому простое повелѣніе Божіе *„растите и множитесь“*—значило: *умножайте на землѣ Мою Церковь, рождайте дѣтей для того, чтобы они были вѣрными членами Церкви Моей на землѣ*. Этотъ богоучрежденный союзъ заключалъ

1) Кн. Бытія, гл. 2, ст. 23.

2) Кн. Бытія, гл. 1, ст. 28.

тогда всѣ элементы чистаго, высокаго учрежденія. Создавши одного мужа и одну жену, Богъ тѣмъ самымъ установить *единиженство*; создавши жену изъ плоти мужа, Богъ показать, что этотъ союзъ *не расторгимъ*, какъ члены организма неразрывно связаны между собою. Эта неразрывность общенія между мужемъ и женой и тогда была отобразо́мъ той чистой связи и общенія, какія существуютъ между Богомъ и людьми. Жена, какъ созданная изъ тѣла мужа, должна была составлять съ нимъ одно тѣло; она не могла быть его рабою, существомъ низшимъ его; она должна быть его подругою, его помощницею, но не рабою; мужъ долженъ любить ее, какъ свое тѣло, но не властвовать надъ нею, какъ господинъ надъ рабою. Любить ее—это главное и необходимое условіе; иначе и невозможно, потому что *никто никогда не имѣлъ ненависти къ своей плоти, но питаетъ и трясетъ ее*¹⁾. Вотъ какимъ является этотъ богоучрежденный союзъ съ самаго начала. Здѣсь всѣ свойства его носятъ на себѣ отпечатокъ своего божественнаго происхожденія; здѣсь все запечатлѣно характеромъ богоучрежденнаго установленія: единство, святость, какъ конечная цѣль брака, нерасторжимость и правильное отношеніе между супругами—вотъ отличительныя качества этого союза. Все это показываетъ, что такое учрежденіе зависитъ не отъ одной воли человѣка; оно запечатлѣно высшимъ духомъ, оно—божественное учрежденіе.

Но картина измѣняется тотчасъ послѣ грѣхопаденія человѣка. Первымъ послѣдствіемъ грѣхопаденія первый чисты въ отношеніи брака было нарушеніе тѣхъ высокосправедливыхъ отношеній между мужемъ и женой, которыя существовали до грѣхопаденія. Прежняя подруга и помощница Адама сдѣлалась теперь существомъ рабски подвластнымъ мужу²⁾. Когда нарушились эти справедливыя отношенія между мужемъ и женой, естественно должно было рушиться и другое высокое свойство этого богоучрежденнаго союза—нерасторжимость, а въ слѣдъ за нею и единство. Священный союзъ между мужемъ и женой потерялъ теперь свой прежній характеръ. Чѣмъ дальше жилъ родъ человѣческій, чѣмъ больше проходило вре-

¹⁾ Ефес. гл. 5, ст. 29.

²⁾ Кн. Бытія, гл. 3, ст. 16.

мени, отдѣляющаго его отъ первой четы, тѣмъ все ниже и ниже ниспадалъ этотъ союзъ, болѣе и болѣе подрывались нравственно-одухотворенныя свойства его. Единство брака, нерасторжимость, правильныя отношенія между мужемъ и женой, истинная цѣль брака были забыты почти повсюду. Только среди евреевъ сохранялась еще тѣнь высокаго образа брачнаго союза, но, повторяемъ, только *тѣнь* и притомъ слабая. У евреевъ было помрачено это учрежденіе допущеніемъ многоженства; союзъ брака сдѣлался непрочнымъ по легкости развода, жена потеряла свое надлежащее положеніе и сдѣлалась почти рабою мужа. Такъ было у евреевъ. О другихъ народахъ нечего и говорить. Здѣсь еще болѣе бракъ уклонился отъ своего первоначальнаго положенія, еще ниже упали брачныя отношенія супруговъ. Безпрестанные разводы, низкое положеніе женщины, развратныя сожителства, поставленныя на степень брака—вотъ положеніе брака до христіанства. Предъ Рождествомъ Христовымъ ненормальное, извращенное положеніе брака достигло высшей степени.

Христіанство должно было преобразовать человѣческую жизнь. Иисусъ Христосъ пришелъ на землю для того, чтобы вызвать челоѣчество изъ того низкаго состоянія, въ какое оно впало вслѣдствіе грѣха,—возвысить его нравственно, измѣнить всѣ основы жизни для того, чтобы возвратить челоѣку доступъ на небо. Для этой цѣли Онъ, Божественный основатель христіанства, даетъ челоѣку гораздо лучшіе нравственные законы, высшія нравственныя стремленія, даетъ благодатныя средства и силы для борьбы со зломъ. Челоѣкъ, искупленный Спасителемъ, пользуясь его благодатными средствами и руководясь его высокими нравственными требованіями, дѣйствительно возвышается, дѣлается оправданнымъ, достигаетъ высшаго нравственнаго совершенства. Но одного челоѣка, какъ индивидуума, искупить и возвысить было недостаточно; нужно было возвысить цѣлое общество въ его взаимныхъ отношеніяхъ. Спасителю было необходимо преобразовать брачный союзъ челоѣка, союзъ, который служить основой семейной и общественной жизни. Ему было недостаточно возвысить мужчинъ и женщинъ; ему нужно было возвысить и очистить ихъ взаимныя отношенія, т. е. *возвысить бракъ*. Спасителю надлежало искупить не только современное ему челоѣчество; онъ пришелъ на землю возродить все чело-

вѣчество настоящее и будущее. Какое же было у него орудіе для этого, какъ не бракъ, въ которомъ нарождается новое челоѣчество. Потому Иисусъ Христосъ желалъ возобновить обветшалое челоѣчество въ этомъ его первомъ источникѣ—бракѣ. Возобновивши и освятивши бракъ, Спаситель тѣмъ самымъ положилъ залогъ возрожденію будущихъ поколѣній, которыя родятся въ этомъ новомъ брачномъ союзѣ, союзѣ священномъ и возвышенномъ. Только тогда, когда бракъ былъ поставленъ на новыхъ основахъ, можно было сказать, что теперь настало новое время, что челоѣчество пойдетъ новою дорогою, — тогда можно было надѣяться на лучшее будущее. Такимъ образомъ бракъ занялъ въ христіанствѣ высокое положеніе; онъ сдѣлался проводникомъ искупленія въ будущіе роды, сдѣлался расадникомъ новыхъ идей, которыя принесъ въ міръ Основатель христіанства. Родители, принадлежа къ Церкви—тѣлу Христову, тѣмъ самымъ обязаны и дѣтей своихъ посвящать, присоединять къ этому же самому тѣлу, проводить искупленіе на будущія поколѣнія. Дѣти въ христіанскомъ бракѣ въ нѣкоторомъ смыслѣ, по самому рожденію своему, принадлежать къ тѣлу Христову, рождаясь въ освященномъ и благодатномъ союзѣ. Бракъ становится проводникомъ благодатныхъ дарованій, продолжителемъ искупленія, совершеннаго Иисусомъ Христомъ¹⁾. По слову Апостола, дѣти, рожденныя въ не-христіанскомъ бракѣ, *грѣшны*, а рожденныя въ христіанскомъ бракѣ—*святы* уже по самому рожденію своему, т. е. призываются къ искупленію. Таково высокое и многозначительное положеніе брака въ христіанствѣ, но это еще не все. Всѣ предметы въ христіанствѣ носятъ на себѣ отпечатокъ божественнаго искупленія; въ христіанской Церкви все проникнуто этимъ искупительнымъ характеромъ. Между Христомъ и Его Церковью существуетъ самый тѣсный и неразрывный союзъ, самая неизмѣнная *любовь*, — любовь, бывшая причиной нашего искупленія. Образомъ этой любви и сдѣлался бракъ, какъ дѣло любви между мужемъ и женой, любви чистой и возвышенной, высоко стоящей надъ чувственной любовью между мужемъ и женой въ язычествѣ²⁾.

¹⁾ 1 Коринѳ. гл. 7, ст. 14.

²⁾ Ефес. гл. 5, ст. 25—32.

Какъ таинственная любовь между Иисусомъ Христомъ и Церковью исполнена благодатныхъ дарованій, изобилуетъ ими; такъ и христіанскій бракъ, образецъ этой любви, изобилуетъ благодатными дарами Св. Духа. Уподобленный таинственному союзу Христа съ Церковью, христіанскій бракъ сдѣлался таинственнымъ союзомъ между мужемъ и женой, союзомъ исполненнымъ благодати, словомъ—сдѣлался *таинствомъ*: „*тайна сія велика есть*“, говоритъ св. Апостолъ¹⁾). Впрочемъ бракъ, какъ проводникъ божественнаго искупленія на грядущія поколѣнія, и не могъ быть чѣмъ-нибудь инымъ въ христіанствѣ, какъ таинствомъ, сообщающимъ благодатныя силы. Если бы христіанскій бракъ былъ простымъ союзомъ между мужемъ и женой, то какимъ бы образомъ онъ могъ передавать благодатныя дары, которые онъ сообщаетъ, по Апостолу, даже дѣтямъ²⁾). Для этой цѣли христіанскій бракъ долженъ быть непременно преисполненъ благодати и освященъ Духомъ Святымъ. Такимъ образомъ бракъ, по учрежденію Спасителя и по мысли Апостоловъ, всегда былъ *таинствомъ* въ христіанствѣ. Таковъ же взглядъ на это и отцевъ церкви: Іоанна Златоуста³⁾, Амвросія⁴⁾, блаженнаго Августина⁵⁾, Тертуліана⁶⁾ и другихъ. Христіанскій бракъ и долженъ быть такимъ, потому что если Богъ установилъ брачный союзъ, то Онъ же долженъ дать ему и свое освященіе; если Богъ назначилъ бракъ быть проводникомъ благодатныхъ дарованій, то Богъ же и долженъ сообщить браку свою благодатную силу. И дѣйствительно Богъ сообщаетъ браку освященіе и благодать посредствомъ таинства. Вотъ почему Богъ сдѣлалъ брачный союзъ таинствомъ и сообщилъ ему благодатныя дары, какъ своему установленію и орудію благодати. Напрасно мы стали бы думать, что Христосъ, заповѣдавъ людямъ братскую любовь другъ къ другу, тѣмъ самымъ запретилъ и уничтожилъ всякія болѣе тѣсныя отношенія любви между людьми. Проповѣдуя такую всеобщую любовь, Основатель христіан-

1) Ефес. гл. 5, ст. 32.

2) 1 Коринн. гл. 7, ст. 14.

3) In Genes. homil. XLVIII, n. 6.

4) De Abraham. 1, cap. 7.

5) De bono conjugii. c. 18, n. 21; c. 24, n. 32.

6) De praeser. haeret. c. 40.

ства нимаю не имѣлъ намѣренія уничтожить тѣснѣйшую любовь между мужемъ и женой. Онъ допустилъ болѣе тѣсную любовь даже къ друзьямъ, къ родственникамъ и пр.; конечно, брачную любовь Онъ допустилъ тѣмъ болѣе, что она необходима для Его высшихъ цѣлей—преобразовать человечество въ его настоящемъ и будущемъ. Иисусъ Христосъ освятилъ брачный союзъ своимъ присутствіемъ на бракъ къ Капѣ Галилейской, почтилъ бракъ даже тѣмъ, что совершилъ на немъ свое *первое* чудо. Развѣ изъ одного этого нельзя видѣть, что брачный союзъ получилъ въ христіанствѣ новую силу и новое высшее назначеніе? Присутствіе Иисуса Христа вмѣстѣ со Своею Матерью на бракъ и первое чудо здѣсь, именно направленное къ брачному торжеству,—все это показываетъ, что бракъ долженъ былъ получить въ христіанствѣ новый духъ, благотворный для человечества.

И въ Церкви Христовой бракъ всегда считался таинствомъ и сопровождался церковнымъ благословеніемъ. Это благословеніе не простой обрядъ молитвы, но таинство такое же, какъ таинство крещенія и прочія таинства. Въ древней христіанской Церкви, съ самаго ея начала, только тѣ браки признавались дѣйствительными и законными, которые совершались по благословенію Церкви съ служителями¹⁾; гражданскіе браки, хотя и законные съ гражданской точки зрѣнія, но заключенные безъ благословенія Церкви, не признавались законными и если не считались вполнѣ прелюбодѣяніемъ²⁾, то ставились почти паравнѣ съ прелюбодѣяніемъ³⁾. Спустя нѣкоторое время, впрочемъ довольно значительное, и гражданская власть признала необходимымъ требованіемъ для законности брака церковное благословеніе.

Это постановленіе Церкви Греческой перешло къ намъ въ Россію; у насъ до настоящаго времени признается необходимымъ для законности брака благословеніе церкви⁴⁾. Въ бракѣ, какъ богоустроенномъ союзѣ, считалось главнымъ

1) Коринѳ. гл. 7, ст. 39.

2) 25 правило Василія Великаго.

3) Пгнатій Богопосецъ, Epist. ad Policarp. п. 6; Василій Вел., твор. Св. Отецъ, т. V, стр. 132,—бесѣда на престолѣ VII; Григорій Богосл., тамъ же 111, 288,—слово на крещеніе; Амвросій, Epist. ad virg. XIX.

4) Свод. Закоп. т. X, ст. 25—29.

совершенство самаго таинства. Совершенство таинства, а не одно исполненіе установленныхъ гражданскихъ формъ, сообщало браку то высшее освященіе, тѣ высокія качества, которыя составляютъ главную отличительную черту христіанскаго брака. Церковь всегда имѣла такой взглядъ на бракъ. И самый обрядъ вѣнчанія, по своей торжественности и составнымъ своимъ частямъ, вполне носитъ на себѣ отпечатокъ высокаго таинственнаго значенія, какое ему дало христіанство. Вѣнчаніе всегда совершается въ храмѣ; при этомъ читаются молитвы, содержаніе которыхъ обнаруживаетъ весь глубоко-таинственный смыслъ брака, все значеніе его, какъ таинства. Это—не простое призываніе имени Божія, какъ при началѣ всякаго дѣла; это—священный обрядъ, исполненный таинственныхъ дѣйствій, которыя имѣютъ свою цѣль извести на брачующихся благодать Божію.

Прежде заключенія брака въ христіанской Церкви совершается обрученіе, которое вошло въ обычай Церкви еще въ древнія времена. Оно служитъ выраженіемъ согласія вступающихъ въ бракъ предъ лицемъ Церкви. Слѣдствіемъ такого важнаго значенія обрученія, какъ предварительнаго обряда брака, было то, что Отцы Церкви стали приписывать ему не одно только чисто гражданское значеніе, но стали смотрѣть на него, какъ на обрядъ почти равный по значенію съ бракомъ; съ обрученіемъ стали соединять все послѣдствія брака и на обрученныхъ смотрѣли почти какъ на вступившихъ въ супружество¹⁾. Но опять и здѣсь разумѣлось только обрученіе, совершенное служителями Церкви, а не гражданское обрученіе, которое не имѣло въ церковномъ отношеніи никакого значенія и не сопровождалось никакими церковными послѣдствіями, а если и сопровождалось, то послѣдствіями чисто гражданскими. Впрочемъ гражданская власть признала обрученіе паравнѣ съ бракомъ по своимъ послѣдствіямъ только въ XI вѣкѣ, именно въ 1054 г., когда было издано постановленіе Алексѣя Комнена²⁾. Русскими законами обрученіе признано по своимъ послѣдствіямъ также равнымъ браку³⁾.

Изъ этого взгляда Церкви на бракъ видно, что она всегда

¹⁾ 11 пр. Аккр. Соб.; 22 пр. Васил. Вел.; 98 пр. VI Всел. Соб.

²⁾ Кормчая 43 гл.

³⁾ Свод. Зак. X г. 31 ст.

считала брачный союз таинствомъ и заботилась о сохраненіи за нимъ этого характера. Потому всѣ постановленія гражданскія относительно брака Церковью не считались существенными для брака, такъ какъ онъ не есть простой человѣческій договоръ, основанный на гражданскомъ законодательствѣ, но есть божественное учрежденіе и, какъ такое, нуждается въ божественной санкціи, а эта санкція и дается посредствомъ священнаго обряда Церкви. Этотъ-то обрядъ и санкція и составляютъ сущность брака по понятію Церкви, а не гражданскія условія его. Какъ таинство, бракъ пользовался великимъ уваженіемъ въ глазахъ церкви; уже обрученіе—одно согласіе на бракъ, но запечатлѣнное благословеніемъ церкви, считалось почти равнымъ браку, чтобы внушить этимъ полное уваженіе къ браку и осмотрительность въ столь великомъ и священномъ дѣлѣ. Для предупрежденія нарушенія обрученія, у насъ со времени Петра I обрученіе совершается непосредственно предъ таинствомъ брака¹⁾. Такъ образомъ бракъ, по ученію Законодателя Христа, по ученію Церкви, какъ древне-греческой, такъ и нашей русской, всегда считался и считается *таинствомъ*.

Сообразно со своимъ высокимъ положеніемъ, бракъ, какъ священное таинство, получилъ въ Церкви Христовой новую высшую цѣль. Отношенія между мужемъ и женой первоначально были довольно высоки, но грѣхопаденіемъ онѣ были унижены; отношенія между полами упали такъ низко, что человѣкъ по самой природѣ своей сталъ стыдиться даже упоминать объ этихъ отношеніяхъ. Христіанство, призванное для возстановленія человѣчества, должно было одухотворить человѣческую чувственность. Оно возвысило чувственную сторону брака до высокихъ духовныхъ стремленій; только христіанство могло сообщить браку эту одухотворенность, это высшее стремленіе, потому что только въ христіанствѣ бракъ есть таинство, есть дѣло Бога и потому не можетъ быть запечатлѣно чувственнымъ характеромъ. Такъ какъ человѣкъ палъ и явилась въ немъ склонность къ чувственности, то бракъ долженъ былъ предупредить эту грѣховную склонность и предотвратить человѣка отъ разврата. Кромѣ этого бракъ въ христіанствѣ имѣетъ еще гораздо высшую цѣль, именно рожденіе и христіанское воспитаніе дѣтей. Супруги въ христіанскомъ бра-

¹⁾ Свод. Зак. X т. 31 ст.

къ самымъ бракомъ, обязываются воспитывать дѣтей въ христіанствѣ. Мало того, какъ мы замѣтили выше, дѣти уже по одному рожденію своему принадлежать къ обществу искупленныхъ. Такимъ образомъ высшая цѣль христіанскаго брака состоитъ въ томъ, чтобы проводить въ дѣтяхъ искупленіе и даровать членовъ Церкви¹⁾. Эта цѣль христіанскаго брака невыпасть его надъ всѣми человѣческими учрежденіями и сообщать ему божественный характеръ. Къ этимъ двумъ цѣлямъ брака присоединяется еще третья, именно взаимное вспомоществованіе супруговъ и взаимная нравственная поддержка²⁾.

Вслѣдствіе своего высоконравственнаго характера, христіанскій бракъ есть чисто свободный актъ, нисколько необязательный для каждаго человѣка, какъ это было у всѣхъ народовъ до-христіанскихъ. Въ христіанствѣ бракъ никогда не былъ обязательнымъ для всѣхъ людей. Дѣвство и бракъ въ христіанствѣ всегда предоставлялись свободному выбору челоѣка. Въ древности, у всѣхъ народовъ, кромѣ еврейскаго, бракъ былъ гражданскимъ учрежденіемъ, считался *долгомъ*, который обязанъ исполнять всѣ лица, принадлежащіе къ государству; за неисполненіе этого долга они подлежали отвѣтственности и даже наказанію денежными пенями, штрафами и т. п. Въ Греціи положеніе незамужнихъ женщинъ и преимущественно вдовъ было самое плачевное; онѣ терпѣли постоянныя насмѣшки за свое вдовство вмѣсто состраданія, какое онѣ заслуживали по своему бѣдственному положенію. Здѣсь существовать даже особый храмъ богини Діаны, куда стекались эти несчастныя существа умолять богиню, чтобы она даровала имъ новыхъ жей и тѣмъ избавила бы ихъ отъ печальнаго положенія. Мужья, чтобы избавить своихъ женъ отъ этого бѣдственного состоянія, часто передавали ихъ въ качествѣ наслѣдства другимъ, который принималъ ихъ отъ умирающаго въ видѣ дара³⁾. Римъ было также незavidно положеніе безбрачныхъ, но, жется, въ первое время они были избавлены отъ различныхъ наказаній; впоследствии же они и здѣсь стали подвергаться

¹⁾ 1 Коринѳ. гл. 7, ст. 14.

²⁾ См. Православно-догмат. Богословіе Пр. Макарія, 5 т. 10—11 ст.

³⁾ Pausan. X, с. 38 § 6. т. III, р. 694. См. Schmidt, la societe civile le monde romaine p. 37.

⁴⁾ Demosth. Pro Phormione, § 8. См. Schmidt, p. 37.

разнымъ притѣсненіямъ. Главнымъ стѣсненіемъ для вдовъ конечно было то, что онѣ поставлялись въ самое невыгодное отношеніе къ своимъ опекунамъ, которые нерѣдко грабили вдовъ; сами вдовы считались неспособными управлять своимъ имѣніемъ. Въ Греціи и преимущественно въ Спартѣ существовали особыя постановленія противъ людей, желавшихъ проводить жизнь внѣ брака. Тоже самое существовало въ Римѣ, гдѣ на желаніе оставаться безбрачнымъ смотрѣли какъ на преступленіе.¹⁾ Когда же всѣ эти взгляды на бракъ и безбрачіе измѣнились, общественная нравственность упала, тогда браки стали рѣдѣть, всѣ стали избѣгать вступленія въ супружество, находя для себя болѣе выгоднымъ и удобнымъ проводить жизнь внѣ брака, предаваясь разнымъ удовольствіямъ, которыя ограничивали бы и затрудняли супружество. Цензоръ Метеллъ говорилъ народу, что прежде бракъ былъ жертвой частнаго удовольствія общественному благу²⁾, но около пришествія Спасителя, наоборотъ, общественный долгъ, т. е. бракъ, сталъ жертвою частному удовольствію. Видя бѣдственное положеніе государства, Августъ издалъ знаменитые законы, которыми хотѣлъ побудить знатныхъ римлянъ къ супружеской жизни, награждая тѣхъ, которые были въ супружествѣ и имѣли много дѣтей и наказывая пенями тѣхъ, которые проводили безбрачную жизнь³⁾. Съ перваго взгляда кажется страннымъ, какимъ образомъ могло составиться у грековъ и римлянъ такое понятіе о бракѣ, какъ обязательномъ для всѣхъ актѣ; но если разберемъ основы брачнаго законодательства у этихъ народовъ, то окажется, что это было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ ихъ взгляда на бракъ и чловѣка. Бракъ былъ у нихъ дѣломъ не чловѣка, какъ отдѣльнаго индивидуума, а актомъ государства, *долгомъ*, который исполнить обязанъ всякій чловѣкъ. Греки и римляне не допускали индивидуальной свободы; свобода индивидуума у нихъ поглощалась государствомъ; государство было *все*, а индивидуумъ *ничто*. Государство налагало оковы на свободу индивидуума; внѣ государства никто не имѣлъ индивидуальной свободы, потому что всѣ были обязаны жить только для государ-

¹⁾ Valer. Max., 11, с. 9 p. 122. См. Schmidt p. 38.

²⁾ Aul. Gell., 1, с. 6. t. 1, p. 50. См. Schmidt, p. 39.

³⁾ Законы Юлія и Паппія Помпея. Dio Cassius, LIV, с. 16, t. 11, p. 63. См. Schmidt p. 39.

ства. Въ жертву государству приносилось семейство и частная жизнь гражданъ. Если такъ, то понятно, почему древность не признавала брака актомъ свободной воли человѣка, а признавала его долгомъ государству. Государство получало выгоду отъ брачнаго сожителства, которое ему доставляло дѣтей—новыхъ гражданъ, новый оплотъ государства. По этой причинѣ оно беретъ бракъ подъ свою власть и обязываетъ къ нему всѣхъ своихъ гражданъ, наказывая какъ ослушниковъ тѣхъ изъ нихъ, которые нарушаютъ этотъ долгъ, оставаясь безбрачными. Такимъ образомъ лишеніе права на свободный выборъ брака есть слѣдствіе лишенія человѣка индивидуальной свободы и всецѣлаго подчиненія его государству.

Въ христіанствѣ подобнаго лишенія права на бракъ или безбрачіе не было и не могло быть. Христіанство явилось въ міръ съ новымъ принципомъ индивидуальной свободы человѣка; оно освободило человѣка отъ тѣхъ оковъ, которыя были наложены на него государствомъ. Эта свобода должна была отразиться и на брачномъ законоположеніи. Бракъ въ христіанствѣ сдѣлался не государственнымъ долгомъ, а *актомъ свободной воли человека*. Иисусъ Христосъ брачную и безбрачную жизнь предоставляетъ свободному выбору человека, поставляя впрочемъ выше жизнь дѣвственную, какъ совершенную преданность Богу¹⁾. Такую же свободу въ дѣлѣ брака предоставляли человѣку и Апостолы, считая бракъ и дѣвство равно священными, хотя и отдавали преимущество дѣвству, какъ выраженію всецѣлой преданности Богу²⁾. Но Апостолы не давали *исключительнаго* предпочтенія ни браку предъ безбрачіемъ, ни дѣвству предъ бракомъ. Это такъ и должно быть, потому что бракъ въ христіанствѣ, какъ учрежденіе божественное, а не государственное, не могъ быть обязательнымъ для всѣхъ гражданъ; съ другой стороны, какъ таинство, чрезъ которое изливаются извѣстные духовные дары на брачующихся, бракъ не могъ быть и упиженъ предъ дѣвствомъ настолько, чтобы дать послѣднему исключительное предпочтеніе; въ христіанствѣ дѣвство и бракъ предоставляются на волю человѣка.

Впрочемъ отцами и учителями Церкви дѣвство, сообразно

¹⁾ Матѳ. гл. 19, ст. 10—11.

²⁾ 1. Коринѳ. гл. 7, ст. 7—9.

съ положеніемъ Иисуса Христа и Апостоловъ, считалось выше брачной жизни¹⁾. Этотъ взглядъ былъ признакъ каноническимъ и утвержденъ VI Вселенскимъ Соборомъ. Этотъ соборъ внесъ въ число своихъ каноновъ тѣ правила отцевъ, которые даютъ преимущество дѣвству предъ бракомъ, напр. Аоанасія Александрійскаго, считавшаго дѣвство ангельскимъ житіемъ, съ которымъ не можетъ сравниться супружество²⁾. Соборъ считалъ дѣвство выше и чище брачной жизни въ нравственномъ отношеніи, а потому требовалъ, чтобы епископы, которые должны быть образцами нравственности для вѣрующихъ, были безбрачны³⁾. Изъ этого постановленія ясно видно то предпочтеніе въ нравственномъ отношеніи, какое церковь отдавала дѣвству предъ бракомъ. Такое предпочтеніе дѣвства предъ супружествомъ понятно въ христіанствѣ, гдѣ еще Иисусъ Христосъ возбѣстилъ, что воздержанію отъ брачной жизни нужно дать болѣе высокое значеніе за ту борьбу, которую ведетъ человѣкъ съ плотью въ этомъ состояніи. Апостолы проповѣдывали то же. Кромѣ того и въ самомъ христіанствѣ были такія обстоятельства, которыя возвышали дѣвство предъ брачнымъ состояніемъ. Иисусъ Христосъ, освятившій своимъ примѣромъ все состоянія жизни, для одного только брачнаго сожителства не оставилъ примѣра, которому бы подражали вѣрующіе. Онъ не желалъ родиться отъ брака, но родился отъ чистѣйшей дѣвственницы, которая стала образцемъ дѣвства для всехъ грядущихъ поколѣній, какъ идеаль, къ которому все стремились. Этотъ дѣвственный образъ Иисуса Христа и Его Матери озарилъ высокимъ блескомъ дѣвственную жизнь, которая до того времени находилась въ презрѣніи, и вызвала стремленіе высокихъ по святости мужей осуществить этотъ идеаль въ жизни. Такимъ образомъ брачная жизнь должна была уступить свое первое мѣсто дѣвству, какъ болѣе чистому идеалу святой жизни. Притомъ жизнь безбрачная, менѣе стѣсненная мірекими заботами, какъ мы замѣтили выше, представлялась болѣе удобною для подвиговъ за Христа и для

¹⁾ Тертул., De pudic., c. 4, 557. Август., De bono conjugali, t. IV, p. 233 и слѣд. De nuptiis et concup. I, c. I и сл. X, p. 187. Амврос., De viduis c. 12 § 72, t. 11, p. 225. Меѳодій, Convivium decem virginum, ov 2.

²⁾ Посланіе Аоанасія Александрійскаго къ Амуну Монаху; см. книгу правилъ.

³⁾ IV всел. Собора 12 правило.

служенія вѣрѣ. Конечно, здѣсь разумѣется не то дѣвство, которое сопровождается разными похотями, но дѣвство истинно чистое, къ которому призваны лишь немощны¹⁾. Но если кто призванъ къ этому дѣвству и свято сохраняетъ его, тотъ конечно болѣе заслуживаетъ уваженія, какъ человѣкъ, совершенно преданный Богу и борющійся со страстями. Вслѣдствіе этой глубокой преданности дѣвственниковъ Богу изъ подражанія Самому Спасителю и Его Матери, дѣвство стало на высокую степень почтенія и уваженія; на него стали смотрѣть, какъ на благоговѣніе человѣка предъ самимъ собою, благоговѣніе священное, вытекающее изъ глубокаго уваженія къ своему тѣлу, какъ храму Св. Духа; стали смотрѣть на него, какъ на состояніе, освященное примѣромъ самого Бога²⁾. Вотъ до какой степени возвысилось дѣвство въ христіанствѣ; здѣсь представляется совершенный контрастъ съ ученіемъ язычества объ обязательности брака для всѣхъ гражданъ. Въ язычествѣ дѣвство презиралось и даже подлежало наказанію, какъ преступленіе; здѣсь напротивъ оно ставится выше супружества и дѣвственники почитаются и уважаются. Такъ неизмѣримо выше стоитъ христіанское понятіе о бракѣ, какъ свободномъ актѣ человѣка, предъ понятіемъ язычества о бракѣ, какъ долгѣ государству, долгѣ, который обязателенъ для всѣхъ. Впрочемъ нужно замѣтить, что христіанская Церковь, поставляя дѣвство выше супружества и считая его *ангельскимъ житіемъ*, тѣмъ самымъ не только не хотѣла унижить супружества, а напротивъ всегда при всякомъ удобномъ случаѣ старалась высказать мнѣніе, что *бракъ честенъ и ложе не скверно*³⁾, и осуждала и даже подвергала наказанію тѣхъ, которые гнушались супружества⁴⁾. Такимъ образомъ она не вдалась въ борьбу съ язычествомъ и въ другую крайность, не поставила дѣвства исключительнымъ путемъ для совершенной жизни. Все предоставлено на волю человѣка: *могий вмѣстити, да вмѣститъ*⁵⁾. Только въ христіанствѣ бракъ сталъ дѣломъ индивидуума, а не общества, и чрезъ это воз-

¹⁾ Матѳ. гл. 19, ст. 11—13; 1 Коринѳ. гл. 7.

²⁾ Ефес. гл. 5, ст. 3—5; Колос. гл. 3, ст. 7; 1 Коринѳ. гл. 7.

³⁾ Гангр. Соборъ. 21 правило.

⁴⁾ Апостольскія правила 5, 51; Гангр. Соборъ 10, 14, 1 и 9 правила.

⁵⁾ Матѳ. гл. 19, ст. 13.

высился сравнительно съ языческимъ брачнымъ законодательствомъ на неизмѣримую высоту.

Въ слѣдъ за ученіемъ Церкви и гражданская власть въ христіанскихъ государствахъ вскорѣ признала эту свободу въ дѣлѣ брака. Лишь только христіанство сдѣлалось государственной религіей, тотчасъ была признана эта свобода брака и отмѣнены прежнія постановленія римскихъ императоровъ объ обязательности его и о наказаніи за безбрачіе, какъ несообразныя съ духомъ свободы христіанства, свободы, которая отразилась и на брачномъ законодательствѣ. Уже Константинъ Великій отмѣнилъ прежнія постановленія объ обязательности брака и о наказаніяхъ за безбрачіе. Онъ предоставилъ свободу и собственному выбору бракъ и безбрачіе и поставилъ личную взаимную симпатію брачующихся въ этомъ случаѣ выше деспотическаго интереса государства; онъ призналъ за всякимъ мужчиной и женщиной право жить по собственному выбору въ бракѣ или безбрачно¹⁾. Съ этихъ поръ все христіанскія государства всегда признавали эту свободу за своими гражданами и тѣмъ стали несравненно выше государствъ языческихъ въ этомъ вопросѣ.

Условія законности и незаконности христіанскаго брака.

а) Свобода, непринуждаемость брачующихся.

Брачное законодательство должно быть опредѣлено точными постановленіями, которыя обусловливали бы его законность: всякое учрежденіе необходимо должно имѣть свои условія правильности или неправильности. Конечно въ бракѣ, какъ свободномъ актѣ человѣческой индивидуальной воли, первое условіе состоитъ въ требованіи, чтобы вступающіе въ бракъ имѣли согласіе на бракъ, а не принуждались посторонними лицами и другъ другомъ къ супружеству. Свобода брачующихся составляетъ самое главное условіе брака. Это простое и повидимому столь естественное условіе было признано не вдругъ. До христіанства не имѣли полнаго понятія объ этомъ условіи. Древность не признавала этой свободы, потому что супружество въ древности было государственнымъ актомъ, къ которому были

¹⁾ Евсевій, Vita Const. IV, с. 26, р. 538.

обязаны всѣ; здѣсь не было необходимо испрашивать согласія брачующихся. Не говоря уже о Востокѣ, гдѣ всегда царствовалъ деспотизмъ, мы не находимъ требованія свободы даже у грековъ и римлянъ. У грековъ отецъ самъ заботился о невѣстѣ сына и женилъ его, обыкновенно не спрашивая его согласія¹⁾. Невѣста же покупалась у родителей или родственниковъ²⁾, иногда даже похищалась и силой выдавалась за мужъ. Особенно у Дорійцевъ этотъ обычай имѣлъ силу и былъ господствующимъ. Онъ здѣсь сохранялся до позднѣйшихъ временъ, по свидѣтельству Плутарха³⁾. Конечно при похищеніи невѣсты не могло быть ирѣчи о свободномъ согласіи ея на бракъ. Она дѣлалась какъ бы плѣнницею мужа. Въ послѣдующее время вошло во всеобщій обычай заключать контрактъ съ родителями невѣсты или родственниками ея; тутъ происходилъ торгъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Когда торговая сдѣлка была заключена, невѣста безъ всякаго спроса о ея согласіи или несогласіи переходила къ мужу⁴⁾. Такимъ образомъ въ Греціи не существовало условія, чтобы бракъ былъ заключенъ по обоюдному согласію брачующихся. Тамъ господствовало принужденіе въ собственномъ смыслѣ, особенно по отношенію къ невѣстѣ. То же самое почти замѣчаемъ мы и у римлянъ. Въ Римѣ отецъ могъ женить на комъ угодно сына, не получившаго эмансипаціи, т. е. не освобожденнаго отцемъ отъ своей власти и не выдѣленнаго. Это право отца было еще болѣе относительно дочерей. Бракъ былъ не что иное, какъ продажа невѣсты. Невѣста была предметомъ продажи и не могла имѣть права голоса за или противъ брака. Торговля совершалась отъ лица отца или опекуновъ въ присутствіи свидѣтелей. По крайней мѣрѣ въ бракѣ „*per coemptionem*“ были соблюдаемы всѣ тѣ формы, какія употреблялись при куплѣ и продажѣ; тутъ буквально деньги вносились на вѣсы и невѣсту продавали на вѣсы денегъ⁵⁾; бракъ совершался съ полнѣйшимъ насиліемъ для невѣсты. Такъ было при бракахъ свободныхъ лицъ; о

¹⁾ Илиада. Гомера, пѣснь 9, ст. 394.

²⁾ Илиада, п. 16, ст. 178. 190; п. 22, ст. 472; п. 11, ст. 244; п. 13, ст. 376.

³⁾ Müller. Die Dorier. Т. III. См. Соколовскаго, о постепенномъ развитіи идеи брака въ древнемъ мірѣ.

⁴⁾ Platner. Beiträge, S. 109 и слѣд. См. Соколовскаго.

⁵⁾ Cajus, Inst. 1. § 113 и 111. Cicero, de orator. 1, 56. См. Соколовскаго.

бракахъ рабовъ нечего и говорить. Здѣсь господствовало полнѣйшее насиліе со стороны господъ какъ въ Греціи, такъ и въ Римѣ.

Христіанство, являсь въ міръ съ совершенно иными принципами, отмѣнило этотъ обычай и эти законоположенія. По принципу индивидуальности, христіанство поставило бракъ въ совершенную зависимость отъ воли вступающихъ; безъ этого согласія бракъ не можетъ состояться. Божественный Основатель христіанства предоставилъ полную свободу бракосочетающимся. Здѣсь не могло имѣть мѣста принужденіе со стороны родителей и опекуновъ. Апостолы требовали того же¹⁾. Въ слѣдъ за Іисусомъ Христомъ и Апостолами, и Отцы Церкви требовали всегда, чтобы при бракѣ было согласіе вступающихъ; здѣсь не должно быть никакого насилія ни со стороны родителей и опекуновъ, ни со стороны котораго-нибудь изъ супруговъ, такъ что безъ согласія вступающихъ не могъ состояться бракъ. Только когда вступающіе въ бракъ изъявляли свое согласіе, Церковь благословляла брачный союзъ²⁾. Конечно эта воля брачующихся была ограничена нѣкоторыми постановленіями, относящимися вообще къ правильности брака и законности сего, но въ законныхъ границахъ не могло быть никакого притѣсненія. Всякое насильственное похищеніе невѣсты строго преслѣдовалось, какъ нарушеніе этой свободы брака, и подвергалось строгой спитиміи; самый бракъ, если онъ былъ уже заключенъ, расторгался³⁾. Церковь повелѣла священнику, прежде чѣмъ совершать вѣнчаніе, освѣдомляться о томъ, *съ согласія, а не по принужденію-ли* вступаютъ въ бракъ бракосочетающіеся, и только тогда приступать къ вѣнчанію, когда онъ узнаетъ, что они вступаютъ въ бракъ по свободной волѣ, безъ всякаго насилія⁴⁾. У насъ на Руси вмѣстѣ съ христіанствомъ былъ принятъ и этотъ уставъ Церкви и всегда считался положительнымъ закономъ. Правда, онъ перѣдко нарушался обычаемъ, глубоко укоренившимся на Руси, именно отдавать дочь свою насильно; однако этотъ обычай никогда не былъ признаваемъ

1) Матѣ. гл. 19, ст. 5, 11—13; 1 Коринт. глава 7, ст. 36.

2) Кормчая, гл. 43. Зак. Градск. гр. 4, гл. 3. 17; гл. 49, зач. 2. г. 1.

3) IV Всел. Собора 27 прав. VI Всел. Собора 92 прав. Василия Великаго 22 и 30 правилъ.

4) Кормчая гл. 50 о тайнѣ супружества.

юридическимъ и Церковь русская всегда вооружалась противъ этого обычая, уничтожающаго свободу въ столь важномъ актѣ, какъ бракъ, гдѣ болѣе всего нужно доброе согласіе. Наконецъ указомъ Синода 1775 года было подтверждено, чтобы священники прежде совершенія таинства брака удостовѣрялись въ добромъ согласіи сочетающихся; если окажется, что нѣтъ согласія, то не совершали бы вѣнчанія, хотя бы это открылось во время самого вѣнчанія. И наши гражданскіе законы исполнѣ согласны въ этомъ случаѣ съ постановленіями Церкви. Они требуютъ, чтобы браки совершались только съ согласія лицъ вступающихъ въ брачный союзъ; иначе бракъ не признается законнымъ и не позволяется совершать вѣнчанія¹⁾. Насильственное похищеніе женщины для вступленія въ супружество судится какъ уголовное преступленіе²⁾, и самый бракъ, совершенный насильно, можетъ быть расторгнутъ³⁾. Даже (до 19 Февраля 1861 года) помѣщики не имѣли права принуждать своихъ крѣпостныхъ ко вступленію въ супружество⁴⁾. Въ этомъ отношеніи наши законы гораздо ближе къ постановленіямъ Церкви и болѣе съ ними въ согласіи, нежели законы византійскихъ императоровъ, которые допускали въ этомъ случаѣ нѣкоторыя ограниченія свободы вступающихъ въ бракъ; такъ напр. рабы не имѣли права на это, господа могли вѣнчать ихъ безъ ихъ согласія; даже дѣти не могли разрушить заключеннаго уже родителями брачнаго договора, если приданое отъ жениха было получено; отецъ имѣлъ право принудить своего сына вступить въ бракъ, если только онъ велъ жизнь распутную; дочь не могла отказаться отъ вступленія въ бракъ, предложенный ей отцомъ, развѣ только женихъ былъ худой правды. Притомъ отъ дѣтей не требовалось выраженія своего согласія устно; уже одного несопротивленія было достаточно для совершенія законнаго брака⁵⁾. Однако и этими законами признавалось уголовнымъ преступленіемъ похищеніе невѣсты⁶⁾.

1) X т. Свод. Зак. 12 ст.

2) X т. Свод. Зак. 8 ст. Уложенія о наказан. ст. 2118.

3) Свод. Зак. X т. 37, 38, 803 ст. Уст. Д. Консисторій ст. 217 и 218.

4) Свод. Зак. X т. 12 ст.

5) Кормчая, 48 гл. Законы градскіе, гр. 1, гл. 6; гр. 4, гл. 10—24.

6) Кормчая, 48 гл. Законы градскіе, гр. 39, гл. 40. Леона и Константина, гр. 16, гл. 12.

Какъ одно изъ главныхъ условій законности брака, требованіе согласія брачущихся обязано своимъ происхожденіемъ единственно тому высокому положенію, какое занялъ бракъ въ христіанствѣ. По своей цѣли назначенный для свободнаго вспомошествованія супруговъ и для воспитанія членовъ Церкви, бракъ необходимо требуетъ согласія брачущихся; иначе онъ не можетъ достигнуть своихъ цѣлей. Какое взаимное вспомошествованіе и нравственная поддержка можетъ быть при насильственномъ бракосочетаніи? Здѣсь можетъ быть напрогивъ только взаимная вражда и семейные раздоры, которые невыгодно отзовутся на семейномъ благосостояніи и воспитаніи дѣтей. Для достиженія цѣлей брака необходимо не только согласіе на вступленіе въ бракъ, но и взаимная любовь между супругами. Только при такой любви бракъ можетъ быть благоплоденъ; въ противномъ случаѣ бракъ не будетъ достигать ни одной изъ своихъ цѣлей. Къ несчастію это понятіе о любви между супругами долго не было признаваемо. Язычество не знавало этой любви; только въ христіанствѣ она получила свой настоящий характеръ въ противоположность чисто чувственной любви, которую проповѣдывало язычество. По ученію Отцевъ Церкви, при заключеніи супружества, бракосочетающіеся должны питать другъ къ другу уваженіе, исполненное высокаго нравственнаго значенія; невѣста должна чувствовать любовь къ тому, за кого выходитъ замужъ¹⁾. Этого мало; дѣвицѣ, достигшей совершеннолѣтія, предоставлялось право самой выбирать жениха²⁾. Это даже и не можетъ быть сравниваемо съ древними языческими, греческими и римскими, постановленіями, предоставлявшими родителямъ и главнымъ образомъ отцу право сочетать бракомъ своихъ дѣтей помимо ихъ воли.

Съ давнихъ поръ и исполнѣ вѣрно было замѣчено, что счастливъ и благополученъ бываетъ только бракъ, заключенный съ согласія родителей; бракъ же, заключенный по безразсудному увлеченію молодыхъ людей, не можетъ быть счастливъ. Потому христіанство, объявивъ необходимымъ для совершенія брака обоюдное согласіе брачущихся, въ то же время ограничиваетъ ихъ согласіемъ родителей на бракъ. Естественное чувство привлекаетъ насъ къ покорности родителямъ, отъ кото-

¹⁾ Климентъ Александрійскій, Strom., 11, с. 23; IV, с. 20, т. 1, р. 502, 621

²⁾ Блаж Августинъ, Ер. 254, т. 11, р. 668.

рыхъ зависить наше благосостояніе и общественное положеніе. Дѣти не должны оскорблять родителей, на попеченіи которыхъ они находятся и которыми поддерживаются въ своей общественной дѣятельности. И въ бракѣ дѣти не должны оскорблять родителей своевольнымъ вступленіемъ въ супружество, не испросивши предварительно ихъ согласія. На уваженіи и преданности дѣтей родителямъ основывается благоустроенность и благоденствіе общества. Потому признать абсолютную самоправность дѣтей на вступленіе въ бракъ безъ согласія родителей, значило бы нарушить цѣлый благоустроенный порядокъ общества. Конечно христіанство, являсь въ міръ съ цѣлю устроить и преобразовать его, не могло прекратить этихъ естественныхъ отношеній дѣтей къ родителямъ какъ во всемъ, такъ и относительно брака. Признавъ бракъ свободнымъ дѣйствіемъ воли человѣка, христіанство вмѣстѣ съ тѣмъ требовало, чтобы согласіе отца и матери въ этомъ дѣлѣ не было совершенно устраняемо, а признавалось бы въ должныхъ границахъ¹⁾. Поэтому отцы и учителя Церкви совѣтовали юнымъ дочерямъ въ выборѣ своихъ будущихъ супруговъ сообразоваться не только съ собственнымъ желаніемъ, но и съ волею родителей. Церковь считала бракъ дѣтей безъ согласія родителей наравнѣ съ блудомъ²⁾. Впрочемъ въ этомъ отношеніи вступающимъ въ бракъ предоставляена была большая свобода сравнительно съ древними, греческими и римскими, законами. Между тѣмъ какъ у грековъ и римлянъ, какъ мы уже видѣли, вступленіе въ бракъ дѣтей абсолютно находилось во власти родителей; законы Церкви ограничиваютъ власть родителей нѣкоторыми условіями, именно: дѣти, достигшія совершеннолѣтія, или занимающія какую-нибудь государственную службу, словомъ живущія самостоятельно отъ родителей, могли вступать въ бракъ безъ ихъ согласія. Съ этими постановленіями Церкви вполне согласны были и гражданскіе византійскіе законы³⁾. И у насъ въ Россіи всегда признавались эти древніе церковныя постановленія относительно согласія родителей на бракъ дѣтей и до настоящаго времени у насъ это считается непремѣннымъ условіемъ

¹⁾ Матѳ. гл. 19 ст. 5.

²⁾ Василия Великаго 38 и 42 правила.

³⁾ Кормчая 48 гл. законы градскіе, гр. 4, гл. 24, гл. 12, 15.

для законности брака¹⁾. Въ случаяхъ когда дѣти вступаютъ въ бракъ безъ согласія родителей, священнику повелѣвается обращаться къ мѣстному архіерею за разрѣшеніемъ, но и при всемъ томъ браки подобнаго рода считаются сомнительными²⁾; однако браки, заключенные безъ согласія родителей, не расторгаются, а только виновные подвергаются наказанію церковному и гражданскому³⁾. Это конечно основывается на правилахъ Церкви, которыя запрещаютъ расторгать подобные браки⁴⁾. Такимъ образомъ по законамъ церковнымъ, древне-византійскимъ и нынѣ дѣйствующимъ русскимъ, вступленіе въ супружество требуетъ согласія со стороны родителей, но не стоитъ въ безусловной зависимости отъ этого послѣдняго, потому что браки, совершенные безъ этого позволенія не расторгаются, а признаются дѣйствительными.

По смерти родителей, ихъ мѣсто заступаютъ опекуны. Такъ какъ опекунъ есть полный намѣстникъ родителей, то ему гражданскимъ закономъ были предоставлены всѣ права ихъ. Такое понятіе объ опекунахъ было причиною того, что права родителей относительно брака дѣтей были распространены и на нихъ, какъ представителей родительской власти, съ цѣлью предупредить всякаго рода увлеченія молодыхъ людей при этомъ дѣлѣ. Это было естественнымъ слѣдствіемъ законовъ гражданскихъ. По гражданскимъ законамъ несовершеннолѣтнія дѣти, находящіеся подъ опекой, не могли заключать никакихъ контрактовъ и договоровъ безъ согласія опекуновъ; тѣмъ болѣе они не могли вступать въ бракъ, который представляетъ такое важное обязательство даже на всю жизнь. Поэтому хотя и нѣтъ прямыхъ узаконеній Церкви, чтобы браки заключались съ согласія опекуновъ, однако въ христіанствѣ, сообразно византійскимъ гражданскимъ постановленіямъ⁵⁾, требовалось для брака ихъ согласіе. Такъ было и у насъ въ Россіи съ самыхъ древнихъ временъ⁶⁾. Если уже родители не могли принуждать своихъ дѣтей вступить

¹⁾ Св. Зак. X т. 6 ст.

²⁾ Инструкція благочиннымъ ст. 23.

³⁾ Улож. о наказан. разд. 11, ст. 2040, 2057.

⁴⁾ Василія Великаго 38 пр.

⁵⁾ Кормчая 48 гл. Законы гражданскіе гр. 4, гл. 3, 11, 18.

⁶⁾ Свод. Зак. X т. 6 ст.

въ бракъ, то тѣмъ менѣе это могли дѣлать опекуны, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ церковнаго и даже гражданскаго наказанія. Этого требовало значеніе христіанскаго брака, какъ свободнаго акта.

Тотъ же духъ христіанской свободы отразился и на бракахъ рабовъ. Древніе законы Греціи и Рима не допускали въ этомъ случаѣ никакой воли въ рабѣ. Господинъ могъ его женить, на комъ хотѣлъ и когда хотѣлъ. Но христіанство постаралось улучшить участь рабовъ и въ этомъ отношеніи. Нигдѣ нѣтъ постановленій Церкви, которыя бы позволяли господамъ такъ далеко простираť свою власть, нигдѣ не позволиется имъ заключать браки рабовъ помимо ихъ воли. Требуется только, чтобы рабы не вступали въ бракъ помимо согласія своихъ господъ; въ противномъ случаѣ бракъ ихъ считался прелюбодѣянствомъ¹⁾. Но христіанство всегда было противъ того, чтобы предоставить господамъ древнее право заключать браки рабовъ. И наши русскіе законы были запечатлѣны тѣмъ же духомъ, когда у насъ до 19 Февраля 1861 года были крѣпостные. Законъ нашъ гласилъ: „запрещается помѣщичьимъ крестьянамъ и дворовымъ людямъ вступать въ бракъ безъ дозволенія ихъ владѣльцевъ“²⁾. Но нигдѣ не было дано права владѣльцамъ заключать браки помимо воли своихъ крестьянъ. Въ этомъ отношеніи христіанство стало неизмѣримо выше всей древности и здѣсь проглядывается тотъ же духъ свободы индивидуума, даже онъ простирается еще дальше: христіанство даетъ права рабу, которыхъ онъ былъ лишенъ всею древностью, права самыя священныя,—права на свободу брака, какъ таинства Церкви, на которое имѣютъ право всѣ члены Церкви Христовой на землѣ. Христіанство, требуя согласія господъ при бракѣ рабовъ и наказывая епитимією рабовъ, вступившихъ въ бракъ безъ этого согласія, не повелѣваетъ однако расторгать подобныхъ браковъ³⁾. Между тѣмъ объ этихъ бракахъ не могло быть и рѣчи въ древности.

Къ требованіямъ согласія на бракъ нужно присоединить еще одно, именно чтобы люди, состоящіе на службѣ государства, брали согласіе на бракъ со стороны своихъ началь-

¹⁾ Василия Великаго, 40 и 42 прав.

²⁾ Свод. Зак. X т. 14 и 15 ст.

³⁾ Василия Великаго, 40 и 42 прав.

никовъ¹⁾. Мы сказали, что христіанство предложило міру свободу индивидуума; но эта свобода не должна переходить должныхъ границъ, иначе не будетъ никакого благоустроеннаго государства, гдѣ необходимо подчиненіе властямъ. Христіанство признало это подчиненіе властямъ, какъ необходимое для всякаго человѣка²⁾. Вслѣдствіе такого взгляда христіанства на законно поставленную власть и составилось требованіе испрашивать позволеніе на бракъ со стороны властей. Человѣкъ, вступая на государственную службу, тѣмъ самымъ обязываетъ себя строго преслѣдовать интересы государства, потому что власть, которой онъ подчиняется, заступаетъ для него въ нѣкоторомъ смыслѣ родителей; а живы на иждивеніи родителей, дѣти тѣмъ самымъ, не говоря уже о естественномъ требованіи, обязываются преслѣдовать интересы родителей. Въ видахъ этого и постановили отцы Церкви, чтобы всякій, состоящій на службѣ, испрашивалъ согласіе на бракъ со стороны пачальства, потому что отъ произвольнаго вступленія въ супружество въ этомъ случаѣ могутъ пострадать интересы государства. Но здѣсь не то, что въ древности, гдѣ бракъ былъ долгомъ государству; здѣсь только требуется, чтобы государство знало о бракѣ лицъ, состоящихъ на службѣ, съ цѣлью точныхъ свѣдѣній о лицахъ, состоящихъ на службѣ.

б) Бытіе одной жены у мужа.

Уничтоживъ бракъ, какъ обязанность относительно государства, христіанство основало и утвердило свой бракъ, какъ таинство и поставило его на высочайшую степень. Христосъ уподобилъ его высочайшему таинству отношенія Своего къ Церкви. Какая любовь существуетъ между Христомъ и Церковью, такая же любовь должна быть между мужемъ и женой. Изъ этого таинственнаго отношенія брака къ связи Христа съ Церковью проистекаютъ всѣ качества и свойства этого таинства. Христосъ, любящій Церковь, есть *одинъ*, и Церковь — предметъ Его любви, также *одна*. То же самое должно быть и въ бракѣ. Онъ долженъ быть *моногамическимъ* въ самомъ строгомъ

¹⁾ Василія Великаго 40 и 42 прав.

²⁾ Матт. гл. 22, ст. 21; Марк. гл. 12, ст. 17; Лук. гл. 20, ст. 25; Римл. гл. 13; 1 Петр. гл. 2, ст. 13—14; Тит. гл. 3, ст. 1.

смыслъ этого слова: долженъ быть одинъ мужъ, изображающій въ бракѣ Христа, должна быть и одна жена, изображающая Св. Церковь. Здѣсь возстановленъ тотъ первоначальный бракъ, который былъ установленъ при созданиіи человѣка. Когда Адамъ увидѣлъ себя одинокимъ и просилъ Бога дать ему подобнаго ему, составилъ божественный совѣтъ. Что же было рѣшено въ этомъ божественномъ совѣтѣ? *Сотворимъ ему помощницу*¹⁾. Помощницу, а не помощницъ опредѣлили божественный судъ, превышающій всѣ человѣческія премудрыя мнѣнія и рѣшенія. Адаму была дана одна жена, а не много — вотъ естественный законъ природы. Жена должна была дополнять существо мужа и этого дополненія было вполне достаточно; она должна была составлять съ мужемъ одну плотъ. Возможна ли такая тѣсная любовь между супругами, когда нарушена эта первая основа брака — единство? Исторія тысячелѣтій и разсудокъ своими соображеніями убѣждаютъ насъ, что такой тѣсной любви и тѣснаго единенія между супругами быть не можетъ, если единство жены будетъ замѣнено множественностью женъ. Вотъ почему божественный совѣтъ рѣшилъ даровать Адаму одну помощницу, а не многихъ. Даже послѣ грѣхопаденія, этотъ законъ, въ высшей степени естественный и благоразумный, былъ долго признаваемъ и не нарушался. О Ламехѣ первомъ замѣчено въ Библии, что онъ имѣлъ въ одно время *двѣ* жены и первый испыталъ горькіе плоды этого нарушенія естественнаго закона о бракѣ²⁾, который всегда, по плану божественнаго міроуправленія, долженъ отличаться строгимъ *единоженствомъ*. Впрочемъ чувственность взяла перевѣсъ надъ требованіями природы, мужа и самого Бога и нарушила законъ Божій. Многоженство мало-по-малу начинаетъ проникать въ человѣческое общество. Не говоря уже о государствахъ Востока, отличительнымъ признакомъ которыхъ всегда было *многоженство*, даже въ Греціи, гдѣ первоначально была моногамія, мало-по-малу это единство брака было нарушено введеніемъ гетеръ и конкубинъ, которыя признавались даже закономъ; конкубинатъ скоро вошелъ во всеобщее употребленіе въ Греціи³⁾. Въ Римѣ

¹⁾ Быт. гл. 2, ст. 18.

²⁾ Кн. Быт. гл. 4, ст. 19—24.

³⁾ Demosth. adv. Neaem 1386, 19, ad. Arist. 637, 5. Lusias adv. Eratosth. 35, 36. Isaacus de Piprh. hered. 41. Supra hered. Philoctet. p. 147. См. Сократоваго, развиріе идеи брака. 62 стр.

конкубинатъ былъ общеизвѣстнымъ и распространеннымъ до крайнихъ предѣловъ, особенно предъ рождествомъ Христовымъ. Даже и въ среду избраннаго Самимъ Богомъ еврейскаго народа проникла эта зараза многоженства. Правда, нѣтъ нигдѣ во всемъ Ветхомъ Заветѣ закона, поставляющаго многоженство на степень брачнаго права; напротивъ есть требованія, которыя ясно показываютъ, что законодатель еврейскаго народа старался, насколько возможно, уменьшить этотъ вредный обычай¹⁾. Но Моисей не могъ окончательно уничтожить этой всеобщей заразы; потому тѣ же самыя мѣста его законоположенія, которыя свидѣлствуютъ о стараніи его уменьшить многоженство и воспрепятствовать ему, и нѣкоторыя другія мѣста Писанія показываютъ, что законодатель долженъ былъ терпѣть многоженство и терпѣль²⁾. Многоженство было распространено въ народѣ іудейскомъ и Библія представляетъ намъ не одинъ примѣръ многоженства въ исторіи еврейскаго народа³⁾. Христіанство, имѣя цѣлю преобразовать міръ, не могло оставить этого грубаго недостатка въ человѣчествѣ (многоженства), недостатка, вліяющаго на весь общественный строй человѣческой жизни. Иисусъ Христосъ возстановилъ первоначальное *единство* брака, которое существовало въ раю⁴⁾. Апостолы остались вѣрными этому ученію Христа и требовали, чтобы брачный союзъ по своей чистотѣ походилъ на отношеніе Иисуса Христа къ Церкви, которая *едина*⁵⁾. Съ тѣхъ поръ Церковь всегда оберегала самое строгое единство брака, считая многобрачіе преступленіемъ даже болѣе тяжкимъ, чѣмъ блудъ, и подвергая виновныхъ строгой епитиміи. Василій Великій говоритъ: *„о многобрачїи отцы умолчали, какъ о дѣлѣ скотскомъ и совершенно чуждомъ человѣческому роду. Намъ же сей грѣхъ представляется тяжчайшимъ блуда. Посему благоразумно будетъ подвергати тако-*

¹⁾ Кн. Лев. гл. 22, ст. 24; гл. 14, ст. 18; Исх. гл. 21, ст. 8 и слѣд. Второзак. гл. 17, ст. 17.

²⁾ Быт. гл. 30, ст. 13; Втор. гл. 21, ст. 17; Исх. гл. 21, ст. 9 и слѣд. Левит. гл. 18, ст. 18; Суд. гл. 2, ст. 37; Пс. гл. 4, ст. 1.

³⁾ Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Давидъ, Соломонъ, Гедонъ и многіе другіе мужи, извѣстные въ исторіи Царства Израильскаго и Іудейскаго, имѣли не по одной женѣ.

⁴⁾ Матѳ. гл. 19, ст. 3—15.

⁵⁾ Ефес. гл. 5, ст. 25—32.

*выхъ спитими по правиламъ*¹⁾). Такъ строгоь былъ всегда взглядъ Церкви на полигамію. Это постановленіе Церкви признавалось всегда и гражданскими законами. По нашему русскому законодательству также признается только бракъ моногамическій²⁾). И съ этой стороны христіанскій бракъ рѣзко отличается отъ браковъ, бывшихъ во времена до-христіанскія; ученіе христіанства о строгомъ единоженствѣ составляетъ характеристическую особенность христіанскаго брака. Язычники и даже евреи, какъ мы замѣтили выше, не знали такого строгого единоженства, не смотря на то, что оно есть самое естественное требованіе природы и разума.

в) Опреѣленный возрастъ брачующихся.

Мы излагали доселѣ условія законности христіанскаго брака, которыя можно назвать нравственно-религіозными. Но бракъ есть въ то же время обязательство, данное лицами разныхъ половъ, съ цѣлю размноженія рода человѣческаго; потому въ немъ не должна быть забываема и физическая сторона. Христіанство дѣйствительно не оставило безъ вниманія и этой стороны. Только здѣсь она получаетъ совершенно другой отгѣнокъ. Бракъ христіанскій, по своему высокому положенію, не могъ не придать нравственнаго значенія этимъ, до тѣхъ поръ чисто фізіологическимъ требованіямъ. Физическая сторона брака въ христіанствѣ направлена къ гораздо высшимъ цѣлямъ, нежели одно простое сожительство и рожденіе дѣтей. Поэтому и условія эти были направлены къ другой цѣли.

Первымъ условіемъ физическаго свойства и характера есть конечно извѣстный опредѣленный возрастъ, раньше котораго нельзя вступать въ бракъ. Это самое естественное и простое требованіе; разные законодательства древнихъ временъ всегда поставляли совершеннолѣтіе условіемъ законности брака. Совершеннолѣтіе зависитъ отъ климата и вообще отъ физическаго положенія страны; въ разныхъ странахъ періодъ совершеннолѣтія начинается различно, въ однихъ раньше, въ другихъ позже; законодательства разныхъ странъ опредѣляютъ его со-

¹⁾ Василія Вел. 80 пр. То же ученіе мы встрѣчаемъ и у другихъ Отцевъ и Учителей Церкви, напр. у Ерма, Pastor, lib. 11; у Златоуста, De non eterand. conjug., n. 1, 2. in Fit. hom. 11. n. 1; у Епифанія, haeres. XLVIII, n. 9.

²⁾ Св. Зак. X т. 2 ст.

вершенно различно. Въ виду этого Иисусъ Христосъ, основавши вселенскую религію, которая должна была распространиться по всему земному шару, не опредѣлить совершеннолѣтія, потому что въ противномъ случаѣ этотъ законъ о совершеннолѣтіи былъ бы непримѣнимъ къ разнымъ странамъ. Церковные каноны также не опредѣляютъ совершеннолѣтія, что было сдѣлано гражданскими законами. Греческіе императоры поставили срокомъ совершеннолѣтія 14-лѣтній возрастъ для мужескаго пола и 12-лѣтній—для женскаго¹⁾. На Руси, куда перешли греческіе законы, сначала также опредѣлялось совершеннолѣтіе этими годами. Но въ послѣдствіи времени это было признано непримѣнимымъ къ нашей холодной странѣ, гдѣ въ эти годы личности бываютъ еще дѣтьми. Потому въ 1830 году было постановлено вѣнчать лицъ мужескаго пола не моложе 18 лѣтъ, а женскаго—не моложе 16 лѣтъ. Это постановленіе и составляетъ нынѣ дѣйствующій законъ для опредѣленія совершеннолѣтія вступающихъ въ бракъ²⁾.

Требованіе совершеннолѣтія въ христіанскомъ бракѣ еще болѣе необходимо, нежели въ языческомъ. Бракъ въ христіанствѣ поставленъ на высокую степень, — онъ есть таинство, отобразить таинственнаго единенія Христа съ Церковью. Чтобы рѣшиться на такой высокій союзъ, нужно зрѣло и долго обдумать и взвѣсить все. А можетъ ли это сдѣлать молодой незрѣлый умъ? Христіанскій бракъ есть союзъ нерасторжимый, союзъ на всю жизнь. Потому прежде, чѣмъ вступить въ такой союзъ, нужно хорошо обдумать, кого избираешь себѣ въ спутницы жизни, чтобы въ послѣдствіи супружеская жизнь не представляла сценъ постояннаго раздора и вражды, которыя были бы неизбежны при преждевременномъ и необдуманномъ вступленіи въ супружество. Въслѣдствіе этого по нашимъ законамъ сочетавшіеся бракомъ раньше совершеннолѣтія разводятся немедленно, какъ только дойдеть до свѣдѣнія начальства извѣстіе объ этомъ, и они не принуждаются къ сожителству, по достиженіи совершеннолѣтія; однако если пожелаютъ этого сами, то бракъ ихъ благословляется Церковью по особому чиноположенію.³⁾

¹⁾ Кормчая, 48 гл. Зак. град. пр. 4, гл. 2. 4: гл. 49, зач. 2, ч. 1.

²⁾ Свод. Зак. X т. 3 ст.

³⁾ Свод. Зак. X т. 37 и 39 ст.

Но если бракъ запрещается раньше совершеннолѣтія, то онъ запрещается также и по достиженіи старческаго возраста. На этотъ случай нѣтъ точнаго опредѣленія въ церковныхъ канонахъ; только вдовамъ, достигшимъ 60 - лѣтняго возраста, запрещалось вступать въ бракъ¹⁾. Это запрещеніе вступать въ бракъ въ престарѣломъ возрастѣ есть требованіе законовъ природы, потому что человѣкъ въ старости бываетъ не способенъ къ супружескому сожитію и къ дѣторожденію. Въ старческомъ возрастѣ человѣку нужнѣ всего обращаться къ Богу и вести строго нравственную жизнь, въ эти годы бракъ будетъ уже не нравственнымъ учрежденіемъ, а скорѣе страстнымъ пожеланіемъ, удовлетвореніемъ своей чувственности. Такимъ образомъ одна изъ цѣлей брака не достигается, да и самое основаніе его подрывается подобными браками. Потому наши русскіе законы запрещаютъ браки лицъ старше 80 лѣтъ²⁾. Кромѣ того нашими церковными постановленіями еще не одобряются браки между лицами, которыя различны между собой по числу лѣтъ³⁾. Это также вытекаетъ изъ самыхъ естественныхъ требованій природы. Бракъ христіанскій есть союзъ неразрывный во всю жизнь. Потому, если молодой человѣкъ сочтается бракомъ со слишкомъ старымъ, то чрезъ нѣсколько лѣтъ у одного изъ супруговъ возможность къ супружескому сожитію прекращается, между тѣмъ какъ другой еще будетъ въ полной силѣ и свѣжести лѣтъ. Очень можетъ быть, что такое неравенство въ лѣтахъ можетъ повлечь за собой разныя непріятныя столкновенія между супругами и даже нарушеніе супружеской вѣрности. Поэтому наша русская Церковь, основываясь на идеѣ христіанскаго брака, неблагоклонно относится къ подобнымъ супружествамъ.

г) Обладаніе здравымъ умомъ и полнымъ здоровьемъ.

Христіанская Церковь запрещаетъ еще сумасшедшимъ вступать въ браки, потому что подобный супругъ не можетъ выполнить ни одной изъ цѣлей брака. Какая обоюдная нравственная поддержка супруговъ, какое христіанское воспитаніе можетъ

¹⁾ Василія Великаго 80 прав.

²⁾ Свод. Зак. X т. 4 пр.

³⁾ Инструкція благочиннымъ, ст. 23.

быть при сумасшествіи одного изъ супруговъ? Потому въ христіанствѣ всегда считались подобныя браки невозможными. Правда постановленій церковныхъ объ этомъ предметѣ нѣтъ. Вѣроятно Отцы умолчали объ этомъ предметѣ, потому что подобныя браки, какъ противорѣчащіе естественнымъ законамъ, не могутъ быть терпимы. Только древніе греческіе гражданскіе законы запрещали браки съ сумасшедшими; и наши отечественныя законы, согласно съ ними, также воспрещаютъ подобныя браки и повелѣваютъ расторгать, если они заключены¹⁾. Впрочемъ если сумасшествіе случилось послѣ брака, то бракъ по византійскимъ законамъ не расторгался²⁾. Это было бы противно высокому идеалу христіанскаго брака, гдѣ любовь между супругами должна продолжаться до конца жизни; было бы въ высшей степени несправедливо и несогласно съ духомъ христіанской супружеской любви оставлять супруга и притомъ въ такое бѣдственное для него время, когда болѣе всего нужна ему поддержка посторонняго лица. Впрочемъ если сумасшествіе такого рода, что угрожаетъ опасностью другому супругу, то конечно бракъ долженъ быть расторгнутъ по требованію здраваго разума; того же требуютъ и наши отечественныя законы³⁾.

Кромѣ этихъ изложенныхъ условій законности брака со стороны физической признается еще условіемъ способность къ брачному сожителству. Это есть естественное требованіе самой природы брака и подразумѣвается при самомъ заключеніи брака. Потому можетъ быть и нѣтъ объ этомъ прямыхъ постановленій въ канонахъ православной Церкви. Лишь гражданскіе византійскіе⁴⁾ и наши русскіе законы опредѣляютъ условіемъ законности брака эту способность и запрещаютъ браки при неспособности одного изъ вступающихъ въ бракъ⁵⁾. Впрочемъ наша русская Церковь своими постановленіями, запретивъ подобныя браки, повелѣваетъ расторгать, если они заключены, въ томъ только случаѣ, когда эта неспособность произошла раньше брака, а не послѣ его по болѣзни⁶⁾.

¹⁾ Свод. Зак. X т. 5 ст. Уст. Д. Конспет. 218 ст.

²⁾ Кормчая, 49 гл. зач. 2 гл. 9.

³⁾ Свод. Зак. X т. 5 ст. Уст. Д. Конспет. 218 ст.

⁴⁾ Кормчая, гл. 46. зак. суд. г. 32; 48 г. зак. град. гр. 11. гл. 2; гл. 49, зач. 2. ст. 9.

⁵⁾ Свод. Зак. X т. 48, 49 ст.

⁶⁾ Уст. Дух. Конспет. 245. 246 ст.

Вотъ въ краткихъ чертахъ физическія условія законности и правильности брака. На нихъ мало останавливалось христіанство; почти ни объ одномъ изъ нихъ нѣтъ прямыхъ постановленій Церкви. Причина такого явленія заключается въ томъ, что эти условія вытекаютъ изъ самой сущности брака, какъ сожитія двухъ лицъ разнаго пола. Потому они понятны сами собой и признавались даже языческими законами, такъ что христіанству не было нужды останавливаться на нихъ; они уже существовали раньше. Христіанство по своему высоконравственному характеру остановилось болѣе на нравственныхъ условіяхъ для вступленія въ законный бракъ, потому что эти условія были искажены и даже совершенно оставлены язычниками.

д) Отсутствие родственныхъ отношеній между брачующимися.

Теперь намъ осталось еще рассмотреть одно условіе законности и правильности брака, именно отсутствіе родственныхъ отношеній. Это условіе можно назвать нравственно-физическимъ на томъ основаніи, что запрещеніе браковъ въ извѣстныхъ степеняхъ родства основывается на нравственномъ чувствѣ и чисто физическомъ вредѣ, происходящемъ отъ подобныхъ браковъ. Первая причина, по которой бракъ запрещенъ въ близкихъ степеняхъ родства, та, что человѣческая природа отвращается отъ супружескаго сожитія съ близкими родственниками. Близкіе родственники и безъ брака стоятъ въ извѣстныхъ нравственныхъ и общественныхъ отношеніяхъ, которыя связываютъ ихъ между собою самыми тѣсными узами, и неестественно было бы дозволить вступленіе въ бракъ, въ которомъ являются другія нравственныя отношенія, другія узы. Потому сама природа человѣка отвращается отъ подобныхъ браковъ и полагаетъ родство препятствіемъ ко вступленію въ супружество. Одно изъ существенныхъ отличій человѣка отъ животныхъ состоитъ между прочимъ въ томъ, что животныя не знаютъ родства, которое препятствовало бы сношенію между полами; для нихъ даже не существуетъ такого родства, какъ родство между отцемъ и дочерью, сыномъ и матерью. Но человѣкъ не можетъ смотрѣть на эти отношенія безъ отвращенія. У всѣхъ націй, образованныхъ и дикихъ, существуютъ названія родственниковъ; всѣ народы отвергають супружество въ болѣе или менѣе близ-

вихъ степеняхъ родства. Такая общая характеристическая особенность человеческого рода заставляетъ невольно согласиться, что отъ браковъ въ близкихъ степеняхъ родства отвращается сама природа, помимо различныхъ законодательствъ религіозныхъ и гражданскихъ. Вторая причина запрещенія брака въ близкихъ степеняхъ родства есть та, что въ бракѣ сближаются между собою два рода. Такимъ образомъ бракъ является звеномъ соединяющимъ чуждые роды. Поэтому, тѣмъ болѣе въ близкихъ степеняхъ родства будутъ существовать браки, тѣмъ менѣе будетъ этихъ соединяющихъ и примиряющихъ, разныя семейства звеньевъ. Если это замѣчается теперь, если это оказываетъ свое благотворное дѣйствіе и въ настоящее время, то тѣмъ болѣе въ древности, при постоянной борьбѣ родовъ между собою, бракъ является важнымъ примиряющимъ орудіемъ. Поэтому-то съ древнѣйшихъ временъ законодательства религіозныя и гражданскія стремились прекратить браки въ близкихъ степеняхъ родства, чтобы этимъ способствовать сближенію разныхъ родовъ между собою. Третья причина чисто физическая. Она заключается въ томъ, что браки въ близкихъ степеняхъ родства способствуютъ и ведутъ къ вырожденію, въ психическомъ и физическомъ отношеніи, потомства, происходящаго отъ этихъ браковъ. Въ настоящее время составляетъ несомнѣнный фактъ, что различныя фамиліи и роды вырождались и вымирали единственно отъ того, что стремились постоянно заключать браки съ самыми близкими родственниками. Такая судьба постигла напр. персидскую династію предъ вѣрменемъ Александра Македонскаго. Такимъ образомъ запрещеніе брака въ близкихъ степеняхъ родства въ высшей степени естественно и благотворно по своимъ послѣдствіямъ и тѣмъ дальше извѣстное законодательство простираетъ это запрещеніе, тѣмъ лучше и цѣлесообразнѣе оно поступаетъ, тѣмъ выше оно стоитъ. Конечно, какъ вездѣ такъ и здѣсь, нужно знать мѣру и не простираť запрещенія чрезвычайно далеко, чрезъ что только бесполезно увеличиваются препятствія для вступленія въ бракъ, а не приносятся никакой пользы.

Въ этомъ отношеніи христіанство представляетъ образецъ, совершеннѣе котораго не представляла ни одна религія древняго времени. Оно разширило понятіе о степеняхъ родства, препятствующихъ вступленію въ бракъ, но въ то же время и не зашло слишкомъ далеко въ этомъ отношеніи.

Родство измѣряется *степенями*. Степень родства измѣряется числомъ рожденій (напр. между отцемъ и сыномъ одно рожденіе, потому одна и степень); рядъ степеней, непрерывно связанныхъ между собою, называется *линіей*. Такая линія, въ которой родственники произошли одни отъ другихъ, называется *прямою линіей*, напр. дѣдъ, отецъ, сынъ, внукъ и т. д. Если же родственники произошли не одинъ отъ другаго, а только отъ одного общаго предка, то такая линія называется *боковой линіей*, напр. дядя, тетка, братья, сестры суть родственники по боковой линіи. Въ христіанствѣ всегда безусловно были запрещены браки въ восходящей и нисходящей прямой линіи, хотя и нѣтъ объ этомъ церковныхъ каноническихъ постановленій, потому что нельзя представить, чтобы кто-нибудь вступилъ въ бракъ въ близкой степени по прямой линіи, напр. мать съ сыномъ, дѣдъ съ внучкой; а дальше уже становится бракъ невозможенъ физически. Притомъ, запрещая браки въ дальнихъ степеняхъ родства по боковой линіи, Церковь подразумѣвала, что тѣмъ болѣе неправиленъ бракъ въ родствѣ по прямой линіи. По боковой же линіи церковные законы запрещаютъ вступать въ бракъ до четвертой степени включительно¹⁾. Но въ послѣдующіе вѣка пастыри Церкви нашли каноническое запрещеніе брака въ четырехъ степеняхъ слишкомъ малымъ и запретили бракъ до шестой и даже до седьмой степени²⁾. Наши отечественные законы запрещаютъ браки до четырехъ степеней включительно; въ пятой же и шестой степени запрещается лишь вѣнчать безъ особаго на то разрѣшенія архіерея³⁾; дальше этого родство не признается.

Это родство *кровное*. Но бываетъ еще родство *двухродное* или *свойство*, въ которое входятъ два рода чрезъ бракъ. Это двухродное родство или свойство бываетъ: во-1-хъ, между однимъ изъ супруговъ и родственниками другаго; во-2-хъ, между кровными родственниками одного супруга и кровными же родственниками другаго; въ-3-хъ, между однимъ изъ супруговъ и нисходящими родственниками другаго. Бракъ по ученію христіанства производитъ такое тѣсное общеніе между супругами, что они стано-

1) Василия Великаго 87 пр. VI Всел. Соб. 54 пр. Тимоѳея Александрійскаго 11 пр. ервав. Августинъ, De civitate Dei, XV, с. 16.

2) Коричая гл. 51.

3) Указъ 1858 г. Марта 28.

вятся одною плотью¹⁾. Потому браки родственниковъ по свойству всегда признавались незаконными въ тѣхъ же степеняхъ, какъ и родственниковъ по крови. Сначала браки запрещались въ свойствѣ, какъ и въ кровномъ родствѣ, каноническими правилами до четвертой степени включительно²⁾. Но въ X и XI вѣкахъ на помѣстныхъ константинопольскихъ соборахъ это запрещеніе было распространено до шестой и даже до седьмой степени³⁾. Наши законы, согласно съ каноническими постановленіями, запрещаютъ браки между родственниками по свойству до четвертой степени включительно⁴⁾.

Иногда посредствомъ брака входятъ въ родство не два, а три рода; тогда образуется родство *трехродное*. Здѣсь нѣтъ каноническихъ постановленій древней Церкви, опредѣляющихъ степени, въ которыхъ запрещается бракъ; но греческіе пастыри и византійскіе законы запрещали бракъ въ четырехъ степеняхъ. Однако абсолютно запрещались подобныя браки только въ первой степени, въ остальныхъ же иногда позволялись⁵⁾. На этомъ основаніи и наши русскіе законы безусловно запрещаютъ браки въ трехродномъ родствѣ только въ первой степени⁶⁾. Браки, повѣнчанные въ недозволенныхъ степеняхъ родства, расторгались по каноническимъ правиламъ и греческимъ законамъ⁷⁾, расторгаются и по нашимъ, и виновные подвергаются епитиміи; но по исполненіи епитиміи имъ дозволяется вступать въ новое супружество.⁸⁾

Можно легко замѣтить, что христіанство положило болѣе

1) Матѳ. гл. 19, ст. 6.

2) Апост. прав. 18; Неокесар. Соб. 2 пр.; Василия Великаго 87 пр.; VI Всел. Соб. 54 прав.

3) Кормчая гл. 51.

4) Свод. Зак. X т. 196—204 ст.

5) Кормчая, 48 гл. Зак. град. гр. 7 гл. 13. 14. гл. 50. Трехродное родство считается: во-1-хъ, между однимъ изъ супруговъ и супругами родственниковъ другаго; во-2-хъ, между кровными родственниками одного изъ супруговъ и родственниками другаго супруга по его первому браку. Так. обр. къ родственникамъ первой степени трехроднаго родства относятся: отчимъ и жена пасынка, мачиха и мужъ наядерицы. Между этими родственниками бракъ запрещенъ безусловно.

6) Указъ 1841 года 25 Апрѣля.

7) VI Всел. Соб. 54 пр. Кормчая, 48 гл.—Зак. град. гр. 39, гл. 73; 49 гл. Зач. 2. гл. 2.

8) Уст. Д. Консист. 219 ст.

строгія постановленія, пежели какія существовали объ этомъ предметѣ въ язычествѣ и даже у евреевъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно бросить взглядъ на постановленія римлянъ и евреевъ объ этомъ предметѣ. По римскимъ законамъ безусловно запрещались браки только по прямой линіи кровнаго и двухроднаго родства, но относительно боковыхъ линій кровнаго родства законъ ограничился только тремя степенями; двухродное же родство по боковымъ линіямъ препятствіемъ къ браку не признавалось¹⁾. Такимъ образомъ Церковь дальше простерла запрещеніе брака въ родствѣ кровномъ по боковымъ линіямъ; а родство двухродное по боковымъ линіямъ она поставила препятствіемъ браку вновь; вообще христіанская Церковь дальше простерла запрещеніе брака въ родствѣ. Что же касается еврейскаго законодательства, то и оно должно уступить первое мѣсто христіанству относительно строгости запрещенія браковъ въ родствѣ. По закону еврейскому, согласно съ христіанскимъ, запрещается бракъ по прямой линіи кровнаго и двухроднаго родства, но по боковымъ линіямъ запрещается только до третьей степени включительно; да и здѣсь допускалось исключеніе, именпо, дозволялось жениться на сестрѣ жены послѣ ея смерти, и на женѣ дяди по матери, или по крайней мѣрѣ о послѣднемъ случаѣ законъ Моисеевъ ничего не говоритъ²⁾. Кромѣ того не только позволялось жениться на женѣ своего умершаго бездѣтнымъ брата, но даже подобный бракъ считался обязательнымъ. Христіанство же запрещаетъ браки гораздо дальше, именпо до четвертой степени родства. Мало того, даже въ пятой и шестой степени браки не совсѣмъ одобряются, потому что подобные браки могутъ быть заключасмы лишь съ позволенія архіерея.

Кромѣ этихъ видовъ родства по крови и по свойству, въ Церкви съ первыхъ временъ было признаваемо еще родство *духовное*, именпо то, которое образуется посредствомъ воспри-

¹⁾ Кормчая, 48 гл. Зак. град. гр. 7. гл. 2.

²⁾ Левит. гл. 18 и 20. Втор. гл. 22, ст. 39; гл. 27, ст. 20—23. Запрещались: бракъ брата, хотя и пероднаго, съ сестрою, бракъ съ сестрою отца или матери, бракъ мачихи съ пасынкомъ, отчима съ подчерицею или внукою жены отъ перваго брака, бракъ зятя съ тещею, бракъ съ женою сина, бракъ съ женою брата, оставившаго послѣ своей смерти дѣтей, бракъ съ женою дяди по отцу, бракъ съ дочерью послѣ матери или наоборотъ и наконецъ бракъ съ двумя сестрами въ одно время.

нтія крещаемого отъ купели. Это обуславливалось тѣмъ взглядомъ, какой имѣла Церковь на таинство крещенія. Церковь учила, что воспріемникъ принимаетъ на себя обязанности родителей относительно воспитанія и заступаетъ ихъ мѣсто. Потому между воспріемникомъ и воспринятымъ образуется такая же родственная связь, какая существуетъ между родителями и дѣтьми. На этомъ взглядѣ и основывается ученіе Церкви, что воспріемниковъ и воспринятыхъ нужно считать родственниками въ первой степени родства. Отсюда перешло понятіе о родственныхъ отношеніяхъ и на другихъ родственниковъ по крови. Впрочемъ церковные каноны запрещаютъ бракъ только во второй степени духовнаго родства, т. е. между воспріемниками и воспринятыми и родителями воспринятыхъ¹⁾. Законы же гражданскіе простирали это запрещеніе до четвертой степени, впрочемъ только по прямой нисходящей линіи, по боковой же линіи родство не признавалось²⁾. Въ нашей Церкви, согласно съ 53 правиломъ Собора Трульскаго, постановлено воспрещать браки только между воспріемниками, воспринятыми и родителями воспринятыхъ, а такъ какъ считается необходимымъ только одинъ воспріемникъ, для лицъ мужескаго пола — мужчина, для лицъ женскаго пола — женщина, то родство считается дѣйствительнымъ только съ этимъ необходимымъ воспріемникомъ³⁾.

е) Общій взглядъ на христіанское законодательство о бракѣ.

Изъ сдѣланнаго нами очерка законоположеній Православной Церкви о степеняхъ родства, препятствующихъ вступленію въ бракъ, и краткаго сравненія ихъ съ законами римскими и еврейскими объ этомъ предметѣ не трудно сдѣлать выводъ въ пользу христіанства. Мы замѣтили выше, что для правственныхъ, физическихъ и соціальныхъ отношеній людей гораздо полезнѣе и лучше, если браки будутъ запрещены въ даль-

¹⁾ VI Всел. Соб. 53 пр. Мѣстныя постановленія Церкви греческой простираютъ это запрещеніе даже до седьмой степени (Кормчая гл. 50), но эти постановленія на практикѣ не были соблюдаемы даже въ греческой Церкви.

²⁾ Кормчая, 48 гл. Зак. гражд. гр. 7 гл. 28; 50 гл.

³⁾ Уст. Д. Консист. 220 ст.

нѣйшихъ степеняхъ родства, лишь бы только это запрещеніе не простиралось слишкомъ далеко. Это мы и замѣчаемъ въ Православной Церкви. Здѣсь запрещены браки именпо въ тѣхъ степеняхъ, въ какихъ запрещаетъ сама природа. У всякаго народа есть названія для тѣхъ или другихъ степеней родства, но дальше извѣстныхъ степеней нѣтъ особыхъ названій. Этимъ какъ бы полагается предѣлъ для степеней родства, въ которомъ долженъ быть запрещенъ бракъ. Эти-то предѣлы мы и находимъ въ христіанствѣ. Стоитъ только посмотреть на распредѣленіе степеней родства, пренятствующимъ браку, и мы увидимъ, что дальше этихъ степеней не существуетъ особыхъ названій для родственниковъ у всѣхъ, даже болѣе или менѣе образованныхъ, народовъ. Здѣсь христіанство остановилось какъ-бы на рубежѣ, оказывая спасительное дѣйствіе на жизнь общественную и удовлетворяя нравственному чувству человѣка. Между тѣмъ римскіе и даже еврейскіе законы не всегда удовлетворяли этимъ требованіямъ. О другихъ народахъ не стоитъ и упоминать. Тамъ позволялись очень часто такіе кровосмѣсительные браки, которыхъ бы ужаснулись христіане настоящихъ временъ.

ж) Замѣчанія о вторичныхъ бракахъ.

Изложивши условія правильности и законности брака, мы должны сказать нѣсколько словъ о бракахъ *вторичныхъ*. Бракъ въ христіанствѣ есть образъ единенія Христа съ Церковью. По ученію Апостола, любовь, которая существуетъ между мужемъ и женой, есть образъ вѣчной любви Христа къ Своей Церкви, и какъ любовь Христа не прекратится вѣкъ, такъ и брачная любовь между мужемъ и женой не должна прекращаться во всю жизнь. Бракъ по уч. I. Христа есть союзъ двухъ безсмертныхъ душъ и, какъ такой, долженъ продолжаться вѣчно; даже смерть не прерываетъ этой вѣчной любви душъ. Таковъ долженъ быть бракъ христіанскій по своему идеалу. Но христіанство явилось въ міръ исполненный грѣховъ, въ міръ слабыхъ, немощныхъ, смертныхъ людей, которыхъ оно должно было возродить и нравственно исправить. Въ виду этой немощи людей одною изъ цѣлей брака христіанство поставило сохраненіе человѣка отъ грѣховной похоти. Вслѣдствіе той-же нравственной слабости людей Христосъ и Апостолы не запретили второго брака, замѣтивши однако, что лучше было-бы,

если-бы вдовцы и вдовицы оставались впѣ новыхъ супружествъ¹⁾. Поэтому и отцы и учителя Церкви всегда смотрѣли на второй бракъ, какъ на состояніе несравненно худшее вдовства, называли его даже благовиднымъ прелюбодѣянiемъ²⁾. Однако они считали его дозволеннымъ и законнымъ, но старались отвлечь вдовыхъ отъ новаго супружества, изображая тѣ трудности, которыя имъ представляетъ воспитаніе дѣтей, разныхъ по матери или по отцу; намѣревающимся сочетаться бракомъ со вдовцемъ или вдовицей они внушали опасеніе, что вдовый супругъ сохранитъ расположеніе къ своей умершей половинѣ и потому не будетъ такъ любить всецѣло, какъ въ первомъ бракѣ. Впрочемъ, представивши такія трудности и невыгоды втораго брака, отцы оставляли на волю вдовымъ вступать или не вступать во второй бракъ и никогда не запрещали его окончательно³⁾. Тѣмъ же духомъ отличаются и каноническія постановленія Православной Церкви. Они считаютъ второй бракъ дозволеннымъ, но въ то-же время смотрятъ на него, какъ на слабость человѣческой природы, какъ бы неохотно позволяютъ его и полагаютъ епитимію на тѣхъ, кто вступилъ во второй бракъ⁴⁾; а вдовицамъ достигшимъ шестидесятилѣтняго возраста правило совершенно запрещаетъ вступленіе въ новое супружество⁵⁾. Но дозволivши второй бракъ, Церковь всегда считала его снисхожденіемъ къ слабости человѣческой и на лицъ, вступившихъ во второй бракъ, смотрѣла какъ на людей слабыхъ въ нравственномъ отношеніи. Потому она запретила принимать въ клиръ двоеженцевъ⁶⁾, какъ не представляющихъ того образца нравственности, какой требуется отъ нихъ, потому что они сами слабы въ нравственномъ отношеніи. Соборы даже запретили пресвитеру присутствовать на брачномъ пиршествѣ двоеженцевъ, чтобы не показать тѣмъ своего одобренія этому браку.

¹⁾ Матѳ. гл. 19, ст. 11—13; 1 Коринѳ. гл. 7, ст. 8.

²⁾ Аѳинагоръ, Leg. с. 33, р. 311. Іустинъ муч., Apolog. с. 15. р. 52.

³⁾ Златоустъ, Hom. de viduis, t. III. р. 315; Августинъ, De bono viduitatis, с. 4, t. VI, р. 273. Амвросій, De viduis, с. 2; § 10, с. 11, § 68, с. 15. § 88. т. 11. р. 188. 203. 210. Іеронимъ, Ep. 54, t. 1. р. 291.

⁴⁾ Лаодикійскаго Соб. 1 пр. Василія Великаго 4. 50 53 пр.

⁵⁾ Василія Великаго 24 пр.

⁶⁾ Апост. правила 17. 26; VI всел. Соб. 3 пр. Василія Великаго 12 прав.

дозволенному лишь по слабости человѣческой¹⁾. Церковь старалась воспрепятствовать этимъ супружествамъ нѣкоторыми репрессивными мѣрами; такъ она повелѣваетъ лишать церковнаго вспомошествованія ту вдову, которая выходитъ за-мужъ²⁾. Составленъ даже особый чинъ вѣнчанія второбрачныхъ, гдѣ испрашивается у Бога помилованіе слабости человѣческой³⁾. Гражданскіе византійскіе законы были солидарны съ этими постановленіями Церкви. Они съ одной стороны позволяли второй бракъ, съ другой старались ограничить его и положить ему нѣкоторыя преграды; такъ вдова не могла вступить во второй бракъ раньше 10 мѣсяцевъ послѣ смерти мужа; притомъ она лишалась въ этомъ случаѣ имущества, полученнаго отъ перваго мужа⁴⁾. Столь неблагоклонно относились Церковь и государство ко вторымъ бракамъ!

Что же касается *третьяго* брака, то взглядъ на него церкви еще строже. Если отцы Церкви терпѣли второй бракъ въ угоду слабости человѣческой, то на третій всегда смотрѣли какъ на нѣчто въ высшей степени чувственное, что никакъ не можетъ быть согласно съ высоконравственнымъ характеромъ христіанскаго брака. Въ каноническихъ правилахъ этотъ бракъ прямо называется „нечистотою“, „многоженствомъ“, „наказаннымъ блудомъ“⁵⁾. Впрочемъ Церковь, хотя и смотрѣла на эти браки, какъ на нечистоту, но не расторгала ихъ, а только налагала строжайшую епитимію на вступившихъ въ такой бракъ⁶⁾.

Число браковъ въ Церкви ограничивалось только *тремя*; четвертый бракъ всегда считался въ Церкви непозволennымъ. Василій Великій называетъ его *чуждымъ роду человѣческому и тяжчайшимъ блудомъ*⁶⁾. Византійскіе законы имѣли такой же взглядъ на него; они рѣшительно запрещали подобныя браки, подвергали виновныхъ наказаніямъ, а дѣтей, произшедшихъ отъ этихъ браковъ, считали незаконнорожденными⁷⁾. Съ этими

1) Неокесарійскаго Соб. 7 пр.

2) Василія Великаго 24 пр.

3) См. Требникъ.

4) Коричная, 48 гл. Зак. град. гр. 6 гл. 1—5; 49 г. Зач. 2 гл. 7.

5) Василія Великаго 4. 50. пр.

6) Василія Великаго 80 пр.

7) Коричная, 48 гл. Зак. град. гр. 4, гл. 25.

постановленіями Церкви согласны и наши отечественные законы. По нынѣ дѣйствующимъ законамъ Россійской имперіи дозволяется только второй и третій бракъ, четвертый же рѣшительно запрещенъ¹⁾.

Ограниченіе числа браковъ только тремя еще болѣе возвышаетъ брачное законодательство христіанства предъ брачнымъ законодательствомъ предшествующихъ временъ. Законы Греціи и Рима, даже законы еврейскіе не дѣлали здѣсь никакихъ ограниченій. Каждый гражданинъ могъ брать сколько угодно женъ постепенно одну за другой. Христіанство первое положило эти преграды для браковъ. Въ этомъ оно осталось вѣрно своему принципу, по которому любовь супруговъ, на подобіе любви Христа къ Церкви, должна быть вѣчна, а не прекращаться со смертью одного изъ нихъ. Что можетъ поручиться за то, что супругъ во второмъ бракѣ будетъ имѣть къ новому супругу ту-же любовь, какую имѣлъ къ прежнему? Если онъ будетъ вспоминать своего прежняго супруга, то конечно между супругами не можетъ быть полной любви и всецѣлой преданности другъ другу, идеалъ христіанскаго брака будетъ нарушенъ. А этого и должно ожидать, если смотрѣть на дѣло съ христіанской точки зрѣнія. По идеѣ христіанства любовь между супругами такъ тѣсна, что они составляютъ одну плоть. Какимъ же образомъ эта любовь можетъ уничтожиться настолько, чтобы овдовѣвшій супругъ могъ возымѣть новую такъ же сильную любовь къ другому лицу? Руководствуясь этими взглядами, Церковь старалась уменьшить число вторичныхъ и третичныхъ браковъ и смотрѣла на нихъ всегда, какъ на дѣйствія, требующія церковнаго наказанія.

з) Препятствія ко вступленію въ бракъ.

Въ соотвѣтствіи съ тѣми условіями, при которыхъ бракъ бываетъ правиленъ и законенъ, и въ томъ же духѣ христіанство поставляетъ и препятствія къ заключенію брака. Первое изъ этихъ препятствій есть безъ сомнѣнія *объятъ двѣстою*, произносимый предъ Церковью. Мы уже раньше видѣли, какимъ высокимъ значеніемъ стало пользоваться дѣвство въ христіанствѣ, — значеніемъ неизвѣстнымъ въ язычествѣ. Многіе Отцы Церкви описываютъ яркими красками это священное со-

¹⁾ Св. зак. X т. 21. 22 ст.

стояніе. Побуждаемые примѣромъ Іисуса Христа, Богоматери, Апостоловъ и высокими образцами дѣвственниковъ первыхъ вѣковъ, многіе христіане, еще въ первые вѣка христіанства, посвящали всю жизнь на служеніе единому Богу, оставляя все мірское и отказываясь отъ брачной жизни. Это было реакціей противъ той распущенности нравовъ и развращенности, которая характеризуетъ языческое общество предъ пришествіемъ Спасителя. Сначала это посвященіе себя Богу было тайнымъ дѣломъ души, обѣтомъ предъ своей совѣстью. Но вскорѣ изъ стремленія къ большому нравственному совершенству стали образовываться обители для сохраненія отъ соблазна чувственности. Сюда поступали только тѣ, которые между прочимъ давали обѣтъ дѣвства. Такъ какъ это было учрежденіе общее, то обѣтъ уже не могъ ограничиваться одною внутреннею рѣшимостью, но нужна была клятва публичная предъ лицомъ Церкви. Всѣ поступавшіе клялись соблюдать дѣвство до конца жизни. Какъ произнесшіе этотъ обѣтъ публично предъ лицомъ Церкви и взявшіе на себя обязанность, которую должны были исполнять, они уже не могли самопроизвольно отступить отъ своего обѣта. Этимъ они произвели-бы соблазнъ, и такъ какъ обѣтъ былъ публичный, то подорвали бы довѣріе къ нравственнымъ силамъ членовъ Церкви. Церковь съ раннихъ поръ старалась уничтожить эти супружества и налагала тягчайшія епитиміи на преступившихъ ея требованія въ этомъ случаѣ¹⁾. Браки же таковыхъ лицъ, если были заключены, расторгались²⁾ для того, какъ замѣчаетъ Василій Великій, чтобы не дать нареканія еретикамъ³⁾. Гражданскіе греческіе законы были вполне согласны съ церковными постановленіями. Если кто-нибудь изъ монашествующихъ дерзалъ вступить въ бракъ, то бракъ расторгался и монахъ снова отсылался въ монастырь, гдѣ подвергался строжайшему присмотру и заключенію⁴⁾. Наши отечественные законы тоже запрещаютъ бракъ монашествующимъ⁵⁾. Но такъ какъ правила ничего не говорятъ о бракѣ монаховъ

¹⁾ IV Всел. Соб. 16 пр.; VII Всел. Соб. 44 пр. Анкир. Соб. 19 пр. Василія Великаго 6. 19. 60 пр.

²⁾ Василія Великаго 6 пр.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Кормч., 48 гл.—Зак. град.

⁵⁾ Свод. Зак. X т. 2 ст.

по снятіи сана, то и наши законы дозволяютъ браки въ этихъ случаяхъ¹⁾.

Вторымъ препятствіемъ къ браку въ Церкви христіанской служитъ *священныи санъ*. По ученію отцевъ Церкви дѣвство стояло выше брака въ нравственномъ отношеніи, какъ всецѣлая преданность себя на служеніе Богу и полное отреченіе отъ чувственныхъ вождѣленій. Потому отъ клирика, который долженъ быть образцемъ нравственности для пасомыхъ, они требовали, чтобы онъ не отступалъ въ бракъ по принятіи священнаго сана²⁾. Впрочемъ до принятія сана всякій могъ жениться, и супружеская жизнь не считалась препятствіемъ для полученія сана священнослужителя³⁾; даже налагалась епитимія на тѣхъ, которые гнушались женатыхъ священнослужителей⁴⁾, потому что запрещеніе брака въ санѣ священнослужителя происходило не изъ отвращенія къ браку, а просто изъ того взгляда, что священнослужитель, всецѣло посвятившій себя на служеніе Богу, не долженъ болѣе увлекаться мірскимъ. Потому низшимъ клирикамъ позволено было вступать въ бракъ даже послѣ поступленія въ клиръ⁵⁾. Наши російскіе законы вполне согласны съ этими постановленіями Церкви⁶⁾. Древнія правила Церкви ничего не говорятъ о бракѣ по снятіи сана священнослужителя; потому русскіе законы дозволяютъ подобные браки⁷⁾. Во всѣхъ постановленіяхъ Церкви о запрещеніи брака священнослужителямъ проглядываетъ тотъ же духъ высокой нравственной чистоты христіанства.

Третьимъ препятствіемъ къ браку служитъ *различіе религій*. Бракъ въ христіанствѣ есть таинство, имѣющее цѣлью воспитаніе дѣтей въ христіанской Церкви, увеличеніе числа ея членовъ и взаимную нравственно-религіозную поддержку супруговъ. Въ виду этихъ цѣлей брака Церковь находила невозможнымъ вполне христіанскій бракъ между лицами различныхъ религій. Православная Церковь издревле запрещала своими

¹⁾ Свод. Зак. о состоян. 243. 266 ст.

²⁾ Апостол. Прав. 26. VI Всел. Соб. 6 пр. Неокес. Соб. 1 пр.

³⁾ VI Всел. Соб. 6 пр.

⁴⁾ Галлр. Соб. 4 пр. Апост. пр. 5. 51.

⁵⁾ Апост. пр. 26.

⁶⁾ Свод. Зак. X т. 2 ст.

⁷⁾ Свод. Зак. о состоян. 243. 266 ст.

правилами браки христіанъ съ язычниками, іудеями и еретиками: „Не достойтъ мужу православному съ женою еретическою бракомъ совокуплятися, ни православною женѣ съ мужемъ еретикомъ сочѣтаватися“, говорятъ отцы Трульскаго собора. „Аще же усмотрѣно будетъ нѣчто таковое, сдѣланное кѣмъ либо: бракъ почитати не твердымъ и незаконное сожитіе расторгати. Ибо не подобаетъ смѣшивати несмѣшиваемое, ниже совокупляти съ овцею волка и съ частію Христовою жребій грѣшниковъ“¹⁾. Это было постояннымъ законоположеніемъ Церкви и вытекало изъ понятія о бракѣ, какъ таинствѣ, потому что какъ Церковь можетъ испрашивать у Бога благословеніе на бракъ съ невѣрнымъ супругомъ? Съ другой стороны, между супругами разныхъ религій не могло быть истинной любви и добраго согласія, потому что религія препятствовала бы имъ тѣсно сблизиться между собой. Кромѣ того она была бы препятствіемъ къ религіозному воспитанію дѣтей. Такъ думали объ этомъ отцы и учителя Церкви, которые съ самыхъ первыхъ временъ постоянно всѣми мѣрами старались запретить и уничтожить эти браки²⁾. Даже еврейскій законъ сознавалъ эти невыгоды брачнаго союза между личностями разныхъ религій и запрещалъ его, или по крайней мѣрѣ бракъ съ тѣми язычниками, которые отличались особеннымъ упорствомъ въ идолопоклонствѣ³⁾. Однако Церковь не расторгла тѣхъ смѣшанныхъ браковъ, которые были заключены еще до обращенія одного изъ супруговъ въ христіанство. Еще Апостолъ Павелъ запретилъ расторгать подобныя браки. Онъ говоритъ: *„если какой братъ имѣетъ жену невѣрующую, и она согласна жить съ нимъ, то онъ не долженъ оставлять ее: и жена, которая имѣетъ мужа невѣрующаго, и онъ согласенъ жить съ нею, не должна оставлять его. Ибо невѣрующій мужъ освящается женою вѣрующею, и жена невѣрующая освящается мужемъ вѣрующимъ. Иначе дѣти ваши были бы не чисты, а теперь святы. Если же невѣрующій хочетъ развестись, пусть разводится.... Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа? Или ты, мужъ,*

1) IV Всел. Соб. 14 пр. VI Всел. Соб. 72 пр.

2) Тертуліанъ, Ad. ux. 11, с. 4. n. 6. p. 168. 170; de corona, с. 13, p. 109. De monog. с. 11. p. 532. Кипріянь, Testim. adv. Jud. III, с. 62, p. 323. Амвросій, Exр. Ev. Лух. III, § 2, t. 1, p. 1410.

3) Кн. Исходъ, гл. 34, ст. 15—16; Второзак. гл. 7, ст. 3—4.

почему знаешь, не спасешь ли жены¹⁾? Апостолъ считаетъ дозволеннымъ и законнымъ подобный бракъ и не только не велитъ расторгать его судомъ церковнымъ, но даже запрещаетъ разводиться съ невѣрнымъ супругомъ, если тотъ пожелаетъ жить вмѣстѣ. Цѣлью подобнаго брака онъ поставляетъ обращеніе невѣрнаго супруга въ христіанство. Въ первыя времена христіанства почти постоянно повторялись подобныя примѣры. Потому трудно было бы уничтожить эти браки, не нанося ущерба Церкви. Вслѣдствіе этой уважительной причины Апостолъ и не велѣлъ расторгать подобныхъ браковъ, впрочемъ съ ограниченіемъ: *если невѣрный супругъ не будетъ препятствовать воспитанію дѣтей въ христіанской вѣрѣ*. Таково было мнѣніе и отцевъ Церкви объ этомъ предметѣ²⁾. И это мнѣніе вошло въ постановленія соборовъ, какъ законъ на будущія времена³⁾. Такимъ образомъ въ Церкви Христіанской установился законъ, чтобы смѣшанныхъ браковъ съ лицами другихъ религій и съ еретиками не допускать, и если будутъ таковыя, то ихъ расторгать; если же бракъ заключенъ раньше, еще въ невѣріи, и потомъ одинъ изъ супруговъ обратится въ христіанство, а невѣрный пожелаетъ жить съ нимъ, то бракъ не расторгается; только дѣти отъ этихъ браковъ непремѣнно должны быть воспитаны въ правилахъ вѣры. Таковы же и наши отечественныя законы объ этомъ предметѣ⁴⁾.

Почти также Православная Церковь не одобряла и браковъ съ еретиками и вообще съ лицами неправославными⁵⁾. Прямыхъ законоположеній на этотъ случай нѣтъ. Одни правила вообще запрещаютъ бракъ съ еретиками⁶⁾; другія правила запрещаютъ браки только съ нѣкоторыми еретиками⁷⁾; третьи наконецъ запрещаютъ браки съ еретиками только клирикамъ⁸⁾. Такимъ образомъ эти послѣднія правила даютъ намъ право заключать,

¹⁾ 1 Коринто. гл. 7, ст. 12—16.

²⁾ Тертулліанъ, Ad. ux. II, с. 7, р. 171. Августинъ, De conjug. adult. 1, с. 17. De fide et operibus, с. 19, t. VI, р. 291. 136. Constit. apost. 1, с. 10, р. 212.

³⁾ VI Всел. Соб. 72 пр.

⁴⁾ Свод. Зак. X т.

⁵⁾ VI Всел. Соб. 72 пр. IV Всел. Соб. 14 пр.

⁶⁾ VI Всел. Соб. 72 пр.

⁷⁾ Лаодикійскаго собора 31 пр.

⁸⁾ Лаодикійскаго собора 10 пр.

что въ древней Церкви бракъ съ еретиками былъ вполнѣ за-
прещенъ только клирикамъ; мірянамъ же было позволено всту-
пать въ бракъ съ еретиками, хотя и съ нѣкоторыми ограниче-
ніями. Въ настоящее время, когда существуютъ различныя
вѣроисповѣданія въ христіанствѣ, наши отечественные законы
Россійской Церкви и государства считаютъ дозволенными браки
между православными и лицами другихъ вѣроисповѣданій съ
условіемъ, *чтобы дѣти были воспитаны въ православной вѣрѣ*¹⁾.
Этимъ мы закончимъ свое обзорѣніе условій и препятствій для
правильности и законности брака въ христіанствѣ. Переходимъ
къ разсмотрѣнію постановленій о расторженіи браковъ.

Христіанское законодательство о разводѣ.

Богъ создалъ первому человѣку (Адаму) жену (Еву) изъ
его ребра и назначилъ ее помощницей мужу. Съ самыхъ пер-
выхъ временъ исторіи человѣчества бракъ является не про-
стымъ контрактомъ между лицами разныхъ половъ, не про-
стымъ заключеніемъ гражданскаго договора, но учрежденіемъ
Божественнымъ. Такимъ образомъ, по самому происхожденію
своему, бракъ долженъ быть *не разрывенъ*. Какъ Ева была со-
здана изъ плоти Адама и должна была составлять съ нимъ одно
цѣлое неразрывное единство, такъ и послѣдующіе браки должны
быть неразрывны; супруги соединены между собой на всю жизнь
неразрывными узами. Какъ Божественный союзъ, бракъ не мо-
жетъ быть разрушенъ человѣческими усиліями, по одному же-
ланію супруговъ. Кто изъ людей въ правѣ разрывать тотъ со-
юзъ, который заключилъ Самъ Богъ? Кто изъ нихъ въ правѣ
уничтожить тотъ договоръ, который скрѣпленъ Самимъ Богомъ?
Неразрывность этого союза есть естественное слѣдствіе Бо-
жественнаго происхожденія брака. Богъ, тѣсно и неразрывно
сочетавъ мужа и жену въ самомъ началѣ исторіи человѣчества,
положилъ тѣмъ самымъ нерасторжимость брачныхъ узъ въ
основаніе общественной жизни, сдѣлалъ нерасторжимость брака
точкой опоры для семьи и общества. Потому расторженіе
брачныхъ узъ вслѣдствіе человѣческихъ желаній и усилій есть
отверженіе Божественнаго міроуправленія, нарушеніе той Боже-
ственной цѣли, для которой учреждены брачныя узы, и вмѣстѣ

¹⁾ Свод. Зак. X т. 67. ст. Д. Консист. 26—28 ст.

съ этимъ есть подрывъ основы общественной жизни, которая зиждется между прочимъ на нерасторжимости брака. Человѣкъ не въ правѣ расторгать того, что соединилъ Самъ Богъ¹⁾. Въ брачномъ союзѣ принимаютъ участіе Богъ, мужъ и жена; слѣд., желаніемъ двухъ послѣднихъ не могутъ уничтожиться брачныя узы, въ скрѣпленіи которыхъ участвуетъ еще третье лице. Это лице есть Самъ Богъ. Расторгнуть брачный союзъ можетъ только Онъ одинъ. Такое расторженіе представляетъ смерть человѣка, такъ какъ въ этомъ случаѣ по крайней мѣрѣ видимо разрывается связь между супругами; но не бываетъ уничтоженія брака въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, потому что брачный союзъ есть союзъ душъ и потому продолжается вѣчно, а не ограничивается одною здѣшней жизнью. Таковъ брачный союзъ, какъ учрежденіе Божественной воли. Однако въ язычествѣ эта идея неразрывнаго союза была потеряна; даже евреи по своему *жестокосердію* не могли удержаться на высотѣ такого неразрывнаго союза, какой былъ установленъ Божественнымъ Промысломъ при самомъ твореніи человѣка.

Въ язычествѣ бракъ не былъ союзомъ душъ неразрывно связанныхъ между собою. Это былъ простой договоръ двухъ лицъ. Здѣсь не было нераздѣльныхъ узъ; потому нечего было и разрывать. Вслѣдствіе такого характера брачнаго законоположенія легкость развода въ язычествѣ дошла до крайней степени. Въ Греціи мужъ могъ развестись съ своею женою безъ всякаго объясненія причинъ развода, и жена могла также развестись, представивъ на судѣ тѣ или другія причины²⁾. Въ Римѣ господствовала та же свобода развода. Здѣсь мужъ и жена могли развестись даже по одному только своему желанію, не объявляя причинъ³⁾. Рассказываютъ, что однажды одинъ римлянинъ хотѣлъ развестись съ своею женою. Когда друзья говорили ему: не добродѣтельна ли, не красива ли, не плодovита ли его жена; то онъ, указывая на свой башмакъ, сказалъ: не красивъ ли онъ, не новъ ли, но кто изъ васъ знаетъ, какъ онъ меня жмётъ⁴⁾. Особенно предъ пришествіемъ Христовымъ усилилась эта непрочность брачныхъ узъ; порча правовъ про-

¹⁾ Мате. гл. 19, ст. 6.

²⁾ Платонъ въ разныхъ евопхъ сочиненіяхъ.

³⁾ Plutarch, Aemilius Paulus, с. 5, См. Соголовскаго, стр. 127.

⁴⁾ Plutarch. См. тамъ же.

ника тогда всюду и нигдѣ не находили средства остановить ее. Лишенный своего внутренняго достоинства, брачный союзъ не представляетъ ничего, кромѣ безпрестанной перемѣны супруговъ; разводы повторялись такъ часто, что, по замѣчанію одного сатирика, жены считали свои годы не по консуламъ, а по числу своихъ мужей. Августъ, который старался остановить эту порчу нравовъ, самъ былъ вполне сыномъ своего времени и своего народа; онъ развелся со своею женою не смотря на то, что этотъ разводъ надѣлалъ много шума и произвелъ публичный скандалъ¹⁾. Меценатъ, прославившійся своимъ покровительствомъ наукамъ и искусствамъ, не могъ стать выше уровня современнаго ему нравственнаго состоянія; онъ даже превзошелъ въ чувственности своихъ согражданъ, потому что состояніе давало ему возможность удовлетворять своимъ развратнымъ наклонностямъ. Онъ прославился своими тысячекратными и каждодневными разводами²⁾. Напрасно императоръ Августъ издавалъ противъ этой легкости разводовъ нѣкоторые стрѣнные законы,—ничто не помогало³⁾. Если же высокопоставленныя личности, которыя должны представлять образецъ нравственности для народа, такъ злоупотребляли разводомъ, то о простыхъ смертныхъ нечего и говорить. Среди этой распущенности нравовъ и женщины приобрѣли себѣ право развода⁴⁾. По свидѣтельству Тертуліана, онѣ выходили за-мужъ только за тѣмъ, чтобы развестись и тѣмъ приобрѣсти себѣ свободу для развратной жизни⁵⁾. Прежнее деспотическое владычество мужа надъ женою пало, и жена, не привыкшая къ своей свободѣ, сразу пустилась въ этотъ бурный потокъ страстей и распутства; разводъ представлялъ для этого великолѣпное средство, и она не замедлила имъ воспользоваться. Вслѣдствіе этой легкости развода брачный союзъ опошлѣлъ до послѣдней степени; къ нему потеряли всякое уваженіе и стали смотрѣть на него, почти какъ на удовлетвореніе однихъ чувственныхъ потребностей, чему прекрасный примѣръ представляетъ знаменитый Меценатъ. Такимъ образомъ легкость развода унизила и даже

1) Suet. Octav., c. 34, p. 78. См. Schmidt, p. 54.

2) Seneca, Ep. 114, t. IV, p. 86. De provid., c. 3, t. 1, p. 227. См. тамъ же.

3) Lex Julia. Dig. XXXVIII, tit. 11, l. 1. См. тамъ же.

4) Juven. sat. 6, v. 229 и 230, p. 72.

5) Tertullian. Apolog. c. 6, p. 27.

разрушила самый бракъ. Вотъ въ какомъ печальномъ состояніи находилось язычество предъ пришествіемъ Спасителя относительно даннаго случая.

Немного лучше было у еврейскаго народа, гдѣ также была допущена свобода развода. Моисей дозволилъ разводиться всегда, кажда только жена не найдетъ благоволенія у мужа. Потому у евреевъ господствовала полная свобода развода, хотя и требовалось выставить для развода какія-нибудь причины. Впрочемъ законъ не опредѣляетъ ихъ точно, а называетъ однимъ именемъ *срамнаго дѣла*¹⁾. Правда, намъ кажется, законъ старался воспрепятствовать разводу, потому что законъ повелѣваетъ мужу давать разводную грамоту, чтобы формальностью дѣла нѣсколько стѣснить легкость разрыва брачныхъ узъ. Притомъ разводныя грамоты были очень затруднительны для сельскихъ жителей, такъ какъ въ селахъ письменность была распространена чрезвычайно мало и рѣдко²⁾. Но съ другой стороны законъ иногда покровительствовалъ разводу ради жестокосердія *иудеевъ*. Женамъ случалось не рѣдко терпѣть отъ мужей много притѣсненій и побоевъ по причинѣ жестокосердія этихъ послѣднихъ. Потому, чтобы избавить слабый полъ отъ этой жестокости, и былъ дозволенъ иудеямъ разводъ, по словамъ Спасителя³⁾. Такимъ образомъ ни язычество, ни иудейство не представляетъ намъ прочныхъ брачныхъ узъ; всадъ господствовалъ разводъ во всей своей силѣ.

Христіанство, преобразуя міръ и человѣческія отношенія въ самомъ ихъ корнѣ, не могло оставить безъ вниманія этой развратной легкости развода. Оно снова подняло бракъ на ту высоту, на которой его поставила Божественная воля при самомъ первомъ появленіи человечества; оно возстановило тотъ духъ брачнаго союза, который былъ начертанъ на первой страницѣ человѣческой исторіи. Иисусъ Христосъ возстановилъ тотъ неразрывный союзъ брака, который былъ между первыми людьми, по идеѣ Божественнаго Промысла. Иисусъ Христосъ первый запретилъ разводъ, сказавши, что *человѣкъ да не разлучаетъ того, что сочеталъ Богъ*⁴⁾. Это было естественнымъ слѣдствіемъ.

1) Второзак. гл. 24, ст. 1.

2) Михея, гл. 2, ст. 5. Малахін гл. 2, ст. 11.

3) Матѣ. гл. 19, ст. 8.

4) Матѣ. гл. 19, ст. 6.

Его ученія о бракѣ, какъ тайнствѣ; человѣкъ не имѣетъ права расторгать брака, какъ тайнства; человѣкъ не можетъ разъединить того, что Самъ Богъ соединилъ. Бракъ въ христіанствѣ, по своему таинственному значенію, есть образъ той любви, какую имѣетъ Христосъ къ Церкви. Эта любовь вѣчна и союзъ Христа съ Церковью пребудетъ до скончанія вѣка; такова же должна быть и связь между мужемъ и женой; ихъ союзъ не можетъ уничтожиться даже смертію одного изъ нихъ, тѣмъ болѣе не можетъ быть разорвана эта связь волею самихъ супруговъ или дѣйствіемъ власти гражданской. По ученію Христа, кто разведется со своей женой и женится на другой, тотъ прелюбодѣйствуетъ, и тотъ, кто женится на отпущеницѣ, также прелюбодѣйствуетъ¹⁾. Въ томъ же духѣ учитъ и Апостолъ Павелъ. Онъ говоритъ, что жена привязана къ мужу до тѣхъ поръ, пока онъ живетъ²⁾; слѣд., считаетъ бракъ нерасторжимымъ до самой смерти и даже совершенно запрещаетъ разводъ между супругами³⁾. Такимъ образомъ, по ученію Спасителя и Апостоловъ, бракъ христіанскій нерасторжимъ даже подъ самыми благовидными предлогами: даже такія причины, какъ посвященіе себя на служеніе Богу, страстное стремленіе къ аскетической жизни не должны производить развода, если только другой супругъ не согласится на это⁴⁾. Только одно явленіе могло быть достаточнымъ для развода и вести за собой разводъ. Этотъ единственный поводъ къ разводу и единственная причина его есть прелюбодѣянiе⁵⁾. Прелюбодѣянiе, какъ нарушение брачнаго союза со стороны одного изъ супруговъ, естественно должно влечь за собой разводъ. Потому и Іисусъ Христосъ дозволялъ разводиться единственно только по винѣ прелюбодѣянiя. Такимъ образомъ всѣ многочисленныя поводы къ разводу, которые допускало язычество и іудейство, были сведены Христомъ и Апостолами къ одному импѣно прелюбодѣянiю. Разводы же безъ причинъ, по одному обоюдному согласію супруговъ, уже совершенно не могли имѣть мѣста въ христіанствѣ, потому что въ христіанскомъ бракѣ главнымъ совершите-

1) Матѣ. гл. 19, ст. 6; гл. 5, ст. 35; Лук. гл. 16, ст. 18; Марк. гл. 10, ст. 9—12.

2) 1 Коринѣ. гл. 7, ст. 10—11; Рим. гл. 7, ст. 1—3.

3) Рим. гл. 7, ст. 2—3.

4) 1 Коринѣ. гл. 11, ст. 3—13. 1 Петр. гл. 3, ст. 7.

5) Матѣ. гл. 5, ст. 32; гл. 19, ст. 9.

лемъ и лицомъ заключающимъ бываетъ не мужъ, не жена, а Богъ; и бракъ, какъ союзъ скрѣпленный Божественною волею, не можетъ быть уничтоженъ обоюднымъ согласіемъ супруговъ: *что Богъ союта, человекъ да не разлучаетъ*¹⁾. Таково было законоположеніе Христа и Апостоловъ. Церковь въ послѣдующіе вѣка осталась вѣрно этому Божественному принципу и никогда не отступала отъ него. Она всегда проповѣдывала ту же нерасторжимость браковъ, какой требовалъ и Іисусъ Христосъ²⁾. Проповѣдую эту нерасторжимость браковъ, Отцы въ то же время учили, что только прелюбодѣяніе можетъ уничтожить брачныя узы³⁾; виновныхъ въ расторгеніи браковъ не по прелюбодѣянію они подвергали строгимъ епитиміямъ и принимали ихъ въ общеніе церковное только послѣ продолжительнаго покаянія и конечно послѣ расторгенія тѣхъ супружествъ, которыя были заключены послѣ развода⁴⁾. Таково было постоянное ученіе Отцевъ Церкви о нерасторжимости христіанскаго брака. Они постоянно возставали противъ расторгенія браковъ и вступленія, послѣ этого, въ новыя супружества, на которыя они всегда смотрѣли какъ на прелюбодѣяніе⁵⁾.

Однако нѣтъ основанія полагать, что новый бракъ послѣ развода былъ запрещенъ окончательно; тѣ правила, гдѣ онъ запрещается, не вполне опредѣленны, потому ихъ можно понимать такъ, что бракъ запрещался только въ томъ случаѣ, если разводъ былъ не по винѣ прелюбодѣянія⁶⁾. Правило же Василія Великаго, въ которомъ онъ говоритъ, что только жена послѣ развода не могла вступить въ новый бракъ⁷⁾, показываетъ, что мужу, разведшемуся по винѣ прелюбодѣянія, по-

¹⁾ Матѣ. гл. 19, ст. 6.

²⁾ Іустинъ, *Apolog.* 1 п 6; Клим. Алекс. *Strom.* 11, 23; 111, 11; Васил. Вел. на шестодн. бѣсѣда VII, п. 5; Златоустъ, *Ep. ad Syria.* CXXV; Епифаній, *Expos. fideic. cathol.* п. XXI; *haeres.* LIX, п. 4. 6. Кирилл. Алекс. *in Malach.* п. 28; Θεодоритъ, *in 1 Corinth.* VII, 11; Лактанцій *Instit. Div.* VI, 23, и др. См. православно-догматическ. богословіе Пр. Макарія т V, стр 25.

³⁾ Василія Великаго 39 пр.

⁴⁾ Апостольск. пр. 48; VI Всел. Соб. 87 пр. Вас. Вел. 21, 35, 77 пр.

⁵⁾ Климентъ Алекс. *Strom.* 11, 23. т. 1, р. 507. Тертул. *De monog.* с. 9 п 10. р. 530. Григор. Нав. *Ep.* 181, т. 1. р. 884; Ieron. *Comm. in Matth.* с. 19. т. III, р. 87. Август. *Sermo* 392, § 2; т. V р. 1054.

⁶⁾ Карфагенскаго соб. 115 пр. Василія Великаго 77 пр. Ср. Апостольское 48 правило, VI Всел. Соб. 87 пр., Василія Великаго 9. 21. 35 пр.

⁷⁾ Василія Великаго 48 пр. Срав. Тимофея Александрійскаго 15 пр.

зволюлся новый бракъ. Въ этомъ еще сохранился духъ древнихъ гражданскихъ постановленій, которыя смотрѣли на жену, какъ на существо низшее мужчины, хотя Церковь всегда возставала противъ этого и учила, что прелюбодѣяніе равно со стороны мужа и жены разрушаетъ брачныя узы¹⁾. Каноны опредѣлили еще нѣкоторые случаи при этомъ; такъ, при безвѣстномъ отсутствіи мужа, женой запрещалось расторгать бракъ и вступать въ новое супружество до тѣхъ поръ, пока получится извѣстіе о смерти отлучившагося супруга²⁾; только женамъ воиновъ, сдѣлано въ этомъ случаѣ нѣкоторое снисхожденіе. Онѣ могли вступать въ новое супружество, если мужъ пропадалъ безвѣсти съ поля сраженія, потому что смерть его въ этомъ случаѣ была болѣе несомнѣнною по причинѣ опасностей войны³⁾. Такое ученіе Отцевъ и Учителей Церкви, каноническія постановленія и вообще весь духъ христіанства оказали вліяніе и на законодательства гражданскія. Императоры греческіе должны были сократить число случаевъ, въ которыхъ допускался разводъ. Уже Константинъ запретилъ разводъ, исключая случаевъ прелюбодѣянія, убійства и колдовства одного изъ супруговъ⁴⁾. Такимъ образомъ число разводовъ было значительно сокращено, и все это обязано единственно вліянію христіанскаго взгляда на бракъ, какъ на союзъ нерасторжимый. Наши отечественныя законы допускаютъ разводъ тоже въ рѣдкихъ случаяхъ, на основаніи словъ Спасителя. Разводъ по собственному желанію супруговъ наши законы строжайше воспрещаютъ⁵⁾. Расторженіе браковъ по нашимъ законамъ бываетъ двухъ родовъ: при одномъ разведеннымъ супругамъ дозволяется вступать въ новый бракъ, а при другомъ это не дозволяется. Перваго рода разводъ бываетъ при ссылкѣ одного изъ супруговъ въ каторжную работу, или на поселеніе, такъ какъ ссылка есть политическая смерть. Впрочемъ разводъ бываетъ только тогда, когда невинное лицо не пожелаетъ слѣдовать въ ссылку за своимъ супругомъ. Притомъ если невинное лицо не просило

1) Григорій Богословъ, Сл. 31; Лактанцій, кн. 6. гл. 23; Златоустъ, бес. 5 на 1 Солуп.

2) VI Всел. Соб. 93 пр. Василія Великаго 36. 46.

3) Василія Великаго 31 пр.

4) Коричная 49 гл. зач. 8 гл. 9.

5) Свод. Зак. X т. ст. 46.

о разводѣ до возвращенія изъ ссылки супруга, то брачное сожителство ихъ возобновляется и развода не бываетъ¹⁾. Во-вторыхъ, по нашимъ законамъ уничтожаются браки при безвѣстномъ отсутствіи одного изъ супруговъ въ продолженіи пяти лѣтъ или болѣе, и по прошествіи десяти лѣтъ безвѣстнаго отсутствія лица, состоящаго въ военной службѣ и пропавшаго безъ вѣсти на полѣ сраженія или взятаго въ плѣнъ²⁾. Последнее законоположеніе аналогично съ каноническими постановленіями и даже воплѣ съ ними согласно³⁾. Ко второму разряду расторженія браковъ относятся тѣ случаи, когда по просьбѣ одного супруга судебнымъ порядкомъ будетъ доказано, что другой супругъ раньше вступленія въ бракъ былъ неспособенъ къ отправленію супружескихъ обязанностей⁴⁾; во-вторыхъ, сюда относится тотъ случай, когда одинъ супругъ по обвиненію другого судебнымъ порядкомъ будетъ уличенъ въ прелюбодѣяніи⁵⁾. Въ обоихъ случаяхъ послѣдняго рода разводовъ виновный осуждается на вѣчное безбрачіе, а невинному позволяется вступленіе въ новое супружество. Такимъ образомъ и наши законы очень строги къ расторженію браковъ. Даже разводъ по желанію супруговъ при поступленіи въ монастырь ограниченъ до чрезвычайности. Законъ гласитъ: „запрещается принимать въ монашество мужа при живой женѣ, законно съ нимъ не разведенной. Если же оба супруга, по взаимному согласію, пожелаютъ принять постриженіе, то надлежитъ принимать въ уваженіе: не имѣютъ ли они дѣтей малолѣтнихъ, требующихъ родительскаго призрѣнія. По вступленіи же супруговъ въ монастырь, къ самому постриженію они допускаются не иначе, какъ по достиженіи ими установленныхъ для того лѣтъ“⁶⁾. Кромѣ того по нашимъ законамъ силою власти расторгаются браки незаконно заключенные⁷⁾.

Установивши прочныхъ узъ и сведши все поводы къ разводу къ одному, именно прелюбодѣянію котораго-

1) Свод. Зак. X т. 50—53 ст. Уст. Д. Консист. 231 ст.

2) Свод. Зак. X т. 54—60 ст. Уст. Д. Консист. 233—237 ст.

3) Василия Великаго 31 пр.

4) Свод. Зак. X т. 48—49 ст. Уст. Д. Консист. 241—247. 256. 259.

5) Свод. Зак. X т. 47 ст. Уст. Д. Консист. 243. 259.

6) Свод. Зак. IX т. о состоян. 217 ст.

7) Свод. Зак. X т. 37—40 ст. Уст. Д. Консист. 217.

побудь изъ супруговъ, заповѣдавши супругамъ взаимную тѣсную любовь, любовь такую, какая существуетъ между Христомъ и Церковью, христіанство тѣмъ самымъ потребовало отъ супруговъ взаимной вѣрности и обязало обоихъ ихъ строго соблюдать святость брачныхъ узъ. Язычество не имѣло понятія объ этой обязанности супруговъ сохранять обоюдную вѣрность и святость брачнаго союза. Всѣ права въ этомъ случаѣ предоставлены были мужу; только онъ имѣлъ право развестись съ женою за прелюбодѣяніе, совершенное ею, или даже по одному подозрѣнію въ немъ жены. Но самъ мужъ не наказывался за прелюбодѣяніе и жена не имѣла права требовать по этому случаю развода. Жена была собственностью своего мужа, потому неудивительно, что на прелюбодѣяніе ся смотрѣли не какъ на уничтоженіе супружескихъ узъ, а какъ на нарушеніе права мужа на полное владѣніе своею женою. Прелюбодѣяніе, совершенное женою, было по ихъ понятію ничѣмъ инымъ, какъ похищеніемъ собственности мужа. Потому мужъ не только имѣлъ право за прелюбодѣяніе развестись съ женою, но даже убить ее и ея любовника, какъ похитителя чужой собственности¹⁾, или наказывать его и жену свою официальнымъ путемъ. Жена же не владѣла подобнымъ правомъ. Это было бы непоследовательно съ точки зрѣнія язычниковъ. Жена есть собственность мужа, а какъ такая, могла ли она имѣть право на вѣрность мужа²⁾.

Христіанство конечно не могло потерпѣть такой несправедливости супруговъ относительно обоюдной вѣрности. Церковь строго вооружалась противъ прелюбодѣянія и не ограничивала его одною женою. Отцы Церкви считали нарушеніемъ супружескихъ узъ прелюбодѣяніе какъ со стороны жены, такъ и со стороны мужа³⁾. Это было только толкованіемъ словъ (‘спасителя и Апостоловъ объ этомъ предметѣ⁴⁾). Христіанство всегда учило, что жена имѣетъ право требовать вѣрности со стороны мужа, потому что оба они даютъ другъ другу взаимное обязательство вѣрности неизмѣнной и постояннѣйшей.

¹⁾ Xenoph., Hiero, c. 3. t. V. p. 239; Pausan. IX, c. 36, § 4. t. III, p. 424 Quintil., declam. 347, t. III, p. 335. (M. Schmidt, p. 48.

²⁾ Lex Julia. Corp. jur. IX, tit 9. l. 1 и слѣд.

³⁾ Григорій Богословъ. Сл. 31. Лактанцій кв. 6. гл. 23: Златоустъ бес. 5 на 1 пос. къ Солунян.

⁴⁾ Матѳ. гл. 19, ст. 9; 1 Коринт. гл. 7.

Церковь никогда не хотѣла дать мужьямъ такого преимущества въ этомъ дѣлѣ, чтобы они одни могли пользоваться супружескою вѣрностью, а жены нѣтъ. Этого мало, отцы и учителя Церкви даже требовали отъ мужа болѣе строгаго соблюденія супружеской вѣрности, потому что онъ по своей природѣ гораздо сильнѣе духомъ и можетъ лучше переносить различныя искушенія, нежели жена. Они выражались, что если преслѣдовать за прелюбодѣяніе одного только изъ супруговъ, то скорѣе должно было бы преслѣдовать мужа, потому что жена имѣетъ еще извиненіемъ свою слабость и безсиліе свойственное женщинѣ, а мужъ, который долженъ быть образцемъ жены, не можетъ имѣть за собой и этого оправданія¹⁾. Притомъ христіанство не хотѣло и не могло дѣлать различія между прелюбодѣянствомъ и незаконною связью съ публичными женщинами, какъ дѣлало язычество. Язычество считало этихъ женщинъ публично опозоренными и потому думало, что онѣ не могутъ быть причиной нарушенія супружеской вѣрности. Христіанство напротивъ учило, что грѣхъ все равно будетъ грѣхомъ, съ кѣмъ бы онъ ни былъ совершенъ, съ постыдной ли женщиной или нѣтъ; прелюбодѣяніе не зависитъ отъ лица, съ которымъ оно совершено будетъ ли участницей прелюбодѣяннія публичная женщина или гражданка высшихъ классовъ, все равно это будетъ прелюбодѣяніе. Прелюбодѣяніе, какъ грѣхъ, зависитъ отъ воли лица, а не отъ положенія въ обществѣ того, съ кѣмъ оно совершено²⁾. Церковь постоянно требовала, чтобы мужчины и женщины сохраняли чистоту нравовъ, и жестоко вооружалась противъ нарушеній супружеской вѣрности. Она постоянно подвергала и женщинъ, нарушившихъ цѣломудріе или супружескую вѣрность, строгому покаянію, но вмѣстѣ съ тѣмъ не отсѣкала ихъ отъ своего общества, а принимала опять съ распростертыми объятями въ свое лоно, какъ скоро онѣ покалялись³⁾, исполняя этимъ заповѣдь Спасителя и слѣдуя Его примѣру, когда онъ принялъ жену, ятую въ прелюбодѣя-

¹⁾ Лактанцій, Div. instit. VI, c. 23, t. 1, p. 500. Августинъ, De conjug. adul. II, c. 7 и слѣд. t. VI, p. 299 и слѣд. Sermo 9, § 11 и слѣд. t. V, p. 40.

²⁾ Августинъ, Sermo 224. § 3. Sermo 392, § 2, t. V, p. 674. 1054. Иеронимъ Ер. 77, ann. 399, t. 1, p. 459.

³⁾ Августинъ, De fide et op. c. 18, t. VI. p. 136.

ни и не позволилъ іудеямъ побить ее камнями. Таковы же были и каноническія постановленія Церкви. Они всегда под-вергали мужчину и женщину, нарушившихъ брачный союзъ, одинаковой епитиміи, не отдавая предпочтенія мужчинамъ¹⁾. Но павшихъ женщинъ Церковь никогда не отталкивала отъ себя съ тѣмъ холоднымъ презрѣніемъ, съ какимъ отталкивало ихъ язычество.

Во всемъ брачномъ законодательствѣ христіанства нѣтъ ни одной черты, которая могла бы нарушить нравственную чистоту брака, его высокое достоинство. Все отъ основанія до самой формы брака проникнуто духомъ высокой чистоты; нѣтъ и тѣни чувственнаго элемента въ этомъ многосложномъ законодательствѣ. Бракъ въ христіанствѣ есть больше *союзъ душъ*; онъ есть образъ духовнаго единенія Христа съ Церковью. Чистота нравственныхъ отношеній мужа и жены, строгое единоженство, ограниченіе развода до крайней степени — всѣ эти свойства христіанскаго брака, какъ нельзя больше, противны чувственному характеру и носятъ на себѣ слѣды своего высокаго происхожденія. Дѣйствительно на всемъ законодательствѣ о бракѣ нельзя не замѣтить вліянія той нравственной чистоты, которой отличался самъ Законодатель. Проведши всю жизнь въ дѣвствѣ, чуждый брака и чувственныхъ увлеченій, Іисусъ Христосъ могъ ли дать законодательство, сколько-нибудь потворствующее чувственности? Могъ ли онъ при такой нравственной чистотѣ допустить что-нибудь грубо-чувственное въ отношеніяхъ между полами? Рожденный отъ Дѣвы безъ мужа, могъ ли Онъ, Сынъ Дѣвы, сдѣлать бракъ обязательнымъ для всѣхъ, могъ ли Онъ упитъ дѣвство предъ супружествомъ? На всемъ брачномъ законодательствѣ христіанства отразилась чистота нравственнаго характера Спасителя; нѣтъ ни одной черты въ христіанскомъ бракѣ, которая не была бы обязана своею высотою Его нравственному характеру. На каждомъ законодательствѣ всегда отражается нравственный характеръ законодателя. Вотъ почему языческіе мудрецы не могли дать человѣчеству чистаго понятія о бракѣ. Они не могли создать брака свободнаго отъ элементовъ чувственности, потому что сами не были сво-

¹⁾ Апостольскія правила 20. 21. Василія Великаго 7. 21. 26. 34. 37. 58. 59. 62; VI Всел. Соб. 86 пр.

бодны отъ нея; они не могли требовать нравственной чистоты отъ закона о бракѣ, такъ какъ это стало бы препятствовать ихъ чувственнымъ наслажденіямъ. Только Божественная, чуждая чувственности, Личность могла создать такой высоко-нравственный союзъ мужа и жены, какимъ представляется бракъ въ христіанствѣ. Ни разводъ, ни многоженство, дающія мужчинамъ неограниченное право на удовлетвореніе своихъ плотскихъ инстинктовъ, не согласовались съ нравственнымъ характеромъ Спасителя. И они были Имъ запрещены. Такимъ образомъ христіанство обязано своимъ высоко-нравственнымъ и правильнымъ законоположеніемъ о бракѣ высоко-нравственному характеру своего Основателя; благодаря только этому характеру, бракъ въ христіанствѣ могъ стать столь высоко и явиться во всемъ своемъ недостижимомъ величій и совершенствѣ.

III.

МУХАММЕДАНСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О БРАКѢ И РАЗВОДѢ.

*Отличительный характеръ мухаммеданскаго законоположенія
о бракѣ, сравнительно съ христіанскими законами.*

Совершенную противоположность христіанскому браку составляетъ бракъ мусульманскій¹⁾. Онъ не имѣетъ того высокаго значенія, до котораго христіанство возвысило этотъ актъ, столь важный въ семейной и общественной жизни. Въ исламѣ онъ есть договоръ чисто гражданскій и не только не имѣетъ значенія таинства, какъ въ христіанствѣ, но даже не составляетъ простаго религіознаго обряда. Всѣ ученые и спеціалисты единогласно отрицаютъ его религіозный характеръ. Правда, здѣсь присутствуетъ мулла, который читаетъ при этомъ извѣстныя молитвы; но присутствіе его не необходимо: онъ приглашается, съ одной стороны, въ видѣ нотаріуса для скрѣпленія брачнаго договора, съ другой—для освященія молитвою брака, какъ обыкновенно дѣлается при началѣ всякаго дѣла, когда испрашиваютъ благословеніе Божіе на начатое дѣло²⁾. Но одно присутствіе муллы и чтеніе молитвы при извѣстномъ актѣ не можетъ еще составить его религіознаго характера. Въ этомъ видно все громадное различіе мусульманскаго брака отъ христіанскаго, и отъ этого основнаго характера обоихъ браковъ зависитъ все дальнѣйшее различіе

¹⁾ Мы не будемъ здѣсь представлять подробное изложеніе законоположенія ислама о бракѣ, чтобы мелочными частностями не затемнить его общаго духа. Но не желая оставить безъ вниманія и подробностей мусульманскаго законоположенія объ этомъ предметѣ, мы предпочли сдѣлать нѣсколько приложений въ концѣ сочиненія.

²⁾ Торнау, Мусульманское право. Выпускъ первый. 148 стр. Döllinger, Muhammed's Religion nach ihrer inneren Entwicklung und ihrem Einflusse auf das Leben der Völker. § 21; Османъ-Бей, Турки и ихъ женщины, султанъ и его гаремъ, стр. 75.

ихъ въ другихъ отношеніяхъ. Вслѣдствіе этого основнаго характера и всѣ формы заключенія брака носятъ на себѣ характеръ гражданскій и въ частности характеръ купли съ одной стороны и продажи съ другой.

Для правильнаго совершенія брака требуется изъясненіе согласія вступающихъ въ бракъ въ присутствіи свидѣтелей и составленіе контракта, въ которомъ опредѣляется количество мехра¹⁾. Обыкновенно совершается заключеніе брака слѣдующимъ образомъ: сначала мулла читаетъ брачную хутьбу²⁾: „Во имя Бога милостиваго и милосердаго! Хвала Богу! Достохвальный есть Богъ и прославленный есть посланникъ Божій. Хвала Богу, который установилъ бракъ для различія между дозволеннымъ и запрещеннымъ! Благословеніе и миръ надъ посланникомъ Его, господиномъ тварей, надъ семействомъ его и надъ асхабами³⁾ его, славнаго и великаго! Подлинно, Богъ препрославленный и превознесенный заповѣдалъ намъ бракъ и запретилъ намъ беззаконное сожителство. Прибѣгаю къ Богу отъ сатаны, побитаго камнями. Берите столько женъ, сколько вамъ угодно: двѣ, три, четыре. И сказалъ посланникъ Божій: — да благословитъ его Богъ и помилуетъ! — Бракъ есть мое установленіе и кто удаляется отъ установленія моего, тотъ не отъ меня. Вступающій въ бракъ есть желающій, выходящая за-мужъ есть желаемая, а мехръ есть то, на что они согласились при вступленіи въ бракъ. Это есть слово мое. Да помилуетъ Богъ меня, васъ и всѣхъ мусульманъ временъ прошедшихъ и настоящихъ! Подлинно Опъ милостивый, милосердый, преславный, великій, превознесенный, высочайшій и всемолющій молитвѣ⁴⁾. Потому мулла приступаетъ къ испрашиванью согласія со стороны невесты и жениха⁵⁾ и по объявленіи согласія пачинаетъ опредѣлять

¹⁾ Мехромъ называется приданое, назначаемое женѣ при заключеніи условія о бракѣ отъ ея мужа изъ его имущества.

²⁾ Брачною хутьбою называется извѣстная молитва, читаемая при заключеніи брака, молитва, въ которой воспоминаются законоположенія о бракѣ корана и преданія и которая заключается прославленіемъ Бога.

³⁾ Асхабами называются первые, ближайшіе послѣдователи Мухаммеда.

⁴⁾ Взято изъ книги подъ названіемъ «Хутьбалыкъ». Молитвѣ, называемыхъ хутьбою, много. Мы здѣсь привели одну изъ нихъ; остальные см. въ приложеніи 2-мъ.

⁵⁾ Испрашиваніе согласія совершается такъ: «то есть, говоритъ мулла, опредѣленіе Всевышняго, который есть Творецъ, не перестающій творить,

количество мехра. Затѣмъ составляется брачный контрактъ, въ которомъ всю сущность составляетъ мехръ и самое точное опредѣленіе его, и больше ничего¹⁾). Испрашиваніе обоюднаго согласія происходитъ въ присутствіи двухъ свидѣтелей муж- чинъ, или одного мужчины и двухъ женщинъ. Свидѣтели долж- ны быть мусульмане; христіане или іудеи допускаются свидѣ- телями только тогда, когда мусульманинъ вступаетъ въ бракъ съ христіанкою или іудейкою. Эти свидѣтели должны сами слышать выраженіе обоюднаго согласія, оба вмѣстѣ, въ одно и то же время²⁾. По составленіи контракта, мулла читаетъ первую главу Корана, потомъ еще одну молитву: „Во имя Бога миро- стиваго и милосердаго! Боже, сочитай ихъ такъ же, какъ Ты сочелъ Адама и Еву, какъ сочелъ Юсуфа (Іосифа) и Зу- лейху, какъ сочелъ Мухаммеда-Мустафу и доблестную Хадиджу, какъ Ты сочелъ благочестиваго Алія и лучезарную Фатиму. Боже, помилуй насъ всѣхъ и умиласердись надъ всѣми нами! Спаси насъ отъ огня! Да будетъ милость и благословеніе Бо- жіе надъ лучшимъ твореніемъ Его — Мухаммедомъ и надъ всѣмъ семействомъ его по милосердію Твоему, о милостивый изъ милостивыхъ!“³⁾). Послѣ этого мулла отдастъ брачный конт- рактъ жепѣ⁴⁾). Иногда бракъ заключается не въ присутствіи

Который есть достопоклоняемый вѣчно, панъ Господь, единый сущій, Богъ превознесенный: прибѣгаю къ Богу отъ сатаны, побитаго камнями! Берите столько жепѣ, сколько панъ угодно, двѣ, три, четыре. Это есть сунна послан- ника людей и гепіевъ, проповѣдника двухъ міровъ, Мухаммеда-Мустафы, — да благословитъ его Богъ всевышній и помилуетъ! — По установленію имама Абу-Ханифы Куфскаго, который есть свѣтъ вѣры, путь народовъ, имама Абу-Юсуфа-Казія и имама Мухаммеда-Бенъ-Хусапа Шиббалскаго, согласно мнѣнію всѣхъ ученыхъ, видѣвшихъ въ этомъ спасеніе и награду, въ присут- ствіи здѣсь находящихся большихъ и малыхъ, при свидѣтельствѣ двухъ свидѣтелей, съ утвержденія опекуна, съ опредѣленіемъ мехра предваритель- наго и заключительнаго и съ сохраненіемъ четырехъ условій, такой-то, та- кому-то, сыну такого-то, дочь твою такую за извѣстный мехръ въ позволен- ное супружество отдать ли? И такой-то за такого-то сына твоего, такую-то дочь такого-то за извѣстный мехръ въ дозволенное супружество взять ли?» Взято изъ книги «Хутъбалыкъ».

1) См. приложение 3-е стр. 53 ср. Торнау, изложеніе пачаль мусульман- скаго законодѣнія, стр. 139—147. Niebuhr, Beschreibung von Arabien. S. 73—76; Османъ-Бей, стр. 75—77. Тридцать лѣтъ въ турецкихъ гаремахъ. Соч. Мелекъ-Ханумъ, стр. 30, 279.

2) См. приложение 3-е стр. 44—45.

3) Хутъбалыкъ. Варіанты этой молитвы см. въ приложеніи 2-мъ.

4) Торнау, стр. 143. Это заключеніе брака по обряду суннитовъ; шіиты заключаютъ его нѣсколько иначе.

самихъ брачующихся, а только ихъ довѣренныхъ, тогда брачный контрактъ отдается въ руки довѣреннаго невесты¹⁾. Всѣ эти формы заключенія брака соблюдаются на практикѣ во всѣхъ мусульманскихъ земляхъ, какъ свидѣлствуютъ люди, бывшіе очевидцами заключенія браковъ мусульманами на Востока²⁾.

Такимъ образомъ съ самаго перваго и до послѣдняго дѣйствія ясно обпаруживается гражданскій характеръ мусульманскаго брака, чуждый всякаго религіознаго значенія и, слѣд., религіозныхъ послѣдствій для вступающихъ въ бракъ. Мулла, какъ видно изъ всего процесса заключенія брака, играетъ здѣсь главную роль не какъ служитель религіи, пришедшій сообщить религіозную санкцію брачному союзу, а какъ гражданская власть, присутствующая при заключеніи брака только для наблюденія за правильностью его.

Твердо держась основнаго принципа, что бракъ не есть дѣло религіозное, а обыкновенный гражданскій договоръ, Мухаммедъ, а потомъ и послѣдователи его на основаніи его словъ и преданій всегда смотрѣли на гражданскій договоръ, какъ на основу брака. Утверждаясь на этомъ основномъ положеніи, всѣ юридическія постановленія о бракѣ, начиная съ самаго Корана до послѣднихъ преданій, поставляютъ непремѣннымъ условіемъ брака *приданое*—*мехръ*. Мухаммедъ во многихъ мѣстахъ Корана повторилъ это неизмѣнное требованіе для законности брака³⁾. Онъ ставитъ непремѣннымъ условіемъ при бракѣ приданое, безъ котораго бракъ не можетъ быть дѣйствительнымъ. Однако онъ не опредѣлилъ размѣры приданаго при различныхъ условіяхъ. Это было невозможно, потому что состоянія вступающихъ въ бракъ очень различны. Но юристы мусульманскіе старались опредѣлить предѣлы приданаго и назначали меньшимъ мехромъ десять диргемовъ⁴⁾; самое же большее количество мехра не опредѣлено. На основаніи этого опредѣленія, если совершается разводъ, когда количество мехра

¹⁾ Торнау, 143 стр. О довѣренныхъ при бракѣ и о разныхъ условіяхъ брака по довѣренности. См. у Торнау, 264—270 стр.

²⁾ Тридцать лѣтъ въ тур. гаремахъ, стр. 30. 279; Османъ-Бей, стр. 75—77. Niebuhr. S. 73—76; Клотъ-Бей, Египетъ въ прежнемъ и нынѣшнемъ состояніи. Ч. I. стр. 196.

³⁾ Коранъ, гл. 4, ст. 3; гл. 2, ст. 229, 237; гл. 4, ст. 23.

⁴⁾ Смотр. приложение 3-е стр. 53—57.

не упомянуто въ брачномъ контрактѣ, то взыскивается съ мужа мехръ не меньше десяти диргемовъ, или *мехръ-мисль*, т. е. мехръ равный по количеству мехру, который получила одна изъ родственницъ жены по отцу¹⁾. Очевидно, что подобный брачный союзъ поситъ на себѣ всѣ признаки продажи и купли: съ одной стороны предлагается жена, какъ предметъ торговли, съ другой — женихъ, какъ покупатель, который даетъ за нее известную цѣну. Свидѣтели, присутствующіе при этомъ, назначены для удостовѣренія въ этой куплѣ и въ количествѣ цѣны. Что таковъ характеръ и таково значеніе мехра при мусульманскомъ бракѣ, въ этомъ согласны лучшіе изслѣдователи мусульманскаго права. Перронъ прямо называетъ мехръ цѣною купли, и говоритъ, что женица, выходящая за-мужъ по мусульманскому закону, *продаетъ себя*²⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что это есть остатокъ глубокой старины, когда женъ приобрѣтали себѣ обыкновенно или посредствомъ похищенія, или посредствомъ купли. Поэтому Мухаммедъ не первый выдумалъ способъ заключенія брака на подобіе полной торговой сдѣлки. Даже въ Аравіи, по словамъ Шпренгера, существовалъ этотъ обычай во времена Мухаммеда³⁾. Благодаря такому законоположенію, всякое бракосочетаніе мусульманина представляетъ примѣръ полнѣйшей торговой сдѣлки: родственники со стороны невѣсты стараются запросить количество мехра какъ можно больше; родственники жениха стараются напротивъ понизить его на самую меньшую цифру; начинаютъ рядиться; наконецъ обѣ стороны соглашаются на какой-нибудь опредѣленной цифрѣ, которая сообразна со средствами жениха и съ положеніемъ и красотой невѣсты. Жена уже раньше можетъ и должна сознавать, что она вещь, которую мужъ купилъ за приданое, и что она назначена для удовлетворенія чувственныхъ наклонностей мужа. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о томъ высокомъ нравственномъ актѣ, какой представляетъ христіанскій бракъ, гдѣ соединяются тѣсными узами двѣ человѣческія, нравственно-свободныя личности. Мухаммедъ пизводитъ женщину въ бракъ до степени орудія, назначеннаго исключительно для удовольсторе-

¹⁾ См. приложение 3-е стр. 53—57, Торнау 151—152 стр.

²⁾ Perron, Legislation musulmane. Т. II, р. 427. цитует. у Торнау, Мусульманское право. Выпускъ 1-й стр. 7.

³⁾ См. приложение 1-е стр. 33—34.

нія похоти мужа¹⁾). Не трудно убѣдиться въ этомъ, если разсмотримъ законодательство мусульманское относительно мехра. Во всемъ законодательствѣ, начиная съ Корапа²⁾, мехръ опредѣляется или прямо, какъ плата за плотское сожитіе съ женою, или предполагается³⁾). Постановленія ислама гласятъ, что жена имѣетъ право отказывать мужу въ супружескомъ сожитіи до полученія мехра; жена получаетъ при разводѣ полный свой мехръ только тогда, когда мужъ имѣлъ съ нею супружеское сожитіе⁴⁾). Явно, что Мухаммедъ самъ и его послѣдователи — законовѣды ислама всегда имѣли въ виду мехръ, какъ простую плату за сожитіе съ женою. Нѣкоторые ученые, напр. Д. С. Милль, хотя и видѣтъ въ мехрѣ имущество жены, ея полную собственность, которая не только обезпечиваетъ ея существованіе, но даже упрочиваетъ самый супружескій союзъ, потому что полагаетъ преграды къ разводу въ матеріальныхъ издержкахъ, такъ какъ мужъ, желающій развестись съ женою, обязанъ уплатить ей полное приданое. Мы будемъ еще имѣть случай подробнѣе рассмотреть этотъ предметъ. Здѣсь же только замѣтимъ, что приданое нисколько не обезпечиваетъ прочности брачныхъ узъ. Мужъ, какъ полный владѣтель жены, можетъ разными притѣсненіями заставить ее самое предложить разводъ мужу и тогда она не получитъ ни гроша. Такимъ образомъ обезпеченіе женщины посредствомъ приданого есть не болѣе, какъ фикція, созданная мечтою поборниковъ Мухаммеда, и нисколько не соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію вещей въ мухаммеданскомъ мірѣ. Приданое не только не возвышаетъ женщины въ мухаммеданскомъ бракѣ, а напротивъ унижаетъ ее еще болѣе. Христіанство ставитъ ручательствомъ прочности брачныхъ узъ самый бракъ *неразрывный*, какъ союзъ Христа съ Церковью, и всегда настаиваетъ на его неразрывности, удаляя всякую поблажку чувственности мужчинъ. Мухаммедъ, желая удовлетворить чувственнымъ наклонностямъ своихъ по-

¹⁾ Замѣчательно, что мужъ не обязанъ въ «Праздникъ разговленія» (гайду-ль-фитръ), т. е. въ первый день послѣ поста-Рамазана, подаять за жену милостыню (садака-фитръ), между тѣмъ какъ эта милостыня обязательна для него по отношенію къ работнику, хотя бы онъ былъ невѣрующій (кяфиръ). См. Мухтасару-ль-шикая, глава о Зякятѣ, послѣдній отдѣлъ о фитрѣ.

²⁾ Корапъ, гл. 2, ст. 229. 237.

³⁾ См. приложение 3-е стр. 61. 53—57.

⁴⁾ Тамъ же.

слѣдователей легкостью развода, въ то же время, если это только можно допустить, хотѣлъ положить преграды этой легкости посредствомъ возвращенія приданого, но въ результатѣ не получилось никакого благодѣтельнаго плода; женщина осталась такою же беззащитною, какъ была она и безъ приданого.

Вслѣдствіе *чувственного* характера самого Мухаммеда¹⁾ и всѣхъ его послѣдователей бракъ въ мусульманствѣ явно проникнуть и запечатлѣнъ характеромъ чувственности²⁾. Въ противоположность христіанскому браку, въ мухаммеданскомъ бракѣ все отъ начала до конца проникнуто духомъ грубой чувственности и однихъ лишь чисто плотскихъ наслажденій. Главный вопросъ, который разсматривается въ мухаммеданскомъ законодательствѣ и изслѣдуется до мельчайшихъ подробностей есть безспорно половыя отношенія между супругами, время дозволенное и непозволенное для супружескаго сожитія и т. п.³⁾. Даже самъ Мухаммедъ въ вопросѣ о бракѣ занимался главнымъ образомъ опредѣленіемъ различныхъ условій плотскаго сожитія супруговъ, о чемъ говорится въ очень многихъ мѣстахъ Корана⁴⁾. Все это свидѣлствуетъ, что Мухаммедъ и позднѣйшіе мухаммеданскіе законовѣды были чужды того чистаго и высокаго понятія о бракѣ и супружескихъ узaxъ, какое составляетъ достоинствѣ христіанства, хотя бы даже въ слабой степени. При такомъ чувственномъ взглядѣ на бракъ, мухаммеданскіе законовѣды и самую цѣль брака полагаютъ для мужчины въ плотскомъ сожитіи, а для женщины въ удовольствіи чувственныхъ похотей своего мужа⁵⁾.

¹⁾ См. приложение 1-е.

²⁾ Самое названіе брака по-арабски «никяхъ» по словопроизводству означаетъ простое чувственное отношеніе между полами.

³⁾ См. приложение 3-е. До какихъ мелочей опредѣлены у мухаммеданъ половыя отношенія между супругами, можетъ свидѣлствовать слѣдующій фактъ. Одинъ французскій путешественникъ по Персіи однажды минималъ имщика везти его до извѣстнаго мѣста. Но тотъ отказался, говоря, что законъ повелѣваетъ ему эту ночь провести съ женою. (Voyages en Perse dans l'Athhakistan, le Beloutchistan et le Turkestan, par Ferrier, T. 1, p. 76—77). А въ Туркестанѣ жена одного мухаммеданина убѣжала отъ своего мужа потому только, что онъ не одну уже пятницу пропустилъ, т. е. не проводилъ съ нею (Вѣстникъ Европы. 1875. Ноябрь. Ст. М. Терентьева: «Туркестанъ и Туркестанцы», стр. 153).

⁴⁾ Коранъ, гл. 2, ст. 183, 193, 222; гл. 5, ст. 9. /

⁵⁾ Торнау, изложеніе началъ мусульманскаго законовѣдѣнія, стр. 131. Того-же автора, мусульманское право. Выпускъ 1-й, стр. 148. Срав. коранъ гл. 2, ст. 183.

По своему чувственному характеру Мухаммедъ не могъ подняться до высокаго представленія христіанства о жизни дѣвственной, поставляемой выше брачной въ отношеніи нравственнаго совершенства. Мухаммедъ никакъ не могъ представить возможности такой нравственной чистоты, которая запрещаетъ человѣку даже смотрѣть съ чувственнымъ пожеланіемъ на жену другаго. Онъ думалъ, что дѣвственность есть только путь къ разврату, путь самый опасный и скользкій для людей, потому и поставилъ правиломъ ислама, что дѣвственная жизнь чужда исламу. Дѣвственная жизнь, по словамъ Корана, есть только выдумка христіанъ¹⁾. Мухаммедъ сдѣлалъ бракъ обязанностью каждаго своего послѣдователя, а дѣвственность, столь чтимую въ христіанствѣ, призналъ самымъ безпечнымъ образомъ жизни, гдѣ человѣкъ легче всего дѣлается добычею діавола; Мухаммедъ считалъ дѣвство прямымъ путемъ въ адъ. Одно преданіе отъ лица Мухаммеда говоритъ, будто-бы онъ однажды, объясняя 28—30 стихи 4-й главы Корана въ многочисленномъ кругу молодыхъ людей, сказалъ: „когда мужчина женится, дьяволъ начинаетъ страшно метаться. Властитель, спрашиваютъ его слуги, что тебя такъ беспокоитъ? Одинъ изъ смертныхъ вырвался изъ моихъ рукъ, отвѣчаетъ дьяволъ въ отчаяніи“²⁾. Нельзя ли видѣть изъ этихъ словъ преданія, приводимаго отъ лица Мухаммеда, что онъ совершенно не признавалъ жизни дѣвственной и старался всѣми мѣрами положить пре-

¹⁾ Коранъ, гл. 57, ст. 27.

²⁾ Библіотека для чтенія 1860 года. 162 т. Ноябрь. «Женщины въ Аджарѣ», стр. 6. Какимъ высокимъ почетомъ брачная жизнь пользуется въ исламѣ въ ущербъ дѣвству, можетъ служить доказательствомъ еще одна фетва (рѣшеніе, приговоръ мусульманскихъ законодѣловъ) и преданіе. Мы представляемъ ихъ буквальный переводъ съ арабскаго. Фетва гласитъ: «не позволено никому разговаривать во время чтенія хутбы (т. е. брачной), потому что это время есть время милости и прощенія, какъ сказано (т. е. Мухаммедъ): — миръ ему! — «подлинно, когда люди собираются на бракъ, тогда ангелы не остаются на небѣ праздными, а умоляютъ (т. е. Бога) о прощеніи». И сказано (т. е. Мухаммедъ): — миръ ему! — «превосходнѣйшее изъ служеній Богу всевышнему есть бракъ. Потому для васъ необходимо собираться къ слушанію ея (т. е. хутбы), хотя бы васъ раздѣляло пространство въ семь верстъ и хотя бы (при чтеніи хутбы) не молились». Преданіе говоритъ: «когда исполняется заключеніе брака и люди собираются для хутбы, тогда Богъ всевышній, исполненный милости, внемлетъ имъ и изливаетъ на нихъ милость и прощеніе и записываетъ добрая дѣла ихъ въ книги небесной въ капляхъ дождя и на листьяхъ деревьевъ. Потому не запрещается (присутствовать на бракѣ) никому изъ мусульманъ, кромѣ того, кто разговариваетъ во время хутбы». Хутбалыкъ.

грады этому высоконравственному состоянію, которое прославило столько личностей въ христіанствѣ. Слѣдуя этому основному взгляду Мухаммеда, послѣдующіе мусульманскіе закоповѣды и основатели различныхъ толковъ (*мязнабъ*) ставили жизнь супружескую гораздо выше жизни дѣвственной. Одинъ изъ нихъ, именно Маликъ, дошелъ даже до такого предпочтенія брака предъ дѣвствомъ, что говорилъ: „лице, сочетававшееся бракомъ, имѣетъ предъ Богомъ болѣе заслуги, чѣмъ самый набожный мусульманинъ, оставшійся холостымъ“¹⁾. Одинъ только имамъ Шафій, основатель Шафійтскаго толка, далъ предпочтеніе дѣвственной жизни предъ бракомъ для лицъ, посвятившихъ себя исключительно Богу²⁾. Конечно, чрезъ это имамъ Шафій сталъ въ противорѣчіе не только съ мнѣніями другихъ мусульманскихъ законовѣдовъ и улемовъ (ученыхъ), но даже со словами самого Корана. Вслѣдствіе такого предпочтенія, оказываемаго брачной жизни предъ дѣвственною, между мусульманами навсегда самымъ прочнымъ образомъ утвердилось мнѣніе, что нужно, какъ можно скорѣе, при первомъ удобномъ случаѣ, жениться, такъ что по словамъ одного мусульманскаго преданія *даже земля, на которой спитъ холостой человекъ, возноситъ Богу жалобы на него*³⁾. Особенно мусульманское законовѣдніе настаиваетъ на обязательности брака для женщинъ, какъ людей слабыхъ. Если уже мужчина, котораго исламъ признаетъ несравненно болѣе способнымъ вести правственную жизнь, необходимо обязанъ вступить въ бракъ при первой представившейся возможности, то тѣмъ болѣе бракъ обязателенъ для женщины, какъ существа слабого, безъ мужа лишеннаго возможности вести болѣе или менѣе порядочную жизнь. Къ этому привела мухаммеданскихъ законовѣдовъ еще другая мысль, именно, что женщина, какъ существо *низшее*⁴⁾, живущее не для себя, а для мужчины⁵⁾, не можетъ и не должна вести жизнь безбрачную, чтобы достигнуть своего назначенія. По преданію Мухаммедъ простеръ эту мысль до та-

¹⁾ Торнау, Мусульманское право. Вып. 1-й, стр. 147—148.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Отечественныя Записки. 1855 г. XI т. «Судьба женщины на мусульманскомъ востокѣ», стр. 60.

⁴⁾ Коранъ, гл. 4, ст. 38; гл. 2, ст. 228.

⁵⁾ Коранъ, гл. 30, ст. 20.

кой степени, что будто бы объявилъ, что женщина только тогда можетъ надѣяться на блаженную жизнь за гробомъ, когда она вступаетъ въ бракъ; иначе она осуждается на вѣчное мученіе¹⁾. Такимъ образомъ онъ поставилъ женщинѣ въ непремѣнную обязанность вступленіе въ супружество. У Мухаммеда были сильныя побудительныя причины заставлять женщинъ вступать въ бракъ; при полигаміи, допущенной имъ, мысль его могло занимать опасеніе, что не достанетъ женщинъ для удовлетворенія этой громадной потребности. Послѣдователи Мухаммеда остались вѣрны этому принципу. Они также поставляютъ для женщины необходимымъ долгомъ вступленіе въ бракъ и высоко превозносятъ брачное состояніе женщины предъ дѣвственною жизнью, такъ что одно изъ самыхъ главныхъ обрядовыхъ постановленій мусульманской религіи, именно хожденіе въ Мекку, поставили для женщины въ тѣсную зависимость отъ брака и запретили посѣщать Мекку дѣвицамъ или вдовамъ, словомъ — женщинамъ, стоящимъ виѣ брачныхъ узъ²⁾. И въ настоящее время всѣ мусульмане желаютъ, какъ можно поскорѣе, выдать за-мужъ своихъ дочерей, а мусульманки стараются какъ можно скорѣе выдти за-мужъ, такъ что, напр. въ Персіи, дѣвушка, которая не успѣла выдти за-мужъ до двадцатилѣтняго возраста, подвергается всевозможнаго рода насмѣшкамъ³⁾. Такимъ образомъ чувственность, господствующая въ исламѣ и властвующая надъ всѣми мусульманами, начиная съ самаго основателя ислама, произвела явленіе, діаметрально противоположное съ тѣмъ, какое мы видѣли въ христіанствѣ.

Условія правильности мухаммеданскаго брака и препятствія ко вступленію въ бракъ.

При такомъ чувственномъ пониманіи основъ брака, онъ, т. е. бракъ, и во всѣхъ своихъ подробностяхъ и частностяхъ остался вѣренъ своему основному характеру, весь проникнутъ этой чувственностью. Условія правильности брака, препятствія ко вступленію въ бракъ и проч.—все проникнуто въ высшей степени матеріальнымъ характеромъ и потому стоитъ въ самомъ

1) Османъ-Бей, стр. 28—29.

2) Клотъ-Бей. Ч. I, стр. 186.

3) Отечеств. Записки 1855 г. CI т. 58 стр.

рѣзкомъ контрастѣ съ христіанскимъ бракомъ, какъ высокимъ нравственнымъ учрежденіемъ. Мы выше разсматривали, что въ христіанскомъ бракѣ непремѣннымъ условіемъ правильности и законности поставляется согласіе обѣихъ сторонъ, вступающихъ въ бракъ. Это было необходимымъ слѣдствіемъ понятія Церкви о бракѣ, какъ свободно-нравственномъ союзѣ душъ. Посмотримъ, насколько выполняетъ исламъ это непремѣнное требованіе, при которомъ только и можетъ существовать бракъ, какъ нравственно-свободный актъ двухъ личностей. При первомъ взглядѣ на это требованіе насъ не поражаетъ рѣшительно никакое существенное различіе между мусульманскимъ бракомъ и христіанскимъ въ этомъ отношеніи. Тамъ и здѣсь повидимому одинаково требуется обоюдное согласіе отъ вступающихъ въ бракъ. Но на самомъ дѣлѣ, если разсмотрѣть частности и выкинуть въ подробности, какія соблюдаются по закону при исполненіи этого требованія, то нельзя не сознаться, что различіе въ этомъ случаѣ между тѣмъ и другимъ бракомъ довольно рѣзко и настолько важно, что придаетъ даже характеристическій отбѣнокъ тому и другому браку. Правда, мусульманскіе законовѣды ставятъ непремѣннымъ условіемъ предъ заключеніемъ брака спрашивать о согласіи вступающихъ въ оный¹⁾; но интересно знать, какъ совершается самый процессъ спрашиванія вообще на всемъ мусульманскомъ Востокѣ. Въ день заключенія брачнаго контракта мулла или казы²⁾ съ свидѣтелями приходитъ въ домъ невѣсты; невѣста не показывается и сидитъ въ другой комнатѣ; казый подходитъ къ двери, за которой находится невѣста и черезъ дверь спрашиваетъ о ея согласіи, и если изъ-за двери получить утвердительный отвѣтъ на свой вопросъ, то приступаетъ тотчасъ же къ составленію брачнаго контракта, нисколько не заботясь о томъ, отъ невѣсты ли получилъ онъ отвѣтъ, или отъ другой женщины, которая отвѣтила за невѣсту. Очень легко можетъ быть, что при нежеланіи невѣсты выйти за-мужъ, этимъ случаемъ пользуются чадолюбивые родители и ставятъ за дверь какую-нибудь другую личность³⁾. Положимъ даже, что это злоупотребленіе родителей

¹⁾ См. приложение 3-е стр. 46. Topnau, 139 стр. Mills, Histoire du mahometisme, p. 42—47.

²⁾ Мусульманскій судья.

³⁾ Османъ-Бей, стр. 76—77.

очень рѣдко случается на практикѣ, всетаки свободное вступленіе дѣвицы въ бракъ не гарантировано отъ притѣсненія со стороны другихъ. А между тѣмъ въ болѣе или менѣе порядочныхъ мусульманскихъ домахъ никакимъ образомъ не позволяется казью увидѣть невѣсту и быть съ нею въ одной комнатѣ во время изьявленія послѣдней своего согласія на бракъ и вообще не позволяется ему увидѣть невѣсту, такъ какъ это противорѣчило бы общему духу мусульманской религіи, проповѣдующей затворничество женскаго пола. Правда, въ нѣкоторыхъ странахъ мусульмане, особенно низшихъ классовъ, позволяютъ казью видѣть невѣсту; но отъ этого положеніе дѣла не улучшается. По закону ислама даже и не требуется выраженія согласія со стороны невѣсты опредѣленными словами; уже молчаніе ея признается за согласіе со стороны ея; даже плачь безъ членораздѣльныхъ звуковъ и рыданіе служатъ признакомъ ея согласія¹⁾. Вотъ какимъ является въ исламѣ это главнѣйшее условіе законности и правильности брака. Представьте себѣ дѣвушку предъ родителями, дѣвушку, воображеніе которой запугано угрозами, что за отказомъ ея послѣдуетъ самое жестокое изтязаніе ея; можетъ ли она осмѣлиться сдѣлать отказъ, сказать казью, что она не согласна выходить за-мужъ? Можетъ быть, она зальется слезами, предвидя непріятную и бѣдственную свою жизнь съ человѣкомъ, за котораго ее отдають насильно; но къ чему поведутъ ея слезы? Онѣ принимаются за согласіе съ ея стороны, и казый на основаніи этихъ слезъ приступаетъ къ составленію брачнаго контракта. Такимъ образомъ обоюдное согласіе вступающихъ въ бракъ, поставленное требованіемъ законности брака, обращается почти въ пустое слово, по крайней мѣрѣ по отношенію къ невѣстѣ. И самъ Мухаммедъ едва ли имѣлъ въ виду поставить условіемъ законности брака согласіе со стороны невѣсты. Читая Коранъ и находя въ многочисленныхъ мѣстахъ его законоположенія о бракѣ, поражаешься отсутствіемъ этого, по христіанскому понятію, одного изъ самыхъ главныхъ требованій для законности и правильности брака; Мухаммедъ не сказалъ въ Коранѣ ни одного слова, на основаніи котораго можно было бы поставить обязательнымъ требованіе согласія со стороны невѣсты. Едва ли и возможно въ исламѣ поставить условіемъ согласіе со стороны вступающихъ въ бракъ, какъ

¹⁾ См. приложеніе 3-е стр. 49—50. Торвау, стр. 133.

выраженіе внутренняго расположенія. Этого расположенія не можеть быть при заключеніи мусульманскаго брака, потому что Мухаммедъ запретилъ женищѣ показывать свое лице мужчинамъ, исключая самыхъ близкихъ родственниковъ¹⁾, и мухаммедане, слѣдую этому постановленію Корана, по мѣрѣ возможности стараются соблюсти его, не показывая своихъ дочерей и женъ постороннимъ мужчинамъ и повелѣвая имъ носить покрывало, скрывающее ихъ отъ постороннихъ взоровъ²⁾. Само собою понятно, что любовь не мыслима между женихомъ и невѣстой при такомъ стѣснительномъ постановленіи. Возможно ли, чтобы человѣкъ внутренне и искренно полюбилъ особу, которой лица онъ не видалъ ни разу и съ которой онъ не сказалъ ни одного слова? Такимъ образомъ мусульманство исключаетъ предварительное сочувствіе между супругами и считаетъ его даже не нужнымъ и излишнимъ, вслѣдствіе своего понятія о бракѣ, какъ чувственномъ сожитіи супруговъ, ставясь чрезъ это въ совершенный контрастъ съ христіанствомъ, которое требуетъ отъ супруговъ любви самой искренней, чистосердечной, подобной любви Христа къ Церкви.

Выходя изъ своего основнаго понятія о бракѣ, исламъ допустилъ еще гораздо большее нарушеніе свободы вступающихъ въ бракъ, даже совершенно почти уничтожилъ ее своимъ постановленіемъ объ опекаѣ. По постановленіямъ мусульманскихъ законовѣдовъ опекуны жениха и невѣсты могутъ устроить бракъ ихъ, когда они еще не достигли совершеннолѣтія. Правда, женихъ и невѣста, связанные узами брака отъ лица опекуновъ своихъ во время своего несовершеннолѣтія, могутъ, достигши совершеннолѣтія, расторгнуть бракъ, заключенный опекунами; но только тогда, когда опекунами были не отецъ и не дѣдъ³⁾. Въ случаѣ же, если опекунами были отецъ или дѣдъ несовершеннолѣтней невѣсты или несовершеннолѣтнаго жениха, то бракъ признается во всей силѣ и по достиженіи совершеннолѣтія; ни мужъ ни жена не имѣютъ права расторгнуть брака⁴⁾.

¹⁾ Коранъ, гл. 33, ст. 58—59.

²⁾ Тридцать лѣтъ въ турецкихъ гаремахъ, стр. 278; Османъ-Бей, стр. 49: Lüdeke, Beschreibung des Türkischen Reiches. T. 1, S. 342. Отеч. Записки 1855 г. CI т. 62 стр.

³⁾ Какіе родственники могутъ быть опекунами въ этомъ случаѣ, см. приложение 3-е, стр. 51—52.

⁴⁾ См. приложение 3-е стр. 49. Mills, Histoire du mahometisme, p. 362 и слѣд.; Клотъ-Бей, I ч. 268 стр.; Торнау, 155—156 стр.

Этимъ постановленіемъ совершенно отнимается свобода у вступающихъ въ бракъ и исключается изъ числа условій законности брака согласіе вступающихъ въ бракъ. Мусульманство и христіанство остались въ этомъ случаѣ вѣрны своему основному принципу. Въ христіанствѣ требуется для законности брака только согласіе со стороны родителей и опекуновъ, но не всецѣлое подчиненіе родительской волѣ самихъ вступающихъ. Между тѣмъ въ исламѣ эта правильность отношеній нарушена; родители уничтожаютъ волю самихъ брачующихся, когда она болѣе всего необходима.

Если такъ деспотиченъ произволъ родителей, то тѣмъ болѣе деспотиченъ произволъ господъ относительно брака своихъ рабовъ. Родители и опекуны имѣютъ по крайней мѣрѣ *de jure* неограниченную власть только надъ несовершеннолѣтними; между тѣмъ господъ имѣютъ право выдавать за-мужъ своихъ рабынь и выбирать невѣстъ для своихъ рабовъ. Рабъ или раба не можетъ отказаться отъ вступленія въ бракъ съ тѣмъ лицомъ, какое выбрали произволъ и расчетъ господина. Самъ Мухаммедъ повелѣваетъ господамъ женить слугъ и выдавать за-мужъ служанокъ и считаетъ это ихъ неотъемлемымъ правомъ, даже вмѣняетъ это въ обязанность и ни однимъ словомъ не даетъ права заключать, что онъ считалъ согласіе раба на бракъ необходимымъ условіемъ. Мухаммедъ даже не вмѣняетъ господину въ обязанность сообразоваться съ желаніемъ раба въ этомъ случаѣ и не пренебрегаетъ совершенно участіемъ его воли¹⁾. Постановленія мусульманскихъ законовѣдовъ о бракѣ также всѣ единогласно предоставляютъ господамъ право заключать браки рабовъ и рабынь безъ всякаго на то ихъ согласія. Только въ томъ случаѣ, когда господинъ заключаетъ бракъ раба самъ безъ его согласія, приданое (*мехръ*) не обязательно для раба²⁾. Отъ произвола господъ не освобождаются и совершеннолѣтніе рабы; всѣ подлежатъ этому грубому своеволю своихъ господъ. Различіе съ христіанскими постановленіями въ этомъ случаѣ еще больше, нежели въ бракѣ свободныхъ лицъ.

Кромѣ этихъ условій законности брака, имѣющихъ нѣкоторое хотя видимое сходство съ христіанскими, мусульманство поставило еще новое одно условіе, котораго нѣтъ и не могло

¹⁾ Коранъ, гл. 24, ст. 32—33.

²⁾ См. приложение 3-е, стр. 58. Торнау, 140 стр.

быть въ христіанствѣ при его понятіи о бракѣ, именно *равенство вступающихъ въ бракъ*. Это равенство должно прости- раться на религію, на происхожденіе, на имущество, на самыя даже занятія, такъ что личности, различныя по занятіямъ, или по состоянію, или по происхожденію, не могутъ сочетаться бракомъ между собою¹⁾. Въ христіанствѣ такого постановленія нѣтъ; и несообразно было бы съ духомъ христіанства, чтобы бракъ, какъ свободно-нравственное состояніе, какъ учрежденіе Церкви, имѣющее своимъ прообразомъ отношеніе Христа къ Церкви, нуждался въ такихъ чисто внѣшнихъ условіяхъ, какъ напр. въ равенствѣ супруговъ по состоянію, по происхожденію и пр. Допустить это значило бы нарушить основной характеръ христіанскаго брака. Тогда какъ мусульманство, смотря на бракъ, какъ на плотское сожитіе мужа и жены и видя въ немъ одно лишь гражданское учрежденіе, совершенно есте- ственно могло поставить условіемъ правильности брака это требованіе, которое только тогда и можетъ имѣть мѣсто, когда бракъ составляетъ чисто гражданское постановленіе, лишенное всякой религіозной и даже моральной основы.

Мухаммеданское законодательство о степеняхъ родства.

Теперь обратимся къ разсмотрѣнію законоположенія ислама относительно условія правильности брака, которое мы при из- ложеніи брака христіанскаго назвали *нравственно-физическимъ*. Это именно отсутствіе близкихъ степеней родства, какъ условіе для правильности и законности вступленія въ бракъ. Закопо- положеніе ислама въ этомъ отношеніи отчасти сходно съ хри- стіанскимъ, отчасти представляетъ самую рѣзкую противопо- ложность съ нимъ. Мухаммедъ сдѣлалъ постановленіе относи- тельно степеней родства, но очень мало придавъ имъ значенія, какъ препятствія для вступленія въ бракъ. Онъ не хотѣлъ полагать въ родствѣ стѣсненія для женолюбивыхъ и сладо- страстныхъ арабовъ, своихъ послѣдователей. Вслѣдствіе этого онъ далеко отсталъ отъ христіанства, которое простерло запрещеніе браковъ между родственниками до очень даль- нихъ степеней. Мухаммедъ же до самой крайней степени сократилъ родство, часто пренебрегая даже естественнымъ

¹⁾ См. приложение 3-е, стр. 52. Mills, Histoire du Mahometisme, p. 362.

отвращеніемъ чловѣка отъ близко-родственныхъ браковъ. Христіанская Православная Церковь рѣшительно запрещаетъ браки въ *четыре*хъ степеняхъ кровнаго и друхроднаго родства, даже пятую и шестую степень считаетъ не совсѣмъ позволенною для брака. Мухаммедъ же ограничился только запрещеніемъ брака въ кровномъ родствѣ до *трехъ* степеней включительно. Онъ говоритъ въ Коранѣ: „не женитесь на женахъ, которыя были супругами вашихъ отцевъ... Вамъ запрещено жениться на вашихъ матеряхъ, теткахъ съ отцевскою и материнскою стороны, племянницахъ, кормилицахъ, молочныхъ сестрахъ, тещахъ, дѣвицахъ, ввѣренныхъ вашему попеченію и происшедшихъ отъ женъ, съ которыми жили. Тѣмъ болѣе на дочеряхъ вашихъ сыновей, которыхъ вы произвели, ни на двухъ сестрахъ“¹⁾. Изъ этихъ словъ Корана видно, что бракъ запрещенъ только до *трехъ* степеней включительно, т. е. между дядей и племянницей, теткой и племянникомъ. Что же касается до четвертой степени, т. е. брака между двоюродными братьями и сестрами, то Мухаммедъ относительно этого умолчалъ и считалъ сго дозволеннымъ; а въ настоящее время у бедуиновъ жениться на двоюродныхъ сестрахъ вошло въ обычай настолько, что всякій считаетъ себя въ правѣ и даже въ преимущественномъ правѣ требовать руки своей двоюродной сестры²⁾. Въ этомъ заключается одно изъ самыхъ рѣзкихъ различій между степенями родства, позволенными для брака по законамъ ислама и христіанства. Но еще гораздо болѣе различія въ постановленіяхъ той и другой религіи относительно свойства. Мухаммедъ запретилъ браки только въ самыхъ близкихъ степеняхъ по свойству, именно, какъ уже читали въ выше приведенномъ стихѣ Корана, бракъ съ женою отца, съ женою сына и бракъ съ двумя сестрами въ одно время. Такимъ образомъ онъ позволилъ вступать въ бракъ даже съ такими близкими родственниками по свойству, какъ напр. съ сестрою жены послѣ ея смерти, съ племянницей жены. Впрочемъ послѣдній бракъ, по мусульманскому закону, мужъ можетъ заключить только съ согласія жены³⁾. Кромѣ того Мухаммедъ, благодаря своей страсти къ красивымъ женщинамъ, дозволялъ жениться на

1) Коранъ, гл. 4, ст. 26—27.

2) Znanie. 1874 г. Октябрь, 86 стр.

3) Торнау, 136 стр.

женѣ пріемнаго сына¹⁾). Нельзя не видѣть въ этихъ постановленіяхъ Мухаммеда явной поблажки его чувственной склонности своихъ послѣдователей, не желавшихъ стѣснять себя близкими степенями родства при заключеніи брака. Какъ чуждъ былъ Мухаммеду тотъ высокій духъ, который проглядываетъ въ нравственномъ совершенствѣ христіанства, простершаго такъ далеко степени родства, запретивши даже бракъ въ трехродномъ родствѣ въ первой степени, не говоря уже о двухродномъ, гдѣ родственныя отношенія считаются въ той же силѣ, какъ и въ кровномъ родствѣ. Различіе законоположеній ислама и христіанства въ этомъ отношеніи легко объясняется духомъ христіанскаго и мусульманскаго брака. По понятію христіанства, бракъ есть союзъ душъ столь тѣсный, что оба супруга становятся здѣсь одною плотью. Потому христіанство перенесло степени кровнаго родства и на свойство. По понятію же ислама, бракъ составляетъ простой гражданскій договоръ, не представляющій и тѣни того тѣснаго союза, какъ въ христіанствѣ. Поэтому мусульманство и считало излишнимъ признавать родство двухродное настолько же важнымъ, какъ и кровное. А если оно и запретило вступать въ бракъ въ нѣкоторыхъ самыхъ близкихъ степеняхъ свойства, то потому только, что не могло идти противъ естественнаго отвращенія людей отъ подобныхъ кровосмѣсительныхъ браковъ.

Оригинальную черту ислама въ законоположеніи о родствѣ составляетъ законоположеніе о родствѣ по кормилицѣ. Арабы съ древнѣйшихъ временъ съ глубокимъ уваженіемъ относились къ этому родству. Они поставляли женщицу - кормилицу на степени матери, потому всегда питали къ ней такое же уваженіе, какъ и къ этой послѣдней. Мухаммедъ не хотѣлъ и не могъ отмѣнить этого понятія, такъ глубоко укоренившагося въ правахъ и обычаяхъ народа; онъ долженъ былъ запретить бракъ въ родствѣ по молочному кормленію въ тѣхъ же степеняхъ, какъ и по крови. По крайней мѣрѣ мусульманскіе законы вѣды признавали молочное родство препятствіемъ къ браку до тѣхъ же степеней, какъ и кровное²⁾). Христіанство же не признало этого родства, потому что не нашло его укоренившимся въ правахъ и обычаяхъ своихъ народовъ.

¹⁾ Коранъ, гл. 33, ст. 36—38.

²⁾ См. приложение 3-е, стр. 62—64. Торнау, 135—136 стр.

Какъ нельзя лучше изображаетъ чувственный характеръ мусульманскаго брака признаніе блуда равносильнымъ браку въ отношеніи свойствъ и близости родственныхъ линий. Мухаммедъ запретилъ вступать въ бракъ со своими дочерями, происшедшими внѣ брака¹⁾. Конечно это вполне естественно; но послѣдователи его, мусульманскіе законодатели постарались распространить это запрещеніе еще дальше и простерли его на всѣ степени, которыя считаютъ запрещенными по крови²⁾, т. е. запретили мужчинѣ жениться на родственницахъ женщины, съ которой онъ имѣлъ незаконную связь. Это повидимому—незначительное отступленіе и нововведеніе сравнительно съ христіанствомъ, однако на самомъ дѣлѣ оно, какъ нельзя болѣе, выражаетъ то понятіе, какое мусульмане имѣютъ относительно брака. Считая бракъ лишь только плотскимъ сожитіемъ двухъ лицъ разнаго пола, мусульмане естественно должны были поставить незаконное сожительство на степень брака относительно родства, потому что не находили никакого отличія его отъ законнаго брака. Вслѣдствіе такого чувственнаго взгляда на бракъ, въ исламѣ явилось понятіе и не о такихъ еще степеняхъ родства, какъ родство по незаконному сожительству. Исламъ измыслилъ и установилъ родство, которое едва ли какой-нибудь здравый человѣкъ можетъ признать, именпо родство только по одному страстному взгляду на части жепцины, которыя не позволено видѣть мужчинѣ³⁾.

Но справедливо ли такъ строго отпоситься въ этомъ случаѣ къ Мухаммеду? Не слишкомъ ли жестоко мы обвиняемъ его въ чувственпомъ характерѣ законоположенія о родствѣ? Можетъ быть, онъ не могъ подняться выше этого при чувственности своего народа и своего времени? Можетъ быть этимъ, по нашему понятію проникнутымъ матеріальнымъ характеромъ, законоположеніемъ о родствѣ онъ оказалъ громадную услугу арабамъ, которые до того времени погрязали еще въ большей чувственности? Къ сожалѣнію Мухаммедъ не имѣетъ за собою и этого оправданія. Онъ не только не возвысился надъ своими современниками арабами, но даже сдѣлалъ позволенными такія степени родства, которыя у нихъ считались запрещенными, чего

1) Коранъ гл. 4, ст. 27.

2) См. приложение 3-е, стр. 46. Торнау, 137 стр.

3) См. приложение 3-е, стр. 46.

требовало и естественное чувство. Нельзя думать, чтобы Мухаммедъ первый въ Аравіи запретилъ вступленіе въ бракъ въ такихъ близкихъ степеняхъ родства, какъ напр. брату съ сестрой, сыну съ матерью и пр. Эти родственныя отношенія по мнѣнію Саля, обширнаго знатока мусульманства и знаменитаго ориенталиста, были свято соблюдаемы и до Мухаммеда, а если и нарушалось что-нибудь въ этихъ отношеніяхъ, то лишь въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ, именно иногда сыновья вступали въ бракъ съ женами своихъ отцевъ (конечно не со своими матерями). Но подобные браки подвергались публичному презрѣнію со стороны самихъ же арабовъ¹⁾. Мухаммеду нисколько не принадлежитъ честь первоначальнаго запрещенія брака между близкими родственниками. Онъ даже дозволилъ браки въ такихъ степеняхъ родства, въ которыхъ они считались непозволенными и у самихъ арабовъ; онъ дозволилъ жениться на женахъ своихъ пріемныхъ сыновей. Это было такъ необычно у арабовъ, что они глубоко возмутились, когда Мухаммедъ самъ женился на разведенной женѣ усыновленнаго имъ раба Зяйда²⁾. Такимъ образомъ и сравненіе съ современнымъ Мухаммеду состояніемъ брачныхъ обычаевъ въ отношеніи степеней родства говорить не въ пользу его; основатель ислама не оказалъ никакого благотворнаго вліянія на современное ему арабское общество.

Мухаммеданское законодательство о возрастѣ вступающихъ въ бракъ и дѣйственности неопыты.

Не велики заслуги мусульманства и относительно законоположенія о совершеннолѣтіи и фізіолого-психической способности вступающихъ въ супружескій союзъ, какъ объ условіи законности брака. Что касается совершеннолѣтія, то мусульманство въ этомъ случаѣ не можетъ претендовать на то мудрое стремленіе сообразоваться со всеѣми странами земли, какое замѣчается въ христіанствѣ. Въ этомъ отношеніи исламъ находится въ противорѣчіи со своимъ стремленіемъ сдѣлаться *всемирной* религіей; его постановленія касательно совершеннолѣтія имѣютъ

¹⁾ Sale, *Civilisation musulmane*. Panthéon littéraire, p. 517—519.

²⁾ Коранъ, гл. 33, ст. 36—37, также примѣчаніе къ этимъ стихамъ въ русскомъ переводѣ Корана Николаева. Ср. приложение 1-е стр. 25—27.

своимъ исходнымъ пунктомъ Аравію и по ней опредѣляютъ совершеннолѣтіе въ другихъ, даже въ сѣверныхъ, странахъ. Вслѣдствіе этого выходитъ, что совершеннолѣтіе, принимаемое исламомъ, совершенно непримѣнимо къ странамъ сѣвера. Мусульманское законодѣніе назначаетъ крайнимъ предѣломъ совершеннолѣтія *пятнадцать лѣтъ* для мужчинъ и *девять* для женщинъ¹⁾. Возможно ли руководиться этимъ постановленіемъ закона, напр. у насъ въ Россіи, гдѣ въ эти годы люди бываютъ еще дѣтьми? Правда, мусульманскіе юристы упоминаютъ еще о другихъ признакахъ совершеннолѣтія, болѣе соотвѣтствующихъ дѣйствительному наступленію его²⁾; но эти признаки они опредѣлили принимать во вниманіе лишь тогда, когда человѣкъ не достигъ опредѣленнаго выше возраста; по достиженіи же этого возраста признаки совершеннолѣтія остаются совершенно безъ вниманія. Притомъ нельзя не замѣтить огромной разницы въ лѣтахъ между совершеннолѣтіемъ мужчины и совершеннолѣтіемъ женщины, разницы на цѣлыхъ шесть лѣтъ. Положимъ, въ странахъ Востока, гдѣ появилось мусульманство, женщины въ эти годы часто бываютъ способными къ дѣторожденію, но все же по умственнымъ свойствамъ онѣ бываютъ дѣтьми. Это обстоятельство не могло не обратить на себя вниманія Мухаммеда. Но для него психическая сторона—предметъ второстепенный, ему нужна женщина просто какъ орудіе для удовлетворенія похоти мужа, а не какъ спутница его жизни, его помощница и подруга, какое мѣсто она занимаетъ въ христіанскомъ бракѣ. И самые признаки совершеннолѣтія, которые поставляетъ исламъ, для лицъ не достигшихъ указанныхъ выше лѣтъ, носятъ на себѣ тотъ же чувственный характеръ³⁾. Здѣсь обращено вниманіе исключительно на половую дѣятельность; по способности къ ней опредѣляется совершеннолѣтіе мужчины и женщины; нѣтъ ни одного слова, ни одного намека даже на то, что при этомъ нужно обращать вниманіе не на одну только фізіологическую сторону, но и на психическую. Правда, въ умѣренныхъ и холодныхъ странахъ психическая жизнь развивается обыкновенно почти одновременно съ развитіемъ физической природы и даже раньше ея, но въ

1) Торнау, стр. 125—139.

2) Торнау, стр. 125.

3) Тамъ же.

странахъ юга, которыя собственно и имѣлъ въ виду исламъ, дѣло происходитъ наоборотъ: тамъ обыкновенно и почти всегда люди развиваются физически скорѣе, нежели психически. Поэтому обращать вниманіе на одну физическую сторону и въ частности на одну способность къ плотскому сожитію, при опредѣленіи совершеннѣйшаго, крайне односторонне и нераціонально. Если бы исламъ не смотрѣлъ на бракъ какъ на чисто плотское сожитіе супруговъ, онъ никакъ не долженъ бы ограничиваться при опредѣленіи совершеннѣйшаго одною только этою способностью. Только матеріальнымъ характеромъ мусульманскаго брака можно объяснить эту крайнюю односторонность въ пользу физической стороны при опредѣленіи совершеннѣйшаго, какъ условія законности брака,—односторонность, какой нѣтъ въ христіанскомъ бракѣ.

Исламъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе на плотскомъ сожитіи супруговъ и около этого, какъ центра, собираетъ и къ этому примѣняетъ всѣ другія законоположенія относительно брака. Потому онъ дѣйствительность невѣсты (если она дѣвица) считаетъ необходимымъ условіемъ законности брака¹⁾. Но нужно знать, съ какой стороны онъ относится къ этому требованію. Исламъ смотритъ на это дѣло не съ нравственной точки зрѣнія, съ которой можно предполагать, что отъ развращенной женщины нельзя ожидать хорошей супруги, или думать, что нарушеніе невинности унижаетъ важность брака, какъ учрежденія высокоправеднаго. Въ этомъ случаѣ исламъ имѣлъ въ виду только грубую чувственную сторону предмета, желая угодить ревности мусульманъ, которые, видя въ женѣ свою *собственность*, купленную ими въ бракъ цѣною приданого, не могли потерпѣть убытка, встрѣтивъ въ ней потерянную невинность. Положимъ, законъ не мотивируетъ это запрещеніе ничѣмъ, но изъ обыкновеннаго взгляда мусульманъ на это дѣло, изъ нѣкоторыхъ обычаевъ глубоко укоренившихся между ними, можно замѣтить всю чувственную сторону дѣла. Тѣ обычаи, которые существуютъ на практикѣ въ Аравіи относительно даннаго случая, достойны замѣчанія, потому что даютъ возможность наблюдать ту грубую чувственность, какою проникнуты всѣ мусульмане. Мы не будемъ здѣсь входить въ подробности относительно этихъ обычаевъ. Описаніе ихъ можно читать у

¹⁾ Торнау, 133 стр.

Нибура¹⁾. Изъ его описанія ясно обнаруживается чувственное побужденіе требованія отъ невѣсты дѣвственности, какъ одного изъ условій законности мусульманскаго брака.

Полигамія, какъ условіе мхаммеданскаго брака.

Мы разсмотрѣли всѣ условія законности и правильности мусульманскаго брака и видѣли громадное различіе ихъ сравнительно съ тѣми условіями, какія полагаетъ христіанство для той же цѣли. Но не въ этихъ условіяхъ еще заключается все громадное различіе мусульманскаго брака отъ христіанскаго, та непроходимая бездна, которая раздѣляетъ другъ отъ друга эти два діаметрально противоположные брака. Во всѣхъ изложенныхъ нами условіяхъ законности брака хотя и бросается съ перваго же взгляда огромное различіе между тѣмъ и другимъ бракомъ, но здѣсь все же есть нѣсколько сходныхъ чертъ между ними. Отличительный признакъ, который окончательно раздѣляетъ ихъ другъ отъ друга, безъ сомнѣнія составляетъ *полигамія*. Полигамія безмѣрно унизила мусульманскій бракъ, а отсутствіе и строгое преслѣдованіе ея въ христіанскомъ бракѣ неизмѣримо высоко поставили бракъ христіанскій. Христіанство, какъ мы видѣли, поставляетъ непремѣннымъ условіемъ законности брака отсутствіе супружескихъ узъ со стороны вступающихъ въ супружество, какъ мужчины такъ и женщины; только по смерти одного супруга можетъ другой супругъ вступить въ новый бракъ. Притомъ такая возможность не простирается въ безконечность: третій бракъ составляетъ уже крайній предѣлъ, за который никому не позволено преступать, такъ что четвертый бракъ окончательно запрещается и считается незаконнымъ. Мало того, даже второй и третій бракъ допускаются не иначе, какъ подъ условіемъ церковной епитиміи. Ничего подобнаго въ исламѣ нѣтъ. Здѣсь напротивъ допускается полная свобода мужу при живой женѣ вступать въ новое супружество и еще до четырехъ разъ — свободному и до двухъ разъ — рабу, такъ что по закону Мухаммеда свободному мужчине позволено жениться на четырехъ женахъ въ одно время, а рабу — на двухъ²⁾. Мусульманскіе юристы,

¹⁾ Beschreibung von Arabien, S. 35—36.

²⁾ Коранъ, гл. 4, ст. 3. Ср. прилож. 3-е, стр. 48. На этомъ законѣ отражаются слѣды талмудическаго вліянія, такъ какъ талмудъ дозволяетъ жениться на четырехъ же женахъ. — Mills, Histoire du mahometisme, p. 362.

слѣдую въ точности предписанію Корана, не только не оставляли и не отвергали этого установленія, напротивъ всегда съ особенною благосклонностью принимали его. Они даже не находили и не находятъ преимущества въ моногаміи, а отдають его, если не полигаміи въ тѣсномъ смыслѣ, то бигаміи на томъ основаніи, что Мухаммедъ, узаконяя въ Коранѣ многоженство, не упомянулъ даже о единоженствѣ, а сказалъ, что его послѣдователи могутъ брать себѣ или *дѣтъ*, или *три*, или *четыре жены*¹⁾. Если законовѣды и дѣлають въ этомъ случаѣ какія-нибудь ограниченія, то лишь въ нѣкоторыхъ чисто внѣшнихъ условіяхъ, напр. запрещаютъ бракъ свободнаго мужчины съ рабою, когда онъ уже женатъ на свободной женщинѣ²⁾. Но ни одному мусульманину никогда и на умъ не приходило считать дозволеніе многоженства позорнымъ и вреднымъ. Напротивъ, написано много сочиненій, въ которыхъ ученые мусульманскіе стараются разными путями доказать законность этого беззаконнаго учрежденія. Притомъ нужно замѣтить, что полигамія, допущенная Мухаммедомъ, не ограничивается четырьмя женами, — она простирается еще дальше. Мухаммедъ позволилъ своимъ послѣдователямъ имѣть сверхъ четырехъ законныхъ женъ только конкубинъ или наложницъ, пользоваться столькими рабынями, сколько позволяютъ имъ матеріальныя средства³⁾. Здѣсь онъ не позаботился положить и того вольнаго предѣла, какой положилъ относительно законныхъ женъ, а предоставилъ полнѣйшую свободу своимъ послѣдователямъ. Законодатели ислама всегда стремились поддержать это, потворствующее чувственности, учрежденіе; всѣ они допускали такое же неограниченное число женъ⁴⁾. Этимъ еще не удовлетворилось ихъ чрезмѣрное стремленіе къ чувственности и разврату. Шіиты сверхъ всего этого еще допустили бракъ *временный*, который впрочемъ суннитами отвергается⁵⁾. Этотъ бракъ, по ученію шіитовъ, можно заключать на извѣстный срокъ, который не

¹⁾ Коранъ, гл. 4, ст. 3. Въ русскомъ переводѣ это мѣсто Корана не выражаетъ этой мысли, но буквальному переводу съ подлинника оно читается: «позволяется вамъ жениться на томъ, что вамъ угодно изъ женщинъ: на двухъ, на трехъ, на четырехъ». См. приложение 2-е, стр. 39—40.

²⁾ Приложение 3-е стр. 49.

³⁾ Коранъ, гл. 4, ст. 29.

⁴⁾ См. приложение 3-е, стр. 48—49. Горнау, 137 стр.

⁵⁾ Горнау, 160—161 стр. Срав. приложение 3-е стр. 45.

можетъ быть больше 99 лѣтъ и меньше нѣсколькихъ часовъ¹⁾. Здѣсь уже предоставляется полнѣйшій просторъ чувственнымъ наклонностямъ мусульманъ. Захотѣлось мусульманину вступить въ плотское сожитіе, онъ тотчасъ нанимаетъ себѣ жену на извѣстный срокъ за извѣстную плату; можетъ даже нанять ее на нѣсколько часовъ! Супружество за извѣстную плату и на нѣсколько часовъ! Чѣмъ это отличается отъ самаго грубаго разврата? Это даже хуже блуда, потому что тотъ ни однимъ общественнымъ постановленіемъ не признается законнымъ, а этомъ блудъ совершается подъ покровительствомъ закона, подъ сѣнію религіи. Въ Персіи обыкновенно пользуются этимъ бракомъ, отправляясь куда-нибудь изъ мѣста своего жительства и не желая брать съ собой жены²⁾. Легко, удобно и выгодно, но только крайне безнравственно! Такимъ образомъ мы видимъ, что Мухаммедъ не положилъ никакого предѣла, не оказалъ никакого сдерживающаго вліянія для чувственной наклонности человѣка. Мухаммеданинъ можетъ предаваться своимъ плотскимъ похотямъ столько, сколько пожелаетъ, потому что нѣтъ никакого предѣла, который бы онъ не могъ преступить въ количествѣ своихъ женъ. Бери сколько угодно женъ и наслаждайся ими—вотъ девизъ мусульманскаго брака, допускающаго такую крайнюю полигамію. Нельзя полагать чтобы прочія постановленія относительно четырехъ законныхъ женъ и безчисленнаго множества невольницъ склонились къ тому, чтобы положить предѣлы полигаміи. Духъ ислама не таковъ, чтобы заботиться объ этомъ. Если и существуютъ въ исламѣ нѣкоторыя слабыя преграды этому, то лишь только въ постановленіи содержать всѣхъ женъ *одинаково*³⁾ и давать всѣмъ имъ одинаковое помѣщеніе совершенно отдѣльное другъ отъ друга⁴⁾. Изъ этого равенства исключаются конкубины и рабыни, относительно которыхъ можно и не соблюдать этого равенства. Но указанное постановленіе составляетъ весьма слабое ограниченіе полигаміи. Одинаковое содержаніе женъ отдѣльно другъ отъ друга едва ли можетъ служить препятствіемъ для полигаміи особенно на Востокѣ, гдѣ это ничего не стоитъ и гдѣ

¹⁾ Отеч. Записки 1855 г. CI т. 69 стр.

²⁾ Отеч. Записки 1855 г. CI т. 69—70 стр.

³⁾ См. приложение 3-е стр. 61; см. Торнау, 148 стр.

⁴⁾ См. приложение 3-е, стр. 103.

жена можетъ содержать себя совершенно самостоятельно и даже можетъ пропитывать мужа, какъ нерѣдко и случается на практикѣ, хотя вопреки закону, повелѣвающему мужу пропитывать жену.

Нѣкоторые постановленія ислама даже способствуютъ полигаміи и громадному развитію наложничества, хотя и не прямо, а посредственно. Самое главное изъ средствъ, способствующихъ развитію полигаміи, по нашему мнѣнію, заключается въ законоположеніи, которымъ исламъ призналъ законными дѣтей наложницъ и уравниалъ ихъ во всѣхъ правахъ съ законными дѣтьми; для законности требуется лишь одно признаніе мужа, что это дитя его¹⁾. Этимъ исламъ уничтожилъ одну изъ самыхъ сильныхъ преградъ для наложничества, именно боязнь произвести на свѣтъ дитя, лишенное съ перваго дня рожденія всѣхъ правъ законнаго дитяти. Въ самомъ дѣлѣ если бы не было этого постановленія, не всякая женщина согласилась бы вступить въ число наложницъ извѣстнаго мужчины, и даже можетъ быть очень немного нашлось бы подобныхъ женщинъ, потому что онѣ боялись бы видѣть свое дитя, обреченнымъ на вѣчный позоръ и безправность. Но теперь эта довольно сильная нравственная преграда уничтожена благодаря постановленію Мухаммеда о признаніи законныхъ правъ за дѣтьми, прижитыми съ наложницей.

Нравственную распущенность, обнаруживающуюся въ полигаміи, мусульманскіе ученые старались и стараются оправдать разными хитрыми и остроумными доводами, но едва ли хотя одинъ человѣкъ, не потерявшій нравственнаго чувства, станетъ считать такую безграничную полигамію сколько-нибудь терпимою съ нравственной точки зрѣнія. Въ защиту ея обыкновенно ссылаются на жаркія страны, гдѣ будто бы она составляетъ необходимость по относительному числу мужчинъ и женщинъ. Едва ли нужно опровергать это болѣе или менѣе серьезно, потому что вездѣ отношеніе между числомъ мужчинъ и женщинъ въ общихъ чертахъ одинаково и количество того и другаго пола почти вездѣ равно, исключая немногихъ колебаній въ пользу того или другаго. То же самое явленіе замѣчается и на Востокѣ. Правда, здѣсь не существуетъ еще такихъ

¹⁾ Торнай, 166—168 стр. Sale, p. 519. Reland, la religion des Mahometans, § XXXII.

точныхъ росписей, какъ въ европейскихъ государствахъ, чтобы можно было съ увѣренностью и несомнѣнностью сказать, сколько находится мужчинъ и женщинъ на Востокѣ; по приводимымъ путешественниками таблицы народонаселенія извѣстныхъ городовъ показываютъ, что число мужчинъ и женщинъ постоянно колеблется и нигдѣ не замѣчается значительнаго большинства женскаго пола предъ мужскимъ, такъ что вообще Востокъ въ этомъ отношеніи не разнится существенно отъ странъ Запада¹⁾. Но допустимъ даже, что на Востокѣ число женщинъ больше числа мужчинъ; можетъ ли это служить оправданіемъ полигаміи? Конечно нѣтъ, потому что во всякомъ случаѣ этотъ перевѣсъ женскаго народонаселенія настолько ничтоженъ, что никакъ не можетъ удовлетворять потребности полигаміи, не производя многихъ вредныхъ послѣдствій за недостаткомъ женщинъ. Какъ же достаетъ женщинъ при полигаміи ислама на Востокѣ, если число ихъ не превышаетъ значительно, или даже сколько-нибудь, числа мужчинъ? Недостатокъ женщинъ въ странахъ мусульманскихъ пополняется чужеземными женщинами; полигамія всегда существуетъ на счетъ другихъ странъ. Никакая страна при сильно распространенной полигаміи не можетъ существовать иначе, какъ только похищая въ другихъ странахъ женщинъ, которыя потребны для удовлетворенія ненасытной потребности сластолюбія полигамистовъ. Къ этому присоединяется еще другая причина, которая значительно облегчаетъ мусульманамъ доставку себѣ многихъ женъ, именно стремленіе женщинъ какъ можно скорѣе выдти замужъ, благодаря угрозамъ Мухаммеда, что въ противномъ случаѣ онѣ не войдутъ даже и въ рай.

Нельзя извинить Мухаммеду полигаміи потому только, что онъ и всѣ его первые послѣдователи были сынами юга, гдѣ самыя свойства климата способствуетъ чувственной наклонности и увеличиваютъ въ людяхъ страсть къ сластолюбію. Правда, климатъ юга болѣе возбуждаетъ чувственность, нежели климатъ холодныхъ и умѣренныхъ странъ, но эта чувственность не такъ непреодолима вслѣдствіе климатическихъ условій, чтобы не было никакой надежды бороться съ нею. Были же примѣры самой строгой моногаміи въ тѣхъ же са-

¹⁾ Niebuhr, Beschreibung von Arabien, S. 71—73. Здѣсь приведены таблицы рожденія мальчиковъ и дѣвочекъ въ нѣкоторыхъ городахъ Востока.

мыхъ странахъ, гдѣ теперь развивается знамя ислама. Мало того, въ странахъ ислама прославились много лицъ совершеннымъ безбрачіемъ. Христіанинъ всегда во всѣхъ странахъ постоянно довольствовался одною женою, никогда не впадая въ полигамію, хотя жилъ въ самыхъ жаркихъ странахъ. Изъ этого примѣра христіанъ видно, что полигамія не составляетъ неизбежнаго условія жаркихъ странъ Востока, какъ обыкновенно думаютъ; ее всегда можно удержать мудрыми постановленіями. Конечно, первая обязанность уничтожить ее лежитъ на религіи, которая является для того, чтобы возвысить нравственность людей, водворить между ними вмѣстѣ съ этимъ правильныя отношенія и благотворно подѣйствовать на социальную жизнь народовъ. Если исламъ явился съ притязаніемъ на всемірную религію, ниспосланную отъ Бога, то всякій въ правѣ требовать отъ него нравственной строгости брачнаго законодательства, и Мухаммеду нельзя извинить распушенности и крайшей степени полигаміи, хотя бы условія страны и способствовали этому. Религія должна стать выше чувственныхъ побужденій человѣка, должна регулировать ихъ, а не подчиняться имъ. Здѣсь-то въ полномъ свѣтѣ открывается то громадное различіе, какое лежитъ въ этомъ отношеніи между христіанствомъ и исламомъ. Строгое единство одного и крайняя степень полигаміи другаго рѣшительно не даютъ ни малѣйшей возможности хотя сколько-нибудь сгладить это громадное различіе. Христіанство считаетъ бракъ союзомъ двухъ нравственно свободныхъ личностей, потому никакъ не могло допустить, чтобы всецѣлая преданность одного сунруга могла быть нарушена свободой другаго. Оно считаетъ и мужа равно обязаннымъ сохранять вѣрность по отношенію къ женѣ, какъ и жену по отношенію къ мужу, такъ что по мысли Апостола жена не владѣетъ своимъ тѣломъ, а мужъ; и мужъ не владѣетъ своимъ тѣломъ, а жена¹⁾. Мусульманство жестоко попираетъ эту равноправность супруговъ и уничтожаетъ одно изъ самыхъ естественныхъ и необходимыхъ условий законности брака, именно всецѣлую преданность супруговъ другъ другу. Исламъ, считая женщину гораздо ниже мужчины, рабой своего мужа, никакъ не можетъ согласиться съ мыслию, что мужъ обязанъ всецѣло принадлежать женѣ. По мысли ислама, толь-

¹⁾ I Коринѳ. гл. 7, ст. 4.

ко одна жена обязана вполне принадлежать мужу, а мужъ имѣетъ право присоединить къ прежней женѣ еще другую, третью и такъ далѣе до безконечности, если принять въ это число и рабынь или вообще наложницъ. Такая полигамія можетъ существовать только благодаря сильному униженію женщины, допущенному исламомъ, хотя и сама взаимно производитъ то же униженіе женщины. Полигамія ислама и строгая моногамія христіанства зависятъ также и отъ самого характера того и другого брака. Вслѣдствіе религіознаго и высоко-нравственнаго характера, какой носить бракъ христіанскій, въ немъ не могли быть терпимы такая чувственность и развращеніе, какія представляютъ намъ браки полигамическіе. Напротивъ мусульманскій бракъ, будучи только учрежденіемъ чисто гражданскаго характера, какъ только плотское сожитіе мужа и жены, нисколько не представляетъ самъ по себѣ преградъ этой чувственности и полигаміи.

Мухаммеданское законодательство о препятствіяхъ ко вступленію въ бракъ.

При такомъ громадномъ различіи, которое лежитъ между христіанскимъ и мусульманскимъ бракомъ въ ихъ основахъ, напрасно мы стали бы во всѣхъ другихъ сторонахъ ихъ искать близкаго сходства; во всѣхъ прочихъ законоположеніяхъ о бракѣ исламъ и христіанство также далеко отстоятъ другъ отъ друга. Прослѣдимъ это различіе въ тѣхъ препятствіяхъ, какія поставлены тою и другою религіей для заключенія брака. Разсматривая христіанскій бракъ мы видѣли¹⁾, что препятствіемъ къ нему служитъ обѣтъ дѣвства, священный санъ и различіе религій; обращаясь къ браку въ исламѣ, мы замѣчаемъ, что этихъ препятствій здѣсь не существуетъ, а если нѣкоторыя, напр. различіе религій, и допущены, то имъ приданъ такой отгѣнокъ, что они совершенно теряютъ свой характеръ.

Выше мы сказали, что исламъ не допускаетъ монашества, а отдаетъ предпочтеніе брачной жизни и даже совершенно запрещаетъ безбрачную жизнь, благодаря грубо чувственному характеру всего мусульманскаго міра и самого Мухаммеда. Этимъ самымъ въ исламѣ уничтожается одно изъ существен-

¹⁾ См. выше, стр. 46—51.

ныхъ и главнѣйшихъ пренятствій для законности брака, которыя поставило христіанство.

По той же причинѣ Мухаммедъ уничтожилъ и другое пренятствіе къ браку, именно священныи санъ. Христіанство требуетъ очень строгой воздержности и нравственной чистоты вообще отъ всѣхъ своихъ послѣдователей: тѣмъ болѣе оно должно было требовать ее отъ пастырей церкви, которые должны быть образцами для своихъ пасомыхъ. Потому если кто поступалъ въ клиръ безбрачнымъ, то онъ былъ лишень права вступать въ бракъ. Мухаммеданство конечно далеко отъ такого чистаго идеала нравственности и потому позволяетъ бракъ своимъ служителямъ религіи, которые, нужно замѣтить, въ немъ и не составляютъ богоучрежденной іерархіи, какъ въ христіанствѣ, а суть не болѣе, какъ тѣ же простые вѣрующіе, поставленные только въ должности чиновниковъ для наблюденія за чистотою нравственности мусульманъ и для руководства въ совершеніи религіозныхъ обрядовъ. Исламъ никогда не требовалъ отъ нихъ высокой чистоты нравовъ; онъ дозволилъ имъ вступать въ бракъ столько разъ, сколько они вздумаютъ, жениться на столькихъ женахъ, на сколькихъ они пожелаютъ. Исламъ не требуетъ отъ муллъ и муфтіевъ воздержности въ бракѣ, потому что въ принципѣ отрицаетъ эту воздержность и проповѣдуетъ на мѣсто ея полную свободу чувственныхъ наслажденій.

Исламъ смотритъ на бракъ, какъ на простое сожитіе двухъ лицъ разнаго пола; онъ не придаетъ ему никакого религіознаго характера и значенія. Цѣлью брака исламъ поставляетъ не свободно-нравственное единеніе супруговъ, не взаимную нравственную поддержку ихъ, не воспитаніе дѣтей, какъ это дѣлаетъ христіанство. Нѣтъ, онъ достигаетъ чрезъ бракъ одного лишь плотскаго сожитія двухъ лицъ разнаго пола и больше ничего; все остальное опущено. Вслѣдствіе этого исламъ и не обращаетъ строгаго вниманія на различіе религій супруговъ. Что за важность, какую религію исповѣдуетъ супругъ, если она назначается для одного чувственнаго удовольстворенія мужа. Если бракъ имѣетъ цѣлью только чувственное плотское сожитіе, то для чего обращать вниманіе на различіе религій супруговъ? Это совершенно излишне. Потому исламъ позволяетъ мусульманамъ жениться на христіанкахъ и іудейкахъ, запрещаетъ жениться только на язычникахъ. Но мусуль-

мазкамъ онъ не позволяетъ вступать въ бракъ съ христіанами и іудеями¹⁾. Если исламъ и запрещаетъ бракъ съ язычниками, то нигдѣ не думаетъ мотивировать это тѣми причинами, какими мотивируетъ это запрещеніе христіанство. Онъ просто запрещаетъ этотъ бракъ какъ гнусный, а не какъ опасный для вѣры и воспитанія дѣтей и даже для мирнаго сожитія и религіознаго единенія самихъ супруговъ. Впрочемъ исламъ и не допускаетъ этого единенія между супругами. Въ самомъ дѣлѣ можетъ ли быть рѣчь о религіозномъ единеніи супруговъ, когда жена раба мужа? Тутъ можетъ быть только полнѣйшее рабство съ одной стороны и крайній деспотизмъ съ другой. Поэтому исламъ и не считаетъ нужнымъ распространяться объ этомъ единеніи между супругами, а тѣмъ болѣе полагать его въ основу запрещенія вступать въ бракъ съ женщинами другой религіи и вѣроисповѣданія. О нравственно-религіозной поддержкѣ между супругами въ исламѣ также не можетъ быть рѣчи, потому что жена—раба мужа не совѣтовать что-нибудь свосму господину—мужу, не поддерживать его должна, а только повиноваться ему безпрекословию. Если не можетъ быть этой поддержки при различіи религій, то исламъ и не нуждается въ ней; онъ уничтожилъ ее уже давно своимъ принципомъ совершеннаго подчиненія въ бракѣ жены мужу. Кромѣ того еще сильно бросается въ глаза крайнее неравенство въ этомъ отношеніи между мусульманами и мусульманками. Первымъ Мухаммедъ позволилъ жениться на женщинахъ другихъ религій, послѣднимъ запретилъ выходить за мужей-иновѣрцевъ. Что значитъ эта привиллегія, которая дарована только однимъ мужчинамъ и въ которой отказано женщинамъ? Ничто иное, какъ потворство чувственности мусульманъ со стороны Мухаммеда. Мухаммедъ не хотѣлъ лишиться своихъ послѣдователей права наслаждаться женщинами другихъ религій, но запретилъ мусульманкамъ вступать въ бракъ съ иновѣрцами, чтобы этимъ отстранить отъ мусульманъ опасность уменьшенія числа женъ, словомъ—все клонится къ тому, чтобы польстить, какъ можно больше, чувственности своихъ поклонниковъ. Въ этомъ участвовала еще другая причина, именно взгляды ислама на брачныя отношенія супруговъ. Эти отно-

¹⁾ См. приложение 3-е, стр. 47—48; Горнау, 138 стр. Этотъ законъ основанъ на Коранѣ. См. гл. 2, ст. 220; гл. 60, ст. 10—13.

шенія суть отношенія рабы къ господину и господина къ рабу; здѣсь ничего равноправнаго, дружественнаго быть не можетъ. Мухаммедъ позволилъ своимъ послѣдователямъ жениться на христіанкахъ и іудейкахъ, потому что онъ никакъ не могъ допустить вліянія жены на мужа настолько сильное, чтобы чрезъ это представлялась хоть какая-нибудь опасность для вѣры, — обязанность жены повиноваться рабски, а не дѣлать совѣтовъ и не высказывать своихъ убѣжденій и мнѣній. Но онъ запретилъ мусульманкамъ выходить за-мужъ за христіанъ и іудеевъ, такъ какъ тутъ представлялась полнѣйшая возможность и даже неизбежность вѣроотступничества жены, которая есть послушная раба своего мужа. Такимъ образомъ тѣ препятствія къ браку, которыя поставило христіанство, исламъ или уничтожилъ, какъ стѣснительныя для чувственности, или настолько измѣнилъ, что они потеряли тотъ возвышенный основной характеръ, какимъ отличаются въ христіанствѣ, а получили совершенно другой характеръ, носящій на себѣ слѣды чувственности и рабскаго униженія женщины.

Мухаммеданское законодательство о разводѣ.

Самое главное и рѣзкое отличіе между христіанскимъ и мусульманскимъ бракомъ составляетъ полигамія, безусловно изгнанная и уничтоженная въ христіанствѣ и напротивъ доведенная до крайней степени развитія въ исламѣ. Второе мѣсто послѣ полигаміи можетъ по всей справедливости занимать разводъ. Христіанство рѣшительно не допускаетъ развода, какъ только по винѣ прелюбодѣнія, основываясь на точныхъ словахъ Спасителя. Этимъ оно навсегда спасло узы брака отъ разрыва и сдѣлало ихъ священными и ненарушимыми. Не то совершенно намъ представляетъ исламъ. Низведи бракъ на степень гражданскаго договора, найма жены за извѣстную плату, видя въ бракѣ только простое сожитіе двухъ лицъ разнаго пола, исламъ неизбежно долженъ былъ допустить и разводъ, за который только разводящійся супругъ, какъ нарушитель гражданскаго договора, долженъ заплатить неустойку, что въ переводѣ на языкъ мусульманскаго законодательства о бракѣ значитъ, что мужъ при разводѣ долженъ выплатить жепѣ все приданое (*мяхр*). Потому исламъ никогда не могъ возвыситься до перасторжимости брака, а всегда допускалъ разводъ и даже самый крайній произволъ въ

немъ, вручая это право почти исключительно мужу и только въ крайнихъ случаяхъ предоставляя его и женѣ. Разводъ въ мусульманствѣ былъ необходимымъ слѣдствіемъ полигаміи. Мужчинѣ предоставлено право брать столько женъ, сколько онъ вздумаетъ и на сколько у него достанетъ состоянія. Развѣ можетъ существовать такая безграничная полигамія безъ развода. При безчисленномъ множествѣ женъ не можетъ быть, чтобы мужъ всю жизнь оставался съ ними въ мирѣ, согласіи и любви; здѣсь непременно произойдетъ неудовольствіе, а за нимъ и разводъ. И самый разводъ есть не что иное какъ полигамія и отличается отъ полигаміи въ буквальномъ смыслѣ только по формѣ: полигамія есть многоженство одновременное, разводъ есть многоженство постепенное и разновременное; въ сущности полигамія и разводъ одно и то же. Они всегда неразлучны другъ съ другомъ; полигамія безъ развода не мыслима. Поэтому-то Мухаммедъ, допустивши для своихъ послѣдователей одно зло, именно полигамію, вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ допустить и другое зло — разводъ, младшаго брака полигаміи. И какъ полигамію Мухаммедъ не ограничилъ, строго говоря никакими предѣлами, такъ и на разводъ онъ не оказалъ никакого сдерживающаго вліянія. Всѣ постановленія ислама насколько не клонятся къ тому, чтобы положить границы этому недостатку. Мухаммедъ не требуетъ никакой формальности при разводѣ, никакого письменнаго акта, какъ это было даже у іудеевъ. Такимъ образомъ разводъ въ исламѣ всегда служилъ орудіемъ чувственности мусульманъ, которые благодаря ему могутъ сколько угодно разъ разводиться и жениться на другихъ женахъ или на тѣхъ же самыхъ. Правда, Мухаммедъ запретилъ разводиться по одному сладострастію, какъ говоритъ преданіе¹⁾; но это конечно не можетъ положить никакой преграды для развода, потому что это только совѣтъ, который стоитъ въ совершенномъ контрастѣ со всѣмъ духомъ мусульманскаго законоположенія о разводѣ. Больше всего насъ поражаетъ въ этомъ постановленіи о разводѣ крайняя несправедливость мужа и жены.

Исламъ оставляетъ разводъ почти исключительно въ рукахъ мужа и почти совершенно лишаетъ этого права жену.

¹⁾ Подробное изложеніе законоположенія о разводѣ см. въ приложеніи 3-мъ стр. 64—109.

Мужъ можетъ развестись съ женою по одному только желанію, по одной прихоти своей воли; онъ можетъ сказать своей женѣ: „я развожусь съ тобою“, — и жена разведена. Жена же не можетъ трбовать отъ мужа возстановленія супружества, не имѣтъ права искать на него суда. Мужъ можетъ изречь клятву на жену, и она, какъ запрещенная для него, должна удалиться отъ него; онъ можетъ сравнить ее съ матерью или другою женщиной — родственницей въ такой степени, въ которой запрещенъ бракъ, и жена становится для него непригодною; она должна поскорѣе убраться отъ него. Но и безъ этихъ пріемовъ мужъ можетъ развестись по одной лишь прихоти, и жена, какъ покорная раба, не возражая ни слова, должна считать себя разведенною. Жена лишена подобнаго права; она не можетъ развестись съ мужемъ по своему только желанію. Она можетъ развестись съ мужемъ только по самымъ уважительнымъ причинамъ и то съ большими невыгодами для себя. Она можетъ развестись съ мужемъ только при неспособности его къ исполненію супружескихъ обязанностей, при нежеланіи съ его стороны исполнять ихъ, при заразительной болѣзни его и при исполненіи имъ супружескихъ обязанностей неестественнымъ образомъ. И въ этихъ случаяхъ жена можетъ развестись не сама собою, а по рѣшенію казья, которому она предъявляетъ свое требованіе, словесно излагая причины къ разводу, а при послѣдней причинѣ развода употребляетъ извѣстный знакъ, именно переворачиваетъ предъ казыемъ свой башмакъ вверхъ подошвой¹⁾. Только тогда, когда казый рѣшитъ, жена можетъ достигнуть развода.

Еще въ болѣе яркомъ свѣтѣ представится эта безправность жены и полнѣйшій деспотизмъ мужа, если упомянемъ постановленіи, которое также клонится къ тому, чтобы какъ можно болѣе лишить жену права на разводъ, а предоставить его исключительно мужу. Это—*гыддатъ*. Гыддатомъ въ мусульманскомъ законовѣдѣніи называется извѣстная продолжительность времени, которое жена должна провести послѣ развода или послѣ смерти мужа, не имѣя права вступать въ новое супружество. Гыддатъ по мусульманскому закону имѣетъ различную продолжительность, смотря по тѣмъ случаямъ, вслѣдствіе которыхъ онъ соблюдается. Гыддатъ для свободной жеп-

¹⁾ Библіотека для чтенія. 1860 г. 162 т. Ноябрь, стр. 17—18.

щины продолжается четыре мѣсяца и десять дней, а для рабы половику этого срока. Для беременной женщины гыддатъ продолжается до дня рожденія дитяти, если это будетъ не раньше четырехъ мѣсяцевъ и десяти дней, въ противномъ случаѣ четыре мѣсяца и десять дней¹⁾. Это — гыддатъ по смерти мужа. Послѣ развода бываетъ другой срокъ гыддата, именно для свободной женщины время *трехъ* очищеній, а для рабы *двухъ*; для женщины же, не имѣющихъ очищеній по болѣзни, или по старости, или по молодости — три лунныхъ мѣсяца; для беременной женщины — время окончанія родовъ²⁾. Во время гыддата женщина должна удаляться отъ всѣхъ удовольствій, должна сокрушаться, что она лишена удовольствій брачной жизни; она не должна поэтому носить никакихъ украшеній. Въ продолженіи всего гыддата по разводѣ она находится въ полной власти мужа, который можетъ снова возобновить съ нею супружеское сожитіе до окончанія гыддата³⁾. Мужъ же самъ свободенъ отъ соблюденія гыддата. — Не показываетъ ли это, что женщина крайне унижена въ бракѣ, гдѣ все направляется къ тому, чтобы способствовать похоти мужа и стѣснить свободу жены; въ брачныхъ отношеніяхъ и разводѣ она является полною рабою мужа. Мухаммедъ постановилъ, что для полного развода нужно развестись *три* раза; до окончанія этихъ разводовъ и гыддата послѣ нихъ мужъ можетъ снова возвратитъ къ себѣ свою жену; но послѣ этого онъ уже не можетъ возобновить бракъ, до тѣхъ поръ пока она не выйдетъ за-мужъ за другаго и будетъ съ нимъ разведена, или онъ умретъ⁴⁾. Правда, это постановленіе можетъ положить нѣкоторое ограниченіе разводамъ по гнѣву и запальчивости и дать мужу время одуматься и снова возвратитъ къ себѣ жену; оно можетъ удержатъ ревниваго отъ развода тѣмъ, что послѣ троекратнаго произнесенія развода онъ можетъ возобновить бракъ только

¹⁾ См. приложение 3-е, стр. 92—97. Торнау, 158—160 стр. Основаніе см. въ Коранѣ гл. 2, ст. 234. Гыддатъ имѣетъ сходство съ однимъ иудейскимъ постановленіемъ, обязывавшимъ жену уклоняться отъ продолженія нѣкотораго времени отъ новаго супружества послѣ прежняго. — Sale, p. 517—519.

²⁾ См. приложение 3-е, стр. 92; ср. Торнау, 336—337 стр. Основаніе см. въ Коранѣ гл. 2, ст. 228.

³⁾ Коранъ гл. 2, ст. 230. 236.

⁴⁾ Коранъ, гл. 2, ст. 228—233. См. прил. 3-е, стр. 78—81; Торнау, стр. 336—337.

послѣ того, какъ жена его побываетъ за другимъ мужемъ. Вотъ одна хотя и шаткая иреграда, но все же преграда; при пылкой восточной натурѣ она необходима. Но нельзя не признаться, что этимъ закономъ не полагается никакой твердой опоры для неразрывности брачныхъ узъ. Притомъ нельзя не удивляться, какъ могло позволить Мухаммеду нравственное чувство издать такое законоположеніе, по которому мужъ послѣ трехъ разводовъ можетъ снова вступить въ бракъ съ прежней женой послѣ того, какъ она вступала въ супружество съ другимъ и освободилась отъ него. Это крайняя несообразность съ нравственными требованіями.

Можно повидимому предполагать, что Мухаммедъ поставилъ необходимымъ при разводѣ одно условіе, сильно препятствующее ему, — это именно приданое (*мяхрѣ*), которое должно быть уплачено женѣ, если разводъ совершился по волѣ мужа, безъ вины со стороны жены¹⁾. Но это учрежденіе не достигаетъ своей цѣли, если только оно и имѣетъ свою цѣлью воспрепятствовать разводу. Мы будемъ еще имѣть случай коснуться этого предмета, когда будемъ говорить о вліяніи мусульманскаго брака на жизнь. Здѣсь же мы только замѣтимъ, что мужъ, при полномъ деспотизмѣ своемъ, можетъ насильно принудить жену отъ своего лица искать развода и чрезъ то лишиться приданого. Вотъ въ краткихъ чертахъ законоположеніе ислама о разводѣ.

Кажется, будто въ полномъ противорѣчій съ постановленіями о разводѣ и вообще о цѣломъ бракѣ стоитъ ученіе Мухаммеда о нарушении супружеской вѣрности, относительно которой почти уравнины оба пола, мужъ и жена. Но Мухаммедъ постановилъ объ этомъ слѣдующее: „если кто обвиняетъ свою жену въ прелюбодѣяніи, тотъ долженъ представить четырехъ свидѣтелей — мужчинъ. Если же нѣтъ свидѣтелей, то мужъ долженъ произнести клятву четыре раза и въ пятый разъ призвать на себя проклятіе Божіе въ случаѣ несправедливости обвиненія. Если то же самое сдѣлаетъ и жена, то она не наказывается, но бракъ расторгается. Если же кто-нибудь другой, кромѣ мужа, обвиняетъ женщину въ прелюбодѣяніи и не докажетъ обвиненія, то наказывается 80-ю ударовъ розгами. Если же прелюбодѣяніе будетъ доказано, то виновники нака-

¹⁾ См. приложение 3-е, стр. 53—57.

зываются ета ударами плетей и имъ позволяется вступать въ новый бракъ только съ прелюбодѣйцами же¹⁾. Повидимому такое строгое наказаніе за прелюбодѣяніе не согласно съ тѣми чувственными чертами, какія обнаруживаются во всемъ законодательствѣ ислама о бракѣ. Но если мы вникнемъ въ духъ этого закона, то намъ не трудно будетъ замѣтить, что и здѣсь Мухаммедъ остался вѣрнымъ своему припципу. Онъ видѣлъ въ бракѣ только чувственныя отношенія, разсматривалъ жену какъ собственность мужа. Потому вполне естественно онъ долженъ былъ смотрѣть на прелюбодѣяніе, какъ на похищеніе чужой собственности и наказывать его очень строго. Съ другой стороны Мухаммедъ имѣлъ въ виду обезопасить и успокоить ревность мусульманъ, налагая за прелюбодѣяніе строгое наказаніе не только на женщину, но и на мужчину. Такая строгость не есть плодъ нравственнаго ригоризма, а вполне запечатлѣна духомъ чувственнаго взгляда на женщину, такъ что христіанство, не полагающее никакого тѣлеснаго наказанія за прелюбодѣяніе, какъ за дѣло совѣсти, стоитъ въ этомъ отношеніи гораздо выше ислама. Разсматривая бракъ, какъ религиозный актъ, христіанство не могло опредѣлить физическаго наказанія за нарушеніе его.

Такимъ образомъ мусульманскій бракъ во всѣхъ своихъ чертахъ, не только главныхъ, но и второстепенныхъ, отличается отъ христіанскаго и отличается чрезвычайно рѣзко. Какъ этотъ запечатлѣнъ духомъ нравственной чистоты, неразрывности, равноправности супруговъ, какъ человѣческихъ личностей; такъ напротивъ тотъ носитъ на себѣ слѣды грубой чувственности, полного униженія жены и безграничнаго деспотизма мужа, а потому не представляетъ никакой прочности и постоянства. Всѣ отличительныя черты того и другаго брака находятся въ строгой зависимости отъ основнаго принципа. Христосъ возвысилъ бракъ до степени таинства, сдѣлалъ его образомъ единенія Своего съ Церковью. При такомъ высокомъ положеніи бракъ христіанскій не могъ не быть высоко-нравственнымъ учрежденіемъ. Напротивъ исламъ, низведя бракъ до степени простаго плотскаго сожитія мужа и жены, лишилъ его религиознаго характера и тѣмъ самымъ унижилъ его до послѣдней степени и во всѣхъ частныхъ чертахъ. Благодаря

¹⁾ Коранъ, гл. 24, ст. 2—9 и 23—27.

этому основному принципу, мусульманскій бракъ и во всѣхъ своихъ частяхъ проникнутъ духомъ чувственности. При изложеніи христіанскаго законодательства о бракѣ мы замѣтили, что на чистоту нравственныхъ отношеній между супругами и на самыя основы брака влиялъ высоконравственный характеръ личности Спасителя; на христіанскомъ бракѣ вполне отразился характеръ Иисуса Христа. Вслѣдствіе этой-то зависимости извѣстнаго учрежденія отъ лица самого учредителя и мусульманскій бракъ получилъ свой основной характеръ, благодаря извѣстному нравственному состоянію самого Мухаммеда. Никто не можетъ отрицать чувственнаго характера основателя ислама. Основы мусульманскаго брака проникнуты чувственностью, благодаря конечно чувственному характеру самого Мухаммеда. Мухаммедъ обладалъ самою страстною натурою и не зналъ предѣловъ своей чувственности. Онъ не стѣснялся самъ признаваться въ этомъ, говоря, что ему больше всего на свѣтѣ нравятся женщины и благовопія¹⁾. Даже въ минуты молитвы не покидали его чувственные мечты и сладострастныя картины; даже въ мечети во время богослуженія онъ часто забавлялся игрою со своею любимой женой Айшею,—игрою, которая менѣе всего прилична молитвѣ²⁾. Впрочемъ, при первой женѣ, Хадиджѣ, Мухаммедъ былъ умѣреннѣе въ своихъ страстныхъ наклонностяхъ; онъ довольствовался ею одною и до самой смерти ея оставался одноженцемъ. И кто знаетъ, можетъ быть, если бы Хадиджа пережила Мухаммеда, въ исламѣ не было бы полигаміи и крайней разнузданности страстей въ бракѣ. По крайней мѣрѣ тѣ главы Корана, которыя Мухаммедъ обнародовалъ при жизни Хадиджи, нигдѣ не содержатъ ученія о полигаміи и отличаются болѣе или менѣе уваженіемъ къ женщинамъ; напротивъ тѣ главы, которыя появились послѣ смерти ея, имѣютъ крайне полигамическое направленіе³⁾. Лишь только умерла Хидиджа, Мухаммедъ далъ полный просторъ своимъ чувственнымъ наклонностямъ и сладострастію; менѣе чѣмъ въ пять лѣтъ онъ успѣлъ жениться на восьми женахъ, не считая кон-

¹⁾ Essai sur l'histoire Arabes, par A. P. Cansin Perseval, T. III p. 336.

²⁾ См. приложение 1-е стр. 10.

³⁾ Напр. 4, 24, 34 главы Корана проникнуты крайнимъ полигамическимъ принципомъ, а эти главы обнародованы были Мухаммедомъ по смерти Хадиджи.

кубинъ; въ одномъ 626 году онъ женился на четырехъ женахъ¹⁾, такъ что даже сами Арабы начали смущаться его поведеніемъ и крайнимъ сладострастіемъ: дѣло чуть не дошло было до открытаго неудовольствія. Вслѣдствіе этого Мухаммедъ объявилъ, что ему Богомъ дано преимущество брать столько женъ, сколько онъ пожелаетъ²⁾. И дѣйствительно, въ сладострастіи Мухаммедъ дошелъ до такой крайности, что на старости лѣтъ успѣлъ жениться на четырнадцати женахъ, исключая конкубинъ³⁾. Не желая стѣснять своихъ сладострастныхъ наклонностей, онъ не хотѣлъ подчиняться установленному имъ же самимъ для своихъ послѣдователей порядку провожденія ночей съ женами. Онъ предоставилъ себѣ право проводить ночи съ тою женою, съ какою захочетъ⁴⁾. Онъ дошелъ до такой степени въ страсти къ чувственности, что не устыдился самымъ постыднымъ образомъ примѣшать имя Бога къ такимъ предметамъ, такъ напр. провожденіе почей съ своими женами и разныя дразги своихъ женъ. Нужно быть до крайности чувственнымъ существомъ, чтобы дойти до такого богохульнаго распутства. Начальники арабскіе очень хорошо знали этотъ сладострастный характеръ Мухаммеда и, желая заслужить его благосклонность, предлагали ему своихъ красивыхъ дочекъ, и посланникъ Аллаха съ необузданною страстью бросался на эти предложенія⁵⁾. Благодаря своему неограниченному сластолюбію, онъ дошелъ наконецъ до такого состоянія, которое лишило его возможности продолжать далѣе свои любовныя похождения⁶⁾. Неразлучной спутницей этого чувственнаго характера была ревность, въ которой онъ также не уступалъ другимъ пальмы первенства. Онъ по одному подозрѣнію въ прелюбодѣяніи повелѣлъ Алию убить подозрѣваемаго чловѣка. Къ счастью тотъ оказался евнухомъ и жизнь его была спасена⁷⁾. Мухаммеду

1) Borthelémy Saint-Hilaire, Mahomet et le Coran, p. 170—178.

2) Коранъ, гл. 33, ст. 49—52.

3) См. приложение 1-е стр. 6—38.

4) Коранъ, гл. 66, ст. 1—5 и примѣчаніе къ этимъ стихамъ въ русскомъ переводѣ Корана Пиколова.

5) См. приложение 1-е стр. 32.

6) Коранъ, гл. 33, ст. 28—32; см. прил. 1-е стр. 31. Шренгеръ приводитъ преданіе, въ которомъ говорится, что Мухаммедъ съ одной женою только concubit, sed non compressit eam. В. I, S. Anmerk.

7) См. приложение 1-е стр. 36.

было несприятно представленіе, что его жены послѣ его смерти, или послѣ развода съ нимъ, будутъ за-мужемъ за кѣмъ-нибудь другимъ; его ревность не могла съ этимъ примириться,—и онъ издаетъ законъ, запрещающій его послѣдователямъ жениться на тѣхъ женщинахъ, съ которыми онъ имѣлъ сношеніе¹⁾. Можно ли ожидать, чтобы отъ такого чувственнаго, похотливаго и сладострастнаго человѣка получилось правильное и высоконравственное понятіе о бракѣ. Такимъ человѣкомъ, каковъ былъ Мухаммедъ, могъ быть созданъ только такой бракъ, который походилъ на простое плотское сожитіе между мужчиной и женщиной. Такимъ образомъ общій духъ мусульманскаго брака, по нашему мнѣнію, носитъ на себѣ явные отпечатки личнаго характера самого Мухаммеда, подобно тому, какъ бракъ христіанскій запечатлѣнъ характеромъ высоконравственной, божественной личности Спасителя.

Кромѣ этого общаго духа въ мусульманскомъ бракѣ есть нѣкоторыя частныя постановленія, которыя появились вслѣдствіе разныхъ любовныхъ интригъ самого Мухаммеда. Такъ, дозволеніе жениться на женахъ своихъ пріемныхъ сыновей послѣ ихъ смерти или послѣ развода обязано своимъ появленіемъ единственно тому случаю, что Мухаммедъ самъ хотѣлъ жениться и женился на Зейнабѣ, женѣ Зейда, своего усыновленнаго раба; а такъ какъ у арабовъ это считалось кровосмѣшеніемъ и преступленіемъ, то Мухаммедъ кощунственно приобѣтъ къ имени Божію откровенія и дозволилъ себѣ это кровосмѣсительное супружество, котораго гнушались даже арабы язычники²⁾. Другое законоположеніе, именно относительно прелюбодѣнія и четырехъ свидѣтелей для доказательства его, обязано своимъ происхожденіемъ одному любовному приключенію, бывшему съ Айшей, любимой женой Мухаммеда. Не желая подвергать наказанію свою любимую жену и не желая въ то же время и самъ подвергаться позору отъ того, что одна изъ его женъ совершила прелюбодѣніе, предпочла его другому, Мухаммедъ все же былъ озабоченъ молвою относительно дурнаго поступка своей жены. Потому онъ постановилъ, что для доказательства прелюбодѣнія нужно четыре свидѣтеля; клеветники же, не представляющіе свидѣтелей, должны быть подвергнуты

¹⁾ Коранъ, гл. 33, ст. 53.

²⁾ Коранъ, гл. 33, ст. 37—40. См. приложение 1-е стр. 25—26.

80-ти ударамъ розгами¹⁾. Этимъ онъ хотѣлъ положить предѣлы медискимъ сплетнямъ относительно Айши и остановить ихъ.

Такимъ образомъ основной характеръ мусульманскаго брака носитъ на себѣ черты чувственности, благодаря главнымъ образомъ чувственному характеру Мухаммеда. Съ другой стороны любовныя интриги и похождения Мухаммеда вызвали нѣкоторыя частныя постановленія въ бракѣ, не уступающія въ чувственности общему характеру. Здѣсь обнаруживается то же явленіе, что и въ христіанскомъ бракѣ, но только съ противоположной стороны. Высокоправдивенному характеру Иисуса Христа обязанъ христіанскій бракъ своимъ чистымъ нравственнымъ характеромъ; напротивъ Мухаммедъ, благодаря своей чувственности и сластолюбію, создалъ бракъ крайне чувственный.

¹⁾ Коранъ, гл. 24, ст. 4.

III.

ВЛІАНІЕ ХРИСТІАНСКАГО БРАКА НА СЕМЕЙНУЮ И ОБЩЕСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢКА.

Общій взглядъ на положеніе женщины у древнихъ дохристіанскихъ народовъ.

Христіанскій и мухаммеданскій бракъ, какъ мы видѣли, составляютъ два явленія совершенно противоположныя: одинъ чистъ и высокъ по своему основному характеру и отличается свободною взаимною любовію супруговъ; другой проникнутъ чувственностью, деспотизмомъ мужа и рабскимъ подчиненіемъ жены. Тотъ и другой бракъ не могли не оказать вліянія на жизнь семейную, а чрезъ семью и на жизнь цѣлаго общества,—вліянія совершенно противоположнаго характера. Какъ одинъ изъ нихъ, бракъ христіанскій, благотворно повліялъ на семью и общество, такъ напротивъ другой, мухаммеданскій бракъ, долженъ былъ привести къ противоположнымъ результатамъ.

Самое первое вліяніе брачнаго союза должно отразиться на женщинѣ, какъ представительницѣ семейной жизни. Состояніе женщины у извѣстнаго народа или въ извѣстной религіи всегда было тѣсно связано съ законоположеніемъ о бракѣ; ихъ права и обязанности измѣнялись вмѣстѣ съ перемѣною брачнаго законодательства: при болѣе или менѣе удовлетворительномъ состояніи брака женщины возвышались, при упадкѣ брачнаго союза онѣ были унижаемы и подпадали подъ деспотизмъ мужчинъ. Вся исторія служитъ доказательствомъ этой тѣсной связи положенія женщины съ законоположеніемъ о бракѣ. Потому и христіанство, измѣнивъ законоположенія предшествовавшихъ временъ о бракѣ, естественно должно было оставить свои слѣды на общественномъ поло-

женіи женщины. Христіанство установило правильныя отношенія между мужемъ и женой, ограничило или, лучше сказать, уничтожило деспотизмъ мужа съ одной стороны, возвысило положеніе жены и довело ее до равенства съ мужемъ въ нравственномъ и религіозномъ отношеніи—съ другой. Лишенная всѣхъ правъ въ древности, женщина чрезъ благотворное вліяніе христіанскаго брака снова получила свои естественныя и законныя права. Христіанскій бракъ своимъ вліяніемъ возвратилъ женщинѣ то общественное положеніе, какое она, по мысли Творца¹⁾, должна занимать, но котораго лишилась чрезъ паденіе. Назначенная сначала быть помощницей мужа, въ свободно-нравственномъ подчиненіи ему, женщина была порабощена послѣ своего грѣхопаденія. Если мужъ чрезъ свой грѣхъ ниспалъ съ высоты своего величія и былъ униженъ почти до степени простаго чувственнаго существа, а вслѣдствіе постепеннаго упадка въ нравственно-религіозномъ отношеніи часто доходилъ до степени звѣря, то жена, естественная спутница и помощница его, сдѣлалась орудіемъ его грубыхъ, чисто животныхъ инстинктовъ. Если она пользовалась еще своимъ общественнымъ значеніемъ, то не какъ человѣческое существо, не какъ личность, имѣющая право на это положеніе и значеніе, а какъ такое существо, которое имѣетъ значеніе только по своему отношенію къ мужу и дѣтямъ. Все это зависѣло отъ болѣе гражданскаго чѣмъ религіознаго характера брака у древнихъ грековъ и римлянъ, у которыхъ жена разсматривалась какъ орудіе для произведенія гражданъ государству. Мужчипа самъ потерялъ человѣческое достоинство, вслѣдствіе такого взгляда на бракъ, и отношенія его къ другой половинѣ человѣческаго рода должны были потерять человѣческое достоинство. Жена должна была также унизиться до крайней степени. Но всего изумительнѣе то, что на женщину главнымъ образомъ пала вся тяжесть наказанія за преступленіе ея праматери Евы: у всѣхъ народовъ женщинѣ приходилось тягчайшимъ образомъ переносить то проклятіе, какое Ева навлекла на себя отъ Бога за свое паденіе и соращеніе мужа. Въ началѣ человѣческой исторіи стоитъ высокая по своему положенію личность женщины, какъ спутницы и подруги своего мужа; во всѣ же послѣ-

¹⁾ Кн. Бытія, гл. 2, ст. 20—25.

дующія времена является женщина, лишенная личности, находящаяся въ полномъ рабствѣ у мужчины. Въ началѣ исторіи человечества былъ начертанъ высокій идеалъ жены; по этотъ идеалъ былъ помраченъ зломъ; жена соблазняется имъ и вводитъ въ соблазнъ мужа¹⁾. Горе и тяжкій жребій съ этого момента начинаютъ преслѣдовать женщину. Язычество своею полигаміей и непрерывными разводами унизило ее и довело до полнѣйшаго рабства. Когда жена хотѣла сбросить съ себя это постыдное и тяжелое для нея рабство мужа, она попадала въ другое худшее рабство—рабство разврата. Дорогою цѣною разврата приобрѣли себѣ языческія жены эту свободу и даже власть надъ мужьями. Изъ одного рабства онѣ попали въ другое, — пеходу имъ больше не было и другаго средства освободиться не представлялось. Женщина въ язычествѣ была унижена до крайней степени. Единство союза брачнаго было нарушено; жена въслѣдствіе полигаміи признана не за личность необходимую для дополненія личности мужа; она при многоженствѣ должна была превратиться въ простое орудіе мужской страсти и похоти, должна была только удовлетворять чувственнымъ наклонностямъ мужа. Право развода было предоставлено только мужу, жена была лишена этого права и тѣмъ жестоко оскорблена въ своихъ естественныхъ правахъ на любовь мужа: мужъ могъ во всякое время прогнать ее отъ себя. Чтобы заслужить благосклонность мужа, жена должна стать къ нему въ отношеній рабы, смотрѣть на него, какъ на своего господина, который не-сегодня, завтра можетъ ее выгнать изъ дому и заставить ее скитаться по свѣту. Необходимость заставить ее терпѣть отъ мужа все, чтобы не заслужить лишь этого изгнанія. Притомъ, по мнѣнію язычниковъ, только мужъ имѣлъ право требовать отъ жены вѣрности, жена же не имѣла этого права; въ прелюбодѣяніи была обвиняема только жена; преступная же связь со стороны мужа не считалась прелюбодѣяніемъ, потому что жена, существо низшее его, не могла и не имѣла права требовать отъ него этой вѣрности. Жена была лишена того естественнаго права, которое предоставляетъ ей супружество само по себѣ.

Женщину язычники разсматривали какъ орудіе мужской похоти, и въслѣдствіе этого на нее смотрѣли какъ на существо, которое можетъ существовать только при мужчинѣ; въ союзѣ

¹⁾ Кн. Бытія, гл. 3.

съ нимъ она имѣла свое бытіе, безъ него она была ничто. Поэтому язычество считало женщину вѣчно несовершенною. Не смотря на ея возрастъ и прекрасныя способности дунни. Какъ язычество могло допустить свободное, независимое отъ мужнины состояніе женщины, когда она была только орудіемъ мужа? И дѣйствительно, всѣ свидѣтельства историковъ показываютъ, что ею пользовались именно только какъ орудіемъ даже въ религіозномъ отношеніи. При развратныхъ представленіяхъ о бogaхъ, въ жертву этимъ богамъ язычники приносили не рѣдко то, что должно быть особенно дорого женщинѣ, именно ея цѣломудріе, показывая этимъ, что ею можно пользоваться какъ вообще всякимъ орудіемъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей. Такимъ образомъ женщина изъ существа чловѣческаго превратилась въ язычество въ орудіе для извѣстныхъ цѣлей. болѣе всего конечно для чувственнаго удовольствія мужа.

Положеніе женщины у римлянъ, грековъ, восточныхъ народовъ и евреевъ.

Слишкомъ велико кажется униженіе женщины, по оно было на самомъ дѣлѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только заглянуть въ сочиненія римскихъ юристовъ, гдѣ они отводятъ тѣ или другія права мужчинамъ и почти лишаютъ всякихъ правъ женщинъ. Самымъ блестящимъ государствомъ древности былъ конечно Римъ, но, при всемъ блескѣ своего паружнаго существованія, онъ посиль въ внутри себя самыя жестокія несправедливости по отношенію къ женщинѣ, даже въ самое блестящее время своего существованія. Бракъ у римлянъ всегда считался государственною обязанностью; каждый гражданинъ, вступая въ бракъ, слѣдовалъ не внутреннему влеченію, а повиновался долгу. Отъ такого чисто государственнаго характера брака произошло то, что изъ него была исключена всякая задушевная обоюдная привязанность лицъ вступающихъ въ бракъ. Слѣдствіемъ этого было униженіе женщины, какъ орудія для достиженія государственныхъ цѣлей. Въ языческомъ обществѣ сильный пользовался преимуществомъ и правами въ ущербъ слабому; тогда еще не было признаваемо высокое вліяніе нравственной силы, перевѣсъ былъ на сторонѣ силы физической. Потому женщина, какъ существо слабое, должна была унизиться до крайней степени. На

жену смотрѣли какъ на орудіе, которое и старались приобрести себѣ похищеніемъ или куплею. Бракъ „*per coëptionem*“, о которомъ мы имѣли случай уже упомянуть¹⁾, былъ не что иное какъ купля. Мужъ, купивши жену, дѣлался ея полнымъ господиномъ, имѣвшимъ неограниченную власть надъ нею, какъ надъ своею собственностью. Въ Римѣ браки раздѣлялись на два рода: „*cum manu*“ и „*sine manu*“. Въ первомъ жена переходила изъ-подъ власти отца во власть мужа; во второмъ она продолжала оставаться подъ властью отца. Такимъ образомъ жена находилась подъ постоянной опекой и никогда не признавалась совершеннолѣтнею; до замужества она находилась подъ неограниченною властью своего отца, который имѣлъ даже надъ нею право жизни и смерти, могъ продать ее въ замужество кому угодно. Эта отцовская власть оставалась надъ женщиной и послѣ выхода за-мужъ, если бракъ былъ *sine manu*, т. е. безъ передачи отцовской власти мужу, отецъ былъ полнымъ распорядителемъ ея имущества; онъ распоряжался имъ безъ всякаго контроля; онъ могъ даже отнять ее у мужа и передать другому совершенно самовластно²⁾. При бракѣ же „*cum manu*“ отецъ передавалъ свою власть мужу, и мужъ дѣлался полнымъ господиномъ жены, которая считалась теперь какъ бы его дочерью³⁾. Онъ безъ всякаго согласія ея распоряжался ея имуществомъ, имѣлъ надъ нею даже право жизни и смерти. Какъ дочь, или, лучше сказать, какъ собственность своего мужа, жена должна была смотрѣть на него, какъ на своего господина и судью; онъ могъ распоряжаться ею по своему произволу; могъ даже отказаться отъ своихъ супружескихъ правъ въ пользу друга или какого-нибудь другаго мужчины, не спрашивая даже согласія на это у жены. Катонъ отказался отъ своихъ супружескихъ правъ для друга своего Гортензія⁴⁾. Августъ отпалъ отъ мужа Ливію даже беременную. Такимъ образомъ власть мужа надъ женою была не ограничена. Она даже оставалась за нимъ послѣ развода и послѣ него надъ женою онъ имѣлъ

1) См. выше, стр. 31.

2) *Lex de liberis exhibendis*, dig. XVIII, tit. 30.

3) *Cajus*. 111. § 3, p. 207.

4) *Tacit. Annal.* 1, c. 10. v. I, V. c. 1, t. 1, p. 12 et 250.

отцовское право, т. е. неограниченную власть¹⁾. По смерти мужа жена въ бракѣ „cum manu“ хотя и объявлялась наследницей имущества его, но только когда не было дѣтей: при дѣтяхъ же она получала только нѣкоторую долю наследства дитяти²⁾. Но и это не давало ей свободы, потому что она не только своимъ имуществомъ, но даже собственною своею личностью не могла распоряжаться самостоятельно, а поступала какъ сама, такъ и имущество ея во власть агнатовъ—родственниковъ мужа. Агнаты заступали въ этомъ случаѣ мѣсто мужа и распоряжались имуществомъ жены, какъ онѣ³⁾. Жена находилась подъ постоянной опекой и никогда не была признаваема свободной отъ этой опеки. Присоедините къ этому безусловное право мужа на разводъ,—право, котораго была лишена жена; вспомните, что жена не имѣла права требовать отъ мужа супружеской вѣрности, какое право имѣлъ только мужъ,—и вы можете представить ту униженность женщины, ту безправность, на которую она была осуждена въ Римѣ во все время его политическаго существованія. Не признавая за ней гражданскихъ правъ, лишая ее даже правъ семейныхъ, римскіе законы, нравы и обычаи довели ее до степени рабы. Такъ плачевно было положеніе женщины въ Римѣ.

Не имѣя правъ, женщина естественно лишилась и нравственнаго достоинства. Рабство унижаетъ достоинство человѣка и доводитъ его до низкаго уровня, пріучаетъ человѣка къ разнаго рода порокамъ, хитрости и обману. Потому женщина римская была нравственно искалечена рабствомъ, пріучилась къ хитрости и порокамъ. Вслѣдствіе этого римляне, не сознавая того, что сами были виною упадка нравственнаго характера женщинъ, стали считать ихъ какимъ-то гнетущимъ началомъ, вмѣстилищемъ всякаго рода пороковъ. Они тяготились даже присутствіемъ своихъ женъ. „Если бы природа позволила намъ существовать безъ женщинъ, мы были бы свободны отъ самыхъ несносныхъ спутницъ“, говорилъ одинъ ораторъ предъ народомъ⁴⁾.

¹⁾ Dig. XVIII, tit. 111, l. 1 и 7.

²⁾ Diog. Laer. см. у Соколовскаго, стр. 112.

³⁾ Diog. Laer. см. Соколовскаго.

⁴⁾ Aul. Gell. l. c. 6, t. 1, p. 50.

Въ Греціи положеніе женщины было не лучше. Не смотря на высокую цивилизацію и образованность грековъ, женщинѣ суждено было играть у нихъ ту же жалкую роль, какъ и въ Римѣ, потому что основы брака въ Греціи были тѣ же, что и въ Римѣ. Въ Греціи бракъ былъ такимъ же политическимъ учрежденіемъ, какимъ былъ и въ Римѣ, а потому долженъ былъ произвести одинаковыя дѣйствія. Правда, въ древнія времена въ Греціи женщина занимала еще высокое сравнительно положеніе. По замѣчанію Делингера „жена (въ древнія времена) была подругою мужа, а не рабою его, какъ въ восточныхъ земляхъ Азіи. Греки жили здорово благоустроенною политическою жизнію единственно потому, что они имѣли правильную жизнь семейную, основанную на моногаміи. Многоженство имъ было чуждо; бигамія встрѣчается только въ рѣдкихъ случаяхъ; полигамія встрѣчается только у монарховъ македонскаго царства, которые запятнали себя восточными обычаями. Потому жены не были содержимы въ гаремѣ въ заключеніи и не охранялись евнухами. Положеніе ихъ было зполнѣ обезопасено закономъ и обычаями; внутри дома онѣ, какъ пачальницы, распоряжались рабами и дѣтьми¹⁾. Но спустя нѣмного времени положеніе женщины въ Греціи измѣнилось къ худшему. Полигамія, легкость развода въ рукахъ мужа и гражданскій характеръ брака взяли свое. Женщина, униженная въ общественномъ положеніи и лишенная вслѣдствіе этого всякаго образованія, которое становилось для нея излишнимъ, казалась въ глазахъ мужчинъ такимъ существомъ, которое даже не можетъ составить съ нимъ общества. По свидѣтельству Сократа, мужъ менѣе всего былъ въ обществѣ жены и искалъ случая подѣлиться съ нею своими интересами²⁾. Вслѣдствіе полигаміи и развода она была унижена до того, что считалась простымъ орудіемъ мужа и какъ раба, лишняя всякихъ правъ, она здѣсь, какъ и въ Римѣ, признавалась несовершеннолѣтнею и лишалась права самостоятельно распоряжаться собою и своимъ имуществомъ. Когда была дѣвицей, она находилась подъ опекой отца; выходя замужъ, она становилась подъ опеку

1) Döllinger, Heidenthum und Judenthum, S. 679 и слѣд.

2) Xenoph., Oecom., c. 3. § 12. t. V, p. 19.

мужа; овдовѣвъ, переходила подѣ опеку къ сыновьямъ или, за неимѣніемъ ихъ, къ братьямъ и другимъ родственникамъ мужа¹⁾. Она была лишена права свидѣтельства на судѣ²⁾; могла распоряжаться своимъ имуществомъ только въ количествѣ одной мѣры пшеницы; могла получать наслѣдство только тогда, когда не было наслѣдниковъ мужскаго пола; по такъ какъ это случалось чрезвычайно рѣдко, то и полученіе наслѣдства женщиной было исключительнымъ явленіемъ въ Греціи³⁾. Таково было законодательство Греціи, унижающее женщинъ. Поэты и философы были не менѣе оскорбительнаго мнѣнія о женщинахъ. По мысли греческихъ поэтовъ, женщина должна находиться въ весьма сильномъ подчиненіи у мужчины; на послѣднемъ лежитъ право всякаго управленія и общественныхъ заботъ; жена должна быть заперта во внутренности дома и исправлять тамъ работы, которыя были въ глазахъ мужчины унижательными, рабскими⁴⁾. Несколько не выше стояли въ этомъ отношеніи и философы. Таково же напр. было мнѣніе величайшаго изъ мыслителей Греціи — Аристотеля. Правда, онъ соглашается допустить различіе между женщиной и рабомъ, однако признастъ, что если женщина и имѣетъ волю, то эта воля лишена права, если она и способна къ добродѣтели, то добродѣтель ея мало отличается отъ добродѣтели раба⁵⁾. Въ брачномъ союзѣ мужъ есть душа, которой свойственна власть и господство, а жена есть тѣло, которое должно подчиняться душѣ⁶⁾. Мужъ не только не обязанъ слушать совѣтовъ жены, но даже и не долженъ совѣтоваться съ нею, потому что онъ есть полновластный владыка и господинъ своей жены⁷⁾. Кромѣ того онъ такъ долженъ держать себя относительно своей жены, чтобы она всегда сознавала его господство; власть мужа должна про-

1) Брачное право древняго Востока Осипова стр. 107—108.

2) Тамъ же, стр. 108—109.

3) De conditione civili feminarum Atheniensium, von Stegeren, p. 139 et ceter. см. у Соколовскаго и Осипова.

4) Брачное право древняго Востока, стр. 110.

5) Polit. 1, c. 1 et 5, p. 4 et 25.

6) Тамъ же, c. 5, p. 24.

7) Isaeus, de Aristarchi haeredibus, § 10, in Oratt. att. t. III, p. 121. См. Соколовскаго.

являться во всѣхъ его отношеніяхъ къ женѣ, которая должна отвѣчать на поступки мужа безропотно рабскою покорностью¹⁾. Платонъ въ своемъ химерическомъ представленіи объ идеальномъ государствѣ зашелъ еще дальше въ этомъ униженіи женщины. Онъ поставилъ ее на такую низкую степень, что рѣшился предложить всему міру проектъ *объ общихъ женахъ*. Очевидно, что онъ смотрѣлъ на женщину крайне низко; иначе онъ не дерзнулъ бы проповѣдывать такихъ безнравственныхъ отношеній, въ которыхъ женщина была низведена въ орудіе для произведенія членовъ государства. Такимъ образомъ законодательство, поэты и философы Греціи были проникнуты однимъ духомъ, именно полнымъ униженіемъ женщины въ ея естественныхъ, семейныхъ и общественныхъ правахъ.

Что касается государствъ Востока, то они въ самой глубокой древности славились глубокимъ порабощеніемъ женщины. Здѣсь господствовалъ полнѣйшій деспотизмъ мужчинъ и рабская подчиненность женщинъ. Женщины, униженные полигаміей, низведены были здѣсь на гораздо низшую степень, нежели въ государствахъ Запада, въ Греціи и Римѣ. На Востокѣ всюду, куда мы не обратимъ свой взоръ, мы видимъ женщинъ, обремененныхъ узами рабства, полунодьями, игрушками похоти мужчинъ. Съ дѣтства до смерти онѣ были рабами; никогда воля ихъ не имѣла значенія въ глазахъ мужа и не признавалась закономъ. Мужъ не хотѣлъ искать въ бесѣдѣ со своею женою случая подѣлиться съ нею своими мыслями и чувствами. Даже самое воспитаніе ея ограничивалось однимъ кормленіемъ и развитіемъ въ ней тѣхъ свойствъ, которыя должны возбуждать сладострастные похоти мужа. Никакого умственного и нравственного воспитанія ей не хотѣли дать. Всѣ стремились получить какъ можно болѣе дѣтей; потому не только всѣ желали, но даже обязывались имѣть какъ можно болѣе жещъ, столь много, сколько позволяли средства; всякій богатый человѣкъ имѣлъ ихъ огромное количество, такъ что полигамія здѣсь достигала апогея своей безобразной разнузданности. На женщинъ, которыя оставались дальше извѣстнаго срока въ безбрачій, смотрѣли съ крайнимъ презрѣніемъ. Этого мало; ихъ нерѣдко въ подобномъ случаѣ подвергали строгому наказанію.

¹⁾ Тамъ же, т. IV, р. 547.

Объ общественныхъ правахъ женщины послѣ этого излишне и говорить. Онѣ не владѣли ими и не могли владѣть при томъ понятіи, какое имѣло объ нихъ языческое общество Востока. Заключенныя въ гаремахъ подѣ строгимъ надзоромъ евнуховъ, онѣ не могли проникнуть нигде дальше сферы своихъ гаремовъ; а здѣсь смотрѣли на нихъ какъ на рабынь, которыя должны со страхомъ и трепетомъ ожидать прихода своего мужа въ это внутреннее отдѣленіе дома¹⁾.

Евреи, у которыхъ сохранялось еще воспоминаніе о первоначальномъ истинномъ назначеніи человѣка и его спутницы-жены, не смотря на это также не имѣли надлежащаго понятія о личности женщины, о ея правахъ и обязанностяхъ. И здѣсь положеніе ея было незавидное. Правда, здѣсь не господствовалъ крайній деспотизмъ мужчины; однако женщина все же не имѣла надлежащихъ правъ. Если мы станемъ сравнивать положеніе женщины у израильтянъ съ положеніемъ ея у народовъ языческихъ, то должны конечно признаться, что положеніе ея было несравненно лучше и выше у первыхъ, нежели у послѣднихъ. Она никогда здѣсь не разсматривалась только какъ орудіе для произведенія дѣтей. Достаточно сравнить самое названіе лицъ женскаго пола у евреевъ съ одной стороны и римлянъ и грековъ — съ другой, чтобы убѣдиться въ этомъ. Названіе лицъ женскаго пола у первыхъ всегда означало тоже, что и названіе лицъ мужскаго пола и есть только фонетическое или грамматическое измѣненіе послѣдняго для выраженія рода²⁾. Женщины даже допускались въ общество мужчинъ при такихъ важныхъ случаяхъ, какъ слушаніе закона. Однако этотъ высокій взглядъ на женщину со временемъ мало-по-малу измѣнялся къ худшему; параллельно съ увеличеніемъ полигаміи, увеличивался и деспотизмъ мужчины на счетъ подчиненности женщины. Предъ пришествіемъ Христовымъ онъ достигъ высшей степени и униженіе женщины было доведено до крайности. Не смотря на все это, положеніе ея было все же лучше, чѣмъ у прочихъ народовъ языческаго

¹⁾ Прекрасную характеристику положенія женщины на Востокѣ представляетъ Деллинггеръ въ своемъ сочиненіи «Heidenthum und Judenthum». Ср. брачное право Осипова, стр. 6—10; 36—52; 69—72.

²⁾ Напр. γυνή сходно съ γένος, femina — съ fecundas; у евреевъ же: isch—мужъ, ischa—жена: ben—сынъ, bint—дочь; ach—братъ, achoth—сестра.

міра¹⁾). Вотъ краткій очеркъ состоянія женщины до христіанства. Всюду слышится стenanіe женщины подъ бременемъ своего бѣдственнаго положенія, своего угнетенія деспотизмомъ мужа. Только у іудеевъ ея положеніе представляется сравнительно съ болѣе свѣтлой стороны, но и здѣсь нельзя назвать его завиднымъ.

Положеніе женщины въ христіанствѣ.

Ивилось христіанство, установило новый брачный союзъ, и женщина заняла свое прежнее высокое положеніе; ей были возвращены все тѣ права, которыя неотъемлемо принадлежать ей по природѣ. Христіанство своимъ брачнымъ законодательствомъ возвратило женщинѣ самое существенное право, право человеческой личности, котораго она не имѣла ни въ Греціи, ни въ Римѣ. Возвративши женщинѣ это неотъемлемое право, христіанство поставило ее въ самыя лучшія отношенія къ мужу; оно ограничило безпредѣльную власть послѣдняго и тѣмъ самымъ распредѣлило между мужчинами и женщинами ихъ области, ихъ обязанности по отношенію къ семьѣ и обществу. Христіанство установило тѣ предѣлы, которые правильно показываютъ, гдѣ оканчиваются права и обязанности одного пола и начинаются права и обязанности другаго пола. Въ духовно-благодатномъ царствѣ, основанномъ Христомъ, нѣтъ различія между полами. Здѣсь все равно между собой: все получили одинаковое происхожденіе, все призваны къ нравственному совершенству, освященію и оправданію; всемъ даны одни и тѣ же благодатныя дары, у всехъ одна и та же конечная цѣль ихъ бытія, именно стремленіе къ Богу; по смерти они все должны отдать одинаковый отчетъ предъ Богомъ и за одинаковыя заслуги получить одинаковыя награды на небѣ²⁾. Женщина если и называется слабымъ существомъ, то эта слабость присуща только ея тѣлу, а не духу. По душевнымъ качествамъ женщина совершенно равна мужчинѣ. Если она и уступаетъ ему въ однихъ способностяхъ души, за то превосходитъ его въ другихъ. По своей впечатлительности, она гораздо легче мужчины

¹⁾ Брачное право древняго Востока, Осипова, стр. 80—86

²⁾ Климентъ Алекс. Проslag. 1, с. 4, т. 1, р. 103; Григорій Наз. ор. 31, т. 1, р. 502. Григорій Писскій, ор. 1, in verba fac. hom. т. 1, р. 151.

способна чувствовать то величіе благодѣяній, которыя Богъ оказываетъ роду человѣческому; она больше мужчины склонна къ благодарности за эти благодѣянія. Гдѣ мужчина остается холоднымъ зрителемъ чужихъ несчастій, скорбей и лишений, тамъ является женщина и приноситъ утѣшеніе несчастнымъ и бѣдствующимъ; по мягкости своего сердца и терпѣнію, она рѣже мужчины падаетъ подъ бременемъ тяжкихъ несчастій; она даже болѣе его отличается благочестивымъ духомъ¹⁾. Златоустъ часто любитъ поставлять женщинъ въ образецъ мужчинамъ по нравственной чистотѣ и святости. „Онѣ превосходятъ васъ, говоритъ Златоустъ, обращаясь къ мужамъ, въ любви къ Спасителю, въ цѣломудріи, въ состраданіи къ несчастнымъ“²⁾. Христіанская жена, по представленію Отцевъ и Учителей Церкви, скромна, цѣломудренна; она тихо и спокойно управляетъ домомъ, посѣщаетъ несчастныхъ и бѣдныхъ, принимаетъ странниковъ, избѣгаетъ всякихъ нечестныхъ зрѣлищъ, посѣщаетъ усердно храмы³⁾.

Такимъ образомъ ея существо человѣческое нисколько не ниже существа мужчины и потому она должна занять свое почетное мѣсто. Однако она не должна приобрѣтать надъ мужемъ власти, а должна свободно по своей волѣ покоряться ему, какъ своему защитнику на многотрудномъ поприщѣ жизни. Для этого христіанство раздѣлило владѣнія мужа и жены, чтобы они не приходили во взаимное столкновеніе; каждый въ своей области долженъ исполнять свою службу ревностно, не препятствуя другому. Мужчина, какъ существо сильное, крѣпкое, долженъ заниматься дѣлами внѣшними, которыя требуютъ силы и присутствія духа и потому не совмѣстимы съ физической слабостью женщины. Женщинѣ же отведены дѣла внутри дома, какъ болѣе сообразныя съ ея силами и характеромъ. Мужьямъ Отцы Церкви предоставили публичныя собранія, форумъ, правительственныя заботы о дѣлахъ государства, защитѣ своего отечества отъ внѣшнихъ враговъ. Женщина же завѣдуетъ дѣлами внутри дома, распоряжается слугами, упра-

¹⁾ Григорій Нисскій, op. 1, in verba tac. hom. t. 1, p. 151.

²⁾ Златоустъ. Hom. 42, in cap. XVIII Gen., § 7, t. IV, p. 433. Hom. 13 in Eph., § 3, t. XI, p. 100; сравн. Августинъ, Sermo 9, § 12, t. V, p. 40.

³⁾ Тертул. De cultu feminae. II, c. 11, p. 159. Ad uxorem, II, c. 4 et 8, p. 168. 172. Иеронимъ. Ep. 54, t. 1, p. 289.

вляеть хозяйствомъ, старается запечатлѣть здѣсь тотъ нравственный характеръ, какимъ она сама отличается по представленію Отцевъ и Учителей Церкви. Мужъ на это дѣло не способенъ: это не по его природѣ; онъ не можетъ вліять тамъ, гдѣ нужна душа исполненная религіозно-нравственною теплотою¹⁾. При такомъ представленіи о нравственномъ характерѣ женщины, Церковь никогда не хотѣла подчинять ее безусловному деспотизму мужа; она напротивъ допускала, что жена можетъ смягчать грубый нравъ своего мужа, можетъ при мягкости сердца своего утѣшить мужа въ самыхъ сильныхъ несчастіяхъ²⁾. Жена сдѣлалась апостоломъ своего мужа, ангеломъ хранителемъ своихъ братьевъ отъ разныхъ грубыхъ пороковъ, отъ которыхъ отвращается женское сердце³⁾. За этимъ, презрѣннымъ и почти лишеннымъ человѣческаго достоинства язычниками, существомъ было признано первое мѣсто въ воспитаніи дѣтей. На обязанности жсны лежить прежде всего этотъ священный долгъ. Такимъ образомъ женщины были поставлены христіанскимъ бракомъ въ качествѣ апостоловъ, проповѣдниковъ будущему поколѣнію новыхъ свѣтозарныхъ идей, принесенныхъ въ міръ Спасителемъ; онѣ явились исправительницами цѣлаго человѣчества⁴⁾. Признавая женщину существомъ человѣческимъ, допуская въ ней присутствіе такихъ качествъ, которыя не присущи мужчипѣ, христіанство очень часто даже выводило ее изъ чисто домашнихъ обязанностей и вводило ее въ кругъ общественной дѣятельности. Впрочемъ здѣсь оно ограничивало ихъ участіе только извѣстною областью, которая болѣе всего соотвѣтствовала ихъ характеру. Женщина отличается состраданіемъ къ несчастіямъ другаго; нѣжному сердцу ея болѣе доступно самоотверженіе для служенія несчастнымъ и бѣдствующимъ. Потому-то христіанство предложило женщи-

¹⁾ Климентъ Рим. Ер. 1 ad Cor. с. 1, р. 147; Климентъ Алекс. Paedag. 111, с. 11, т. 1, р. 288; Амвросій, De paradiso, с. 11, § 50, т. 1, р. 167. Златоустъ, Quales ducendae sint uxores, т. 111, р. 217.

²⁾ Златоустъ, Sermo 4 in Gen. § 1, т. IV, р. 659; Амвросій, De instit. virg., с. 3, § 22, т. II, р. 254.

³⁾ Тертуліанъ, ad ux. 11, 7. Августинъ, De conjug. adult. 1, 17. Златоустъ, Hom. LXI in Matth. 14.

⁴⁾ Златоустъ, Quales ducendae sint uxores; Иеронимъ, Comment. in Tit. с. 2. ер. CVII. CXXVIII.

намъ именно эту область¹⁾. Исторія христіанства представляетъ намъ много образцовъ той самоотверженности, съ какою женщины совершали это служеніе на пользу и утѣшеніе несчастнымъ и бѣдствующимъ. Что же касается до другихъ областей общественной дѣятельности, то женщина должна была здѣсь уступить свое мѣсто мужчинамъ. Общественно-гражданская дѣятельность всегда считалась не по силамъ слабой женщины. Притомъ она отвлекала бы только женщину отъ ея высокой и священной обязанности, именно воспитанія дѣтей. Христіанская Церковь всегда неблагосклонно смотрѣла на вмѣшательство женщинъ въ общественныя дѣла и управленіе, она даже не допускала женщинъ въ число служителей своего алтаря и запрещала имъ проповѣдывать въ общественныхъ собраніяхъ вѣрующихъ²⁾. Женщина, не смотря на всю обширность своихъ правъ, все же должна была подчиняться своему мужу; не смотря на то, что считали ее необходимымъ дополненіемъ мужа, нераздѣльнымъ съ нимъ существомъ, Отцы требовали, чтобы жена уважала въ лицѣ своей мужа главу. Вслѣдствіе этого была бы не согласна съ такимъ взглядомъ христіанства проповѣдь женщины въ общественномъ собраніи вѣрующихъ; здѣсь она должна была слушать мужей и отъ нихъ поучаться. Но это не тотъ взглядъ на женщину, какой на нее имѣло все язычество, во все времена; здѣсь не могло быть и рѣчи о томъ деспотизмѣ мужа, по которому онъ имѣлъ надъ нею право жизни и смерти; даже за прелюбодѣяніе онъ не могъ отважиться наказывать ее смертью подъ угрозою строжайшей епитиміи³⁾.

Женщина перестала быть орудіемъ своего мужа; она сдѣлалась гражданкою того царства, которое основать на землѣ Спаситель. Дарованіе этихъ правъ женщинамъ христіанствомъ не осталось безъ вліянія и на гражданское законодательство. И оно мало-по-малу стало бросать грубый взглядъ на женщину и проникаться гуманнымъ взглядомъ христіанства. Законъ постепенно признавалъ за нею тѣ естественныя права, которыми она должна владѣть, какъ существо человеческое, но въ которыхъ ей отказывало язычество. Императоръ Константинъ въ

1) Пилъ, *Peristeria*, sect. 1, c. 3, p. 87.

2) 1 Корин. гл. 14, ст. 34—35 — VI Вселен. Собора 70 правило.

3) Василия Великаго 8 правило.

321 году уничтожилъ постоянную, продолжающуюся всю жизнь, опеку надъ женщиной, какая существовала въ языческомъ обществѣ, и признать ее по достиженіи совершеннолѣтія равною по правамъ съ мужчиной. Онъ далъ право матери наследовать по смерти своихъ дѣтей. По смерти Константина мы видимъ много женщинъ, которыя даже завѣдывали общественными дѣлами, принимали участіе въ управленіи и принесли много пользы для государства. Возвышенная христіанствомъ, женщина сразу почувствовала свои силы и уже не стала смотрѣть на себя, какъ на существо, лишенное всякаго человѣческаго достоинства. Постепенно, благодаря духу высокой гуманности христіанства, она начала пріобрѣтать болѣе и болѣе твердый нравственный характеръ. Такъ благотворно было дѣйствіе христіанскаго брака на женщину. Христіанство, возвысивъ брачныя узы, тѣмъ самымъ вызвало женщину изъ глубины ея паденія въ языческомъ обществѣ, признало за ней человѣческое достоинство, сдѣлало ее такою же гражданкою, какъ и мужчину, отвело ей обширную и важную область—управленіе домомъ, поставило ее воспитательницей будущаго поколѣнія и распространительницей свѣта христіанства въ будущіе роды и вѣка, призвало ее даже къ отправленію нѣкоторыхъ общественныхъ служеній. Благодаря такой перемѣнѣ, женщина очистила свой характеръ отъ тѣхъ недостатковъ и низкихъ пороковъ, которые всегда служатъ отличительнымъ признакомъ рабскаго сословія и которые заставляли язычниковъ считать сообщество жены тяжкимъ бременемъ, а жену несноснымъ спутникомъ.

Вліяніе до-христіанскаго брака на семейную и общественную жизнь человека.

Такая перемѣна женщиной своего положенія и характера нравственной своей личности не могла пройти безслѣдно для другихъ отношеній, не могла не оказать благотворнаго вліянія на другія сферы, такъ какъ жизнь женщины связана со всѣмъ строемъ общества столь тѣсными и неразрывными узами, что малѣйшее измѣненіе въ судьбѣ и правахъ женщины непременно влечетъ за собой измѣненіе во всемъ организмѣ общества и государства. Прежде всего униженіе женщины естественно должно было отразиться на нравственномъ состояніи

общества. Въ язычествѣ женщина разсматривалась какъ орудіе для достиженія государственныхъ цѣлей; бракъ былъ учрежденіемъ чисто политическаго свойства. Сначала при строгости нравственныхъ древнихъ правилъ, когда были часты самопожертвованія въ пользу государства, когда часто встрѣчались примѣры безграницной любви къ своему отечеству, тогда дѣйствительно и въ бракѣ личные интересы приносились въ жертву государства, но постепенно личные интересы стали брать верхъ надъ интересами государства; на первомъ планѣ люди поставили тогда свои интересы и въ жертву имъ стали приносить долгъ государства. Тогда упало всякое значеніе брака, вмѣсто него настало всеобщее развращеніе. Самый безобразный развратъ охватилъ все языческое общество и дошелъ предъ пришествіемъ Спасителя до такой степени, что не оставалось никакой надежды возстановить человѣчество. У представителей древняго языческаго міра—грековъ и римлянъ была крайняя распушенность нравовъ, распушенность, переходящая всякія границы. До пелопоннесской войны еще мало замѣтна эта распушенность нравовъ, но начиная съ этого времени и идя прогрессивнымъ путемъ, развратъ предъ пришествіемъ Спасителя достигъ своихъ крайнихъ размѣровъ. Прежде грекъ смотрѣлъ на жену, какъ на орудіе для достиженія государственныхъ цѣлей; но теперь, при упадкѣ древняго строгаго брака, онъ сталъ видѣть въ женѣ только орудіе для удовольстворенія своихъ чувственныхъ инстинктовъ; теперь ему стало мало одного орудія для своей страсти; чувственность побуждала его идти все далѣе и далѣе до послѣднихъ предѣловъ. Бракъ былъ нарушенъ сожителствомъ съ наложницами (конкубинами), число которыхъ постепенно возрастало; жена превратилась въ лице второстепенное; на первомъ мѣстѣ стояла наложница, никто не искалъ общества жены; мужья не стѣснялись своихъ женъ и держали въ своемъ домѣ паломницъ.

Женщины, униженныя въ сожителствѣ съ мужемъ, хотѣли свергнуть съ себя иго мужей. Онѣ замѣтили господствующую страсть своего времени, страсть къ разпаго рода удовольствіямъ, которыхъ мужья искали внѣ своего дома, не въ кругу своей жены. Онѣ воспользовались этой страстью грековъ того времени, не хотѣли принадлежать кому-нибудь исключительно, а искали наслажденія со всѣми. Для того, чтобы успѣшнѣе привлекать къ себѣ поклонниковъ, онѣ

старались вооружиться знаніями всякаго рода; философія, поэзія, музыка были изучаемы ими съ жаромъ; онѣ часто блистали краснорѣчіемъ, между тѣмъ какъ законныя жены, загнанныя своими мужьями, пали до послѣдней степени невѣжества. Мужья стремились къ публичнымъ женщинамъ (*гетерамъ*), у ногъ которыхъ они упивались разнаго рода разговорами о политикѣ и искусствѣ; около гетеры можно было всегда встрѣтить кружокъ мужчинъ, жаждущихъ насладиться обществомъ этихъ львицъ греческаго общества. Общественное мнѣніе о нихъ было самое плохое, однако это нисколько не препятствовало имъ привлекать къ себѣ лучшихъ и богатѣйшихъ гражданъ. Законныя же жены сидѣли внутри дома; съ ними мужья скучали и считали общество ихъ невыносимымъ. По словамъ Сократа, никто ни съ кѣмъ такъ мало не говорилъ, какъ съ своею женою; всѣ стремились къ гетерамъ; дѣло доходило иногда до открытыхъ споровъ о правѣ владѣнія извѣстною личностью, принадлежащею къ разряду гетеръ, и подобные споры судъ даже не отказывался рѣшать. Такъ однажды два грека спорили о правѣ на одну гетеру и для рѣшенія этого обратились въ судилище. Судъ рѣшилъ, что оба истца имѣютъ право на эту гетеру и потому присудилъ, чтобы оба они вмѣстѣ владѣли ею¹⁾. Для насъ это покажется возмутительнымъ, но при тогдашнемъ упадкѣ нравственности никто и не думалъ сколько-нибудь возмущаться подобнымъ рѣшеніемъ. Все греческое общество стремилось къ такому же поклоненію гетерамъ. У ногъ гетеръ искали пристанища, искали ихъ ласкъ такіе государственные и высокопоставленные люди, какъ Периклъ, который былъ полнымъ представителемъ своего народа. Онъ былъ блестящимъ ученымъ, любителемъ наукъ и художествъ, но при всемъ томъ приносилъ жертву Аспазіи. Вслѣдствіе такого завиднаго положенія гетеръ, число ихъ чрезвычайно увеличилось. Особенно въ Спартѣ развратъ гетеръ дошелъ до невѣроятной степени. Тамъ существовалъ даже храмъ Афродиты, куда постоянно стекались эти развратныя женщины, такъ что между самыми изычниками спартанцы славились распущенностью нравовъ. Для гетеръ богатые греки тратили все свое состояніе; около гетеръ они предавались той роскоши, которая заставляла ихъ

¹⁾ Pseudo—Demosth, § 44 и слѣд. oratt. att., t. 5, p. 556.

пускать въ ходъ послѣднее имущество, чтобы удовлетворить чудовищнымъ прихотямъ гетеры. Какая могла быть нравственность, какое могло быть семейное счастье при такомъ безумномъ господствѣ гетеръ? Законныя жены, обремененныя узами рабства, владѣли свои дни внутри своего гнѣбека.

Взглядъ на жену упалъ вслѣдствіе этого еще болѣе. На бракъ стали смотрѣть какъ на средство пріобрѣтенія себѣ жены. Это вызвало частое похищеніе женщинъ, насладившись которыми, мужья отпускали ихъ отъ себя, благодаря легкости развода. Общество смотрѣло на это не какъ на отвратительное преступленіе, а напротивъ какъ на смѣлое удалство, какъ на отличіе мужчины. Самый законъ относился къ этому снисходительно. Законъ считалъ это маловажнымъ проступкомъ и потому взыскивалъ съ виновныхъ только незначительную пеню¹⁾. Это обуславливалось взглядомъ на женщину. Извѣство лишило женщину человѣческаго достоинства и смотрѣло на нее какъ на постоянную собственность мужчины. Вслѣдствіе такого взгляда, на дочь смотрѣли какъ на собственность отца, а на похитителя ея какъ на похитителя чужой собственности. Благодаря такому взгляду общества и снисходительности законовъ, похищеніе женщинъ увеличилось до крайней степени. Это похищеніе служило пищею жаждущихъ разврата и падкихъ до чувственныхъ удовольствій грековъ. Похитивши женщину, грекъ наслаждался ею до тѣхъ поръ пока хотѣлъ; но лишь только она паскучила ему, онъ прогонялъ ее отъ себя, и это не оставляло никакого позорнаго пятна на женщинѣ²⁾.

Этого мало; разврата не могли удовлетворить ни конкубины, ни гетеры, ни похищеніе женщинъ; потребовались женщины, которыя предлагали бы свои ласки каждому желающему, и благодаря развращенности женщинъ эти личности явились и быстро распространились по всей Греціи; число публичныхъ домовъ возрастало въ Греціи ежедневно до невѣроятности. Эти пріюты разврата были мѣстами постоянныхъ собраній развратныхъ грековъ; сюда шель старикъ и юноша, бѣдный и богатъ, и всѣ по мѣрѣ силъ своихъ старались тратить здѣсь послѣднюю долю своего нравственнаго

¹⁾ Plutarch., Vita Solonis, c. 23, t. 1, p. 227.

²⁾ Plutarch. Quaes. Sympos. VII, Quaes. 8, c. 3, t. XI, p. 326.

чувства, послѣднюю долю любви къ семьѣ и дому. Публичные дома появились очень рано въ Греціи. Они существовали еще до Солона, а этотъ законодатель даже призналъ ихъ существованіе дозволеннымъ законами и наложилъ на нихъ подать, которую онъ употребилъ на сооруженіе храма Венеры¹⁾. Послѣ его смерти аѳиняне находили себя вынужденными постоянно признавать законность существованія этихъ домовъ; они обложили ихъ податью²⁾.

Одно нарушеніе законовъ природы и нравственности влечетъ за собой необходимо другія. Греки, упизивъ женщину до послѣдней степени, считая ее не дополненіемъ существа мужчины, а орудіемъ его похоти, чрезъ то самос впади въ новый порокъ — противоестественный развратъ. Въ самомъ дѣлѣ, если женщина есть только орудіе для удовлетворенія чувственныхъ страстей мужчины, то отъ чего же грекъ не могъ дозволить себѣ этого удовлетворенія съ другимъ поломъ, или вообще противоестественно. Вслѣдствіе упадка женщины и нравственности, противоестественный порокъ былъ распространенъ въ греческой жизни до чрезмѣрной степени: всякій считалъ себя въ правѣ предаться этому пороку при первомъ удобномъ случаѣ. Сколько бы мы ни увеличивали область господства этого презрѣннаго порока, мы все же бы сказали мало о его распространеніи въ Греціи. А между тѣмъ никто изъ грековъ не думалъ возмущаться этимъ порокомъ. Мало того; поэты и философы, Платонъ, Сократъ и Аристотель, оправдали это преступленіе противъ нравственности и противъ природы; даже во всей литературѣ Греціи нельзя найти писателя, который вооружался бы противъ этого порока. Въ поэтическихъ произведеніяхъ грековъ постоянно выводится на сцену любовь къ мальчикамъ и даже ей дается преимущество предъ любовью къ женщинамъ. Само законодательство не противодействовало этому пороку. Солонъ запретилъ наслажденіе съ мальчиками только рабамъ, а свободнымъ позволилъ. Такимъ образомъ одно изъ преимуществъ свободного гражданина состояло въ томъ, что онъ могъ подъ покровительствомъ закона свободно предаваться этой гнусной

¹⁾ Athen. XIII, c. 25, t. V, p. 56.

²⁾ Aeschin, contra Temarch. in oratt. att. t. III, p. 289.

страсти къ мальчикамъ¹⁾. До такой степени дошелъ упадокъ нравственности грековъ, такъ сильно притупилось ихъ нравственное чувство, что такой гнусный противоестественный порокъ совершался вполне открыто.

Такое развращеніе нравовъ у грековъ было всеобщее; не было ни одной личности, стоявшей выше тогдашняго низкаго уровня нравственности грековъ. Ученые мыслители и философы Греціи всѣ были заражены тѣмъ же духомъ всеобщаго развращенія. Преслѣдуя тѣ или другіе недостатки общественной жизни грековъ, они не нападали на эту развращенность гражданъ. Они даже проводили въ своихъ сочиненіяхъ развратныя идеи, которыя должны были сами внести заразу въ общество и не рѣдко имѣли цѣлью оправдать развратъ путемъ литературы. Дѣло дошло до того, что мужья стали запрещать своимъ женамъ читать произведенія греческихъ поэтовъ²⁾. Должно быть хороши были мысли этихъ поэтовъ, если даже развращенные мужья считали ихъ вредными для нравственности своихъ женъ. Достаточно припомнить тотъ, нарушающій всякое нравственное чувство, идеаль, который построилъ Платонъ для своего образцоваго государства, именно *общеніе женъ*, чтобы убѣдиться въ томъ, что ученые греки стояли не выше массы въ нравственномъ отношеніи.

Жены также не оставались въ долгу у мужей. Смотря на ту свободу, которая была предоставлена гетерамъ, онѣ стремились достигнуть этой свободы чрезъ эмансипацію. Ихъ нисколько не привлекала къ дому ни семья, ни воспитаніе дѣтей. Дѣтей они отдавали на попеченіе рабовъ, а сами предавались распутству, роскоши и разнаго рода увеселеніямъ. Такимъ образомъ мужья и жены старались превзойти другъ друга въ развратѣ и порокахъ. Таково было нравственное состояніе Греціи предъ пришествіемъ Спасителя.

Римъ представляетъ не лучшую картину въ нравственномъ отношеніи. Тѣ же самые пороки, которые существовали въ греческомъ обществѣ, бросаются въ глаза и здѣсь. Наложничество (конкубинатъ) и здѣсь, какъ въ Греціи, было доведено до послѣдней степени; наложницы жили рядомъ съ законными женами и законъ былъ не въ силахъ противиться этому злу.

¹⁾ Döllinger, Heidenthum und Judenthum, S. 684—691.

²⁾ Seneca, Consol. ad Helviam, c. 16, t. 1, p. 139.

Законъ нашелся вынужденнымъ признать за паломницами право на существованіе, только ограпичилъ число ихъ, не позволивъ гражданину имѣть больше одной при законной женѣ. Общественное мнѣніе смотрѣло безъ всякаго смущенія на этотъ фактъ. Были даже такіе римляне, которые на надгробныхъ камняхъ рядомъ съ именемъ жены выставляли имя паломницы¹⁾. Публичныя женщины были также очень распространены въ Римѣ; римляне стремились къ обществу этихъ женщинъ во всею необузданностью развратныхъ людей. Въ актахъ христіанскихъ мучениковъ мы встрѣчаемъ безпрерывныя примѣры того, что судьи приговаривали мученицъ-христіанокъ къ помѣщенію въ домахъ терпимости, чтобы лишить ихъ дѣвства²⁾. Хуже этого развратнаго взгляда на женщину и отношеній между полами нельзя ничего представить. Здѣсь отъ лица закона женщины приносятся въ жертву развратнымъ наклонностямъ римскаго общества. Жажда чувственныхъ наслажденій заставляла римлянъ похищать и насиловать чужихъ женъ и дѣвицъ. Это случалось такъ часто, что кажется какое преступленіе въ Римѣ не повторялось чаще похищенія и насилія дѣвицъ. Что же предпринимаютъ противъ этого римскій законъ? Почти ничего. Правда, онъ повидимому очень строго относился къ этому дѣлу, предоставивъ похищенной и изнасилованной женщинѣ право требовать смерти своего похитителя, или требовать, чтобы похититель загладилъ свой проступокъ бракомъ съ нею³⁾. Что можетъ болѣе покровительствовать разврату? Наказаніе преступленія предоставлено женщинѣ, которая при развращенности общества весьма часто сама была участницей въ своемъ похищеніи и соглашалась на развратъ съ мужчиной.

Такое состояніе общества окупчательно деморализовало женщину, — ту половину человѣческаго рода, на которой лежитъ великая задача воспитанія дѣтей и нравственнаго улучшенія человѣчества. Видя со стороны мужчины такое нарушеніе нравственности и вѣрности брачному союзу, женщины и сами старались завладѣть тѣмъ же правомъ. Римскій законъ не нака-

¹⁾ О чрезвычайномъ распространеніи конкубината въ Римѣ см. Döllinger, Heidenthum und Judenthum, S. 720.

²⁾ Евсевій, Hist. eccl. VI, c. 5, p. 207 de martyr. Palaest., c. 5 et 8, p. 726 et 331; Палладій, Hist. Laus., c. 3, p. 18. Тертул., Apolog., c. 50, p. 163.

³⁾ Квинтиліанъ, Declam. 262, t. III, p. 69.

зываютъ мужчину за сношеніе съ развратной женщиной. Для того, чтобы пріобрѣсти себѣ подобную свободу и право предаваться своимъ порочнымъ наклонностямъ, жены даже самыхъ знатныхъ римлянъ старались переходить въ число распутныхъ публичныхъ женщинъ. Между тѣмъ какъ мужья предавались разврату въ публичныхъ домахъ, жены ихъ дома дѣлали то же самое, окружали себя любовниками, тратили громадныя суммы на предметы роскоши, занимались развратными исторіями. Ничего не было порочнаго и низкаго, чего бы онѣ не позволили себѣ¹⁾. Цѣломудренность женщинъ была такъ рѣдка, что получить цѣломудренную жену считалось необыкновеннымъ дѣломъ²⁾.

Вотъ до чего довела язычество его бракъ своею полигаміей и разводомъ! Вотъ какое зрѣлище разврата представляетъ языческое общество, гдѣ женщина была унижена до степени бессловеснаго существа! Начиная съ императора и кончая послѣднимъ подданнымъ римскаго государства, всѣ до одного заразились этой атмосферой, наполненной миазмами разврата. Не было уже ни семейныхъ узъ, ни святости брачнаго союза, ни вѣрности супруговъ, ни цѣломудрія дѣвицъ, ни стыдливости жепъ. Все это греческое и римское общество принесло въ жертву разврату и разнузданности страстей. Вотъ какъ характеризуетъ язычество Деллингерь: „униженіе женщины, презрѣніе брака, нарушеніе супружеской вѣрности, отвращеніе отъ дѣтей изъ эгоизма и разврата, сопровождаемое преступленіями, легкость развода и вторичныхъ браковъ, неестественный порокъ, публичное безстыдство, униженіе безчисленныхъ классовъ людей до степени презрѣнныхъ орудій похоти,— всѣ эти нравственные пороки въ совокупности господствовали на всемъ пространствѣ и были причиной обезлюденія цѣлыхъ провинцій“³⁾.

Не представляетъ утѣшительнаго зрѣлища и народъ еврейскій въ эпоху предъ появленіемъ христіанства. Правда, здѣсь никогда нравственные пороки не доходили до такихъ широкихъ размѣровъ, какъ у грековъ и римлянъ, но полигамія и разводъ, допущенные закономъ, сильно поколебали нравственныя основы жизни. У евреевъ было велико нравственное развра-

¹⁾ Сатира Ювенала, v. 457, p. 79.

²⁾ Tacit., Annal. III, c. 34. t. 1, p. 154: Ювеналь, VI сатира v. 161, p. 69.

³⁾ Döllinger, Christenthum und Kirche, S. 384.

щеніе. Вслѣдствіе полигаміи и развода еврей привыкъ смотрѣть на женщину очень низко. Брачная вѣрность и прочность брачнаго союза сдѣлались крайне шаткими. По свидѣтельству современниковъ, еврей отличался своею чувственностью до такой степени, что, увидя красивую женщину, онъ не могъ удержаться, чтобы не увести ее¹⁾.

Вліяніе христіанскаго брака на семейную и общественную жизнь.

Такимъ образомъ когда явилось христіанство, міръ представлялъ ужасное зрѣлище нравственнаго упадка и разврата. Новое законоположеніе о бракѣ, возвышеніе его, дарованіе женщинѣ тѣхъ правъ, которыя ей принадлежать по природѣ, возстановляетъ этотъ міръ, погрязшій въ развратѣ. Христіанство никакъ не могло сносить, чтобы супружество было оскорбляемо и унижаемо наложничествомъ; наложничество было не совмѣстимо съ той высокой святостью и чистотою брака, какой требуетъ христіанство. Наложничество нарушало то безусловное единство брачныхъ узъ, какое требуется отъ христіанскаго брака. Наложницы постепенно были изгнаны. Впрочемъ онѣ еще существовали въ первые вѣка христіанства и даже законы христіанскихъ императоровъ признавали ихъ существованіе, хотя и съ большими ограниченіями. Это была дань тому остатку развращенныхъ нравовъ, которыми запятнано себя языческое общество. Но наконецъ христіанскія понятія о бракѣ успѣли сильно проникнуть въ общество и изгнать оттуда этотъ остатокъ грубаго и безнравственнаго язычества. Похищеніе и растлѣніе женъ, столь частое въ язычествѣ, потерпѣло въ христіанствѣ значительное сокращеніе и даже уничтоженіе. Какъ въ язычествѣ похищеніе случалось каждый день, такъ напротивъ въ христіанствѣ на него смотрѣли, какъ на рѣдкость и стремились даже уничтожить совершенно. Одно то уже, что императоръ Константинъ нашелъ возможнымъ наказывать это преступленіе смертною казнью²⁾, показывать, что оно почти не существовало въ христіанствѣ. Какъ бы могъ быть приложенъ этотъ законъ къ практикѣ, если бы и

¹⁾ Иустинъ, Dialog. cum Triphon. p. 141.

²⁾ Cod. Theod. IX, tit. 25. 1. 1 et. 2.

въ христіанскій періодъ государства, это преступленіе повторялось столь же часто, какъ и въ языческій. Законъ остался бы безъ примѣненія, потому что по строгости его нельзя было бы примѣнить его къ столь распространенному пороку. Публичный развратъ также уменьшился до такой степени, что императоръ Θεодосій II хотѣлъ запретить и уничтожить всѣ публичные дома, въ чемъ ему помогаль Флоренцій, — одинъ богатый правитель. Такъ какъ публичные дома доставляли государству огромные доходы и, слѣд., съ закрытіемъ ихъ государство потерпѣло бы значительный уронъ, то правитель предложилъ свои услуги и имущество для покрытія государственныхъ потерь, происходящихъ отъ закрытія этихъ домовъ¹⁾. Правда, попытка императора Θεодосія не удалась и публичные дома еще существовали, но уже одно намѣреніе императора показываетъ, что развратъ очель уменьшился, такъ что показалось возможнымъ прекратить его совершенно. А благородный примѣръ Флоренція свидѣтельствуешь, что взгляды христіанъ на развратъ были совершенно иной, нежели у язычниковъ. Какъ язычники не считали развратъ и преступленіемъ, такъ напротивъ христіане отвращались отъ него, какъ отъ гнуснаго порока. Находились люди, какъ напр. вышеупомянутый Флоренцій, которые не щадили даже собственнаго имущества, чтобы только другихъ предотвратить отъ разврата. Исторія христіанства представляетъ намъ много высоконравственныхъ личностей, о какихъ не знало язычество, по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи. Цѣломудріе считалось столь священнымъ въ глазахъ христіанъ, что они соглашались скорѣе умереть, нежели лишиться его. Въ актахъ мучениковъ можно видѣть, что даже язычники сознавали, какъ высоко христіанскія жены цѣнили свое цѣломудріе. Потому, когда никакія пытки и мученія не могли принудить ихъ отречься отъ Христа, судьи отправляли ихъ въ публичные дома; и это было для нихъ самымъ жестокимъ мученіемъ. Онѣ соглашались лучше перенести смерть, нежели идти въ эти дома и лишиться дѣвственности. Нарушеніе супружеской вѣрности было также чрезвычайно рѣдко въ христіанствѣ, такъ какъ императоръ Константинъ нашель возможнымъ это рѣдкое, но вмѣстѣ съ тѣмъ постыдное въ глазахъ христіанина, преступ-

¹⁾ Novell. Theod. II, tit. 18.

плєніє наказувать смертю¹⁾. Христіанскіє апологеты осмѣливались говорити въ глаза язычникамъ, что языческоє общество достигло крайней степени развращенія, между тѣмъ какъ христіане всѣмъ извѣстны чистотою своей нравственности. На это язычники ничего не могли сказать, потому что факты, свидѣтельствующіе о высокой нравственной чистотѣ христіанъ, были налицо. Самая даже роскошь и безумная трата имущества и денегъ, которыя были доведены въ язычествѣ до крайней степени, особенно предъ пришествіемъ Спасителя, въ христіанствѣ быстро начали уменьшаться. Въ христіанствѣ женщина, сознавши свое человѣческое достоинство, сознавши, что не въ томъ состоитъ ея назначеніе, чтобы быть игрушкою мужчины, естественно должна была оставить эту безумную роскошь, употребляла свое имѣніе на дѣла благотворительности и сама себя посвящала на служеніе ближнимъ. Дѣйствительно, въ первые вѣка христіанскаго общества мы видимъ, какъ богатыя женщины жертвуютъ всѣмъ своимъ имуществомъ, чтобы помочь бѣднымъ и страждущимъ, не думая тратить его, какъ тратили языческія жены. Такимъ образомъ нравственная чистота служила первымъ отличіемъ христіанъ, мужчинъ и женщинъ; презрѣніе къ пороку и желаніе лучше умереть, чѣмъ сдѣлать преступленіе противъ дѣвства или супружеской вѣрности — всѣ эти черты нравственнаго характера появились только со времени Христа. Язычество представляетъ совершенный контрастъ этой нравственной чистоты и святости; іудейство стояло также на низкой степени въ нравственномъ отношеніи.

Чѣмъ же объяснить этотъ переворотъ въ нравственномъ мірѣ? Главная причина этого конечно заключается въ тѣхъ понятіяхъ, какія христіанство сообщило о бракѣ. Оно сдѣлало бракъ союзомъ душъ, союзомъ столь же священнымъ и нерасторжимымъ, какъ священъ союзъ Христа съ Церковью. Здѣсь не должно быть нарушенія супружеской вѣрности, потому что бракъ святъ, какъ святость составляетъ конечную цѣль союза Христа съ Церковью; супруги должны быть единымъ тѣломъ. При такомъ высокомъ нравственномъ характерѣ брака, непременно должно было уничтожиться то безпрестанное нарушеніе брачныхъ узъ, какое мы видѣли въ язычествѣ, гдѣ бракъ былъ

¹⁾ Cod. Theod. IX, tit. VII, 1. 1 et cet.

простымъ гражданскимъ учрежденіемъ. Притомъ христіанство, возвысивъ женщину, тѣмъ самымъ возвысило и бракъ. Женщина признана такимъ же человѣческимъ существомъ, какъ и мужчина. Потому она уже не могла быть разсматриваема какъ орудіе, назначенное для удовлетворенія похотей мужичины. Загнанная въ язычествѣ, она легко поддавалась всякому порыву своихъ чувственныхъ страстей; между тѣмъ какъ, возвышенная въ христіанствѣ, она получила нравственную твердость, такъ какъ ей самой нужно было заботиться о своемъ положеніи въ Церкви. Женщина, окрѣпшая нравственно, уже не могла быть увлечена въ бездну разврата. Извѣстенъ неизмѣнный законъ природы, что если человѣкъ находится въ состояніи рабства, то его нравственная природа искажается и обезображивается, нравственный характеръ падаетъ; напротивъ, чѣмъ болѣе получаетъ человѣкъ законной свободы, тѣмъ выше его нравственная природа. То же испытала на себѣ и женщина. Въ язычествѣ она была унижена, а потому развращена и нравственно искажена; въ христіанствѣ она получила человѣческія права, возвысилась, и потому ее нравственный образъ достигъ совершенно неизвѣстной язычеству нравственной высоты.

Установленіе правильнаго брака и возстановленіе женщины отразилось и на семейной жизни не только супруговъ, но и всѣхъ членовъ семейства. Въ язычествѣ при понятіи о бракѣ, какъ гражданскомъ учрежденіи, не могло быть и рѣчи о семьѣ въ томъ смыслѣ этого слова, какой придало ему христіанство. Конечно и въ древнія времена, до христіанства, была семья; безъ семьи не можетъ быть человѣческаго общества, потому что семья не есть что-нибудь искусственное, созданное тѣмъ или другимъ законодательствомъ, а есть прирожденная человѣчеству форма жизни. Вслѣдствіе этого вездѣ, гдѣ бы ни находился человѣкъ, мы находимъ семью. Этотъ законъ вложенъ въ человѣка Самимъ Творцемъ.... Но постепенно эта естественная форма жизни искажалась вслѣдствіе поврежденія и уничтоженія тѣхъ чувствъ, которыя служатъ основой семейной жизни. При томъ бракѣ, какой существовалъ въ язычествѣ, семья потеряла свою основу. Бракъ имѣлъ чисто гражданскій, общественный характеръ; здѣсь преслѣдовались чисто политическіе интересы. Могла ли быть при такомъ взглядѣ на бракъ любовь между супругами, которая служитъ основой семейства.

Гражданскій характеръ брака совершенно не допускалъ этой любви. Притомъ полигамія и разводъ успѣли бы уничтожить эту основу, еслибы и могла сохраниться нѣкоторая слабая тѣнь ея въ языческомъ обществѣ. Мы видимъ, что семья въ язычествѣ въ этомъ отношеніи все болѣе и болѣе слабѣетъ; любовь между супругами признается излишнею и супружество доводится до степени обязательнаго гражданского долга; порча правотъ прекращаетъ это самопожертвованіе въ пользу государства; супружество падаетъ; браки становятся день отъ дня рѣже и рѣже; никто не хочетъ брать на себя этого бремени, никто не желаетъ приносить въ пользу государства своихъ естественныхъ паклонностей и влеченія сердца. Всѣ пришли къ заключенію, что имъ гораздо удобнѣе и выгоднѣе пользоваться сожитіемъ внѣ брачнаго союза. При такомъ взглядѣ на бракъ, какъ на гражданское учрежденіе, при господствѣ эгоистическихъ интересовъ, никто не хотѣлъ уже довольствоваться одними брачными узами. Развратъ потребовалъ постоянного расторгненія супружескихъ союзовъ. Сначала мужья, какъ деспотическіе владыки, пользовались этимъ правомъ, потомъ и жены присвоили его себѣ. Дѣло дошло до того, что, по словамъ одного сатирика, жены считали годы свои не по числу консуловъ, какъ велось въ древнія времена, а по числу своихъ мужей. Тѣсная связь, любовь супруговъ, которая должна составлять основу семьи, была совершенно уничтожена въ язычествѣ. Ничто не привлекало молодаго человѣка къ домашнему очагу, который долженъ быть источникомъ тихаго семейнаго счастья; всѣ бѣжали отъ супружества, какъ отъ тяжкаго бремени; всѣ стремились сбросить съ себя эти оковы. Все это зависѣло отъ того понятія, какое язычество составило о брачномъ союзѣ. Гражданскій характеръ брака уничтожилъ всѣ связи, которыя соединяютъ семью, служатъ основой ея. Какія же мѣры предложило язычество міру для поправленія этого зла? Какъ думали язычники удержать семью отъ ея конечной гибели? Какое средство они измыслили, чтобы мужа привлечь къ жепѣ и жену къ мужу и тѣмъ остановить распространившееся отвращеніе мужчинъ къ семейной жизни? Язычество предлагало мѣры гражданскія. Бракъ по понятію язычниковъ былъ обязанностью въ отношеніи государства; потому государство и должно регулировать брачный союзъ; оно должно побуждать къ браку наградами и наказывать отвращеніе отъ

него различными пенями. Такъ дѣйствительно и было. Императоръ Августъ, который въ годы юности былъ проникнутъ духомъ своего времени и своего народа, подъ старость окинулъ взглядомъ все современное ему общество и ужаснулся, увидѣвъ, что цѣлыя провинціи обезлюдѣли влѣдствіе отвращенія его подданныхъ отъ семейной жизни. Для того, чтобы возстановить семью, онъ полагаетъ награды тѣмъ, которые вступали въ супружество, и наказываетъ тѣхъ, которые оставались внѣ брака. Конечно язычество ничего не могло принимать лучшаго, не измѣняя взгляда на бракъ, какъ гражданское учрежденіе. Къ несчастію всѣ старанія этого императора остались тщетными: склонность къ безбрачной жизни распространялась съ каждымъ днемъ; молодые люди того времени соглашались лучше понести наказаніе, положенное въ законѣ за безбрачіе, нежели обязать себя этими узами. Семья распалась отъ недостатка самаго существеннаго элемента, именно супружеской любви,—любви, которой язычество не требовало и даже не знало.

Кромѣ любви мужа къ жепѣ и жены къ мужу въ число элементовъ, составляющихъ основаніе семьи, входитъ любовь родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ; такъ какъ бракъ имѣетъ цѣлью нарожденіе новаго поколѣнія и воспитаніе его. Этой любви въ язычествѣ также не существовало. Языческій бракъ, какъ государственное учрежденіе, имѣлъ цѣлью рожденіе и воспитаніе дѣтей, какъ только гражданъ, а не какъ индивидуумовъ, не какъ человѣческихъ существъ. Потому отецъ, какъ глава семьи, обязывался доставлять государству какъ можно больше гражданъ и какъ можно лучшихъ. Всѣ личныя симпатіи къ дѣтямъ здѣсь должны были уступить мѣсто суровой необходимости рождать и воспитывать новыхъ гражданъ. При такомъ взглядѣ на цѣль брака, въ основѣ отношеній отца къ сыну конечно не могла лежать любовь, а долженъ быть положенъ страхъ предъ отцемъ, какъ грознымъ владыкой. Отецъ смотрѣлъ на своихъ дѣтей, какъ на что-то чуждое для него; онъ долженъ былъ преслѣдовать одну цѣль—дать государству сильныхъ гражданъ; онъ имѣлъ безграничное право жизни и смерти надъ своими дѣтьми. Часто отецъ приносилъ свою любовь въ дѣтямъ въ жертву государству, для котораго онъ и вступалъ въ супружество. Римъ представляетъ нашимъ глазамъ Манлія Торквата и Кассія,

которые убили своихъ дѣтей для республики. Они были сынами своего времени и потому римляне не только не содрогались отъ такой жестокости, а напротивъ питали къ нимъ чувство уваженія за такое пожертвованіе своими интересами для пользы государства. До такой жестокости доходила отцовская власть¹⁾.

Кромѣ лишенія жизни своихъ дѣтей, отецъ могъ продать ихъ въ рабство, и никто не имѣлъ права удерживать его отъ этого намѣренія. Отецъ имѣлъ право женить своего сына; и само правительство вмѣшивалось въ семейную жизнь и окончательно убивало всѣ ея живыя силы. При бракѣ, какъ государственномъ учрежденіи, было естественно, что само правительство имѣло строгій надзоръ надъ семьею, уничтожая священныя узы любви, которыя соединяють дѣтей съ родителями. Древность дороже всего цѣнила въ гражданинѣ физическую силу и ловкость; потому и государство имѣло цѣлью преслѣдовать въ дѣтяхъ именно эти качества. Дѣти слабыя, большія и уроды ему были не нужны; потому оно требовало, чтобы отцы безъ пощады убивали подобныхъ дѣтей или выбрасывали ихъ вонъ²⁾. Мы находимъ въ язычествѣ этотъ обычай общераспространеннымъ; не одна только Спарта прославилась имъ, и Римъ запятналъ себя этимъ варварствомъ. Привыкну къ этому варварскому обычаю, отцы уже не гнушались распространять его еще дальше. Бѣдные родители, желая освободиться отъ воспитанія дѣтей, выбрасывали ихъ на произволъ судьбы; дѣти дѣлались жертвами голода или звѣрей. И не одни бѣдные родители прибѣгали къ этому средству избавляться отъ своихъ дѣтей, и богатые часто пользовались имъ. Для того, чтобы освободиться отъ плодовъ прелюбодѣянія, они выбрасывали эти несчастныя жертвы своего распутства³⁾. Часто родители, желая скрыть свои преступныя связи, или просто не желая имѣть дѣтей, умерщвляли ихъ еще прежде, нежели они появлялись на свѣтъ. Это вытравленіе дѣтей въ утробѣ матери съ каждымъ днемъ

¹⁾ Plutarch. Vita Solon. c. 13, t. 1, p. 212. Законъ XII таблицъ, IV таблица in Cicero. opp. t. XI, p. 430. См. Schmidt, p. 59.

²⁾ Dion. Halic. II, c. 15, t. 1, p. 85. Законъ XII таблицъ, IV таблица in Cicero. opp. t. XI, p. 430.

³⁾ Terent. Adelphi. act. V, sc. 1, v. 23—24, t. II, p. 98, см. Schmidt, p. 58.

принимало болѣе и болѣе широкіе размѣры. Предъ Рождествомъ Христовымъ оно особенно сильно было распространено. Законы не думали полагать конецъ этому преступленію, потому что съ точки зрѣнія язычниковъ отецъ, какъ неограниченный властелинъ жизни и смерти своего дитяти, могъ умертвить его законно какъ до рожденія его, такъ и послѣ его рожденія. У отца кромѣ этого было еще средство сбыть съ рукъ дитя, которое воспитывать онъ не желалъ, — онъ могъ не признать его своимъ. По римскимъ законамъ и обычаямъ дитя по рожденіи приносили къ отцу и если онъ признавалъ дитя своимъ, то обязывался воспитывать его; если же нѣтъ, то дитя немедленно выбрасывалось на произволъ судьбы¹⁾. Такимъ образомъ отцовская власть въ язычествѣ преступала всякія границы человѣчности; здѣсь деспотизмъ проявлялся во всемъ своемъ безобразномъ видѣ. Грубѣе этого деспотизма ничего нельзя представить. Убить собственное дитя, или выбросить его на произволъ судьбы — и это считалось законнымъ и согласнымъ съ челоуколюбіемъ!.... Даже образованные люди своего времени, языческіе философы, и тѣ не думали возражать противъ этого жестокаго деспотизма отцовской власти. Мало того, они напрягали весь свой умъ, чтобы оправдать эту звѣрскую свирѣпость, эту безсердечную жестокость отца²⁾.

Могло ли послѣ этого существовать у язычниковъ семейство въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы его понимаемъ? Конечно нѣтъ; у язычниковъ не было подобнаго семейства. Римская „familia“ не есть даже и семья. Основами этой „familia“ были не брачныя отношенія, ее соединяла узами не любовь между супругами, между родителями и дѣтьми и между родственниками, а деспотическая власть мужа надъ женой, отца надъ дѣтьми, словомъ — деспотизмъ *paterfamilias*. Потому сынъ эмансипированный не принадлежалъ къ семьѣ и даже не наследовалъ имущества отца безъ завѣщанія; напротивъ посторонній челоукъ, принятый посредствомъ усыновленія, принадлежалъ къ семейству³⁾. Это деспотическое начало, лежащее

¹⁾ Cicero. In verr. II, l. III. c. 69, t. III, p. 477; Philipp. III, § 6, t. VI, p. 279.

²⁾ Plat., De Rep. V, p. 276. Arist., Polit., I, c.

³⁾ Znanie 1874 года. Октябрь, стр. 99.

въ основѣ родственныхъ отношеній, и было причиною упадка семьи. При недостаткѣ любви между супругами, бракъ упалъ до послѣдней степени; при недостаткѣ родственной любви, власть отца перешла границы умѣренности и превратилась въ одинъ грубый, жестокий деспотизмъ. Личность сына была уничтожена и сливалась съ личностью отца, который составлялъ въ семействѣ все, или, лучше сказать, былъ единственною личностью въ семьѣ.

Христіанство произвело здѣсь громаднѣйшій переворотъ. Оно объявило, что бракъ можетъ существовать только при любви между супругами; любви столь высокой и чистой, какая существуетъ между Христомъ и Церковью. Признавъ, что женщина есть личность, имѣющая человѣческое достоинство такое, какое и мужъ, христіанство тѣмъ самымъ уничтожило деспотизмъ мужа. Бракъ христіанскій имѣетъ своею цѣлью воспитаніе дѣтей, которыя, родясь отъ такого брака, уже съ самого рожденія призываются быть членами царства Христова на землѣ и суть личности такія же, какъ и родители ихъ. Этимъ христіанство ограничило отцовскую власть и уничтожило право лишать жизни своихъ дѣтей. Никто не можетъ лишать жизни дитя, которое есть твореніе Божіе; родители обязываются самымъ бракомъ воспитывать дѣтей для Церкви, а не умерщвлять ихъ по своему произволу. Такимъ образомъ христіанство, поставивъ требованіемъ супружескихъ отношеній любовь, должно было уничтожить древнѣйшій деспотизмъ отцовской власти. Оно уже не могло хладнокровно смотрѣть на языческую жестокость правовъ въ отношеніи права на жизнь и смерть, — права, которое принадлежало отцу надъ дѣтьми. Христіанскіе учителя съ самыхъ первыхъ временъ старались отнять у отцевъ это жестокое и звѣрское право. Ничто такъ сильно не оскорбляло ихъ гуманнаго чувства, какъ эта неестественная жестокость и притомъ жестокость со стороны тѣхъ лицъ, которыя больше всѣхъ должны любить, потому что дѣти суть плоть и кровь отца¹⁾. Отцы должны были перемѣнить свой взглядъ на дѣтей и представлять ихъ своею плотью, которую они должны любить, а не показывать на ней опыты своего

¹⁾ Амвросій, De bono mortis, c. 8, § 35, t. 1, p. 404; Клипій, Ep. 59, p. 99; Testim. adv. Jud. III, c. 71, p. 324; Златоустъ, Hom. de viduis, t. III, p. 317.

жестокаго и грубаго деспотизма. Вотъ почему человѣчество съ принятіемъ христіанства должно было съ ужасомъ отвращаться и отвращалось отъ права отца на жизнь и смерть своихъ дѣтей. Законодательство также подтвердило этотъ всеобщій взглядъ христіанъ и отняло у отцевъ это старинное право¹⁾.

Такимъ образомъ, благодаря христіанству, было возстановлено семейство, бывшее на развалинахъ у язычниковъ. Конечно было много причинъ, которыя способствовали возстановленію семьи, разрушенной язычествомъ; но нѣтъ сомнѣнія, что самою главною причиною было возстановленіе брака и утвержденіе его на другихъ основаніяхъ, нежели какія были въ язычествѣ.

Не трудно убѣдиться, что возстановленіе семьи имѣло самое благотворное вліяніе и на воспитаніе дѣтей, и на просвѣщеніе цѣлаго человѣчества: семейное воспитаніе есть корень цивилизаціи. Если язычество разрушило семью, то само собою разумѣется, что у него не могло быть и надлежащаго семейнаго воспитанія. Воспитаніе семейное пало, и тѣмъ самымъ цѣлое человѣчество было обречено въ жертву невіжеству и грубости, которыя могутъ быть уничтожены единственно семейнымъ воспитаніемъ человѣка. Бракъ былъ лишенъ въ язычествѣ характера индивидуальности; всѣ цѣли брака заключались не въ супругахъ, состоящихъ въ бракѣ, а въ государствѣ. Вступающіе въ бракъ должны были смотрѣть на свое дѣло, какъ на долгъ, которымъ они обязаны государству; чрезъ бракъ они должны были дать государству новыхъ членовъ. Государство обязывало супруговъ именно это и имѣть въ виду съ самаго перваго момента своего супружества и заботиться объ этомъ больше всего. Смотри на бракъ, какъ на гражданскую обязанность, государство естественно прежде всего должно было взять подъ свой присмотръ дѣтей, какъ своихъ новыхъ гражданъ. Вотъ причина, почему въ язычествѣ государство беретъ на себя обязанность воспитанія, не предоставляя ея родителямъ. Семейнаго характера воспитанія въ язычествѣ не существовало; государство съ самаго перваго момента жизни дитяти старалось регули

¹⁾ Dig. XLVIII, t. 8, 1, 2; законъ Александра Севера, 227. Corp. jur. VIII, tit. 47, 1, 3.

ровать его воспитаніе. Особенно государственнѣй характеръ воспитанія выразился во всей своей силѣ въ Спартѣ. Даже самые образованные люди въ язычествѣ не сознавали всего вреда и опасности отъ такой постановки воспитанія и отъ такого государственнаго его характера. Платонъ въ своемъ идеальномъ государствѣ хотѣлъ, чтобы дѣти немедленно послѣ рожденія отдавались воспитательству, такъ чтобы мать даже не знала своего дитяти¹⁾. Аристотель былъ почти такого же мнѣнія объ этомъ предметѣ, хотя и не доходилъ до крайности платоновскаго воспитанія²⁾. Язычество не могло допустить семейнаго воспитанія. Правда, на практикѣ не всегда строго соблюдался этотъ государственнѣй идеаль воспитанія, а давали право родителямъ подъ надзоромъ государства заниматься воспитаніемъ своихъ дѣтей; но отъ этого воспитаніе выигрываетъ очень мало. Отецъ, смотря на сына, какъ на новаго члена государства, стремился развить въ немъ тѣ способности, которыя прежде всего необходимы для гражданина, а не для человѣка вообще. Характеръ воспитанія былъ чисто государственный; развивали въ дитяти физическія силы и ловкость, сообщали ему знаніе законовъ и учили прилагать ихъ къ практикѣ, но не заботились о воспитаніи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, не старались развить въ дитяти тѣхъ силъ и способностей духа, которыя необходимы для него, какъ для человѣка. Потому мы не ошибемся, если скажемъ, что въ язычествѣ не было воспитанія, а было одно только образованіе съ государственнымъ характеромъ. При потерѣ бракомъ индивидуальности, вслѣдствіе его государственнаго характера, и дѣти—плоды брака стали разсматриваться именно съ этой государственной точки зрѣнія; не было надобности воспитывать ихъ какъ людей, нужно было образовывать ихъ, какъ членовъ государства. Если само государство не занималось образованіемъ, то предоставляло отцу развѣивать въ дитяти тѣ стороны, какія нужны для государственной жизни,—отцу, какъ представителю власти государства въ семьѣ. Мать была совершенно устранена отъ воспитанія дѣтей. Впрочемъ она едва ли и могла воспитывать дитя. Загнанная, лишенная чело-
вѣческаго достоинства въ язычествѣ и вслѣдствіе этого прав-

¹⁾ De Rep. V, p. 274.

²⁾ Polit. VIII, c. 1, p. 244.

ственно надломленная и искалѣченная, мать не могла быть хорошей воспитательницей своихъ дѣтей, не могла имъ сообщить того высокаго нравственнаго элемента, какой требуется отъ воспитателя. Притомъ и само государство не могло смотрѣть одобрительно на женщинъ—воспитательницъ. Государство, основанное на грубой физической силѣ, требовало ся и отъ воспитателя, какъ необходимую принадлежность. Оно никакъ не могло согласиться допустить до воспитанія мать—представительницу мягкости характера и женственности, какъ противовѣсъ грубости мужчины. Потому въ язычествѣ мы не находимъ матерей, воспитывающихъ своихъ дѣтей. Когда же нравы развратились въ Римѣ и вообще во всемъ язычествѣ, то родители и сами, независимо отъ взгляда и цѣлей государства, стремились сбросить съ себя бремя воспитанія дѣтей,—обязанность, которую налагаетъ на нихъ бракъ. Они всѣми мѣрами старались освободиться отъ этого бремени, предоставляя воспитаніе дѣтей рабамъ. Этого еще мало; даже изъ среды самихъ рабовъ они выбирали для воспитанія дѣтей менѣе способныхъ, потому что болѣе способные пужны были для обработки полей и вообще для отправленія хозяйственныхъ работъ¹⁾. Такимъ образомъ воспитаніе дошло до степени самаго низкаго и послѣдняго ремесла, исполняемаго рабами.

Если таково было воспитаніе сыновей, то воспитаніе дочерей было еще хуже. Съ дѣтства предназначаемыя быть игрушкою страстей мужа, дѣвицы съ раннихъ поръ только и могли слышать наставленія, какъ развить въ себѣ тѣ качества, которыя соотвѣтствовали этой цѣли. Притомъ женщина со дня рожденія и до самой смерти признавалась существомъ несовершеннолѣтнимъ; ей суждено было находиться въ вѣчномъ деспотизмѣ отца и мужа. При такомъ положеніи женщины, прежде всего заботились приучить ее безропотно покоряться своей суровой долѣ и смиренно переносить разнаго рода притѣпенія и обиды, т. е. съ самого дня ея рожденія, родители направляли всѣ свои усилія къ тому, чтобы заглушить въ дочери всякое чувство человѣческаго достоинства.

Такая постановка воспитанія не земедлила принести свои горькіе плоды. Дитя, съ дѣтства не получая никакого развитія главныхъ способностей души, которыя, отличаютъ чело-

¹⁾ Plutarch., de liberis educandibus, c. 7, t. VII, p. 13.

вѣка отъ животныхъ, теряло свое человѣческое достоинство. Такъ какъ родители ни мало не заботились о нравственномъ воспитаніи своихъ дѣтей, поставляя на мѣсто нравственности одиѣ гражданскія добродѣтели, то поколѣніе за поколѣніемъ постоянно грубѣло и нравственно упадало, и наконецъ, около Рождества Христова, какъ мы уже видѣли, нравственность упала до такой степени, что люди уже не находили никакихъ средствъ поправить дѣло. Образованіе въ язычествѣ состояло только въ развитіи гражданскихъ добродѣтелей. Когда же эти добродѣтели пали, люди оказались безъ всякихъ нравственныхъ принциповъ, лишеныя всякой нравственной точки опоры. Псеобщее развращеніе и нравственный упадокъ человѣчества были неизбѣжными слѣдствіями отсутствія надлежащаго воспитанія. Презрѣніе къ труду, презрѣніе къ самой жизни, непомѣрная роскошь, отвращеніе отъ семейной жизни, исключительное преобладаніе эгоистическихъ интересовъ и всеобщій развратъ — вотъ тѣ неизбѣжныя послѣдствія, которыя повлекло за собой отсутствіе воспитанія въ язычествѣ. Что же сдѣлало христіанство? Оно установило бракъ съ цѣлью воспитанія дѣтей, чтобы они были членами царства Божія на землѣ; оно измѣнило гражданскій характеръ воспитанія, какой былъ въ язычествѣ, а вмѣсто этого предоставило родителямъ священное право самимъ воспитывать своихъ дѣтей, чтобы приготовить изъ нихъ прежде всего слугъ Божіихъ и сдѣлать ихъ гражданами вѣчнаго царства. Христіанство учило, что гражданскія добродѣтели, науки и искусства не приведутъ ни къ чему доброму, не принесутъ никакой пользы, если основы жизни будутъ намъ неизвѣстны, если мы будемъ чужды тѣхъ тѣлей, какія начертаны въ самомъ нашемъ существѣ. Потому христіанство требовало прежде всего развитія личности и человѣческаго достоинства, чтобы на этомъ, какъ на базисѣ, человѣкъ могъ основать все свое знаніе, всю свою дѣятельность. Развращеніе общества, упадокъ языческаго міра Отцы и Учители Церкви видѣли именно въ томъ, что было потеряно при воспитаніи изъ виду высшее назначеніе человѣка и забыта его конечная цѣль¹⁾. При такомъ взглядѣ на воспитаніе, Учители Церкви увѣщевали родителей не предоставлять этого важнаго дѣла рабамъ, а

¹⁾ Златоустъ, De viduis, III, p. 317.

обязывали ихъ самихъ записаться этимъ, потому что въ до-
вѣрїи этого дѣла рабамъ они видѣли причину нравственнаго
растлѣнія цѣлаго человѣчества¹⁾). Обязательность воспитанія
особенно возлагается на мать. Ея первоею обязанностью Учи-
тели Церкви считали именно воспитаніе²⁾). Благодаря этому
исторія христіанства представляетъ намъ примѣры многихъ
знаменитыхъ матерей — воспитательницъ, напр. Нонну-мать
Григорія Назіанзена, Моніку — мать Августина, Анфису — мать
Златоуста. Такимъ образомъ мать сдѣлалась разсадникомъ
возрожденія человѣчества. Христіанскій бракъ послужилъ не
только средствомъ къ размноженію рода человѣческаго, но и
орудіемъ къ духовному возрожденію человѣчества. Новѣйшая
цивилизція, гордящаяся своими познаніями, есть плодъ этого
прекраснаго учрежденія. Среди язычества начало вырождаться
всякое образованіе, все истинно прекрасное и высокое въ
немъ прекратилось, всѣ жизненные силы просвѣщенія исчезли.
Явилось христіанство, измѣнило воспитаніе, дало ему другое
направленіе, положило новыя основы, — и человѣчество пошло
спова быстрыми шагами впередъ.

Измѣнивши человѣчество чрезъ новую постановку воспи-
танія, христіанство тѣмъ самымъ положило крѣпкую основу
и для государственной жизни. Язычество стремилось къ этой
государственной жизни, какъ къ своей цѣли, и въ корень
уничтожило ее; христіанство поставило цѣлью индивидуаль-
ное перерожденіе человѣка и тѣмъ возвысило силы государ-
ства. Христіанство, положивши въ основѣ брака личность,
вмѣсто языческой государственной обязанности, способствовало
возвышенію каждаго отдѣльнаго человѣка. Бракъ есть основа
общественной жизни и потому христіанство, возвысивъ бракъ,
тѣмъ самымъ возвысило и общество, и государство. Какое
печальное зрѣлище представляло язычество предъ пришествіемъ
Спасителя! Всюду распространившееся отвращеніе отъ брач-
ной жизни, истребленіе своихъ дѣтей, чтобы не воспитывать
ихъ, — все это въ совокупности довело состояніе язычества
до самой крайней степени упадка: цѣлыя провинціи опустѣли,
потому что народонаселеніе съ каждымъ днемъ все больше и

¹⁾ Златоустъ, Hom. 9 in Col. § 2, t. XI, p. 392.

²⁾ Златоустъ, Quales ducendae sint uxores, t. III, p. 227; Іеронимъ, Comm. in Tit. c. 2, t. III, p. 427; Ep. 107, 128, t. 1, p. 681, 961.

больше вымирало; поля оставались невоздѣланными, потому что некому было воздѣлывать ихъ; распространившаяся апатія и презрѣніе къ труду завершали общественное бѣдствіе. Напрасны были усилія Августа и другихъ императоровъ хотя сколько-нибудь поправить бѣду¹⁾. Отъ чего же это произошло? Главнымъ образомъ отъ упадка брачнаго института. Когда бракъ потерялъ значеніе государственнаго долга, когда въ немъ стали искать только удовлетворенія своимъ чувственнымъ наклонностямъ и страстямъ, тогда естественно долженъ былъ упасть законный бракъ; его избѣгали, потому что считали лучшимъ для себя жить внѣ брака. Цѣлью брака въ язычествѣ было рождать новыхъ гражданъ, слѣд. цѣль государственная. Когда человѣчество развратилось, оно стало тяготиться этимъ служеніемъ государству; мужья старались сбить съ рукъ этихъ слабыхъ существъ. Слѣдствіемъ этого было обезлюденіе цѣлыхъ провинцій и недостатокъ рабочихъ силъ.

Христіанство, установивъ правильное понятіе о бракѣ, возвысивъ и освятивъ отношенія между супругами, тѣмъ самымъ способствовало возвышенію брачной жизни въ глазахъ общества. Браку были сообщены новыя силы, и онъ снова сталъ привлекать къ себѣ вмѣсто того, чтобы отталкивать, такъ какъ онъ имѣлъ высокую и священную цѣль, а не удовлетвореніе одной лишь чувственной похоти. Благодаря всему этому начинаетъ возрождаться общественная жизнь; снова былъ данъ толчекъ дѣятельности, снова были возбуждены силы, находящіяся въ язычествѣ въ состояніи сна и бездѣятельности. Новѣйшая цивилизація, процвѣтаніе наукъ, искусствъ и наконецъ гуманныя идеи суть плоды христіанства. Если бы не явилось христіанство, все это умерло бы среди погибающаго язычества при самомъ началѣ. Правда, теперь трудно и не съ перваго взгляда можно увидѣть, что всѣмъ этимъ мы обязаны христіанству, потому что мы родились въ немъ и воспитались подъ его вліяніемъ. Всѣ гуманныя идеи, которыя оно проповѣдуетъ, кажутся намъ совершенно естественными, прирожденными человѣку; кажется, что мы получаемъ ихъ и доходимъ до нихъ сами собой; но если такъ на самомъ дѣлѣ, то почему же язычество не могло возвыситься до этихъ гуманныхъ идей, которыми гордится современное

¹⁾ Döllinger, Heidenthum und Judenthum, въ отдѣлѣ о Греціи и Римѣ.

человѣчество? И тамъ была своего рода наука и образованность, по все же язычество было чуждо гуманныхъ идей. Торговля и ремесла своимъ высокимъ состояніемъ также обязаны христіанству. Оно возстановило индивидуумъ, дало ему новыя силы трудиться, и человѣчество снова принялось за трудъ и быстро пошло впередъ, между тѣмъ какъ языческій міръ предъ пришествіемъ Спасителя шелъ быстрымъ шагомъ назадъ, къ первоначальной грубости и дикости. Представляя все это, нельзя безъ глубокаго уваженія и удивленія смотрѣть на великое дѣло, совершенное христіанствомъ. Но если мы будемъ слѣдить за самымъ процессомъ, *какъ* христіанство возрождало жизнь семейную и общественную, поставило все на другихъ основахъ и сообщило всему новый толчекъ, то мы ясно можемъ увидѣть, что *главной причиной былъ бракъ*. Посредствомъ его былъ возрожденъ союзъ семейный, а чрезъ этотъ послѣдній и жизнь общественная, потому что семья служитъ основой общества, которое есть ничто иное, какъ дальнѣйшее развитіе семьи.

IV.

ВЛІАНІЕ МУХАММЕДАНСКАГО БРАКА НА СЕМЕЙНУЮ И ОБЩЕСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢКА.

Критика различныхъ взглядовъ на положеніе женщины въ Аравіи до Мухаммеда и послѣ Мухаммеда.

Мухаммеданское законоположеніе о бракѣ, противоположное почти во всѣхъ отношеніяхъ христіанскому, естественно должно было принести и противоположные плоды. Многоженство, дозволенное Мухаммедомъ, легкость развода по требованію и желанію мужа, поглощеніе имъ личности жены и чувственный характеръ, обнаруживающійся во всемъ законодательствѣ ислама о бракѣ, не могли не произвести печальныхъ послѣдствій и не оставить послѣ себя горькихъ слѣдовъ въ жизни какъ отдѣльныхъ семей, такъ и цѣлыхъ государственныхъ корпорацій. Бракъ есть договоръ двухъ лицъ, мужа и жены. Потому нераціональность этого законоположенія прежде всего должна была отразиться на которомъ-нибудь изъ лицъ, вступающихъ въ брачный договоръ. И дѣйствительно, мухаммеданскій бракъ по причинѣ неравности отношеній, какія онъ установилъ между супругами, слишкомъ губительно повліялъ на одну половину человѣческаго рода, именно на женщину, — она упала до самой послѣдней степени.

Никто изъ ученыхъ не спорить о томъ, что положеніе женщины въ мусульманствѣ чрезвычайно плохо сравнительно съ христіанствомъ. Но когда обращаютъ вниманіе на положеніе женщины въ Аравіи до и послѣ Мухаммеда, то ученые во мнѣніи относительно мусульманскаго законодательства расходятся. Одни изъ нихъ думаютъ и доказываютъ, что Мухаммедъ ухудшилъ и безъ того уже незавидное положеніе женщины въ Аравіи; другіе напротивъ стараются доказать, что онъ значительно улучшилъ это положеніе женщины и далъ ей

многія права, которыхъ она раньше этого времени была лишена. Къ числу первыхъ принадлежитъ англійскій ученый, Мюръ, который очень сильно обвиняетъ Мухаммеда въ крайнемъ униженіи женщины въ Аравіи¹⁾. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ французскіе извѣстные ученые Коссентъ-де-Персеваль²⁾, Сентъ-Илеръ³⁾ и Ренанъ⁴⁾. Замѣчательно, что французскіе ученые оріенталисты очень щедры на панегирики въ честь Мухаммеда,—на панегирики, которые отзываются часто явными натяжками. Напротивъ, нѣмецкіе и англійскіе ученые не находятъ въ мусульманствѣ этихъ похвальныхъ сторонъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ. Потому рѣшеніе этого вопроса требуетъ большаго труда. Насколько по своему интересу онъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія, настолько по разногласію о немъ ученыхъ изслѣдователей онъ требуетъ не мало труда. Мы постараемся рѣшить этотъ вопросъ, не отступая отъ тѣхъ фактовъ, которые представляются въ подтвержденіе того и другаго мнѣнія. Изложимъ сначала мнѣніе защитниковъ Мухаммеда и тѣ доказательства, которыя они приводятъ въ свою пользу, потомъ сдѣлаемъ критическую оцѣнку ихъ и выведемъ свое заключеніе.

Защитники Мухаммеда говорятъ, что онъ не только не ввелъ многоженства, но нашелъ его въ Аравіи очень распространеннымъ и употребилъ всѣ усилія ограничить его и дѣйствительно ограничилъ его четырьмя женами, что составляло большой шагъ впередъ при всеобщемъ господствѣ край-

¹⁾ M. W. Muir, *The life of Mahomet*, t. III, p. 302 et seq. Здѣсь Мюръ между прочимъ говоритъ: «положеніе, усвоенное Мухаммедомъ женщинамъ, есть положеніе, зависящее отъ низшей твари, назначенной исключительно для служенія своему господину.... Тогда какъ мужъ владеетъ такой абсолютной, непосредственной, безотвѣтственной властью развода, эта привилегія въ соответствующей степени не сохраняется за женой. Личная свобода, находящаяся въ пренебреженіи, или превращенная въ ничто, она назначена быть постоянной рабой мужа..... Находясь въ такомъ стѣсненіи, въ такомъ заключеніи, униженіи, будучи почти рабой чувственнаго удовольствія, она назначена для минутнаго каприза или страсти. Трудно послѣ этого сказать, что положеніе женщины было улучшено кодексомъ Мухаммеда, — и я не колеблюсь высказать рѣшительное мнѣніе, что при предшествовавшихъ институтахъ Аравіи женщины владѣли болѣею свободой и пользовались болѣе сплнмьмъ, болѣе здравымъ и болѣе законнымъ вліяніемъ».

²⁾ *Essai sur l'histoire des Arabes*, t. III, p. 336.

³⁾ *Barthelemy Saint-Hilaire, Mahomet et le Coran*, p. 202—206.

⁴⁾ *Renan, Origines de l'islamisme*, p. 244—249, 285—288.

пяго многоженства. Они думаютъ, что многоженство было сильно укоренено въ нравахъ и обычаяхъ арабовъ, такъ что Мухаммеду не было никакой возможности искоренить его, не подвергаясь опасности быть отвергнутымъ и не имѣть никакого успѣха; многоженство вообще составляетъ отличительную черту жизни восточныхъ народовъ и всегда было язвою ихъ обществъ. „Нужно признаться, говорить Септъ-Плеръ, что не Мухаммедъ ввелъ полигамію. Онъ нашелъ ее укоренившеюся съ незапамятныхъ временъ у тѣхъ народовъ, которыхъ онъ обратилъ въ исламъ; она была къ несчастію обычаемъ почти цѣлой Азіи. Итакъ не слѣдуетъ укорять его, будто бы онъ ввелъ ее и внесъ въ міръ этотъ порокъ и бичъ..... Справедливая критика не должна преувеличивать темныхъ сторонъ ислама. Аравія не была римской провинціей; доктрина христіанская вмѣстѣ съ іудействомъ дѣлала усилія проникнуть къ тѣмъ племенамъ, которыя населяли этотъ полуостровъ. Христіанство положило основаніе моногаміи у тѣхъ народовъ, которые вполне были приготовлены къ принятію ея, потому что на практикѣ они почти всѣ соблюдали ее¹⁾. „Что касается полигаміи, говоритъ другой французскій ученый, то она существовала въ нравахъ и закопахъ Востока съ глубокой древности; самые знаменитые правители іудейскаго народа, Давидъ и Соломонъ, не были свободны отъ нея; Александръ Македонскій, вслѣдствіе своихъ завоеваній въ Азіи, послѣдовалъ тѣмъ же самымъ традиціямъ. Его знаменитые военачальники, сдѣлавшіеся царями Египта и Сиріи, равно усвоили себѣ этотъ обычай; слѣд. Мухаммедъ, старавшійся сообразоваться съ древними привычками арабовъ, не могъ уничтожить полигаміи, но онъ регулировалъ ее. Въ этомъ отношеніи исламъ представляетъ замѣчательный прогрессъ..... Мусульманинъ по Корану можетъ жениться на четырехъ законныхъ женахъ, но изъ этихъ четырехъ законныхъ женъ каждая должна имѣть свой отдѣльный покой и прислугу. Это сдѣлало полигамію условіемъ роскоши, нераздѣльной съ богатствомъ²⁾. Того же мнѣнія, т. е. что полигамія была до Мухаммеда въ Аравіи въ гораздо болѣе распространенномъ видѣ, чѣмъ послѣ его

¹⁾ Mahomet et le Coran, p. 176—177.

²⁾ Bibliothèque du journal le Levant. La civilisation musulmane, p. 31 et cet.

законодательства, держатся Коссенъ-де-Персеваль¹⁾, Гарсенъ-де-Тасси²⁾ и Лоранъ³⁾. Всѣ эти поименованные ученые единогласно утверждаютъ, что полигамія была сильнѣе распространена въ Аравіи до Мухаммеда, чѣмъ послѣ него, хотя ни одинъ изъ нихъ не приводитъ никакого доказательства въ пользу своего мнѣнія, исключая общихъ разсужденій о полигаміи, какъ отличительномъ признакъ Востока. Вслѣдствіе полигаміи и унижительнаго взгляда на женщину, какой существовалъ въ Аравіи до Мухаммеда, по мнѣнію этихъ ученыхъ⁴⁾, основывающемуся на словахъ Корана, положеніе женщины въ Аравіи было столь плачевно и презрѣнно, что

1) Essai sur l'histoire des Arabes, t. III, p. 336—338; t. 1, p. 351.

2) L'islamisme d'après le coran, preface.

3) Etudes sur l'histoire de l'humanité, par Laurent, t. V, p. 494

4) Шолль, французскій ученый, въ такихъ словахъ изображаетъ положеніе женщины въ Аравіи до Мухаммеда: «Не смотря на страстные стихи эротическихъ поэтовъ, на женщинъ, сказать правду, смотрѣли только какъ на существа, необходимыя для продолженія рода человѣческаго. Не трудно также понять, что общества (société) въ повѣйшемъ значеніи этого слова не существовало. Арабы, какъ и большая часть семитическихъ народовъ, славились въ особенности суюю любовью къ семейной жизни. Намъ съ особенной охотой предлагаютъ вѣрныя описанія патриархальныхъ наслажденій того времени. Дѣйствительно въ этомъ мнѣніи есть доля истины, но оно также заключаетъ въ себѣ и ложь и неточность. Можетъ быть покажется страннымъ, если мы станемъ утверждать, что древніе арабы часто были плохими мужьями и плохими отцами, и что Мухаммедъ, не смотря на свою полигамію, былъ обходительнымъ мужемъ и вѣрнымъ отцомъ. Однакожь это правда.

«Мы уже видѣли, что женщины у арабовъ пользовались самымъ незначительнымъ уваженіемъ. Ихъ называли «сѣтями демона», косвенно высказывая этимъ свое удивленіе ихъ прелестямъ. Но ихъ обвиняли также, и на этотъ разъ безъ аллегорій, въ томъ, что онѣ подвержены насколько злости и глупости, настолько же лѣнности и игрѣ. Не дѣлаетъ портретъ,—и я охотно бы отказался отъ него, но онъ кажется не преувеличенъ....

«Далекій отъ того, чтобы уважать женщину, Мухаммедъ извлекаетъ ее изъ ея уничиженія, все же объявляя ее болѣе несовершенною, нежели ея господинъ (мужъ), и назначенною для служенія ему. Упадокъ турецкихъ женщинъ, слѣд., произошелъ отъ прищипки, не зависящихъ отъ Корана. Впрочемъ въ Аравіи женщины отчасти обладаютъ энергической натурой своихъ мужей, съ которыми онѣ раздѣляютъ странническую и отважную жизнь. Ихъ главными добродѣтелями должны быть скромность, стыдливость, признательность къ домашнимъ заботамъ и послушаніе. Любовь и ея развязки занимаютъ видное мѣсто въ поэзіи арабовъ. Не смотря на подчиненное положеніе женщины, этотъ полуостровъ имѣетъ своихъ Абли. Это и естественно у политическаго и чувственнаго народа. Но какъ и у всѣхъ народовъ міра, лишь только объявляется бракъ, вещи измѣняются. Влюбленный дѣлается обладателемъ, а обладательница рабой, или почти что рабой». (L'Islam et son fondateur. Etude morale. Par Jules-Charles Scholl. Pag. 13, 14, 16).

самое рожденіе дочери считалось несчастіемъ для отца, между тѣмъ какъ рожденіе сына было знакомъ особеннаго счастья, знакомъ благословенія неба для отца семейства¹⁾. Въ Коранѣ есть мѣста, которыя служатъ прямымъ подтвержденіемъ этого мнѣнія о лишеніи женщины почти всякихъ правъ и даже всякаго уваженія и снисходительности со стороны арабовъ. Вотъ что говоритъ Мухаммедъ въ Коранѣ о современныхъ ему арабахъ: „они не желаютъ этого (т. е. рожденія дочерей) для самихъ себя. Если кому-нибудь изъ нихъ объявляютъ о рожденіи дочери, лице его помрачается и онъ дѣлается какъ бы пораженнымъ горестью. Онъ прячется отъ своихъ по причинѣ своего несчастія. Долженъ ли онъ сохранить дочь и подвергнуться стыду, или похоронить ее въ песокъ?“²⁾. Такое сожалѣніе о дочери и стыдъ, что родился не сынъ, а дочь, выразительно говорить о низкомъ и печальномъ положеніи женщины въ аравіи до Мухаммеда. Вслѣдствіе такого низкаго понятія о дѣвицахъ и того, что арабы, имѣли дурное понятіе о нравственныхъ качествахъ женщины, такъ какъ характеръ женщины составлялъ совершенную противоположность тому, на что арабы смотрѣли, какъ на совершенство человѣка; вслѣдствіе всего этого нѣкоторые арабы, лишь только рождалась у нихъ дочь, тотчасъ зарывали ее въ землю, побуждаемые къ этому варварскому поступку или бѣдностью, которая заставляла ихъ бояться дѣлить пищу съ существомъ, которое не способно помогать имъ, или—грубою жестокостью и преувеличеннымъ чувствомъ страха: они желали избѣжать позора, который могъ пасть на нихъ, если когда-нибудь дочь ихъ была похищена и обезчещена врагами³⁾. Мухаммедъ постоянно при всякомъ удобномъ случаѣ старался искоренить между арабами этотъ варварскій обычай. Онъ запрещалъ имъ отъ имени Бога убивать дѣтей, говорилъ, что они должны будутъ дать отвѣтъ предъ судомъ Божиимъ за убійство своихъ невинныхъ дочерей⁴⁾. Въ подтвержденіе факта погребен-

¹⁾ Laurent, *Études sur l'histoire de l'humanité*, t. V. p. 494.

²⁾ Коран. гл. 16, ст. 59—61; ср. примѣчанія къ 26 ст. гл. 19 и къ ст. 46, гл. 2, въ русскомъ переводѣ Корана Николаева.

³⁾ *Essai sur l'histoire des Arabes*, C. Perceval, t. 1. p. 352—353. 325: *Études sur l'histoire de l'humanité*, par Laurent, t. V, p. 494.

⁴⁾ Кор. гл. 6, ст. 152; гл. 18, ст. 33; гл. 81, ст. 89 и примѣч. къ этимъ стихамъ въ русскомъ переводѣ Николаева.

ніа арабами своихъ дочерей живыми приводятъ нѣсколько исторій и разсказовъ. Вотъ нѣкоторые главнѣйшіе изъ нихъ. Въ Китабъ-ель-Агхани разсказывается, что Кайсъ, сынъ Асима, имѣлъ множество дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ. Онъ приказалъ убивать всѣхъ дѣвочекъ, которыя будутъ рождаться вновь, при самомъ рожденіи. Къ этому жестокому приговору онъ былъ вызванъ слѣдующимъ случаемъ: молодой глава колѣна Яхкоръ, по имени Мухамради, въ походѣ противъ Темимитовъ, потомковъ Садъ-ибнъ-Зайдъ-Моната, похитилъ между плѣнницами молодую дѣвушку, по имени Рамимъ, мать которой была сестра Кайсу. Этотъ послѣдній пришелъ къ Мухамради просить обратно свою племянницу, предлагая ему выкупъ. Мухамради предоставилъ Рамимѣ на выборъ: остаться съ нимъ, или возвратиться къ своимъ родственникамъ. Рамимъ изъ любви къ своему похитителю предпочла его своимъ родителямъ. Кайсъ возвратился въ такомъ негодованіи на слабость пола, способнаго на подобный выборъ, и былъ настолько пораженъ мыслью, какъ бы которая-нибудь изъ его дочерей когда-нибудь не навлекла на него этого же безчестія, что возвратившись домой, онъ похоронилъ живыми двухъ своихъ юныхъ дочерей и поклялся, что будетъ поступать подобнымъ же образомъ со всѣми дочерьми, которыя будутъ у него рождаться. Онъ былъ слишкомъ вѣренъ этой клятвѣ. Послѣ обращенія въ исламъ колѣна Бену-Темимъ, Кайсъ, находясь въ Мединѣ, пришелъ однажды къ Мухаммеду и засталъ его въ то время, когда онъ держалъ на колѣнахъ свою маленькую дочь и покрывалъ ея поцѣлуями. „Что за овечку ты обнюхиваешь?“ сказалъ Кайсъ Мухаммеду. „Это мое дитя“, отвѣчалъ Мухаммедъ. „Клянусь Богомъ, сказалъ Кайсъ, я много имѣлъ маленькихъ дочерей такихъ же, какъ эта, но я всѣхъ ихъ похоронилъ живыми, не пожалѣвъ ни одной.—“ „Несчастный! воскликнулъ Мухаммедъ,—должно быть Богъ лишилъ тебя всякаго человѣческаго чувства; ты не вкушалъ самаго пріятнаго наслажденія, какое только доступно человѣку“¹⁾. Приводятся еще другіе менѣе извѣстные случаи, доказывающіе существованіе у арабовъ обычая погребенія нѣкоторыми своихъ дочерей за-живо²⁾. Мухаммедъ сопротивлялся

¹⁾ C. Perseval, t. II, p. 574—575, t. III, p. 336. Er. Renan, p. 245—246: 286—287.

²⁾ C. Perseval, t. II, p. 373—374.

этому обычаю и старался всеми силами искоренить его. Онъ даже потребовалъ клятву отъ мединскихъ представителей, при первомъ ихъ обращеніи въ исламъ, чтобы они между прочимъ оставили этотъ варварскій обычай¹⁾. Благодаря стараніямъ Мухаммеда этотъ варварскій обычай вышелъ изъ употребленія. Не только этимъ однимъ обязаны Мухаммеду арабскія женщины. По словамъ панегиристовъ Мухаммеда, онъ далъ имъ личность и права, которыхъ онѣ не имѣли до него. Въ прежнее время женщина въ Аравіи была лишена не только всякихъ правъ, но даже личности и была унижена до степени простаго орудія мужчины, была собственностью его. Потому на нее смотрѣли какъ на наслѣдство, которое по смерти мужа доставалось его сыновьямъ и другимъ родственникамъ; даже не нужно было заключать брачнаго контракта для новаго супружества; жену умершаго родственники получали также, какъ и прочее наслѣдство безъ всякихъ формальностей²⁾. Мухаммедъ строго запретилъ этотъ обычай, заклеилъ подобные браки именами незаконныхъ и училъ, что жена по смерти мужа не только составляетъ наслѣдства родственниковъ его, но напротивъ она есть законная участница въ наслѣдствѣ мужа и должна получить свою законную часть. Наслѣдникамъ строго воспрещается обижать вдову³⁾. Мухаммедъ всегда требовалъ отъ своихъ послѣдователей, чтобы они почитали и уважали своихъ матерей даже предпочтительно предъ отцами, потому что дитя стоитъ большихъ непріятностей и беспокойствъ матери, нежели отцу. Потому, какъ картинно выражается Мухаммедъ, „сынъ получить рай у ногъ своей матери“. Такое высокое понятіе о женщинѣ принесено въ Аравію Мухаммедомъ только и составляетъ рѣзкую противоположность съ крайнимъ униженіемъ женщины до-мухаммедова времени. Послѣ Мухаммеда, послѣдователи его даровали женщинѣ еще болѣе правъ, правъ рыцарскихъ по духу, и возвели женщину на такой же высокій пьедесталъ, на какомъ она была поставлена въ средніе вѣка христіанскими рыцарями. Такъ во время войны женщины всегда

¹⁾ C. Perseval, t. II, p. 373—374 въ примѣчаніи.

²⁾ C. Perseval, t. III, p. 336—337. Garcin de Tassy, L'islamisme d'après le Coran, préface—въ примѣчаніи, Laurent, t. V, p. 494. Weil, Mohammed der Prophet, sein Leben und seine Lehre, S. 20.

³⁾ Кор. гл. 4, ст. 8, 12, 14; гл. 2, ст. 241, 176, 178; гл. 4, ст. 15, 37, 38.

уважались и уважаются. „Извѣстны подвиги корейшитскихъ женщинъ въ оходской битвѣ, говоритъ Авриль. Въ столицѣ Расса въ 1817 году вагабитскія женщины освѣщали путь защитникамъ въ ночной схваткѣ, неся факелы изъ пальмовыхъ вѣтвей, которые онѣ намазали древесной смолой. Во время сраженія съ Ибрагимомъ пашей, авторомъ Дерріехъ, онѣ носили пить сражающимся, какъ французскія дамы въ шансонѣ Антіюха, или какъ юныя дѣвушки Бени-Абсъ, которыя возбуждали „своихъ воиновъ“ въ романѣ Антара. М. Гюармани присутствовалъ въ одномъ сраженіи въ Неджедѣ. Иногда, говоритъ онъ, меня привлекали стоны раненныхъ, которые просили позаботиться о нихъ, и крики женщинъ, которыя встрѣчали ихъ съ радостнымъ восторгомъ. Онѣ побуждали ихъ возвратиться въ сраженіе, если могутъ, послѣ того какъ пыль и уголь оставили кровь и онѣ обвязали раны бинтами. Женщины Ехтеба показали себя достойными соперницами героинь Гимайора.

М. Тамисиръ рассказываетъ, что когда загорается война между племенами, женщины первыя побуждаютъ своихъ мужей идти на сраженіе. Жена говоритъ: „встань, пойдѣмъ мужъ!“ Если мужъ отказывается, жена, размахивая копьемъ или ружьемъ труса и испуская сильные крики, идетъ къ своему отцу. „Доселѣ, говоритъ она, я думала, что ты отдашь меня за-мужъ за мужчину, теперь я вижу, что это женщина, — и оставляю его. Выбери мнѣ мужа достойнаго имени мужчины“.

„Во время войнъ Мегеметь-Али, одно арабское коѣно вступило въ сраженіе подѣ предводительствомъ женщины, по имени Халіе, которая, возбуждала суевѣрный страхъ въ турецко-египетскихъ солдатахъ, мало приготовленныхъ своими собственными идеями понять героическую роль женщины. Вотъ какъ напр. турецкій авторъ Фациль-Бей въ „книгѣ прекрасныхъ“ выражается относительно этого участія женщинъ въ сраженіи: „женщины пользовались столь высокимъ уваженіемъ въ этой странѣ, что если два коѣна брались за оружіе, то при началѣ битвы съ той и другой стороны выступала богато одѣтая дѣвушка. Верхомъ на своей верблюдницѣ каждая изъ нихъ составляла центръ въ кругу мужчинъ. Честь состояла въ томъ, чтобы защитить эту дѣвушку и прославиться въ ея глазахъ, сражаясь подлѣ нея и не отступая отъ нея. И нужно присутствовать при этомъ, чтобы представить все волненіе и рѣзню, которыя пронесходили между этими арабами. Всякій

храбрецъ рисковалъ своей головой, лишь бы защитить юную дѣвушку. Въ случаѣ пораженія начинается другое зрѣлище! Побѣжденные не обращаются въ бѣгство: сгруппировавшись кругомъ дѣвушки, они обрекаютъ себя на смерть. Только тогда врагъ овладѣетъ ею, когда она сломитъ себѣ шею въ этомъ кругу и предастъ себя за свое колѣно. Ужели я не долженъ пожалѣть объ этихъ племенахъ, гдѣ двѣ тысячи человѣкъ умерли за одну женщину!“..... „Арабы сохраняютъ дѣлающій честь ихъ расѣ обычай, котораго я только что коснулся. Объ этомъ находятъ свидѣтельства въ разсказахъ современныхъ путешественниковъ. М. Пальгрэвъ такъ разсказываетъ о сраженіи, которое произошло между войсками Неджеда и бедуинами Аймана: „впереди бедуинской арміи согласно обычаю Ъхала hadee'uah, т. е. молодая дѣвушка изъ хорошей фамиліи, отличающаяся своимъ мужествомъ. Она Ъхала на верблюдѣ въ первомъ ряду для того, чтобы устыдить трусовъ и воодушевить храбрыхъ своими сатирическими и эггическими разсказами. Она была замѣчательна по своему стану и краснорѣчію. Она погибла отъ удара копыя, и полагаютъ, съ смертью рѣшила пораженіе айманской арміи“¹⁾. Несчастному воину, который успѣетъ скрыться въ гаремѣ, дается пощада. Въ прежнее время это право, дарованное женщинѣ въ духѣ рыцарства, могло даже спасти жизнь преступника. Во времена Мамелюковъ преступника, приговореннаго къ смерти, выводили на мѣсто казни съ завязанными глазами, потому что, если бы онъ встрѣтилъ на дорогѣ гаремъ и, увидѣвъ его, коснулся рукою одежды одной изъ женщинъ составляющихъ его, жизнь его была бы спасена²⁾. Въ этихъ правахъ, предоставленныхъ женщинѣ, видно то же самое желаніе возвысить ее, какое было постояннымъ стремленіемъ Мухаммеда, глубоко пораженнаго нечальнымъ положеніемъ современной ему арабской женщины. Благодаря такому покровительству религіи, женщины начали такъ высоко поставлять заслугу Мухаммеда и его законодательства для себя, что результатомъ этого получилась сильная привязанность ихъ къ своему законоположенію, которое направлено къ поддержкѣ и охраненію правъ женщины отъ при-

¹⁾ L'Arabie contemporaine. Par Adolphe D'Avril. Pag. 138—142.

²⁾ Египетъ въ прежнемъ и нынѣшнемъ своемъ состояніи. Соч. Клотъ-Бенъ, ч. 1, стр. 261.

тѣснѣй со стороны мужины; женщины начали видѣть въ судьяхъ своихъ охранителей и оберегателей своихъ интересовъ. Однажды французскій генералъ Домасъ спросилъ Шамби (племя арабское въ Сахарѣ): „желали ли бы ваши жены жить подъ покровительствомъ однихъ европейскихъ законовъ?—Не думаю, отвѣчалъ ему тотъ, жены наши навѣрное пожалѣли бы о покровительствѣ кадиевъ¹⁾. Вслѣдствіе такой защиты женскихъ правъ мусульманской религіей, вслѣдствіе такого вниманія Мухаммеда къ женщинамъ, онѣ заняли высокое положеніе въ исламѣ, онѣ даже принимали участіе въ самой религіи Мухаммеда, и имѣли вліяніе на судьбу цѣлаго строя мусульманскаго ученія. „Первый вѣкъ ислама, говоритъ Ренанъ, представляетъ много поистинѣ замѣчательныхъ женскихъ характеровъ. Послѣ Омара и Алія, двухъ главныхъ личностей этой великой эпохи, занимаютъ мѣсто двѣ женскія личности, Айша и Фатима. Ореолъ святости блистаетъ кругомъ Хадиджи; поистинѣ самое почетное свидѣтельство въ пользу Мухаммеда составляетъ то, что въ исторіи пророчества единственно только его божественное посланничество признано было тою сначала личностью, которая могла лучше знать его слабости. Въ началѣ своей проповѣди, обвиненный во лжи и подвергаемый за это насмѣшкамъ, онъ довѣряетъ ей свои страданія; она утѣшаетъ его словами нѣжности и подкрѣпляетъ его колеблющуюся вѣру. Потому-то Хадиджа никогда не была вытѣснена изъ его сознанія другими женами, которыя слѣдовали за нею. Рассказываютъ, что одна изъ нихъ, ревнуя за такое постоянство, однажды спросила пророка, ужели ему не далъ Аллахъ кого-нибудь, чтобы заставить забыть старую Хадиджу? „Нѣтъ отвѣчалъ онъ, когда я былъ бѣденъ, она обогатила меня; когда я былъ проклятъ своимъ народомъ, она осталась мнѣ вѣрною, и чѣмъ я болѣе страдалъ, тѣмъ болѣе она любила меня“²⁾. Такое вниманіе Мухаммедъ могъ обратить на женщину не иначе, какъ измѣнивши древній унижительный взглядъ на нее. Только на такомъ высокопоставленномъ постѣ, какой далъ Мухаммедъ женщинамъ, онѣ могли имѣть вліяніе на начало ислама и быть въ числѣ первыхъ двигателей его послѣ смерти

¹⁾ Библиот. для чтенія. 1860 г. Ноябрь; 162 т. Женщины въ Алжирѣ, стр. 18.

²⁾ Etudes d'histoire religieuse. Origines de l'islamisme, p. 287—288.

пророка. Въ противномъ случаѣ исторія прошла бы ихъ молчаніемъ и забыла бы ихъ. Благодаря такому законодательству ислама и въ дальнѣйшей исторіи его встрѣчаются личности женщинъ, которымъ суждено было принимать важное участіе въ дѣлахъ правленія. Въ Аравіи и у Мавровъ въ Испаніи иногда являлись высокообразованныя женщины, которыя пользовались громаднымъ вліяніемъ на цѣлое общество и были знамениты по своимъ произведеніямъ литературы¹⁾. Правда, нынѣ рѣдко можно встрѣтить въ мусульманскомъ мірѣ женщинъ, которыя имѣли бы какое-нибудь значеніе въ правительственномъ отношеніи, исключая гаремныя интриги, которыя возможны при самомъ крайнемъ униженіи женщины; но и нынѣ между арабами Африки встрѣчаются еще отдѣльныя племена, въ которыхъ женщины не совсѣмъ лишены права управленія даже законнымъ официальнымъ путемъ. Въ Сахарѣ у нѣкоторыхъ племенъ существуетъ обычай, освященный временемъ, чтобы жена шейха по смерти мужа управляла племенемъ; только въ помощь ей назначается совѣтъ старшинъ. Если она изберетъ себѣ новаго мужа, онъ дѣлается шейхомъ племени²⁾. Такимъ образомъ еще до сихъ поръ сохранился тотъ гуманнѣйшій духъ, которымъ проникнуто мусульманское законодательство относительно женщинъ, — законодательство, благодаря которому онѣ только и получили права человѣческой личности, которыхъ онѣ были лишены въ Аравіи до пришествія Мухаммеда. Съ Мухаммедомъ начинается возрожденіе арабской женщины, начинается для нея заря новой жизни.

Таковы высокопарныя похвалы въ честь Мухаммеда и той заслуги, которую онъ оказалъ для арабскихъ женщинъ, будто бы загнанныхъ и униженныхъ до крайней степени многоженствомъ и жестокостью мужчинъ. Со времени Мухаммеда онѣ будто бы получили свои законныя права, права личности, собственности, получили свободу располагать собою и даже возможность имѣть власть надъ другими. Вотъ какъ объ этомъ говоритъ одинъ французскій ученый: „Я далека отъ мысли выступить защитникомъ полигаміи и вообще того состоянія, въ какое привели женщинъ древніе нравы Востока болѣе, нежели исламъ. Однако должно оберегаться довѣрять писате-

¹⁾ La civilisation musulmane, p. 32 и слѣд.

²⁾ Впбд. для чтенія. 1860 г. Ноябрь, т. 162 стр. 13.

лямъ, которые, не зная Востока, утверждаютъ, что женщина всегда здѣсь составляетъ предметъ презрѣнія... Женщины въ Аравіи, исключая нѣкоторыхъ народовъ, пользуются большою свободой и особенно большою властью въ своихъ домахъ. Онѣ кажутся Нибуру настолько же счастливыми, насколько могутъ быть счастливыми европейскія женщины. М. Пальгрэвъ говоритъ о нихъ тоже самое. Тамизиръ въ своемъ „путешествіи по Аравіи“ говоритъ, что женщины Асира трудолюбивы и что онѣ разговариваютъ съ большою граціей и легкостью. Онъ говоритъ также о ихъ благородной гордости; онъ встрѣтилъ одну молодую очень прекрасную, но бѣдную бедуинку, которая ждала лучше нищенствовать, чѣмъ выйти за-мужъ за городского жителя.

Полигамія также не всеобща между арабами, какъ думаютъ въ Европѣ; она даже рѣдко здѣсь встрѣчается. Разводъ болѣе частъ; но нужно замѣтить, что женщины могутъ также требовать его. Впрочемъ пужно побывать въ мусульманской Азін для того, чтобы встрѣтить непрочныя брачныя союзы и доказать печальныя послѣдствія этого. Присовокупимъ, что арабская женщина сохраняетъ свое приданое въ продолженіе супружества и послѣ его, приданое ея составляетъ полную собственность. У бедуиновъ молодая дѣвочка не отдается въ супружество безъ ея согласія. Нужно также напомнить, что, по свидѣтельству Буркгардта, во время военныхъ грабежей, женщины всегда уважаются.

Но особенно показываетъ, что спутницы горцевъ и бедуиновъ не рабыни, то участіе, какое онѣ принимаютъ въ правственой жизни колѣна. У стараго тирана Неджеда Фейссаля одна изъ дочерей, Егерія, писала всю его дипломатическую корреспонденцію въ продолженіи тридцати лѣтъ. Встрѣчаются постоянныя свидѣтельства о томъ, что арабскія женщины сами оказываютъ гостепримство. Когда палатки *дуира*¹⁾ спорятъ между собою о чести принять гостя, женщины вмѣшиваются въ шумныя настоятельныя просьбы своихъ родственниковъ. М. Гюармони рассказываетъ, что женщины Сцерарата „принимаютъ гостей и бесѣдуютъ съ ними въ отсутствіи своихъ мужей и ихъ родственниковъ. Онѣ разговариваютъ съ ними и спокойно позволяютъ смотрѣть на себя. Такъ какъ посѣ-

1) Арабскій аулъ.

щеніе иностранцемъ ихъ палатки событіе довольно рѣдкое, то едва онъ успѣетъ взойти, какъ видитъ себя уже окруженнымъ всеѣмъ женскимъ народопасленіемъ аула. Болѣе взрослые дѣвушки прислоняются къ занавѣсу, который раздѣляетъ палатку на два покоя; замужнія женщины помѣщаются въ кругу мужчинъ, а маленькія дѣвочки прячутся, куда могутъ⁽¹⁾. Что сказать на эти возгласы панегиристовъ Мухаммеда? Имѣютъ ли они за собой историко-критическія научныя основанія?

Безпристрастный судъ исторіи произнесетъ совершенно другой приговоръ объ этомъ предметѣ. Только одно мнѣніе этихъ ученыхъ, именно объ обычаяхъ убивать своихъ дочерей, можно признать достовѣрнымъ и вполне историческимъ, остальные же мнѣнія суть ничто иное, какъ бездоказательныя положенія, лишеныя почти всякой научной почвы. Изъ тѣхъ фактовъ, которые они приводятъ въ подтвержденіе своихъ мнѣній, никакъ не слѣдуетъ то заключеніе, какое они выводятъ. Начнемъ съ полигаміи. Панегиристы Мухаммеда, какъ мы показали выше, утверждаютъ, что полигамія существовала въ аравіи до-Мухаммеда и была въ гораздо сильнѣйшихъ размѣрахъ. Гдѣ же основанія для этого мнѣнія? Ихъ нѣтъ. По крайней мѣрѣ эти ученые не приводятъ ни одного факта въ доказательство громаднаго распространенія полигаміи среди арабовъ до-мусульманскаго періода. Поэтому мы, на основаніи нѣкоторыхъ фактовъ, рѣшаемся утверждать, что полигамія не была утверждена въ обычаяхъ Аравіи до Мухаммеда, а если и существовала, то имѣла очень ничтожное число своихъ приверженцевъ. Сколько извѣстно лицъ, обратившихся въ исламъ, и ни объ одномъ изъ нихъ не замѣчено, чтобы оно состояло въ полигамическомъ бракѣ. Отецъ Мухаммеда имѣлъ одну жену; дядя Мухаммеда, Абу-Талибъ, былъ также единоположенецъ, не смотря на то, что по своему состоянію могъ бы содержать многихъ женъ; Абу-Бекръ, богачъ котораго служили великой помощью Мухаммеду и который, слѣд., также могъ имѣть многихъ женъ, оставался единоположенцемъ. И рѣшительно ни объ одномъ лицѣ во всей исторіи Мухаммедова времени не упоминается, какъ о полигамистѣ. Притомъ есть поводъ думать, что полигамія даже въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ позволилъ ее себѣ Мухаммедъ, была чужда народу

¹⁾ L'Arabie contemporaine. Par Adolphe D'Avril. p. 136—142.

арабскому и казалась ему чѣмъ-то новымъ, страшнымъ и даже развратнымъ, потому что когда Мухаммедъ набралъ себѣ до девяти женъ, арабы, даже искренно увѣровавшіе въ него, смущались этимъ и едва совершенно не оставили Мухаммеда, какъ человѣка, нарушившаго законы существующей морали¹⁾. Благодаря только откровенію, къ помощи котораго онъ прибѣгъ въ этомъ случаѣ, ему удалось спастись отъ бѣды. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы полигамія, какъ говорятъ французскіе ученые, была доведена предъ Мухаммедомъ до громаднхъ размѣровъ, какъ объяснить отвращеніе арабовъ къ многоженству Мухаммеда?

До нашихъ временъ дошло много пословицъ, которыя были въ употребленіи у арабовъ во время Мухаммеда и раньше его. Нѣкоторыя изъ этихъ пословицъ свидѣтельствуютъ о воздержности арабовъ въ чувственныхъ удовольствіяхъ и показываютъ, что наклонность къ женщинамъ, которая дошла въ мусульманствѣ до безобразія, была до Мухаммеда очень умѣренная, и арабы до-мухаммедовскаго времени очень неблагосклонно относились къ людямъ, запятнавшимъ себя чувственными страстями. Пословицы эти гласятъ: „кто желаетъ быть сильнымъ въ мудрости, тотъ не долженъ предаваться женщинамъ“; „не будетъ мудрый мудрымъ до тѣхъ поръ, пока не оставитъ всякую чувственную страсть“ [т. е. къ женщинамъ]²⁾. Законъ, которымъ Мухаммедъ ограничилъ число женъ четыремя, нисколько не говоритъ въ пользу противнаго мнѣнія. Мухаммедъ позволилъ себѣ брать столько женъ, сколько ему угодно. Для того, чтобы послѣдователи не приняли его примѣра за законъ, онъ и ограничиваетъ количество женъ простыхъ вѣрующихъ четыремя³⁾. Такимъ образомъ запрещеніе брать больше четырехъ женъ было ограниченіемъ не прежде существовавшаго крайняго многоженства, а безграничнаго многоженства, позволеннаго Мухаммедомъ самому себѣ. По крайней мѣрѣ, если нельзя признавать это мнѣніе за несомнѣнное и вполне доказанное, все же оно имѣетъ за собою больше шансовъ на вѣрность, нежели мнѣніе панегиристовъ Мухаммеда, ничѣмъ не доказанное. Кромѣ того, дозволеніе полигаміи и неизвинительно Мухаммеду, потому что онъ

¹⁾ См. приложение 1, стр. 37—38.

²⁾ Арабская христоматія Болдырева, стр. 5.

³⁾ Кор. гл. 4, ст. 3; гл. 33, ст. 49.

имѣлъ предъ собой образцы чистой моногаміи и могъ видѣть всѣ выгоды ея. Въ Аравіи было много христіанъ и іудеевъ. Нѣкоторые изъ нихъ, по свидѣтельству самихъ мусульманскихъ историковъ, даже стояли въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ Мухаммеду¹⁾, такъ что онъ вполне могъ познакомиться съ моногамическимъ принципомъ, хотя бы даже, согласно съ мнѣніемъ вышеупомянутыхъ ученыхъ, полигамія и была сильно распространена въ Аравіи.

По мнѣнію Ренана и другихъ ученыхъ французскихъ, полигамія, дозволенная Мухаммедомъ, есть неизбѣжная дань, которую онъ заплатилъ своему народу и обычаямъ своей страны. Но мы находимъ въ Аравіи христіанъ, которые были моногамисты, слѣд., принципъ моногаміи могъ быть привить къ арабскому народу, если бы даже и не знали о немъ въ Аравіи. Примѣръ христіанъ и евреевъ убѣждаетъ насъ, что Аравія не была безнадежно предана въ добычу многоженству настолько, чтобы невозможно было основать и утвердить въ пей единожества. Потому полигамію можно считать скорѣе дѣломъ удовлетворенія личной страсти Мухаммеда къ чувственнымъ удовольствіямъ. Онъ часто говорилъ о себѣ, что больше всего на свѣтѣ любить женщинъ и благовонія²⁾. Приближенія личности къ Мухаммеду тоже замѣтили въ немъ эту господствующую страсть и считали его самымъ страстнымъ чело-вѣкомъ въ мірѣ³⁾. Съ другой стороны можно предполагать, что этой поблажкой чувственности Мухаммедъ хотѣлъ привлечь къ себѣ больше послѣдователей, такъ какъ военные походы давали обильную добычу, состоящую изъ женщинъ, которыхъ должны были дѣлить между собою поклонники Мухаммеда.

Вредныя послѣдствія полигаміи, отразившіяся на женщинъ.

Но чѣмъ бы ни было вызвано это законоположеніе, оно было причиной сильнаго нравственнаго и правоваго униженія

¹⁾ Папр. Еврей Варака, двоюродный братъ Хадиджи, который впоследствии перешелъ въ христіанство.

²⁾ Renan, p. 245.

³⁾ Секретарь Мухаммеда, Вакиди, передаетъ слѣдующія слова Ибнъ-Аббаса: «самый великій изъ мусульманъ былъ также и самымъ страстнымъ къ женщинамъ». Barthélemy Saint-Hilaire, p. 178.

женскаго пола въ исламѣ. Какъ дозволенное Мухаммедомъ, основателемъ ислама, и какъ освященное, даже чрезъ мѣру, его примѣромъ, многоженство быстро распространилось по всему мусульманскому Востоку и даже проникло въ Европу, гдѣ издревле укоренился принципъ моногаміи. Въ Турцію ежегодно ввозили и ввозятъ до настоящаго времени безчисленное множество черкешенокъ, грузинокъ и женщинъ другихъ націй для пополненія турецкихъ гаремовъ¹⁾. Въ Персіи, Египтѣ и другихъ мусульманскихъ странахъ существуетъ множество гаремовъ, гдѣ заключены несчастныя женщины Востока. Даже во внутренности Африки, куда исламъ успѣлъ проникнуть, всюду за нимъ сопутствуютъ, какъ неизбѣжная язва, многоженство и гаремы. Вотъ что пишетъ новѣйшій путешественникъ Г. Стэнли: „здѣсь [т. е. во внутренности Африки] какъ и въ Персіи, Афганистанѣ и Турціи, гаремы составляютъ необходимую принадлежность арабскаго хозяйства: чувствительность магометанъ бросается въ глаза и здѣсь, какъ и на Востокѣ. Каждый арабъ сообразно своимъ средствамъ содержитъ толпу любовницъ“²⁾. Многоженство обратилось въ плотъ и кровь каждаго мусульманина, такъ что всякое ограниченіе числа женъ производитъ на него непріятное впечатлѣніе; по рассказамъ путешественниковъ, мухаммеда не могутъ хладнокровно говорить объ уменьшеніи и ограниченіи количества своихъ женъ³⁾. Невольницъ дарятъ высокопоставленнымъ лицамъ, чтобы заслужить ихъ благосклонность, и дарятъ иногда въ большомъ количествѣ, смотря по своимъ средствамъ и по важности и положенію лица, которому дарятъ⁴⁾. Такое громадное распространеніе невольницъ въ качествѣ конкубинъ обязано своимъ существованіемъ религіи Мухаммеда, который ограничилъ количество женъ четырьмя, но позволилъ кромѣ ихъ имѣть столько наложницъ, сколько достанетъ средствъ содержать ихъ⁵⁾. Потому мусульмане обыкновенно не пускаются

¹⁾ Турки и ихъ женщины, Султанъ и его гаремъ, Соч. Османа-Бей, стр. 176—197.

²⁾ «Какъ я отыскалъ Ливингстона», Генри М. Стэнли, стр. 214.

³⁾ Отеч. запiski, 1855 г. Сі т., Судьба женщины на мусульманскомъ Востокѣ, стр. 46.

⁴⁾ Османъ-Бей, стр. 185—186.

⁵⁾ Кор. гл. 23, ст. 6.

въ тонкія объясненія и разсужденія по этому поводу. Они на возраженія путешественниковъ обыкновенно отвѣчаютъ, что дозволеніе полигаміи есть воля Аллаха, выраженная весьма понятно въ Коранѣ; что это привиллегія, дарованная избранному народу¹⁾; хотя въ то же время въ мусульманской литературѣ преимущественно древнихъ временъ есть много трактатовъ, гдѣ употребляются всѣ усилія діалектики, чтобы какъ-нибудь согласить полигамію съ требованіями человѣческаго разума и законами человѣческой природы²⁾. Нельзя конечно довѣрять тѣмъ личностямъ, которыя утверждаютъ, что многоженство не очень распространено между мусульманами Востока³⁾. Правда, полигамія служитъ отличіемъ богача, а бѣднякъ обыкновенно довольствуется одною женою; но это нужно принимать съ ограниченіемъ. На Востокѣ при богатствѣ природы почти ничего не стоитъ содержать нѣсколько женъ. Вслѣдствіе этого многіе могутъ имѣть нѣсколько женъ. Лишь только успѣть бѣднякъ приобрѣсти хотя какое-нибудь состояніе, онъ считаетъ своею первою обязанностью завести нѣсколько женъ и предаться чувственнымъ удовольствіямъ. О богачахъ нечего и говорить. Окруженные десятками женъ, лишенные почти всякой дѣятельности, мусульмане проводятъ жизнь въ лѣни и скукѣ, ожидая за гробомъ получить несравненно лучшихъ женъ, вѣчныхъ дѣвственницъ. Впрочемъ и самыя бѣдныя и ничего неимѣющія мусульмане въ странахъ Востока, а главнымъ образомъ въ Африкѣ и Аравіи, находятъ для себя не только возможнымъ, но и выгоднымъ, содержать нѣсколькихъ женъ. Жены становятся въ нѣкоторомъ отношеніи рабочею силою мужа и не только содержатъ себя, но даже прокармливаютъ и его, благодаря чему мусульманинъ при многихъ женахъ еще больше можетъ предаваться лѣни и безпечной нѣгѣ, въ которой поклонники Мухаммеда доходятъ до артистичности⁴⁾. Вотъ почему, по словамъ Кипризи-Мелекъ-Хапумт, у самаго бѣднаго араба по меньшей мѣрѣ двѣ жены⁵⁾.

¹⁾ Востокъ и новые очерки Константинополя, соч. Бамилл, т. 2, стр. 43.

²⁾ Sale, *Civilisation musulmane*. Panthéon littéraire, p. 476.

³⁾ L'Islamisme d'après le coran, p. Garcin de Tassy, *preface*.

⁴⁾ Изд. для чтенія 1860 г. Ноябрь, т. 162 стр. 22.

⁵⁾ Тридцать лѣтъ въ турецкихъ гаремахъ, стр. 65.

Если Мухаммедъ позволеніемъ многоженства далъ мусульманамъ право на полигамію и былъ причиною того, что она сдѣлалась всеобщею язвою мусульманскаго общества, то дозволеніемъ развода онъ уничтожилъ всякую прочность брачнаго союза и нарушилъ святость супружескихъ узъ. Благодаря сего законоположенію, брачныя узы ни для кого изъ правовѣрныхъ не стали представлять какой-нибудь прочной силы; всѣ начали пользоваться тою легкостью развода, которую Мухаммедъ предоставилъ своимъ послѣдователямъ, такъ что въ настоящее время весь Востокъ страдаетъ этой язвой. Какъ предъ принесть Спасителя Римъ славился частыми разводами, такъ въ настоящее время не лучшее представляетъ современное состояніе мусульманскаго міра. „Арабы, говоритъ Клотъ-бей, болѣе всего злоупотребляютъ правомъ развода. Нѣкоторые изъ нихъ перемѣняютъ женъ не менѣе пятидесяти разъ“¹⁾. Одинъ французскій путешественникъ спросилъ одного араба въ Египтѣ, помнитъ ли онъ Бонапарта? „Какъ же, отвѣчалъ тотъ, я былъ женатъ на семнадцатой женѣ, когда великій человѣкъ посѣтилъ Египетъ“²⁾. Бургардъ встрѣчалъ арабовъ, которые въ сорокъ пять лѣтъ были женаты уже на пятидесятой женѣ, на одной послѣ другой³⁾. Какъ Сенека говорилъ о римскихъ женахъ, что онѣ считаютъ свои годы не по консуламъ, а по числу своихъ мужей, такъ относительно современныхъ арабовъ и вообще восточныхъ мусульманъ можно сказать, что они считаютъ годы по числу своихъ женъ. Разводъ распространенъ между ними до послѣдней степени. Впрочемъ между мусульманами высшихъ классовъ разводъ бываетъ нѣсколько рѣже. Съ одной стороны удерживаетъ мужа необходимость выплатить мехръ, съ другой — крайняя, чисто мусульманская ревность, особенно сильно развитая между персами, не позволяетъ мужьямъ перенести того, чтобы нынѣшняя ихъ жена завтра вышла за-мужъ за другаго. Что касается низшихъ классовъ, то между ними разводъ явленіе ежедневное даже у болѣе постоянныхъ по характеру бедуиновъ онъ до того обыкновенное явленіе, что мужъ лишь успѣетъ развестись съ женой

¹⁾ Египетъ въ прежнемъ и нынѣшнемъ своемъ состояніи 1 ч. стр. 196.

²⁾ Islam. Its History, Character and Relation to Christianity, By John Muehleisen. Arnold. London, 1874. 3 ed. pag. 208—213.

³⁾ Тамъ же.

какъ тутъ же вступаетъ въ бракъ съ другою¹⁾. Кто же виновать въ столь сильномъ распространеніи развода между мусульманами? Никто другой, какъ Мухаммедъ, который допустилъ такую легкость его въ своей религіи²⁾.

Въ какомъ же отношеніи къ разводу стоятъ супруги по закону Мухаммеда и по укоренившимся обычаямъ въ мусульманскихъ земляхъ? Въ совершенно неровномъ. По закону Мухаммеда мужъ можетъ развестись съ женою безъ всякаго повода съ ея стороны³⁾. По мусульманскому законодательству нѣтъ ничего легче мужу, какъ развестись съ своей женою; стоитъ только мужу сказать женѣ: „я отвергаю тебя“ и жена должна удалиться. Между тѣмъ жена можетъ развестись лишь послѣ многихъ лишеній, преодолевши много препятствій. Вотъ какъ характеризуетъ мусульманскій разводъ Османъ-Бей: „собою говоря, разводъ есть не болѣе, какъ рѣшительный способъ, употребляемый мужемъ, чтобы освободиться отъ дочувливой супруги..... Мужу стоитъ только сказать: „жена уйди отъ меня!“ и въ ту же минуту его покорная подруга должна окутать лице свое покрываломъ, собрать всѣ свои пожитки и удалиться изъ-подъ супружескаго крова. Само собою разумѣется, что при такой системѣ мужскаго полновластія жена не можетъ сказать супругу своему: „не угодно ли вамъ самимъ убраться изъ дому“. Такимъ-то образомъ участь жены въ рукахъ мужа. Одного слова его достаточно, чтобы лишить женщину ея домашняго крова и всего, что дорого ея сердцу, и чтобы разомъ отнять у нея все; на это не требуется ни суда, ни суда, ни тяжбъ. Слово, приказъ — дѣлаетъ все“⁴⁾. Здѣсь женщина является униженною до послѣдней степени; мужъ можетъ распоряжаться ея судьбою по произволу, и никто не имѣетъ права остановить его въ намѣреніи развестись съ женою, когда ему вздумается. И дѣйствительно арабы и вообще всѣ мусульмане пользуются этимъ правомъ въ его безграничныхъ размѣрахъ, имѣя въ виду дозволеніе, данное Мухаммедомъ и освященное примѣромъ его самого, такъ какъ онъ, желая вступить въ бракъ съ женою Зеида, далъ послѣднему

¹⁾ Döllinger, Muhammed's Religion, S. 26.

²⁾ Кор. гл. 2, ст. 229—232; 237—238.

³⁾ Кор. гл. 2, ст. 226 и слѣд.; гл. 65, ст. 1 и слѣд.; гл. 38 и 58.

⁴⁾ Турки и ихъ женщины, султанъ и его гаремъ, стр. 15—16.

намекъ, чтобы онъ развелся со своею женою въ пользу его¹⁾. Мусульмане довели это позволеніе до послѣдней степени, разводясь по самымъ пустымъ причинамъ и нерѣдко единственно по своей прихоти. Одинъ французскій путешественникъ, во время своего пребыванія въ Мансурѣ, зналъ одного мусульманина, который прогналъ и даже выбросилъ свою жену на улицу за то только, что за день предъ этимъ она родила дѣвочку, а не мальчика, какъ онъ ожидалъ²⁾. Даже между простыми бедуинами охладѣвшая любовь мужа служить достаточнымъ поводомъ къ разводу³⁾. Я считаю излишнимъ здѣсь привести разсказъ, который доказываетъ, какъ легко разрываются брачныя узы въ исламѣ. Абдъ-Аллахъ, сынъ Абу-Бекра, былъ захваченъ въ распlochъ своимъ отцемъ въ пятилицу со своею юной женою Ахтикой, когда онъ забавлялся съ ней и забылъ идти на молитву. Абу-Бекръ, для наказанія сына за его нерадѣніе, приказалъ ему немедленно развестись со своею женою, что тотъ и сдѣлалъ, хотя и любилъ ее. Впослѣдствіи времени, видя печаль Абдъ-Аллаха, Абу-Бекръ позволилъ свосму сыну возвратить свою жену⁴⁾. Правда, эта свобода стѣсняется нѣкоторыми матеріальными препятствіями, именно по мусульманскому законоположенію, если мужъ разводится съ женою, то мехръ ея долженъ поступить въ полную собственность ея⁵⁾; но и здѣсь развратившаяся натура мусульманъ находитъ средство избѣжать этого непріятнаго для чувственности стѣсненія. Мужъ своими побоями и разнаго рода притѣсненіями доводитъ жену свою до того, что она сама предложитъ ему разводъ и чрезъ то лишится своего приданаго⁶⁾. Установленная преграда къ разводу оказалась непрочною, не могла остановить пагубнаго обычая и не въ состояніи была сколько-нибудь обезпечить безотрадное и бѣдственное положеніе женщины; дозволеніе развода уничтожило все можетъ быть и благія стремленія Мухаммеда. Такимъ образомъ женщина является въ крайнемъ униженіи сравнительно съ мужчиной, — мужъ можетъ прогнать ее изъ дома во всякое время.

1) Кор. гл. 33, ст. 4, 6, 37, 38 и 39.

2) Döllinger, Muhammed's Religion, S. 26, Anmerk. 44.

3) Islam, By John Muchleisen Arnold, p. 208—213.

4) L'Islam et son fondateur. Par Jules-Charles Scholl. Pag. 18.

5) Döllinger, Muhammed's Religion, S. 24—27.

6) Islam, By John Muchleisen Arnold, p. 208—213.

Это заставляет жену сознавать себя въ вѣчномъ рабствѣ у мужа и питать къ нему вмѣсто любви только страхъ, какъ предъ своимъ господиномъ и неограниченнымъ деспотомъ. Она должна стараться всѣми мѣрами угодить мужу, привлечь его къ себѣ и чрезъ то подалѣе отсрочить разводъ, который ей грозитъ постоянно со стороны мужа. Благодаря законодательству Мухаммеда, жена является рабою своего мужа. Клотъ-Бей, долго наблюдавшій за мусульманами въ Египтѣ, представляетъ намъ слѣдующую грустную картину отношеній между мужемъ и женой: „жена оказываетъ безпредѣльное уваженіе мужу; въ обращеніи ея съ мужемъ нѣтъ этой короткости, этой небрежности, которыя на западѣ служатъ знакомъ рабства обоихъ половъ. Она расточаетъ предъ нимъ всю заботливость, всю предусмотрительность, какихъ въ Европѣ едва ли можно требовать и отъ служанки..... Она привыкла, такъ сказать, исчезать въ своемъ мужѣ; у нея нѣтъ другой заботы, кромѣ мысли угождать ему; ни другаго занятія, кромѣ попеченія объ услажденіи его существованія“¹⁾. Это притомъ не ость плодъ любви къ мужу, когда естественно по своему внутреннему влеченію жена предается ему до глубины души; все это возбуждается страхомъ жены предъ грознымъ властелиномъ своей особы, который можетъ распоряжаться ею, какъ ему угодно, единственно по своему благоусмотрѣнію. Мужъ ость властитель личности жены, онъ можетъ показывать ее по данной ему отъ Мухаммеда власти²⁾. Замѣчательно, что Мухаммедъ позволилъ мужьямъ бить своихъ жейъ, не опредѣливши даже при этомъ количества ударовъ, больше котораго мужъ не имѣетъ права наказывать свою жену; между тѣмъ какъ даже относительно рабовъ имъ установлено, что господинъ не можетъ ихъ наказывать больше извѣстнаго числа ударовъ, какое бы ни было преступленіе³⁾. Этимъ Мухаммедъ предоставилъ своимъ послѣдователямъ полнѣйшее право надъ своими женами. Ученые послѣдователи его давали наставленія мужьямъ въ томъ же духѣ. Такъ Саади Ширазскій въ „Гюлистанѣ“, — одномъ изъ самыхъ извѣстныхъ произведеній мусульманской поэзіи, — говоритъ: „когда жена твоя расхаживаетъ

¹⁾ Египетъ въ прежнемъ и нынѣшнемъ своемъ состояніи, ч. 1, стр. 209.

²⁾ Кор. гл. 4, ст. 38.

³⁾ Корашъ.

ваетъ по базару, бей се; въ противномъ случаѣ ты въ своемъ дому будешь какъ женщина¹⁾).

Но исламу показалось еще мало такого стѣсненія жены и лишенія ея всякихъ личныхъ правъ въ пользу мужа, мухамеданство лишаетъ жену и естественныхъ и ни у кого неотъемлемыхъ правъ, именно правъ на выраженіе религіознаго чувства. Въ исламѣ жена не можетъ предаваться своему естественному религіозному стремленію, она скована въ этомъ отношеніи желѣзными узами рабства, которое налагаетъ на нее мужъ. Что болѣе естественно и болѣе зависитъ отъ личной свободы человѣка, какъ не добровольное наложеніе на себя поста на извѣстный періодъ времени²⁾. Но жена - мусульманка не можетъ исполнять добровольнаго поста, не испросивши на то позволенія отъ своего мужа³⁾. Что естественнѣе для человѣка, какъ не свободное исполненіе обѣта, даннаго Богу и состоящаго въ какомъ-нибудь религіозномъ обрядѣ, но и въ этомъ естественномъ правѣ мусульманство отказываетъ женѣ. Она не можетъ сдѣлать обѣта безъ согласія мужа⁴⁾; она даже не можетъ принять присяги безъ воли его⁵⁾. Какое рабство можетъ быть больше этого? Чего еще недостаетъ до полнаго уничтоженія личности жены предъ личностью мужа? Не свободная сдѣлать ни одного шага безъ согласія мужа, лишенная даже права на проявленіе всякаго религіознаго чувства безъ его воли, жена мусульманина есть ничто иное какъ самка, орудіе для удовлетворенія похоти мужа; она полиѣйшая раба мужа и не имѣетъ нисколько человѣческой свободы; личность только въ личности мужа; безъ него она ничто. Мужъ въ такой мѣрѣ является ея господиномъ, что можетъ располагать ею по своему расположенію. По свидѣтельству Буркгардта, между нѣкоторыми арабскими племенами существовалъ обычай предлагать въ видѣ гостепріимства гостю свою жену, — обычай только недавно вышедшій изъ употребленія⁶⁾. Очевидно, что арабы смотрятъ на жену, какъ на ору-

1) Холмогоровъ, Шейхъ Муслиххудиинъ Саади Ширазскій и его значеніе въ исторіи персидской литературы, стр. 35—36.

2) Сравни. 1 Коринѳ. гл. 7, ст. 5.

3) Торнау, стр. 109.

4) Тамъ же, стр. 374.

5) Тамъ же, стр. 370.

6) Döllinger, Muhammed's Religion, S. 28.

діе своихъ похотей,—орудіе, которымъ они могутъ распоряжаться по своему произволу. Въ мусульманствѣ женщина никогда не достигала почетнаго мѣста хозяйки дома. Домъ есть собственность мужа; жена есть только раба, присматривающая за домомъ; даже въ самыхъ языкахъ мусульманскихъ нѣтъ названій для хозяйки дома. Говоря о женахъ, мусульмане по большей части употребляютъ неслестныя фразы [„кашнить думаны“—врагъ ложекъ и т. п.]¹⁾. На мусульманскомъ Востока нельзя встрѣтить мужа прогуливающимся съ женою, что служить отличіемъ европейца, который смотритъ на жену, какъ на существо равное ему по своимъ человеческимъ свойствамъ. Мусульманинъ считаетъ жену своею рабою и конечно не позволитъ себѣ прогуляться съ нею²⁾. Одинъ нашъ соотечественникъ, много времени проведеній въ Самаркандѣ, такъ изображаетъ положеніе женщины на мусульманскомъ Востока: „мужъ—абсолютный глава жепъ и всего дома. Жена не имѣетъ никакихъ правъ и за каждый поступокъ, почему-либо не поправившійся мужу, почти всегда бываетъ бита. Вышедши со двора безъ позволенія мужа, она непременно подвергается колотушкамъ (побоямъ). Если жена слишкомъ молодая, то въ первое время мужъ сильно ухаживаетъ за ней, любезничасть, балуетъ. Въ другихъ случаяхъ относится къ ней индифферентно. Вообще ласкать жену при комъ-либо изъ постороннихъ считается *mauvais genre*. Въ богатыхъ семьяхъ мужъ иногда дѣлаетъ подарки женамъ. Жена не можетъ ни въ какомъ случаѣ дѣлать того же мужу. Прежде всего у нея для этого нѣтъ средствъ; да еслибъ и были, то она будетъ заподозрѣна мужемъ въ связяхъ и непременно побита. Собственно говоря, жена не имѣетъ права имѣть у себя какія-либо свои деньги; мужъ какъ только узнаетъ объ этомъ, отколотитъ и деньги отберетъ. Жена въ семьѣ—безответная работница. Она дѣлаетъ все, что только можетъ; на ней лежатъ всѣ хлопоты по хозяйству и кромѣ того еще работы въ родѣ пряжи, ткацка, шитья и т. п. Всякій мужъ держитъ столько жепъ, сколько въ состояніи завести [т. е. уплатить калымъ] и содержать“³⁾.

¹⁾ Отеч. Записки, 1855 г., LXVIII. Березинъ, мусульманская религія въ отношеніи къ образованности. Статья первая, стр. 90.

²⁾ Библ. для чтенія, 1860 г. 162 т. Ноябрь. Женщины въ Алжирѣ, стр. 10.

³⁾ Бесѣда. 1872 г. Сентябрь. Внутреннее обозрѣніе. Самаркандъ, стр. 29.

Чему же обязаны женщины своимъ крайнимъ порабощеніемъ среди мусульманъ? Нѣтъ сомнѣнія, что причиной ихъ униженія былъ исламъ, въ которомъ жена разсматривается не какъ подруга мужа и его неразлучная спутница, а какъ орудіе его похоти. Этимъ характеромъ проникнуто все законоположеніе Мухаммеда объ отношеніяхъ мужа къ женѣ. Мухаммедъ прямо называетъ жену полемъ, которое назначено мужу для воздѣлыванія¹⁾, а говоря о достоинствѣ человѣка онъ отводитъ женѣ низшее мѣсто сравнительно съ мужемъ²⁾. Понятно, что не можетъ быть и рѣчи о какихъ-нибудь свободно-нравственныхъ отношеніяхъ между мужемъ и женой при господствѣ такого взгляда на женщину. При такомъ отношеніи мужа къ женѣ, она не можетъ надѣяться получить уваженіе даже и отъ сына, отъ котораго сама природа требуетъ уваженія къ своей матери. Видя постоянное униженіе своей матери, видя, что съ ней постоянно обращаются какъ съ рабой, смотря на нее какъ на орудіе мужа и почти доводя ее до состоянія безсловесныхъ животныхъ, видя все это, можетъ ли сынъ питать любовь и уваженіе къ своей матери? Съ самаго ранняго дѣтства ему бросается въ глаза крайнее презрѣніе къ его матери, и онъ мало-по-малу привыкаетъ самъ смотрѣть на нее, какъ на существо низшее, а при этомъ естественно теряется у него всякое уваженіе къ ней. Мы не говоримъ, что всѣ мусульмане такъ безчеловѣчны къ своимъ матерямъ; нѣтъ сомнѣнія, что и между ними бываютъ премѣры истинной сыновней любви, преданности и уваженія, но на подобныхъ личностей нужно смотрѣть, какъ на исключеніе, какъ на явленіе, которое обязано своимъ существованіемъ иному постороннему вліянію, а никакъ не духу мусульманскаго законоположенія объ отношеніяхъ мужа и жены.

Вслѣдствіе такихъ обоюдныхъ отношеній супруговъ у мусульманъ составилъ самый низкій взглядъ на женщину вообще, взглядъ до того оскорбительный для послѣдней, что по справедливости это служить самымъ темнымъ пятномъ для Мухаммеда. Если бы его законодательство было совершенно во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, то одного этого достаточно, чтобы произнести надъ нимъ самый строгій приго-

¹⁾ Кор. гл. 2, ст. 223.

²⁾ Кор. гл. 2, ст. 228.

воръ. Въ самомъ дѣлѣ во всѣхъ мусульманскихъ земляхъ мы видимъ крайнее униженіе женскаго пола, крайне унижительный взглядъ на женщину вообще, такъ что безъ преувеличенія можно сказать, что униженіе женщины служить отличительнымъ признакомъ мусульманскихъ обществъ; а все это обязано ничему другому, какъ законодательству Мухаммеда и его собственному взгляду на женщину, какъ на существо низшее мужчинъ. Мухаммедъ постоянно проповѣдывать и его всегдашнимъ убѣжденіемъ было то, что женщина во всякомъ случаѣ несравненно ниже мужчины по своимъ душевнымъ качествамъ и естественно должна находиться въ рабствѣ у мужчины¹⁾. Во всякомъ законодательствѣ Мухаммеда проглядываетъ тотъ взглядъ на женщину, что она составляетъ какъ бы половину мужчины. Этотъ взглядъ яснѣе всего обнаруживается въ тѣхъ случаяхъ, когда Мухаммедъ дѣлаетъ постановленія о свидѣтеляхъ. Здѣсь онъ всегда ставитъ женщину вдвое ниже мужчины, такъ что одинъ мужчина въ свидѣтельствѣ равенъ двумъ женщинамъ²⁾. Этимъ принципомъ проникнуты и всѣ юридическія постановленія о женщинахъ въ мусульманскихъ земляхъ. Возмите любое изъ этихъ законоположеній и вы увидите, что женщина дается половина цѣны сравнительно съ мужчиной. Послѣдователи Мухаммеда остались вѣрны такому взгляду Мухаммеда на женщину и всѣми мѣрами старались и стараются унижить ее. Унизить женщину сильнѣе, чѣмъ она унижена мусульманами, едва-ли возможно. Въ глазахъ мусульманъ женщина составляетъ только предметъ чувственныхъ наслажденій, даже предметъ торговли, такъ что благодаря полигаміи, на Востокъ особенно въ прежнее время сильно была распространена торговля женщинами. На женщину мусульманинъ всегда смотрѣлъ какъ на существо низшее себя. Она есть игрушка его страстей, отъ которой онъ требуетъ свѣжести и полноты формъ, словомъ — обращаетъ вниманіе исключительно на ея физическія качества, нисколько не думая о ея душевныхъ способностяхъ и характерѣ. Поэты, всегда и вездѣ болѣе благосклонные къ женскому полу и часто выступающіе поборниками свободы женщинъ и ихъ правъ, и тѣ даже высказываютъ унижительныя мнѣнія для

¹⁾ Кор. гл. 2, ст. 133; гл. 4, ст. 38; гл. 53, ст. 21.

²⁾ Кор. гл. 2, ст. 282.

женщинъ. Такъ знаменитый поэтъ мусульманскаго міра, пользующійся всеобщимъ почестомъ и уваженіемъ, Саади Ширазскій въ своемъ стихотвореніи „Гюлистанъ“ высказываетъ такое сужденіе: „мужчина безполезный походитъ на женщину“, „позорно держать совѣтъ съ женщинами, грѣшно оказывать благодѣяніе нечестивымъ“¹⁾. Что это какъ не крайняя степень презрѣнія къ женщинамъ, — презрѣнія, высказываемаго публично всему міру. Притомъ это мнѣніе высказывается ученымъ человѣкомъ, уважаемымъ поэтомъ. Должно быть хорошо то общество, отъ лица котораго высказываетъ подобныя сужденія ученый Саади! Дѣйствительно, по рассказамъ путешественниковъ, которымъ приходилось разговаривать съ мусульманами на Востокѣ объ этомъ предметѣ, всѣ они безъ исключенія точно такого же мнѣнія о женщинахъ и даже еще худшаго. Одинъ мусульманинъ въ Каирѣ на вопросъ путешественника: вмѣстѣ съ женами или отдѣльно отъ нихъ живутъ мусульмане? — отвѣчалъ: „да есть-ли возможность жить съ женщинами вмѣстѣ? Онѣ оглушаютъ васъ несносной болтовней.... гораздо пріятнѣе бесѣдовать съ друзьями, слушать исторій или мечтать, куря трубку, нежели разговаривать съ женщинами, которыя заняты грубыми предметами, нарядами или злословіемъ.... Обхожденіе съ женщинами дѣлаетъ мужчину жаднымъ, эгоистомъ и жестокимъ; оно уничтожаетъ между нами братство и дружбу; оно бываетъ причиной ссоръ, несправедливостей и жестокости.... Довольно и того, что въ часы отдыха, или по возвращеніи домой, хозяинъ встрѣтитъ улыбающіяся лица, роскошныя формы, красиво одѣтыя“²⁾. Правда, это сужденіе вложено въ уста мусульманина навѣрное самимъ авторомъ, но оно хорошо и вполне вѣрно выражаетъ взглядъ мусульманина на женщину, какъ на существо настолько низкое, что съ нею не можетъ быть никакихъ нравственно-свободныхъ отношеній, никакого взаимнаго обмѣна мыслей. Всѣ мусульмане смотрятъ на женщину не какъ на человѣка, имѣющаго одинаковое достоинство съ мужчиной, а какъ на вещь.

Самыя нравственныя свойства женщины должны были измѣниться и обезобразиться до послѣдней степени. Заклю-

¹⁾ Шейхъ Муслихуддинъ Саади Ширазскій и его значеніе въ исторіи персидской литературы. Соч. Холмогорова, стр. 82—83.

²⁾ Отечественныя Записки. 1846 г. XLVII т. Каирскія женщины, стр. 10.

ченная въ гаремѣ, съ раннихъ лѣтъ встрѣчая одно презрѣніе со стороны мужчины, не имѣя никакихъ правъ, женщина естественно должна была вырождаться. Такое униженіе не могло пройти безъ слѣда для женщины, — оно должно было упизить и изуродовать нравственную природу ея. И вотъ мы встрѣчаемъ преданія мусульманскія, въ которыхъ женщинѣ приписываются нравственные недостатки, открывается вся крайность презрѣнія, бросаемаго на женщинѣ. Преданія эти выражаютъ мнѣніе, что „женщина—существо съ ограниченнымъ смысломъ“, что „женщины суть веревки сатаны“, что „большая часть обитателей ада состоитъ изъ женщинъ“¹⁾. Видно, что преданія очень усердно стараются развить мысль Мухаммеда о низкомъ состояніи нравственно-духовной природы женщины²⁾.

Государственное значеніе женщины въ исламъ.

Вслѣдствіе такого взгляда на женщину и ея нравственную природу, могъ ли исламъ допустить, чтобы женщина была членомъ государства. Женщина исключена изъ его состава согласно требованію самого Мухаммеда³⁾; общество навсегда закрыто и недоступно для женщины. Она лишь раба, а не свободная гражданка; она лишена даже права самостоятельнаго существованія; для нея нуженъ мужъ, чтобы онъ былъ ея руководителемъ въ жизни и обществѣ; она не можетъ жить одна самостоятельно. Мухаммедъ ясно и опредѣленно говорилъ, что женщина создана для мужчины⁴⁾. Онъ не хотѣлъ признать за ней права самостоятельнаго существованія. Этотъ взглядъ на женщину вытекалъ изъ того принципа, что женщина по слабости совей какъ физической, такъ и духовно-нравственной природы не можетъ оставаться внѣ брака; ей нуженъ постоянный руководитель, надзиратель и воспитатель; она является существомъ несовершеннолѣтнимъ. Поэтому на женщину, не вышедшую за-мужъ до из-

¹⁾ Отеч. Записки. 1855 г. XLVIII т. Мусульманская религія въ отношеніи къ образованности. Березинъ, стр. 89.

²⁾ Кор. гл. 43, ст. 17—18.

³⁾ Кор. гл. 24, ст. 31; гл. 32, ст. 31, 53, 57.

⁴⁾ Кор. гл. 30, ст. 20; гл. 26, ст. 166.

вѣснаго срока, мусульмане смотрятъ очень оскорбительно для нея, — она подвергается осужденію общества. Всѣ даже религіозныя отправленія женщины поставлены въ зависимости отъ супружества. Хожденіе въ Мекку, обязательное по закону Мухаммеда для всякаго мусульманина, не можетъ быть исполнено пезамужней женщиной, — только бракъ даетъ женщинѣ право на этотъ священный обрядъ. Женщина не можетъ взойти на вершину Арафата иначе, какъ только вступивъ въ бракъ. Незамужнія женщины, чтобы исполнить этотъ священный обрядъ, обыкновенно вступаютъ съ кѣмъ-нибудь изъ пилигримовъ въ бракъ, который послѣ путешествія немедленно расторгается¹⁾. Притомъ, нужно замѣтить, это священное дѣйствіе и необязательно для женщины; даже общественная молитва необязательна для нея по закону Мухаммеда. Мухаммедъ позволилъ женщинамъ ходить въ мечеть, но объявилъ, что лучше было бы, если бы онѣ молились дома. Мусульмане сдѣлали изъ этого совѣта почти запрещеніе, удаливъ почти окончательно женщину отъ общественнаго богослуженія²⁾. Рѣдко женщину и то престарѣлую можно встрѣтить въ мечети, закрытую съ ногъ до головы покрываломъ и стоящую гдѣ-нибудь у порога. Мухаммедапскій унизітельный взглядъ на женщину не могъ примириться съ тѣмъ, чтобы и она была обязана совершать тѣ же самыя религіозныя обряды, какіе обязанъ совершать мужчина. Развѣ женщина такое же существо, какъ и мужчина, развѣ она одарена всѣми правами человѣка, развѣ она свободно-нравственная личность, чтобы ее побуждать исполнять религіозныя обряды? Такимъ образомъ освобожденіе женщины отъ соблюденія религіозныхъ обрядовъ есть плодъ того унизітельнаго взгляда на нее, по которому она лишена и правъ гражданскихъ. Мусульмане даже намѣренно стараются отвлекать женщину отъ соблюденія религіозныхъ обрядовъ, чтобы не дать ей дойти до сознанія своихъ общечеловѣческихъ правъ, при сознаніи которыхъ она можетъ потребовать себѣ правъ, которыми должно пользоваться всякое свободное существо какъ въ религіозномъ, такъ и въ гражданскомъ отношеніи. Мусульмане боятся, чтобы исполненіе религіозныхъ обрядовъ, на-

¹⁾ Клотъ-Бей, ч. 1, стр. 186.

²⁾ Mills, Histoire du mahometisme, p. 335; Клотъ-Бей, ч. 1 стр. 189.

ровнѣ съ мужчинами, не дало повода женщинѣ высоко смотрѣть на себя, считать себя способною жить самостоятельно свободной гражданкой и пользоваться всѣми правами предоставленными мужчинамъ. Не льготы должна видѣть мусульманка въ освобожденіи себя отъ обязательныхъ для мужчинъ религиозныхъ обрядовъ, а рабское униженіе и отнятіе естественныхъ правъ.

Съ самаго перваго дня рожденія мусульманка предназначена въ жертву самому печальному жребію; съ первыхъ дней ей стараются внушить, что назначеніе ея состоитъ только въ томъ, чтобы быть утѣхой мужа, стараются уничтожить въ ней всѣ проблески свободы, настроить ее такъ, какъ они желаютъ этого, именно, чтобы она смотрѣла на себя, какъ на орудіе, назначенное для удовлетворенія похотей мужа. Родители ничего не видятъ въ своей поворожденной дочери, кромѣ ея физическихъ свойствъ, — свойствъ, которыя однѣ только и цѣнятся мусульманами въ женщинѣ. За доказательствами нѣтъ нужды ходить далеко, достаточно для этого только сравнить имена даваемыхъ мальчикамъ и дѣвочкамъ ихъ родителями. Мальчики называются постоянно именами какихъ-нибудь знаменитыхъ личностей, о которыхъ исторія сохранила воспоминаніе. Какія же имена даются женщинамъ? Имъ даются имена не въ честь какихъ-нибудь героинь, даже не въ ознаменованіе ожидаемыхъ какихъ-нибудь прекрасныхъ чертъ души, имъ даются имена просто въ ожиданіе какихъ-нибудь чисто физическихъ свойствъ, какого-нибудь тѣлеснаго совершенства, — совершенства, имѣющаго цѣлью возбудить чувственность въ мужчинахъ¹⁾. Такимъ образомъ женщина съ самаго перваго дня рожденія предназначается для удовольствія своего мужа, для возбужденія его чувственности.

Рожденіе дитяти женскаго пола встрѣчается на Востоку родителями съ печалью. Рождается сынъ, родители считаютъ

¹⁾ Вотъ списокъ именъ, даваемыхъ обыкновенно женщинамъ въ Персіи: Гюльчегре—розовая, Наринс-ханумъ—царичь-барыня, Перп-нейкеръ—одаренная видомъ пери, Гюль-ендамъ—имѣющая тѣлосложеніе розы, Джейрап-ханумъ—серна-барыня, Бенешне-ханумъ—фіалка-барыня, Тутп-ханумъ—поцугай-барыня, Нуша-феризъ—сладостворная, Гаучеръ-ханумъ—драгоценный камень-барыня, Мачтабъ—сіянье мѣсяца, Нариндж-ханумъ—ангельский барыня, Шахъ-исендъ—такая, что и шахъ похвалитъ, Пазенигъ—цѣлительница, Нейлуферъ—лилія, Нур-джанъ—блескъ-душенька, Таус-ханумъ—павлинь-барыня, Нист-ендер-джегон-ханумъ—такая барыня, что нѣтъ ей подобной въ цѣломъ свѣтѣ. См. Отеч. Записки 1855 г. XI т., стр. 50.

это особымъ благословеніемъ неба, потому что рождается новый мусульманинъ, который продолжитъ потомство отца-мусульманина; но вотъ рождается дѣвочка и вмѣсто радости появляется на лицѣ родителей глубокая печаль,—отецъ, пораженный печальной новостью, ходитъ самъ не свой, не зная, что дѣлать: случается, что при этомъ онъ впадаетъ въ какое-то дикое отчаяніе¹⁾. Вотъ какъ встрѣчаютъ рожденіе дѣвочки мусульмане Востока. Имѣя предъ собой слова Мухаммеда, который ставитъ выше и радостнѣе рожденіе сына, нежели дочери²⁾, нечего удивляться взгляду мусульманъ на рожденіе дочери, какъ на несчастіе. Это есть результатъ того униженія женщины, на которое она осуждена въ мусульманствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, чему же радоваться и какъ не приходиться въ печаль отцу, когда является на свѣтъ существо, по его же собственному мнѣнію не имѣющее даже правъ человѣческихъ,—существо, лишенное даже личности человѣческой, будущая раба своего мужа, постоянная мученица и жертва прихоти своего мужа—этого ангела хранителя женщины, какъ его считаютъ мусульмане? Невольная грусть должна охватить отца при появленіи отъ его сожителства такого существа. Нечего удивляться этому явленію,—оно есть одно изъ печальныхъ послѣдствій того ложнаго и жестоко-несправедливаго мнѣнія о женщинахъ, которое было высказано самимъ основателемъ ислама и потомъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе усиливалось на Востокѣ.

Увидя появленіе на свѣтъ этого презрѣннаго существа, родители-мусульмане и не заботятся о немъ, какъ о человѣческой личности, не стараются развить его духовно-нравственно; они отлагаютъ всякое воспитательное попеченіе о немъ. Все ихъ воспитаніе дочери ограничивается лишь однимъ питаніемъ. Даже родители-аристократы и тѣ не заботятся о духовномъ развитіи своихъ дочерей,—онѣ растутъ безъ всякаго воспитанія, дикія и необразованныя. Впрочемъ мусульмане и не требуютъ себѣ образованныхъ супруговъ. Такого печальнаго невѣжества женщинъ и должно ожидать, коль скоро онѣ назначены единственно для услажденія своихъ будущихъ му-

¹⁾ Отеч. Записки 1855 года СІ т. Судьба женщины на мусульманскомъ Востокѣ, 48 стр.

²⁾ Кор. гл. 52, ст. 39.

жей. Онѣ не должны вмѣшиваться ни во что, опѣ не имѣютъ на это права; все за нихъ выбирать и рѣшаетъ мужчина; для чего же имѣ и образованіе? Опѣ, какъ рабыни, должны слѣпо повиноваться и безпрекословно исполнять то, что имѣ прикажетъ деспотическая власть мужа. Даже религиозное образованіе, получаемое жепцинами, ограничивается самымъ необходимымъ и въ высшей степени скудно. Въ самыхъ аристократическихъ семействахъ оно ограничивается только чтеніемъ Корана и выучиваніемъ наизусть нѣсколькихъ самыхъ необходимыхъ молитвъ¹⁾). Смотри на женщину, какъ на игрушку своихъ чувственныхъ страстей, мусульмане не могутъ освободиться отъ того, чтобы въ ихъ душѣ не глѣздалась ревность. Эта-то страсть и побуждаетъ между-прочимъ мусульманъ Востока ограничивать обученіе грамотѣ дѣвочекъ однимъ только чтеніемъ Корана, а не простираетъ его дальше до письма. Мусульмане боятся, что женщина, научившись писать, легко можетъ завести любовныя интриги, такъ какъ письмо дастъ легкое и удобное средство передачи своихъ мыслей. Потому они рѣдко обучаютъ письму своихъ дочерей. Напрасная опасность и ложная предосторожность! Женщина всегда можетъ найти средство увидѣться съ любовникомъ, если только захочетъ. Не репрессивными мѣрами здѣсь нужно дѣйствовать, а должно стараться возвысить женщину нравственно, довести ее до сознанія важности супружескихъ узъ; тогда и письменность не будетъ обращена въ орудіе любовныхъ похождепій. Въ противномъ случаѣ и самыя репрессивныя мѣры не приведутъ ни къ чему и даже больше будутъ привлекать женщину къ желанію нарушить супружескую вѣрность. Къ несчастію этой повидимому простой истины и не могутъ понять мусульманскіе мужья.

Побуждаемые ревностью, которая не даетъ имъ покоя, смотря на женщину какъ на существо слабое, которое не можетъ существовать безъ поддержки мужа, видя въ ней существо, по своей природѣ способное на всякую низость, лишь бы только была воля, мусульмане и стараются лишить ее этой воли, стараются положить преграды всѣмъ ея свободнымъ дѣйствіямъ, уничтожить всякое проявленіе ея воли.

¹⁾ Клотъ-Бей, ч. 1 стр. 261 Lüdeke, Beschreibung des Türkischen Reiches, B. 1. S. 362.

Смотря на нее исключительно съ точки зрѣнія чувственности, они наблюдаютъ очень строго, чтобы жена не досталась на долю кого-нибудь другого. Мусульманинъ не можетъ смотрѣть на нее иначе, какъ на орудіе чувственного удовольствія, которое принадлежитъ только ему одному, потому онъ и преслѣдуетъ ее и старается не давать ей ни малѣйшаго хода для свободнаго проявленія своей личности. Мусульманская чувственность и ревность выдумала гаремы, гдѣ можно удобно и легко стеречь женщину, чтобы не лишиться исключительнаго права на чувственное удовольствіе съ нею. Среди мусульманскихъ городовъ и селеній возвышаются огромныя зданія, обращенныя окнами на дворъ, окруженныя со всѣхъ сторонъ высокими стѣнами, такъ что никакой любопытный взглядъ не можетъ проникнуть туда. Что это такое? Тюремныя замки? Нѣчто похожее на нихъ, но не они. Это гаремы мусульманъ. Это своего рода тюрьмы, гдѣ стерегомы свнухами и лишенныя всякой возможности выдти изъ нихъ куда-нибудь, проводятъ дни несчастныя жены сладострастныхъ мусульманъ. Законъ Мухаммеда далъ мужчинамъ право на чувственность; чувственная же природа жителей Востока устроила гаремы, гдѣ должны томиться несчастныя жертвы ихъ страстей. Въ этихъ тюрьмахъ, разобщенныя съ міромъ, проводятъ скучную жизнь бѣдныя женщины—жены богатыхъ мусульманъ. Самый строгій надзоръ тяготѣетъ надъ ними въ продолженіи цѣлой жизни; толпы свнуховъ, какъ аргусы, стерегутъ всѣ входы и выходы въ эти храмы мусульманскаго сладострастія. Всюду проникаетъ бдительное око этихъ вырожденцевъ человѣческаго рода, которые сами лишенные мужскаго отличія, раздражаемые своимъ безсиліемъ, весь свой гнѣвъ изливаютъ на бѣдныхъ плѣнницахъ; они вмѣшиваются въ самыя увеселенія ихъ и здѣсь стараются уничтожить веселое проявленіе свободы, стѣснить и безъ того уже бѣдственное положеніе этихъ куколъ, облеченныхъ въ дорогія платья¹⁾.

¹⁾ Я не могу здѣсь не привести одного стихотворенія, въ которомъ въ краткихъ словахъ очень вѣрно изображена гаремная жизнь женщины со всею ея убійственностью.

Вотъ это стихотвореніе:

Нѣлкая, словно рабыня въ цѣпяхъ,
И молчаливая, скорбная, блѣдная,—

Страшась грознаго взгляда своего деспота-мужа, вынужденная постоянно ласкаться къ нему, постоянно трепеща за свое существованіе, жена терять всякое чувство свободной супружеской любви. Деспотизмъ мужа уничтожаетъ въ ней всякую возможность проявленія этой высокой супружеской любви. Смотри на себя, какъ на игрушку мужа, какъ на существо, цѣль жизни котораго состоитъ въ томъ, чтобы улаживать мужа, не имѣя никакихъ средствъ пуститься въ ту или другую дѣятельность, то или другое занятіе, обезпечивающее ихъ положеніе, жены всю жизнь проводятъ только въ нарядахъ, перемѣнѣхъ платья и разныхъ поддѣлкахъ искусственной красоты, чтобы поддержать какъ можно больше любовь къ себѣ мужа, или снова возвратить ее, если случилось потерять ее. Во всѣхъ этихъ нарядахъ и украшеніяхъ ихъ замѣтно лишь одно желаніе, одно стремленіе, какъ бы удовлетворить чувственнымъ прихотямъ своего мужа, потому что вся ихъ судьба, все ихъ существованіе зависитъ единственно отъ того, нравится ли своему деспоту - мужу, или нѣтъ. Здѣсь ничѣмъ не пренебрегаютъ для достиженія своей цѣли, пускаютъ въ ходъ всѣ интриги, и благодаря искусной интригѣ счастливой соперницы, которая-нибудь изъ женъ отходитъ

Вотъ она, наша страдалица бѣдная,
Съ робкой улыбкой на грустныхъ устахъ.....

Грудь надорвать ли рыданія—
Плакать не смѣетъ она.
Не обпаружить страданія
Деспота злаго жена,

Въ самой любви до конца оскорбленная
И отупѣвшая, и истомленная.
Рядомъ съ несчастной ребенокъ больной,
Взгляда не сводитъ съ нея боязливаго.....
Бѣдный, не знаетъ онъ дѣтства счастливаго!
Вскормленный жалкой и слабой рабой,

Выпесетъ школу суровую,
И,—такова ужъ судьба,—
Вылется въ форму готовую
Иль палача, иль раба.

Будетъ онъ деспотомъ, всѣхъ оскорбляющимъ
Или невольникомъ, выю склоняющимъ.....

В. Н. Славянскій.

Дѣло. 1875 года. Ноябрь. стр. 34. Славянка въ турецкомъ гаремѣ. Съ сербскаго.

па задній планъ. Вниманіе мужа отъ нея отвращается и вмѣстѣ съ тѣмъ для нея затворяются двери счастья и спокойствія; ей не откуда ожидать теперь чего-нибудь хорошаго; на долю ея падаетъ холодная суровость со стороны мужа, ненависть и презрѣніе со стороны прочихъ жепъ, невыносимая бдительность строгаго евнуха, проникающаго во всякое время во всѣ ея покои. Для евнуха даже спальня жены не затворена; во всякое время дня и ночи онъ можетъ и имѣть право туда проникнуть и собственными глазами убѣдиться, все ли благополучно въ этомъ звѣрипцѣ восточнаго мусульманина. Прибавьте къ этому еще и то, что жены не могутъ показываться безъ покрывала никому изъ мужчинъ, исключая самыхъ близкихъ родственниковъ и прислуги, по требованію основателя ислама¹⁾. Ревность Мухаммеда установила этотъ обычай²⁾, а ревность его послѣдователей приняла и продолжаетъ поддерживать его, не смотря на всѣ неудобства и даже на невозможность его выполненія для низшихъ классовъ, гдѣ полевые работы исполняются вмѣстѣ мужчинами и жепницами и гдѣ между тѣмъ нельзя быть постоянно подъ покрываломъ. Но не смотря на это мусульмане твердо слѣдуютъ этому обычаю, и на всемъ мусульманскомъ Востокѣ считается порокомъ для жепницы показывать свое лице постороннему мужчине. Лишь только жепница выходитъ изъ своего логовища, она обязана какъ можно плотнѣе закрывать свое лице покрываломъ и показываться на улицѣ не иначе, какъ въ видѣ муміи, съ погъ до головы покрытой и обвязанной, чтобы никто не могъ видѣть чертъ ея лица. Опять новое стѣсненіе для женщины! Постановленіе повидимому пустое, но оно ясно указываетъ на то, что жепница не признана исламомъ гражданкой; ей поэтому и нѣтъ надобности присутствовать въ обществѣ, — покрывало должно полагать преграду между ней и обществомъ.

Но не одпо покрывало должно стѣснять жепницу въ домашнемъ и общественномъ быту, при выходѣ на улицу или

¹⁾ Кор. гл. 33, ст. 55 и 59.

²⁾ Преданіе говоритъ, что Мухаммедъ ввелъ это постановленіе по убѣжденію Омара, который однажды сказалъ Мухаммеду: «о пророкъ! къ тебѣ ходятъ разные люди, хорошие и худые, не хорошо, что всѣ они видятъ лице твоихъ жепъ: повели своимъ женамъ закрывать свое лице». слѣдуя этому совѣту, Мухаммедъ и ввелъ это законоположеніе (Шаренгеръ).

къ другимъ постороннимъ людямъ. Вездѣ, куда-бы ни показалась жена-мусульманка, затворница гарема, ее сопровождаетъ мрачная, подозрительная фигура съ желтымъ цвѣтомъ лица, безъ бороды и усовъ. Эта фурія, преслѣдующая жену богатаго мусульманина, есть никто иной, какъ евнухъ¹⁾. (Одного женоподобнаго пискливаго звука этого кастрата достаточно, чтобы направить жену, куда ему вздумается, заставить возвратиться домой. Она должна вести себя съ крайней осторожностью, выходя изъ дома въ сопровожденіи этого слуги-деспота, или встрѣчаясь съ кѣмъ-нибудь внутри своего гарема; иначе доносъ ненавистнаго стража уже готовъ и пабѣдную жепу обрушатся со стороны мужа всѣ невзгоды. Одного неосторожнаго слова, одного взгляда часто бываетъ достаточно, чтобы возбудить подозрѣніе въ черномъ рабѣ и чрезъ то подвергнуться брани и нерѣдко жестокимъ побоямъ со стороны мужа. Этого мало; даже самъ евнухъ можетъ собственноручно расправиться съ несчастной жертвой гарема.

Вотъ какъ печально положеніе каждой женщины въ мусульманскомъ мірѣ. Запертая въ гаремѣ, какъ въ домашней тюрьмѣ, подъ стражей цѣлой толпы евнуховъ, не имѣя возможности скрыться отъ ихъ внимательнаго надзора, всюду сопровождаемая ими, строго обязанная скрывать свое лице отъ всякаго посторонняго мужчины, подвергаясь даже наказанію евнуховъ за всякій неосторожный поступокъ, вѣчная жертва ревности мужа, занятая исключительно нарядами — такова женщина-мусульманка на Востокѣ и таково ея положеніе. Всѣ путешественники такъ описываютъ ея положеніе. Вотъ что пишетъ пашъ отечественный очевидецъ о положеніи ценицы въ Самаркандѣ: „изгнанная изъ общества, зашита въ своемъ несчастномъ дворѣ, съизмала веденная подъ строгимъ надзоромъ и колотушками старшихъ, не имѣвшая никакой воли, ни малѣйшей самостоятельности, и затѣмъ вдругъ, невѣдомо для нея, попавшая подъ деспотическую руку мужа, часто ей совершенно до того неизвѣстнаго, для котораго она должна была или играть роль забавы, или быть безотвѣтной работницей, — женщина должна была изуродоваться. Ея пылкому, извращенному воображенію рисовались наслажденія невѣдомаго ей міра въ грандіозныхъ

¹⁾ Lüdtke, Beschreibung des Türkischen Reiches, B. 1, S. 347.

увлекательныхъ размѣрахъ; фантазія уносила ее въ нечеловѣческій міръ; понятія складывались дико, безобразно, узко, неестественно; интересы мельчали. И вотъ въ этихъ-то дворахъ предполагаемаго цѣломудрія и высокой нравственности придумываются тысячи сказокъ, объясняющихъ дѣла міра; вырабатывается самая затѣйливая и многосложная сплетня о сосѣднихъ дворахъ; изобрѣтаются хитрости, прикрывающія любовныя связи на сторонѣ, и наконецъ является та болѣзненная раздражительность, которая прибѣгаетъ къ дикому искусству неестественнаго удовольствія половыхъ инстинктовъ. Женщина преслѣдуется, наказывается за всякую попытку быть хоть немного самостоятельною, и поэтому она выучивается лжи, коварству, лицемерію; должна стоять вѣчно на-сторожѣ, если въ ней осталось хоть малѣйшее желаніе быть свободной; должна тщательно прятать часть тайкомъ заработанныхъ и тайкомъ же вырученныхъ денегъ и т. д.,—словомъ, въ ней являются всѣ тѣ пороки, которые неминусомъ при такой системѣ замкнутости и забитости¹⁾. Такъ печально положеніе женщины въ мусульманскомъ мірѣ.

Положеніе старухи-мусульманки еще печальнѣе, мрачнѣе. Съ каждымъ годомъ все хуже и хуже, безнадежнѣе и безнадежнѣе становится положеніе бѣдной супруги мусульманина. Все, что прельщаетъ мусульманина въ женѣ, это именно чисто внѣшнія ея свойства; онъ не ищетъ въ ней подруги, а смотритъ на нее, какъ на чувственное удовольствіе для своихъ страстей. Красота и свѣжая молодость составляютъ для мусульманина все, чѣмъ онъ дорожитъ въ своей женѣ. Естественное послѣ этого, что когда красота ея упадетъ, когда она теряетъ свѣжесть силъ и цвѣтущую молодость, она съ этого времени теряетъ въ глазахъ мужа всякую цѣну; оставленная и забытая имъ, она влачитъ въ печали и горести послѣдніе дни своей жизни. Она походитъ на какое-то полумертвое существо, лишненное всѣхъ отрадныхъ мыслей и чувствованій, съ однимъ ожиданіемъ схоронить въ могилѣ всѣ невзгоды жизни, покончить тамъ всѣ мученія, которыя она вынесла въ продолженіе своего существованія. А что же дѣлать? Что же они не уладятъ остатка дней своей

¹⁾ Бесѣда, 1872 года, книга VIII, Августъ. Внутрен. обзор. Самаркандъ, стр. 38.

матери? Ихъ-то, этихъ пѣжныхъ дѣтей, для мусульманки и не существуетъ. Сынъ, съ дѣтства получивши чувство мужскаго превосходства предъ матерью, съ дѣтства видѣвшій въ ней одно лишь рабское существо, мало заботится о доставленіи покоя для своей несчастной матери. Дочери, вышедши за-мужъ и сами заключенныя въ гаремахъ мусульманскихъ богачей, также не могутъ оказать никакой помощи, никакого успокоенія для своей матери. Одинъ безотрадный путь отчаянія и наконецъ смерть остаются впереди этой старухѣ.

Такимъ образомъ женщину-мусульманку съ самаго перваго дня рожденія и до самой смерти преслѣдуютъ однѣ невзгоды, однѣ лишенія и обиды. Лишь только она успѣетъ появиться на свѣтъ, ее встрѣчаетъ разочарованное и пораженное печалью лице родителей, которые думали встрѣтить дитя мужскаго пола. Она начинаетъ приходить въ дѣтскій возрастъ, — ее сопровождаетъ одно презрѣніе и небрежность со стороны отца и матери, ее оставляютъ безъ всякаго воспитанія, потому что все это считаютъ излишнимъ для нея. Она приходитъ въ возрастъ возмужалости и совершеннолѣтія, вступаетъ въ бракъ, и здѣсь судьба ея едва ли не дѣлается еще хуже. Вѣчная плѣнница, заключенная въ гаремъ подъ надзоромъ чернокожихъ свнуховъ, она проводитъ дни въ скукѣ, самомъ глубокомъ уединеніи и постоянномъ страхѣ за любовь и расположеніе мужа. Наконецъ она достигаетъ старости.... Здѣсь-то, когда по естественнымъ человѣческимъ законамъ она должна бы успокоиться и наслаждаться мирнымъ покоемъ подъ кровомъ своихъ дѣтей, — ее преслѣдуютъ разнаго рода притѣсненія и пренебреженіе до конца жизни. Такимъ образомъ пи одна пора жизни не представляется въ розовомъ цвѣтѣ для мусульманки.

Но можетъ быть женщина свыкается со своимъ положеніемъ и по привычкѣ ей нисколько не кажется эта жизнь мрачною, какъ кажется она намъ? Не думаемъ Правда, лишенная съ дѣтства всякаго вниманія, не испытывавшая никогда лучшей жизни, женщина въ мусульманствѣ не можетъ чувствовать вполнѣ своего безвыходно-невыносимаго положенія; но въ то же время она, какъ человѣкъ, не можетъ примириться съ полнымъ лишеніемъ свободы и окончательною безправностью. Рабы, съ дѣтства не видавшіе свободы и никог-

да ненаслаждавшіеся ею, часто возмущаются своимъ положеніемъ, и это недовольство своимъ жребіемъ нерѣдко было причиною жестокихъ возмущеній. Тѣмъ болѣе женщина должна почувствовать на себѣ весь гнетъ мужа; у ней должно появиться желаніе свергнуть съ себя ненавистное иго мужа, его безпрестанный контроль надъ всѣми ея дѣйствіями.

Мы старались охарактеризовать положеніе женщины, принадлежащей къ высшимъ классамъ и вообще къ болѣе богатымъ семействамъ. Положеніе женщины въ бѣдныхъ семействахъ мало чѣмъ отличается въ этомъ отношеніи. Всякій мусульманинъ, имѣющій маленькое состояніе, стремится жить по образцу богачей, соблюдать тѣ же самые привычки и обычаи; всякій, кто можетъ содержать двѣ жены, стремится поставить дѣло такъ, чтобы у него выходилъ маленький гаремъ. Выше мы замѣтили, что на Востокѣ ничего не значитъ содержать нѣсколько женъ. Потому у большинства восточныхъ мусульманъ ихъ имѣется нѣсколько. Такимъ образомъ и въ низшихъ классахъ женщина находится въ такомъ же печальномъ положеніи, какъ и въ гаремахъ богачей. Правда, ее здѣсь не стерегутъ толпы евнуховъ, она можетъ иногда, особенно на полевыхъ работахъ, показываться постороннимъ лицамъ безъ покрывала (замѣтимъ—противъ закона Мухаммеда); но насколько судьба ея улучшается въ этомъ отношеніи, настолько ухудшается въ другомъ. Здѣсь сильнѣе чувствуется грубый деспотизмъ мужа, здѣсь несравненно чаще пускаются въ ходъ кулаки и плеть. Притомъ, смотря на жену какъ на рабу, мусульманинъ низшаго класса еще старается извлечь изъ нея какъ можно болѣе матеріальной пользы; она здѣсь превращается въ рабочій скотъ, зарабатывающій пропитаніе себѣ и хозяйну. Между тѣмъ какъ жена трудится, промышленя пропитаніе для цѣлаго семейства, мужъ, истый поклонникъ восточной нѣги, наслаждается пріятнымъ кейфомъ,—кейфомъ, къ которому способны одни только восточные мусульмане и въ которомъ они доходятъ до такой артистичности, что, по ихъ собственнымъ словамъ, они стараются даже не мыслить въ этомъ состояніи,—мысль кажется даже имъ утомительною. При такой наклонности къ лѣни мужъ употребляетъ жену почти для всѣхъ работъ, чтобы самому не оставлять своей бездѣятельности. Притомъ, какъ мы имѣли случай замѣтить, жена знатнаго мусульманина меньше подвергается опасности быть выгнаною своимъ мужемъ, потому что

ревность не позволяет ему часто воспользоваться правомъ развода. Между тѣмъ жена простаго мусульманина постоянно принуждена бываетъ переходить изъ однихъ рукъ въ другія до тѣхъ поръ, пока она состарѣется и сдѣлается уже никому непущнымъ хламомъ; тогда ея единственная надежда на мірское подаяніе. Къ счастью этихъ старухъ между мусульманами не совсѣмъ исчезъ духъ древней наклонности къ подаянію и пропитанію бѣдствующихъ и страждущихъ. Въ противномъ случаѣ имъ часто приходилось бы умирать съ голоду на Востоцѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ почти богадѣленъ, никакихъ вспомогательныхъ учреждений.

Намъ нужно еще сказать нѣсколько словъ о правѣ мусульманской женщины на собственность, но чрезвычайно трудно сказать что-нибудь объ этомъ правѣ; не знаю, право ли это, предоставленное женщинѣ, или насмѣшка надъ всѣми человѣческими правами. Мухаммедъ даровалъ женщинѣ право на собственность, право на полученіе наслѣдства¹⁾. Но дѣйствительно ли это право? Если вникнемъ въ положеніе мусульманской женщины, если рассмотримъ всѣ ея отношенія къ мужу, то дѣйствительно убѣдимся, что это есть не болѣе, какъ блестящая фикція, ловкій обманъ. Право дѣйствительно есть, но оно всегда оставалось и остается только правомъ безъ всякой возможности и даже надежды приложить его къ дѣйствительности. Мухаммедъ лишилъ женщину личности, лишилъ всѣхъ человѣческихъ правъ, и въ то же время далъ ей право на собственность. Не странно ли говорить послѣ этого о правѣ женщины на собственность. Жена есть полнѣйшая раба мужа, мужъ можетъ лапестить ей какое-угодно оскорбленіе, не подвергаясь за это никакой отвѣтственности; онъ можетъ даже бить ее сколько-угодно, не давая въ этомъ никому отвѣта, — словомъ, можетъ распорядиться ея личностью, какъ ему вздумается. Можно ли послѣ этого ожидать, чтобы жена когда-нибудь воспользовалась правомъ на собственность. Она должна на-вѣки проститься съ приложеніемъ этого права, считать себя только имѣющею это право. Впрочемъ и это сдвали когда-нибудь придетъ въ голову женщинѣ, — женщинѣ, которая ежедневно переноситъ отъ мужа поруганіе не только этого права, но даже права личности. Мехръ, который долженъ защитить ее отъ притѣ-

¹⁾ Кор. гл. 2, ст. 176—241; гл. 4, ст. 8, 12—15.

сненій мужа, удержать его отъ развратнаго и похотливаго желанія развода, тоже не можетъ оказать надлежащей защиты женѣ, потому что мужъ можетъ чрезвычайно легко угрозами и побоями принудить жену самоѣ искать развода и чрезъ то лишиться мехра. А на побои и угрозы мужа она не имѣетъ права жаловаться ни на какомъ судѣ, потому что бить свою жену сколько-угодно есть одно изъ правъ мужа, предоставленныхъ ему закономъ Мухаммеда, какъ мы видѣли выше. Такимъ образомъ это право существуетъ только въ воображеніи лицъ, желающихъ сколько-нибудь оправдать Мухаммеда относительно его жестокой несправедливости къ женщинѣ. Вотъ какъ характеризуетъ это право природный турокъ, самъ постоянно видѣвшій всю призрачность его: „какъ скоро Коранъ дѣлаетъ мужчину властелиномъ женщины и безусловнымъ распорядителемъ ея судьбы, какъ на этомъ такъ и на томъ свѣтѣ, — коль скоро мужъ властенъ однимъ повелительнымъ словомъ или жестомъ вышвырнуть жену свою изъ дому на улицу, а также открыть ей или закрыть двери рая, то спрашивается послѣ того: къ чему послужитъ женщинѣ обладаніе какимъ-либо имуществомъ? Какую пользу извлечетъ она при такихъ условіяхъ изъ своего права распоряжаться своимъ имуществомъ? Мужу стоитъ только изъ-за чего-нибудь придраться къ своей женѣ, затѣять съ ней ссору, и онъ тотчасъ же приберетъ къ своимъ рукамъ ключъ отъ жепина сундука. Къ тому же невѣжественность и неопытность женщинъ ставятъ ихъ несчастныхъ въ такую зависимость отъ мужчины, что ему стоитъ только сказать слово — и всѣ жепины богатства у его ногъ. Вотъ, собственно говоря, каковы въ сущности права мусульманской женщины на принадлежащее ей имущество. Эфемерность этихъ правъ подтверждается ежедневными весьма грустными фактами окончательнаго разоренія женъ ихъ мужьями. Прежде чѣмъ высказать какое-либо сужденіе о правахъ турецкихъ женщинъ, нужно вынуть ихъ изъ сущности ихъ; поверхностный же взглядъ на нихъ легко можетъ ввести въ заблужденіе¹⁾. Такимъ образомъ и это мнимое право мусульманской женщины несколько не можетъ улучшить ихъ участи. При немъ также, какъ и безъ него, перспектива ихъ жизни представляется въ самомъ мрачномъ цвѣтѣ. Трудно придумать даже намѣренно

1) Османъ-Бей, Турки и ихъ женщины, султанъ и его гаремъ, стр. 28—29.

болѣ сильное униженіе женщины и болѣ рабское подчиненіе ея произволу мужа.

Мухаммедъ заботился только о благѣ мужчинъ и почти оставилъ безъ вниманія участь женщинъ. Онъ разсчитывалъ, кажется, привлечь къ себѣ вниманіе арабовъ и потому предоставлялъ имъ всевозможныя права на чувственность, между тѣмъ какъ бѣдныя спутницы ихъ жизни остались безъ всякаго призербія. Мало того, Мухаммедъ не упомянулъ объ нихъ даже при описаніи будущей блаженной жизни. При всѣхъ описаніяхъ рая упоминаются одни только мужчины, о женщинахъ ни слова. Правда, и въ раю будутъ женщины для услажденія похотливыхъ мусульманъ, но это женщины неземныя, это гуріи — вѣчныя дѣвственницы, которыхъ на долю каждаго мусульманина достается до восьмидесяти. Мухаммедъ, желая какъ можно лучше и привлекательнѣе представить будущую жизнь для своихъ приверженцевъ, описываетъ прелесть тѣхъ неземныхъ созданій, тѣхъ небесныхъ дѣвъ, которыя имъ будутъ даны. Райскія дѣвы должны быть прекраснѣе здѣшнихъ спутницъ ихъ жизни; бѣдныя женщины не достойны того, чтобы услаждать мужа по смерти въ раю; достаточно для нихъ и того, что онѣ служили орудіемъ похоти мужа въ этой жизни. Можетъ быть Мухаммедъ, стараясь увлечь только мужчинъ своимъ описаніемъ райскаго блаженства, забылъ упомянуть о женщинахъ. Но во всякомъ случаѣ онѣ не войдутъ въ рай вмѣстѣ съ мужчинами, потому что онѣ тамъ будутъ лишны съ точки зрѣнія мусульманскаго богословія¹⁾. Это удаленіе женщинъ изъ райскихъ обитателей мусульманъ дало поводъ многимъ ученымъ мусульманскаго міра думать, что женщины лишены даже души²⁾. Впрочемъ это совершенно несправедливо, потому что самъ Мухаммедъ обѣщалъ имъ безсмертіе и даже награду за добрыя дѣла³⁾. Потому большинство мусульманскихъ ученыхъ думаютъ, что женщины получаютъ награду за гробомъ, но будутъ помѣщены въ особомъ отдѣленіи⁴⁾. Нѣкоторые же,

¹⁾ Кор. гл. 2, ст. 23; гл. 36, ст. 56; гл. 37, ст. 47; гл. 38, ст. 52; гл. 44, ст. 54; гл. 52, ст. 20; гл. 55, ст. 56, 70—72; гл. 56, ст. 22, 33—36; гл. 78, ст. 33; гл. 81 ст. 7.

²⁾ Клотъ-Бей, ч. 1 стр. 261.

³⁾ Кор. гл. 3, ст. 13; гл. 4, ст. 123; гл. 40, ст. 8—43, гл. 43, ст. 70; гл. 48, ст. 5—6; гл. 57, ст. 12—17.

⁴⁾ Mills, Histoire du Mahometisme, p. 330; Sale, civilisation musulmane, p. 504; Reland, La religion des Mahometans, § XVIII. p. 166—172.

впрочемъ немногіе, ученые полагаютъ даже въ видѣ догадки, что женщины будутъ сожителемъ за гробомъ съ джишсами, которые подобно людямъ имѣютъ способность и силы къ супружескому сожитію¹⁾. Намъ нѣтъ надобности подробно разбирать этотъ вопросъ, мы только упомянули о немъ съ цѣлью показать, какъ низко Мухаммедъ поставилъ женщину, что считалъ ее даже недостойною получить мѣсто въ раю, назначенномъ для мужчинъ, такъ что потребовались особыя существа—гуріи для того, чтобы замѣнить женщинъ въ загробной жизни.

Позволимъ теперь себѣ спросить: въ чемъ же заключается возвышеніе женщины и то блестящее положеніе, какое она, по мнѣнію французскихъ ученыхъ, получила въ исламѣ сравнительно съ предшествовавшимъ временемъ въ Аравіи? Ограниченіе многоженства есть чистѣйшая выдумка панегиристовъ Мухаммеда,—мы всюду видимъ, что мусульманскіе гаремы полны женами. Притомъ если и была полигамія въ Аравіи до Мухаммеда, то она не сопровождалась такимъ лишеніемъ всякой свободы женщинъ. Мы нигдѣ не находимъ указаній, что у арабовъ раньше ислама существовали гаремы; женщина могла показываться вездѣ, что видно изъ исторіи Мухаммеда; основатель ислама также первый ввелъ для женщинъ покрывало, какъ это видно изъ самого узаконенія. Гаремное затворничество женщинъ, отнятіе у нихъ всякой свободы, лишеніе всякаго доступа въ общество суть продукты мусульманства; прежде него Аравія не знала такого униженія женщины. До Мухаммеда женщины пользовались уваженіемъ среди арабовъ. Поэтъ Антаръ убилъ раба за то, что онъ не имѣлъ уваженія къ арабскимъ женщинамъ, и правитель Зубайръ одобряетъ его въ слѣдующихъ словахъ: *„воиъ мальчикъ, который поразитъ несправедливость и будетъ ревностно защищать женщинъ“*²⁾. Исторія ко всему этому еще присовокупляетъ, что среди арабовъ до-мухаммедова времени были женщины очень образованныя, были женщины—поэты, которые пользовались заслуженною славой между современниками³⁾. Могли ли появиться подобныя лично-

¹⁾ Кор. гл. 55, ст. 56—74; Sale, civilisation musulmane, p. 504; Mills, Histoire du mahometisme, p. 330.

²⁾ L'Arabie contemporaine, par Adolphe D'Avril.

³⁾ Renan, p. 285—288.

сти при крайномъ стѣсненіи свободы женщннъ, какое пред- полагають защитники ислама? Мусульманство, не смотря на большую сравнительно цивилизацію, не представляетъ намъ ни одного примѣра женщины, извѣстной въ области науки или искусства. Правда, въ цвѣтущее время халифата въ Испаніи были нѣкоторыя женщины, извѣстныя своими литературными произведеніями, напр. Келамъ, любимая султанша Хакима II, извѣстна своими историческими и поэтическими сочиненіями¹⁾; но это нисколько неопровергаетъ нашего мнѣнія, что исламъ былъ причиной крайняго невѣжества женщннъ, вслѣдствіе ихъ униженія. Ученыя женщины испанскаго халифата обязаны своимъ появленіемъ крайнему упадку или по крайней мѣрѣ крайнему искаженію и ослабленію мусульманства въ средѣ высшихъ классовъ испанскихъ мусульманъ. Онѣ были не продуктомъ мусульманскаго строя общественной жизни, а напротивъ явились благодаря только тому, что мусульманскій строй жизни былъ нарушенъ въ испанскомъ халифатѣ и жизнь стремились утвердить на новыхъ основахъ. Справедливость нашихъ словъ подтверждаетъ то, что послѣ упадка испанскаго халифата ни одно мусульманское государство не представляетъ намъ образованныхъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ женщннъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы исламъ не носилъ въ себѣ зародышей невѣжества женщннъ, образованныя женщнны въ немъ не прекратились бы. Мы невольно убѣждаемся, что судьба женщины въ Аравіи стала со времени Мухаммеда печальнѣе и хуже, свобода ихъ стѣснена несравненно больше, нежели до Мухаммеда.

Вредное вліяніе мухаммеданскаго брака на нравственность мухаммеданъ.

Такое низкое состояніе брачнаго законодательства и униженное положеніе женщины не могли не произвести гибельнаго вліянія на нравственность мусульманъ. Многоженство, постоянная перемѣна женъ, затворничество женщннъ и крайнее униженіе ихъ, — развѣ все это не могло убить почти окончательно нравственное чувство у поклонниковъ Мухаммеда. Можетъ ли быть чистая нравственность у мусуль-

¹⁾ Всемирная исторія Шлоссера, т. V, стр. 206.

манина, окруженнаго многочисленными женами, содержимыи въ затворѣ и униженіи? Смотра на женщину какъ на игрушку для своихъ похотливыхъ желаній, мусульмане проникаются чувственностью до *non plus ultra*; переходя отъ одной жены къ двумъ и болѣе, мусульманинъ доходитъ до того, что кажется всѣ женщины міра уже не въ состояніи удовлетворить его скотскимъ страстямъ. Съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе воспламеняется его воображеніе образами чувственности; наконецъ его страсть къ чувственному удовольствію доходитъ до предѣловъ положенныхъ самой природой,—онъ становится неспособнымъ къ супружескому сожитію. Какова же должна быть страсть, если множество мусульманъ доходитъ до этого болѣзненнаго состоянія? По свидѣтельству путешественниковъ, на Востокѣ постоянно можно встрѣтить мусульманъ въ раннемъ еще возрастѣ, которые дошли до невозможности продолжать супружескую жизнь. Заставляетъ ли по крайней мѣрѣ это болѣзненное состояніе мусульманина раскаяться и убѣждаетъ ли его, что чувственность въ такихъ размѣрахъ губельна и противослественна? Нѣтъ. Угрюмый, досадуя на себя и на свои физическія силы, онъ и въ этомъ состояніи думаетъ только объ одномъ, какъ бы поскорѣе поправиться отъ болѣзненнаго растройства, съ новыми силами предаться грубымъ чувственнымъ наслажденіямъ среди своего многочисленнаго гарема, или выѣ его провести время съ развратными женщинами. Потому онъ постоянно обращается отъ одного врача къ другому; дервиши, старухи-знахарки и разные шарлатаны носѣщаются имъ съ неутомимымъ рвеніемъ. Ничѣмъ не пренебрегаютъ, чтобы возвратить себѣ хоть на нѣсколько времени то чувственное удовольствіе, которое мусульмане весьма часто богохульственно называютъ „божественнымъ наслажденіемъ“. Европейцы, которыхъ мусульмане Востока обыкновенно считаютъ врачами, особенно бывають осаждаемы просьбами этихъ страждущихъ помочь ихъ жалкому состоянію, нерѣдко доводящему ихъ до неистовства, когда всѣ пособія медицины остаются тщетными¹⁾. Афродитическія средства, возбуждающія половую дѣятельность,—средства, которыя въ другихъ странахъ отпускаются только по рецептамъ врачей, здѣсь продаются совершенно открыто и въ громадномъ количе-

¹⁾ Клотъ-Бей, ч. 1 стр. 271. Niebuhr, Beschreibung von Arabien, S. 73—76.

ствѣ¹⁾. Мусульмане твердо вѣрятъ словамъ лже-пророка, который сказалъ, что мужчина въ этихъ чувственныхъ удовольствіяхъ походитъ на колодезь: чѣмъ больше черпашь изъ него воды, чѣмъ больше прибываетъ ея и тѣмъ она становится чище²⁾. Вѣря этимъ словамъ лже-пророка, они никакъ не могутъ придти къ мысли, что болѣзненное состояніе приключилось съ ними отъ неумѣреннаго наслажденія тѣми удовольствіями, для которыхъ исламъ не положилъ предѣла, а напротивъ далъ средства предаваться имъ съ необузданностью. Свое плачевное состояніе, это наказаніе природы за преступленіе предѣловъ, положенныхъ ею, мусульмане считаютъ дѣйствіемъ какого-нибудь злаго челоуѣка, колдуна или колдуньи; нѣтъ никакой возможности убѣдить ихъ въ противномъ.

Чувственность составляетъ душу мусульманина. Во всѣхъ своихъ разговорахъ онъ на первомъ мѣстѣ поставляетъ чувственное наслажденіе. Эта страсть къ женщинамъ превратилась въ плоть и кровь мусульманина. По рассказамъ извѣстныхъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ жизнью мусульманъ на Востокѣ, въ разговорахъ этихъ послѣднихъ первое мѣсто по своей важности и частовременному употребленію занимаютъ рассказы о любовныхъ похожденияхъ. Съ чего бы ни началъ мусульманинъ свой разговоръ, онъ непременно дойдетъ до своего любимаго предмета, сведетъ разговоръ на извѣстную тему о любовныхъ похожденияхъ³⁾. Ни лѣта, ни состояніе здѣсь не производятъ никакого различія: старикъ и юноша, богачъ и бѣднякъ, всѣ равно бредятъ въ своихъ разговорахъ о женщинахъ и тѣхъ удовольствіяхъ, которыя онѣ имъ доставляютъ. По словамъ путешественниковъ, нужно слышать, чтобы вполне представить характеръ этихъ разговоровъ, все развращеніе, всю чувственность души говорящаго; циническая, грубая форма этихъ разсказовъ крайне поражаетъ непривычное ухо европейца и заставляетъ невольно покраснѣть и отвернуться болѣе или менѣе скромнаго путешественника. Но мусульмане предаются подобнымъ разговорамъ съ самымъ страстнымъ жаромъ; безжизненное лицо мусульманина, преждевременно одряхлѣвшее отъ разгульной жизни и опиума, вдругъ оживаетъ

¹⁾ Клотъ-Бей, ч. 1 стр. 271.

²⁾ Niebuhr, Beschreibung von Arabien, S. 73—74.

³⁾ Döllinger, Muhammed's Religion, S. 28.

ся, глаза начинают блестя бакимъ-то особеннымъ свѣтомъ, во всѣхъ его жестахъ и тѣлодвиженіяхъ видно крайнее сладострастіе, всюду замѣтны слѣды самой неистовой страсти къ женщинамъ, — вотъ обыкновенное отношеніе мусульманина къ тѣмъ чувственнымъ образамъ, которые составляютъ плоть и кровь его.

Можно подумать, что Мухаммедъ дозволеніемъ многоженства хотя и довелъ чувственность мусульманъ до крайней степени, но въ замѣнъ этого оказалъ другую услугу — прекратилъ незаконное сожительство съ посторонними женщинами, потому что кажется достаточно уже того количества женъ, какое онъ дозволилъ мусульманину, чтобы удовлетворить его и заставить прекратить всякое незаконное сожительство. Но этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ. По рассказамъ путешественниковъ, пидѣ такъ сильно не развитъ развратъ, какъ въ восточныхъ мусульманскихъ странахъ¹⁾. Нашъ соотечественникъ, имѣвшій возможность хорошо изучить нравы мусульманъ въ Самаркандѣ, такъ изображаетъ нравственное состояніе ихъ: „семья для сарта не представляетъ ничего утѣшительнаго, почему онъ при всякомъ удобномъ случаѣ скитается внѣ дома, ища развлеченій и забывая совершенно своихъ запертыхъ женъ. Такое положеніе женщины заставило ее искать выхода изъ этого томительнаго состоянія, отваживаться на самыя смѣлыя рискованныя вещи, чтобы хоть сколько-нибудь вкусить запрещенныхъ наслажденій. Такимъ образомъ выработался двойной развратъ въ семьѣ — и мужей, и женъ. Незаконныя любовныя связи чрезвычайно часты, не смотря на всѣ строгости надзора. Женщины видятся съ мужчинами гдѣ-попало, гдѣ удобнѣе и возможнѣе, но главнымъ образомъ любовныя интриги идутъ чрезъ посредство знакомыхъ старухъ, задариваемыхъ съ обѣихъ любящихъ сторонъ. Вообще подобныя дѣла ведутся слишкомъ тайно и въ большинствѣ случаевъ повѣренныхъ, кромѣ самыхъ необходимыхъ лицъ, избѣгаютъ, боясь, что проболтаются. Связь идетъ непременно за деньги со стороны любовника или изъ-за подарка. Это вошло въ обычай. — Мужья тоже не даютъ маху относительно *фермакурства* съ женщинами и бачами на сторонѣ... Съ занятіемъ края русскими, при такой массѣ мусульманскаго военнаго населенія въ Самаркандѣ, неминуемо должны

¹⁾ Клотъ-Бей, стр. 264, 271; Niebuhr, 75—76.

были явиться и дома терпимости. Они образовались изъ проститутокъ — туземокъ. Объ этомъ фактѣ упоминается здѣсь потому, что появленіе этихъ домовъ имѣло немаловажное значеніе для самаркандцевъ. Въ прежнее время, придерживаясь словъ Корана, администрація не могла допустить явное существованіе подобнаго рода домовъ. Было значительное число женщинъ, тайно промышлявшихъ развратомъ и платившихъ громадныя деньги мѣстной полиціи за скрыватье ихъ поведенія отъ глазъ общества и начальства (подобныя жещины должны были избиваться камнями). Повидимому, населеніе должно бы было отнестись къ появленію открытыхъ проститутокъ враждебно или, по крайней мѣрѣ, индифферентно. Но въ томъ то и дѣло, что самаркандцы были рады этому нововведенію. Въ проститутскихъ домахъ стали собираться цѣлыя сборища туземцевъ, которые просиживали тамъ чуть не по цѣлымъ днямъ, угощаясь чайкомъ и каламбура съ женщинами. Самыя проститутки находятся у нихъ въ почтѣніи: къ нимъ они относятся съ полнымъ уваженіемъ и тонкою любезностью, какъ къ свободнымъ сомостоятельнымъ хозяйкамъ и своей личности и своего добра. И женщины, дѣйствительно, держатъ себя предъ туземцами съ большимъ достоинствомъ. Глядя на эти тамашы самаркандцевъ у свободныхъ самаркандокъ, кажется, что гости именно утѣшаются тѣмъ, что въ ихъ обществѣ сидятъ наконецъ незкрытыя, настоящія, свободныя женщины¹⁾. Это не должно казаться страшнымъ, если мы постараемся быть внимательными къ дозволенію многоженства. Это увеличиваетъ чувственныя наклонности, противъ чего едва ли кто и будетъ возражать; упикая женщину, оно тѣмъ самымъ побуждаетъ человека смотрѣть на брачныя отношенія къ ней, какъ на простое удовлетвореніе своихъ чувственныхъ потребностей, а не какъ на актъ Божественной воли, связывающей супруговъ на всю жизнь и полагающей на нихъ высокія, священныя обязанности, какія палагаетъ бракъ христіанскій. Бракъ въ исламѣ никогда не былъ актомъ Божественной воли, а всегда былъ простымъ гражданскимъ договоромъ. Потому мужчина сталъ естественно легко смотрѣть на отношенія къ

¹⁾ Бесѣда. 1872 года. Сентябрь. Внутреннее обозрѣніе. Самаркандъ. стр. 29—31

женщинъ и считать почти извинительными незаконныя сношенія съ женщинами. А побуждаемые чувственностью мусульмане предались уже безъ всякихъ границъ этимъ порокамъ. Вотъ почему на Востокъ въ такомъ громадномъ развитіи находится публичный развратъ. Присоедините къ этому еще частовременный разводъ, — и будетъ вполне понятна причина, вызвавшая огромное число развратныхъ женщинъ на Востокъ. Мусульманинъ не отказывается развестись съ женой при всякомъ удобномъ случаѣ; жена поступать въ руки другого, потомъ получаетъ разводъ и отъ этого и переходитъ въ руки третьяго. Конечно съ каждымъ разводомъ и при возрастаніи годовъ, постепенно понижается на нее цѣна, — и несчастная странница, перешедши чрезъ руки нѣсколькихъ мужей, принуждена бываетъ въ концѣ концовъ сдѣлаться публичной женщиной. Вотъ главные причины того грустнаго и на первый взглядъ трудно объяснимаго факта, что на Востокъ при сильной полигаміи существуетъ еще громадный развратъ. Особенно Египетъ славился и славится своимъ развратомъ, — Египетъ, гдѣ на улицахъ можно постоянно встрѣтить публичныхъ женщинъ, почти открыто предлагающихъ свои услуги проходящимъ мужчинамъ. Не смотря на жестокія мѣры султановъ, очень нерѣдко топившихъ этихъ несчастныхъ жертвъ мусульманскаго разврата и сладострастія въ Босфорѣ или въ волнахъ Нила, развратъ весьма силенъ по всему мусульманскому Востоку. Въ слѣдъ за этимъ развратомъ является извѣстная болѣзнь, какъ ея неизбѣжный спутникъ. Эта болѣзнь, которая должна бы считаться позоромъ челоѣчества, настолько обыкновенна въ восточныхъ земляхъ и мусульмане такъ привыкли встрѣчать множество людей, зараженныхъ этой болѣзнью, что она превратилась тамъ въ очень обыкновенное явленіе, о которомъ не стѣсняются говорить мусульмане даже открыто въ обществѣ и не стыдятся публично признаваться въ этой болѣзни.

Но обыкновенный развратъ не могъ удовлетворить чувственной наклонности мусульманъ. Одно нарушеніе естественныхъ границъ природы вызвало за собой другое. Противоестественныя отношенія между мужчинами, которыя, по слову Апостола, составляли отличительную черту нравственнаго упадка языческаго общества, такъ распространены на Востокъ, что рѣдкій мусульманинъ не предается этому пороку для дополненія крайняго своего развращенія. Объ этомъ единогласно свидѣтель-

ствуют лица, долгое время жившія на Востокѣ,—лица, которые въ другихъ отношеніяхъ выражаются очень благосклонно, такъ что мы не имѣемъ никакого права сомнѣваться въ истинѣ ихъ показаній¹⁾). Этотъ порокъ такъ распространенъ, что мальчики, отправляющіе эту унижительную профессію, открыто ходятъ по улицѣ, имѣя при себѣ нѣкоторые отличительные условные значки; они могутъ насладиться этими мальчиками за известную, впрочемъ ничтожную, плату, такъ какъ мальчиковъ, занимающихся этой профессіей, очень много²⁾). Самые знатные и высокопоставленные люди доходятъ въ этомъ отношеніи до такой явной безцеремонности, что нисколько не стѣсняются открыто признаваться въ этомъ порокѣ³⁾), — словомъ, развратъ этотъ дошелъ до громадныхъ размѣровъ. Д'Оссонъ говоритъ, что мало есть такихъ господъ, которые, даже держа многочисленный гаремъ, не имѣли бы любимца подл именемъ пажа, который почти всегда бываетъ орудіемъ интригъ своихъ господъ, и при посредствѣ такихъ фаворитовъ могучіе люди торгуютъ своей протекціей⁴⁾). Другой путешественникъ полагаетъ, что этотъ порокъ въ мусульманствѣ также силенъ, какъ прежде въ языческихъ земляхъ⁵⁾). Не только простые люди, но и знатные аристократы заражены этимъ порокомъ, даже дворцы султановъ не свободны отъ него. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Баберомъ, при дворѣ султана Махмуда этотъ порокъ господствовалъ съ такой силой, что на человѣка, въ которомъ мусульманское воззрѣніе на бракъ еще не успѣло заглушить нравственнаго чувства и стыдливости и который потому чуждался этого порока, на такого человѣка смотрѣли какъ на глупца и человѣка слабого⁶⁾). Исторія Османлидовъ представляетъ намъ примѣръ знаменитаго Мюрида, который былъ смертельно влюбленъ въ одного армянскаго юношу и возвысилъ его до важнѣйшаго поста *Silahdar'a*, благодаря

1) Lüdeke, B. III, S. 70: Клотъ-Бей, ч. 1 стр. 189; Muradgea d'Ohson, T. III, p. 270; Mischaud, T. VII, 86.

2) Тамъ же. Ср. Современность 1874 г. 24 № — выдержка изъ Туркестанскихъ Вѣдомостей.

3) Lüdeke, B. III, S. 70.

4) Muradgea d'Ohson, T. III, p. 270.

5) Mischaud, T. VII, 86.

6) Memoirs of Baber, p. 59.—Доллингера, стр. 29.

единственно только тому, что этотъ юноша имѣлъ печальную участь удовлетворять скотскимъ инстинктамъ развратнаго султана. Мухаммедъ IV сдѣлалъ самымъ приближеннымъ чело-вѣкомъ своего любимца, извѣстнаго Евлогія, который впоследствіи былъ самымъ деспотическимъ правителемъ. Кромѣ этихъ есть еще много примѣровъ, показывающихъ, какъ древнѣйшій этотъ порокъ въ стѣнахъ сераля и какъ сильно онъ былъ распространенъ еще въ древности въ странахъ мусульманскихъ¹⁾. Въ нынѣшнее же время его можно встрѣтить во всѣхъ мусульманскихъ земляхъ въ громадныхъ размѣрахъ, такъ что нѣтъ ни одного сословія, ни одного сана даже между служителями религіи, которые были бы свободны отъ этого порока²⁾.

Рядомъ съ этимъ порокомъ идетъ другой еще худшій его, который еще болѣе заслуживаетъ презрѣнія. Я разумѣю неестественное отношеніе чело-вѣка къ животнымъ. И этотъ порокъ, который въ христіанскихъ земляхъ составляетъ рѣдкое исключительное явленіе, считается слѣдствіемъ разстроеннаго разсудка, дѣйствіемъ пдѣотовъ, между мусульманами сильно распространенъ, хотя и не въ столь громадныхъ размѣрахъ, какъ неестественное преступное употребленіе мальчиковъ, по бываетъ очень частъ, особенно Турція славится наибольшимъ распространеніемъ этого порока³⁾.

Почему эти гнусные и противоестественные пороки господствуютъ на мусульманскомъ Восто-кѣ съ такой ужасной силой, между тѣмъ какъ въ христіанскихъ земляхъ составляютъ исключеніе? Видѣть въ этомъ слѣдствіе единственно очень низкой ступени образованія въ земляхъ мусульманскихъ нелзя, потому что эти неестественные пороки встрѣчаются между султанами и правителями народа, слѣд. людьми стоящими сравнительно на высокой ступени умственнаго развитія. Въ этомъ нелзя не замѣтить вліянія, произведеннаго мухаммеданскими законами вообще о бра-кѣ. Женщины унижены и исключены изъ общества мужчинъ, ихъ мѣсто заступаютъ мальчики, сладострастіе мусульмапина естественно еще болѣе должно усиливаться отъ этого разобщенія женщинъ отъ мужчинъ; его страстныя по-

¹⁾ Lüdtke, Beschreibung des Türkischen Reiches, B. III, S. 70.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Кюль-Бей, Египетъ въ прежнемъ и нынѣшнемъ своемъ состояніи, ч. 1 стр. 189.

желанія воспламеняются разговорами, въ которыхъ, какъ мы замѣтили, главную роль играютъ любовныя похожденія; воображеніе его останавливается на мальчикѣ, который исполняетъ роль танцовщицы или пѣвицы,—и невинный мальчикъ становится жертвой скотскихъ страстей мусульманина. Потомъ этотъ порокъ, при обстоятельствахъ благопріятствующихъ ему, входитъ во всеобщее употребленіе; нравственное чувство общества, которое сначала возмущалось этимъ порокомъ, мало-по-малу притупляется, и этотъ порокъ получаетъ право гражданства и даже пользуется почетомъ, такъ что законы безсильны уничтожить его. Сами блюстители этихъ законовъ и тѣ не пропускаютъ случая воспользоваться этимъ запрещеннымъ удовольствіемъ; даже служители религіи не особенно стараются ратовать противъ него, чувствуя, что и сами подлежатъ отвѣтственности въ немъ.

Спутницы развращенныхъ мусульманъ не лучше своихъ мужей; онѣ не уступаютъ имъ въ развратѣ, правда только въ скрытномъ, а не въ явномъ, такъ какъ явный развратъ составляетъ преимущество мужчинъ. Чувственный взглядъ на женщину, составляющій отличительную черту ислама, и внушенная ей съ дѣтства привычка смотрѣть на себя, какъ на средство, назначенное удовлетворять чувственности мужа, естественно должны еще съ раннихъ лѣтъ положить на женщину печать чувственности. И дѣйствительно женщины въ мусульманствѣ отличаются этимъ характеромъ. Онѣ всегда поставляютъ идеаломъ мужа такого человѣка, который бы исполнялъ свои супружескія обязанности по отношенію къ жепѣ весьма аккуратно, не дѣлая опущеній по разнымъ причинамъ¹⁾. Онѣ никакъ не могутъ возвыситься, вслѣдствіе давленія мусульманскаго законоположенія и существующихъ на практикѣ обычаевъ, до понятія о болѣе высокомъ и духовно-нравственномъ отношеніи между мужемъ и женой, которое должно бы стоять на первомъ планѣ. Онѣ наоборотъ ставятъ на первомъ планѣ чисто чувственное физическое отношеніе между супругами. И какъ мужья ищутъ въ нихъ орудія для своей похоти, такъ и онѣ со своей стороны смотрятъ на мужей какъ на лицъ, обязанныхъ удовлетворять ихъ чувственнымъ наклонностямъ и неимѣющихъ права

¹⁾ Библиотека для чтенія 1860 г. Ноябрь. 162 т. Жепщины въ Алжирѣ, стр. 15.

отказываться отъ услугъ, предлагаемыхъ женами. Это есть естественное послѣдствіе ихъ положенія; нравственность ихъ не должна имѣть никакого высокаго духовнаго элемента, потому что ей недостаетъ прочныхъ чисто духовныхъ основъ. „У турокъ, говоритъ одна писательница, женщины, подобно своимъ обладателямъ, безпечны, вялы и безпутны. Не обладавъ никакимъ достоинствомъ, онѣ не внушаютъ къ себѣ никакого уваженія: ихъ собственные сыновья смотрятъ на нихъ какъ на рабынь и причисляють имъ оскорбленія; оглупѣвшія, униженныя жизнью въ гаремѣ, невѣжественныя, суевѣрныя, онѣ проводятъ время въ спаньѣ, въ бесѣдахъ съ дервишами, въ пѣніи эротическихъ стиховъ и въ наслажденіи сладострастными танцами своихъ рабынь. Онѣ сильно преданы также сплетнямъ съ торговками, — іудейками и армянками, — и шутовскимъ представленіямъ караггеуза — оттоманскаго паяца. Вообще турчанки слишкомъ вольны, кокетки, обжоры и расточительны“. „Женщины Туниса, говоритъ Шолль, кажется не лучше. Мой отецъ, путешествуя по этой странѣ, имѣлъ случай посѣтить домъ и семейство одного ренегата прусскаго происхожденія, который показавъ ему свою жену, туниску четырнадцати — пятнадцати лѣтъ, и двухъ своихъ дѣтей. Но въ то же время онъ присовокупилъ по-нѣмецки: мою жену такую, какъ вы видите [т. е. безъ покрывала], я ни за что въ мірѣ не показавъ бы ни одному магометанину, будь онъ моимъ лучшимъ другомъ. Это было бы неблагоразумнымъ поступкомъ противъ обычаевъ, и никто не посоветился бы пустить въ ходъ всѣ средства, чтобы соблазнить ее, что было бы легкимъ дѣломъ. Здѣшнія женщины нисколько не заслуживаютъ довѣрія и предпочитаютъ цвѣты, благовонія и паряды самымъ нѣжнымъ чувствамъ“¹⁾. Да и въ самомъ дѣлѣ почему жена мусульманина обязана сохранять цѣломудріе и вѣрность своему мужу? Потому ли, что она вступаетъ съ нимъ въ священный, непарушимый союзъ? Совсѣмъ нѣтъ; мусульмане не знаютъ священнаго неразрывнаго брачнаго союза. Женщину удерживаетъ отъ прелюбодѣянія вовсе не уваженіе къ собственному нравственному достоинству, не сознаніе своего долга и глубокой преданности мужу, съ которымъ она бы должна составлять единю тѣло, по плану Божественнаго домо-строительства, по орудію котораго она составляетъ по мысли

1) L'Islam et son fondateur. Par Jules Charles Scholl. p. 15.

Мухаммеда. Женщину удерживаетъ страхъ и только онъ одинъ, иначе она не была стѣснена ничѣмъ въ своей нравственной вольности. Не будь бича въ рукахъ мусульманина, онъ ничѣмъ не былъ бы гарантированъ отъ невѣрности жены. Но мусульманинъ, смотря на женщину какъ на свою собственность, на свою принадлежность, старается всѣми репрессивными мѣрами удержать ее и приковать къ своей персонѣ. Таковъ взглядъ мусульманъ на замужнихъ женщинъ; дѣвицъ же они не имѣютъ права привязывать къ себѣ. Правда, они должны беречь ихъ, какъ будущую принадлежность мужа, но всеже въ этомъ случаѣ ихъ взглядъ не могъ быть строгъ, потому что здѣсь не затрогиваются личные интересы мужа. Вотъ почему между мусульманами нерѣдко составляется очень снисходительный взглядъ на легкость поведенія женщинъ до ихъ замужества. Онѣ не принадлежатъ еще мужу, почему же и не позволить употребить имъ свою свободу для удовлетворенія чувственности? Крайне неудовлетворительное понятіе о нравственности и чрезмѣрный эгоизмъ мужа проглядываютъ въ этомъ и доходятъ даже до такой степени, что арабы не стѣсняются открыто высказывать этотъ въ высшей степени безнравственный принципъ. „Женщина, замѣчаютъ они совершенно хладнокровно, которая свою молодость проводить разгульно, научается жить и узнавать людей; узнаетъ мужчинъ и научается обязанностямъ жены. Если у дѣвушки есть дѣти, тѣмъ лучше; мужъ вмѣстѣ съ женою получаетъ работниковъ и помощниковъ для обрабатыванія полей, и чѣмъ больше у него дѣтей, тѣмъ больше онъ приобрѣтаетъ значенія въ своемъ племени. Для бѣднаго человѣка вдова, разводка или дѣвушка, имѣющая дѣтей есть самая лучшая жена, потому что отлично знаетъ свои обязанности. Прошлое женщины принадлежитъ ей одной и мужчине не имѣетъ права требовать въ немъ отчета“¹⁾. Что выражаютъ эти сужденія мусульманъ, какъ не крайне эгоистическій интересъ и взглядъ на супружество, совершенно лишенный высшаго нравственнаго значенія. Женщины не преминули воспользоваться этимъ случаемъ.

Такимъ образомъ нравственнаго принципа, который оставался бы женщину отъ разврата и нарушенія супружеской вѣрности, въ исламѣ нѣтъ. Взглядъ общества на этотъ пред-

¹⁾ Вибл. для чтенія, 1860 г. Ноябрь; 162 т. стр. 15.

метъ совершенно сбиваетъ женщину съ толку и окончательно лишаетъ ее нравственной опоры въ отношеніяхъ къ мужу. Поэтому мусульмане совершенно резонно со своей точки зрѣнія запираютъ женщинъ, лишь только онѣ успѣютъ выйти за-мужъ, чтобы предохранить себя отъ безчестія быть предпочтенными другому мужчине и обманутыми невѣрною супругою. Чего не измыслила въ этомъ отношеніи мусульманская подозрительность! Гаремы, окруженные стѣнами; толпы евнуховъ, стерегущихъ женъ подобно миѳическимъ аргусамъ; угрозы и наконецъ самое законодательство, позволяющее мужу убить на мѣстѣ преступленія невѣрную жену и ея любовника¹⁾ — все это направлено къ тому, чтобы успокоить эгоистическую ревность мужа-мусульманина.

Привело ли это къ чему-нибудь прочному? Принесло ли ожидаемые плоды? Поставило ли мужей въ совершенной безопасности отъ невѣрности женъ и застраховало ли отъ опасности быть обманутыми? По повѣркѣ оказывается, что нѣтъ. Между женщинами гарема развратъ господствуетъ, и если кажется, что не съ такою силою, какъ между мужчинами, то потому только, что онъ скрытенъ и вслѣдствіе этого мало доходитъ до ушей путешественниковъ, между тѣмъ какъ развратъ мужчинъ при своемъ публичномъ характерѣ очень сильно бросается въ глаза. Но на самомъ дѣлѣ развратъ женъ доходитъ до грапідіозныхъ размѣровъ. Ни евнухи, ни заключеніе въ гаремѣ, ничто не можетъ сохранить честь мужей отъ невѣрности ихъ женъ. Онѣ изобрѣгаютъ тысячи средствъ провести бдительность евнуховъ и завести любовныя интриги съ какимъ-нибудь мужчиной. Евнухи подкупаются, или просто бываютъ обманутыми хитростью женъ, дошедшихъ въ этомъ отношеніи до артистической ловкости, къ которой приучило ихъ стѣпенное положеніе и ненормальное отношеніе къ мужу, къ которому онѣ питаютъ только страхъ, а не любовь. Такимъ образомъ всѣ стѣпенительныя мѣры мусульманъ не привели и не могутъ привести ни къ чему прочному въ этомъ отношеніи, какъ скоро уничтожены самыя основы нравственности. Развратъ пропикъ даже въ гаремы султановъ и тамъ имѣетъ множество адептовъ между супругами преемниковъ Мухаммеда; таковы напр. раз-

¹⁾ Торнау, стр. 471. До Мухаммеда прелюбодѣйствіе наказывалось смертной казнью. Кор. гл. 4, ст. 19—30.

вратные поступки женъ Абдулъ - Меджида¹⁾. Разврату дать большую легкость и удобство еще одно существующее обыкновеніе мусульманъ. На Востокѣ, въ домѣ всякаго мусульманина есть комната у жены, назначенная специально для приѣма ея гостей. Сюда не имѣетъ права проникнуть мужъ безъ воли своей супруги. Мужъ, нарушившій этотъ обычай, подвергается насмѣшкамъ со стороны общества. Это право женщины на такую комнату, куда не можетъ проникнуть мужъ, даетъ ей легкую возможность увидѣться здѣсь съ своимъ любовникомъ. Бывали случаи, что въ этомъ убѣжищѣ любовники проживали нѣсколько недѣль, не замѣченные мужемъ²⁾. Такимъ образомъ надзоръ не можетъ заставить женщину жить цѣломудренно, коль скоро отношенія ея къ мужу и ея вѣрность ему не имѣютъ подъ собою прочной нравственной основы. Эгоизмъ мужа хотѣлъ замѣнить эту основу жестокими наказаніями за нарушеніе супружеской вѣрности. Начиная съ перваго появленія ислама и до самаго послѣдняго времени были поставляемы и возстапвляемы самыя строгія наказанія за прелюбодѣяніе. Мухаммедъ положилъ наказаніе плетми за невѣрность³⁾. Согласно этому и послѣдующее законодательство ислама полагаютъ самыя строгія тѣлесныя наказанія за это преступленіе, которое считается однимъ изъ самыхъ главныхъ по мусульманскому законодѣленію⁴⁾. Нельзя сказать, чтобы эти законы оставались безъ приложенія. Мужья, оскорбляемые невѣрностью своихъ женъ, на которыхъ они смотрѣли всегда какъ на собственность, никогда не пропускали случая воспользоваться строгостью закона и всегда старались подвергнуть свою жену жестокому наказанію. Этимъ еще не удовлетворялось оскорбленное самолюбіе мусульманъ; раздражаемые невѣрностью своихъ женъ, которая при нравственной слабости женщины повторялась чрезвычайно часто, они придумывали съ каждымъ днемъ все новыя и новыя наказанія, болѣе и болѣе безчеловѣчныя; невѣрнымъ женамъ и пойманнымъ любовникамъ обрѣзывали носы, губы, не щадили и головы. Когда Турки владѣли Сахарою, то прелюбодѣяніе жены тамъ обыкновенно наказывалось убіеніемъ ея; въ Кабулѣ невѣрныхъ жепъ сажали въ

¹⁾ Тридцать лѣтъ въ турецкихъ гаремахъ, стр. 42.

²⁾ Библ. для чтенія 1860 г. 162 т. Ноябрь, стр. 8.

³⁾ Кор. гл. 4, ст. 19--30; гл. 17, ст. 31; гл. 24, ст. 2—10; гл. 33, ст. 30.

⁴⁾ Торнау, стр. 465—466

мѣшокъ и бросали въ пропасть съ одной высокой скалы; а въ Константинополѣ известна одна обрывистая скала, которую турки называютъ „скалою невѣрныхъ женъ“, потому что въ прежнее время съ нея бросали женщинъ, нарушившихъ супружескую вѣрность¹⁾. Кромѣ того мрачныя бездны Босфора и Нила скрыли въ себѣ не одну тысячу этихъ несчастныхъ жертвъ. „Во время одной изъ нашихъ поѣздокъ въ сообществѣ правителя по окрестностямъ Пешауара²⁾, мы, говоритъ А. Борнъ, имѣли случай видѣть образецъ магометанскаго правосудія и возмездія. Проѣзжая предмѣстьемъ города, мы замѣтили толпу народа и, приблизившись, увидѣли на навозной кучѣ обезображенныя тѣла мужчины и женщины, изъ коихъ первый еще не совсѣмъ умеръ. Толпа немедленно окружила правителя и все наше общество; изъ нея отдѣлился человекъ и дрожащимъ голосомъ объявилъ султану Магоммедъ Хану (имя правителя г. Пешауара), что онъ изобличилъ свою жену въ невѣрности и умертвилъ какъ ее, такъ и обольстителя: держа въ рукѣ окровавленный мечъ, онъ подробно описывать, какимъ образомъ онъ совершилъ месть свою. Жена его была беременна и до этой поры принесла ему трехъ дѣтей. Правитель сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ, не продолжавшихся болѣе трехъ минутъ, и потомъ громкимъ голосомъ сказалъ ему: „ты поступилъ какъ добрый магоммеданинъ и совершилъ справедливое дѣло.“ За этимъ онъ двинулся впередъ и вся толпа закричала ему вслѣдъ: „афринъ! афринъ!“ (славно!). Убийцу немедленно пустили на свободу. Во все время изслѣдованія этого дѣла мы находились подлѣ самаго правителя, который по окончаніи распросовъ обратился къ намъ и подробно объяснилъ законъ, на основаніи котораго онъ дѣйствовалъ..... Хотя во всемъ этомъ происшествіи не было ничего особенно новаго, однакоже я, какъ европеецъ, чувствовалъ, что кровь моя застывала въ жилахъ, когда я смотрѣлъ на обезображенные трупы и слушалъ слова человека, оправдывавшаго себя въ убійствѣ жены, родившей ему трехъ дѣтей: да и самая поспѣшность приговора правителя, случайно проѣзжавшаго мимо мѣста злодѣянія, представлялась не менѣе замѣчательною стороною этого ужаснаго обстоятельства.“³⁾.

1) Библи. для чтенія 1860 г. Ноябрь, 162 т. 16 стр.

2) Въ Афганистанѣ.

3) Путешествіе въ Бухару: рассказъ о плаваніи по Инду отъ моря до

Мусульмане старались этими жестокими смертельными казнями прекратить и уничтожить невѣрность женъ; по ихъ старанію не имѣли никакого успѣха; невѣрность только дальше скрылась отъ глазъ обманиваемыхъ мужей; еще замысловатѣе, еще хитрѣе выдумывали средства обмануть мужа затворницы мусульманскихъ гаремовъ, но не прекратили своихъ преступныхъ связей. Преступленіе противъ супружеской вѣрности стало обнаруживаться рѣже, но не уменьшилось; жены, побуждаемыя страхомъ быть брошенными въ Босфоръ, стали болѣе осмотрительными. Такимъ образомъ честь супруга нисколько не была обезопасена. Наказаніе само по себѣ, какъ бы оно ни было строго, не можетъ прекратить преступленія. Наказаніе есть только слѣдствіе преступленія и ни мало не можетъ прекратить его. Для того, чтобы уничтожить преступленіе извѣстнаго рода, нужно прекратить всѣ поводы къ обнаруженію, тѣ социальныя звѣнья, на которыхъ оно опирается; только съ прекращеніемъ этихъ социальныхъ недостатковъ, можетъ прекратиться и само преступленіе. Чѣмъ христіанство прекратило ужасную безправственность временъ языческихъ, постоянное нарушеніе супружескихъ узъ со стороны обоихъ супруговъ? Не наказаніями, а тѣмъ новымъ духомъ, тѣмъ перерожденіемъ социального строя жизни, которые оно сообщило всему человѣчеству. Мусульманство напрасно трудилось изобрѣтать жесточайшія наказанія, — оно не могло прекратить этимъ невѣрности женъ, потому что причина ея заключается съ одной стороны въ униженіи женщины законоположеніемъ о бракѣ, съ другой — въ самомъ бракѣ, который рассматривается какъ удовлетвореніе страсти мужа посредствомъ жены, и наконецъ въ самой гаремной жизни, обусловливаемой тоже исламомъ. Представьте себѣ множество женъ одного мужа, которыхъ онъ никакъ не можетъ любить одинаково. Естественно при такомъ положеніи, что жена, менѣе другихъ любимая своимъ мужемъ, не удостоивается часто видѣть его въ продолженіи долгаго времени; скучное одиночество пріучаетъ ее употреблять въ дѣло всю свою изворотливость, чтобы найти себѣ лице, которое

Лагора и отчетъ о путешествіи изъ Индіи въ Кабуль, Татарію и Персію, предпринятомъ по предписанію высшаго правительства Индіи въ 1831, 1832 и 1833 годахъ Лейтенантомъ Остъ-Индійской компанейской службы, Александромъ Борисомъ. Рус. пер. Москва, 1848 г. Часть вторая, стр. 137—138.

могло бы замѣнить ей мужа, — она пускается въ преступныя связи. Таково нравственное состояніе Востока. Трудно сказать, кто превосходитъ въ развратѣ, мужья или жены.

Съ легкой руки Мухаммеда развращенная нравственность стала составлять отличительную черту восточныхъ нравовъ. Страсть самого Мухаммеда къ женщинамъ была такъ велика, что мусульмане въ способности къ сладострастному сожителству вздумали видѣть одно изъ преимуществъ посланниковъ Божіихъ и составили представленіе, что чѣмъ выше посланникъ, тѣмъ больше онъ способенъ имѣть сожителства съ женами. Мусульмане не только не старались извинить Мухаммеда въ многоженствѣ и оправдать его какими-нибудь обстоятельствами, а напротивъ стремились пріискать извинительныя причины тому факту, что у Мухаммеда было меньше женъ, нежели у нѣкоторыхъ лицъ древности, въ чемъ по ихъ понятію можно было видѣть униженіе для самого Мухаммеда¹⁾. Впрочемъ мусульмане могутъ и безъ доказательствъ гордиться сладострастіемъ лже-пророка, потому что трудно представить чловека сладострастіе его. Не довольствуясь сладострастіемъ на землѣ, онъ перенесъ его даже въ вѣчныя обители, и тамъ по его ученію и къ великой радости сластолюбивыхъ его приверженцевъ, мусульмане будутъ вести такую же сладострастную жизнь, какъ и на землѣ, конечно только въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ²⁾. Вотъ какой образецъ нравственности имѣютъ жалкіе мухаммедане въ своемъ лже-пророкѣ Мухаммедѣ!

Нельзя видѣть въ этой развращенности мусульманъ плодъ исключительно климатическихъ условій Востока. Конечно климатическія условія имѣли здѣсь вліяніе, но не думаемъ, чтобы ими одними можно было объяснить подобный упадокъ нравственности, потому что при этихъ же самыхъ климатическихъ условіяхъ жили христіане древнихъ временъ, которые отличались самою строгою нравственностью, и въ настоящее время ни у одного путешественника нѣтъ указанія, чтобы христіане Востока отличались такимъ же безнравственнымъ характеромъ, какъ и мусульмане. Но допустимъ, что чувственный харак-

¹⁾ См. приложение 1, стр. 37—38.

²⁾ Кор. гл. 2, ст. 23; гл. 3, ст. 13; гл. 36, ст. 56; гл. 37, ст. 47; гл. 33, ст. 52; гл. 64, ст. 54; гл. 52, ст. 20; гл. 55, ст. 56, 70—72; гл. 56, ст. 22, 33—36; гл. 78, ст. 33; гл. 81, ст. 7.

теръ мусульманъ зависитъ отъ климатическихъ условій и отъ географическаго положенія странъ, занимаемыхъ ими, — и въ этомъ случаѣ дѣло религій стараться положить границы чувственности и всѣми мѣрами противиться развращенности. Въ мусульманскомъ мірѣ мы встрѣчаемъ совершенно противоположное явленіе, — религія не только не полагаетъ предѣловъ развращенности, не только не умеппиааетъ разврата, а папротивъ всѣми мѣрами покровительствуетъ сладострастному наstroенію жителей Востока. Она предлагаетъ многоженство, которое даетъ человѣку возможность доходить въ сладострастїи до послѣднихъ предѣловъ, она унижаетъ женщину, чтобы мусульмане въ нихъ имѣли орудіе свой чувственности; подрываетъ всѣ нравственныя основы въ отношеніяхъ между полами и тѣмъ способствуетъ разврату уже непосредственно. Вслѣдствіе такого губительнаго вліянія религіи, постановившей такой бракъ, развращенность мусульманъ достигла до крайней степени.

Вліяніе мухаммеданскаго брака на семейную жизнь мухаммеданъ.

Кромѣ этихъ послѣдствій, мусульманскій бракъ оказалъ пагубное вліяніе и на самыя отношенія между членами семьи. Бракъ есть основа семьи; потому самое незначительное измѣненіе въ немъ должно непремѣнно вліять на судьбу семьи, на ея благоустройство, или разстройство. Вслѣдствіе этого и мусульманскій бракъ имѣлъ огромное вліяніе на семейный бытъ жителей Востока, — вліяніе самое губительное. Онъ уничтожилъ въ семьѣ всѣ качества и свойства, которыя составляютъ основу ея, — онъ уничтожилъ любовь между разными членами семьи. Вражда въ семьѣ членовъ другъ противъ друга была неизбѣжнымъ слѣдствіемъ мусульманскаго брака. Ни между мужемъ и женами, ни между женами, ни между дѣтьми не могло быть внутренняго согласія и любви, которыя составляютъ душу семьи.

Вслѣдствіе обычнаго уже заключенія женщинъ, *вслѣдствіе* покрывалъ, которыя по закону Мухаммеда должны скрывать ихъ отъ глазъ всякаго посторонняго мужчины, женихъ до конца свадьбы не видитъ своей невѣсты. Только по заключеніи брачнаго контракта, въ брачной комнатѣ мужъ впервые уви-

дять лице своей жены. Обыкновенно мать или другая близкая родственница жениха отправляются по гаремамъ извѣстныхъ имъ лицъ, чтобы высватать невѣсту своему сыну или родственнику. При этомъ та и другая сторона не преминуть расхвалить себя; одна хвалитъ сына, другая—дочь. Если невѣста понравилась матери, она, пришедши домой, объявляетъ о своемъ выборѣ сыну; тотъ безпрекословно соглашается, потому что все равно—онъ никогда ни увидитъ своей невѣсты¹⁾. Такимъ образомъ любовь никогда не предшествуетъ браку въ мусульманствѣ. Потомъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи о сходствѣ характеровъ, о томъ, могутъ ли мужъ и жена ужиться вмѣстѣ въ мирѣ и согласіи. Если и обращается здѣсь вниманіе на что-нибудь, то на физическія качества невѣсты, на богатство и положеніе жениха,—условія чисто внѣшнія, потому не существенныя для супружества. А необходимое-то, именно обоюдная любовь, и забывается. Мало того, среди мусульманъ часто бываетъ и такъ, что родители высватываютъ невѣсту сыну, когда тотъ еще въ лѣтахъ дѣтства,—и бракъ дѣлается орудіемъ расчетовъ родителей жениха и невѣсты²⁾. Здѣсь уже и совершенно нельзя ожидать взаимной любви между супругами. Впрочемъ она въ исламѣ и не составляетъ необходимаго требованія. По мнѣнію мусульманъ жена, какъ существо низшее, не имѣетъ и права на исключительную любовь мужа; мужчина ни мало не обязывается посредствомъ брака любить жену, потому что онъ ея господинъ, а она его раба. Вслѣдствіе такого неравенства супруговъ не можетъ быть требованія взаимной любви между ними. Потому-то на Востока и не кажется страннымъ, что мужчина не видитъ своей невѣсты до самого вступленія въ супружество. Однако такой характеръ брака не могъ не производить самыхъ печальныхъ послѣдствій въ отношеніяхъ между мужемъ и женой. Мужъ, увидѣвши жену, тотчасъ же разочаровывается въ пей; его возмущеніе начертывало гораздо лучший и болѣе прекрасный образъ, нежели настоящая жена, потому что дѣйствительность бываетъ всегда ниже идеала. Жена тоже очень часто въ первый день брака разочаровывается въ своемъ супругѣ,—и меж-

¹⁾ Османъ-Бей, Турки и ихъ женщины, султанъ и его гаремъ, стр. 48—61.

²⁾ Клотъ-Бей, Египетъ въ прежнемъ и нынѣшнемъ своемъ состояніи, 1 ч., стр. 268. Прилож. 3, стр. 50.

ду ними пачинается холодность въ обращеніи и недовольство другъ другомъ, которое съ каждымъ днемъ растетъ и растетъ, пока не дойдетъ до явной вражды. Конечно, это бывасть не всегда; чаще случается, что супруги при первой встрѣчѣ поправятся другъ другу, только потому, что они не возносились далеко въ своихъ мечтахъ и не оставляли дѣйствительности безъ вниманія. По это расположеніе супруговъ скорѣ уничтожается взглядомъ мусульманина на жену, какъ на орудіе своей похоти, а на бракъ, какъ на средство своего страдоустрасія. При такомъ взглядѣ немислимо, чтобы любовь между супругами была продолжительна, — жена скоро паскучиваетъ мужу. Между супругами пачинается вражда, часто доходящая до самаго грубаго своего обнаруженія. Мужъ нерѣдко пользуется своею властью побить свою жену, которая стала ему противною. Стоить только, по словамъ Османа - Бея, пройти по улицѣ какого-нибудь мусульманскаго города, чтобы услышать доносящіеся изъ внутри домовъ крики, шумъ и драку. Спросите, и вамъ отвѣтятъ: въ такомъ-то домѣ драка — новобрачные не сошлись характеромъ, мужъ бьетъ свою жену¹). Положимъ, что супруги примирятся и стануть жить безъ драки и ругани, но невозможно, чтобы между ними водворился миръ и прочная любовь навсегда. Такая любовь, какой требуетъ здравое попятіе о бракѣ отъ супруговъ въ отношеніяхъ другъ къ другу, невозможна между ними. Допустимъ даже, что сначала и существуетъ любовь между супругами, но вотъ мужъ беретъ себѣ другую жену. Развѣ этимъ онъ не возбудитъ къ себѣ враждебныхъ отношеній со стороны своей первой жены. Не можетъ быть, чтобы жена любезно приняла свою новую подругу и осталась любящей супругой. При полигаміи рѣшительно не мыслима любовь женъ къ своему мужу; здѣсь можетъ быть только какое-то рабское неудовольствіе, скрываемое подъ личиною наружной ласки, расточаемой мужу. Скоро и эта ласка становится мужу невыносимою, надѣдаетъ ему до такой степени, что онъ готовъ часто оставить свой гаремъ²). Причина этого кроется въ характерѣ самыхъ отношеній между супругами. Я уже сказалъ, что мухаммедане смотрять на

¹) Турки и ихъ женщины, султанъ и его гаремъ, стр. 104—105.

²) Mem. sur les Turcs, les Tartares et les Egypt. par M. de Tott, t. 1. Disc. prelim. p. 52, — ц. въ слов. Бержье.

бракъ, какъ на средство для удовлетворенія своихъ чувственныхъ наклонностей. При такомъ взглядѣ на этотъ предметъ, брачное сожителство съ женами скоро дѣлается противнымъ; жены, которыя сначала нравились, мало-по-малу дѣлаются предметомъ отвращенія въ глазахъ мужа; ненависть и обоюдное отвращеніе бываетъ слѣдствіемъ такого отношенія между супругами. Такимъ образомъ въ мусульманскомъ бракѣ не только не существуетъ любви между супругами, но даже она и невозможна по самому существу предмета. Для этого нужно, чтобы мусульманскій бракъ измѣнилъ самый характеръ и прежде всего оставилъ свою полигамію; только тогда возможна будетъ любовь между супругами, иначе на любовь между супругами въ мусульманствѣ нужно смотрѣть какъ на исключеніе и притомъ исключеніе самое рѣдкое. Въ исламѣ и самый образъ жизни супруговъ служитъ только къ тому, чтобы какъ можно сильнѣе умнѣшить любовь между ними. На Востокѣ у всякаго нѣсколько порядочнаго человѣка домъ раздѣляется на двѣ половины; одна изъ нихъ — гаремъ назначается для женъ, другая — для мужа¹⁾, такъ что мужъ весьма рѣдко видитъ своихъ женъ. Онъ даже избѣгаетъ близкаго общенія съ ними. Мусульмане, какъ мы уже видѣли, такъ низко смотрятъ на женщинъ, что не только не беспокоятся этимъ отдѣленіемъ отъ женъ, а напротивъ стремятся всѣми силами, какъ можно дальше отъ нихъ держаться, потому что общество ихъ считаютъ унижительнымъ для себя. Такимъ взглядомъ на женщину уничтожаются всякія хорошія отношенія между супругами. Если не появляется при этомъ открытой вражды, то единственно только потому, что страхъ мужниного кулака или плети удерживаетъ женъ отъ обнаруженія своихъ враждебныхъ чувствъ. Вслѣдствіе такого положенія дѣла не любовь связываетъ между собою супруговъ, а плетъ мужа служитъ связывающимъ звѣномъ между ними. Недостатокъ любви восполняется страхомъ наказанія. По словамъ одного нашего соотечественника, живущаго въ Туркестанѣ, „девять десятыхъ жалобъ возникаютъ изъ - за побоевъ. Одна показываетъ разсѣченную серпомъ руку, другая пробитую камнемъ голову, третья потертыя кандалами раны на рукахъ и ногахъ и т. д. Прибавьте къ этому, что одинъ ревнивецъ выжигаетъ раскаленнымъ

¹⁾ Musulmane civilisation, bibliotheque du journal le levant, p. 30 et. cet.

желѣзомъ дѣтородныя части у двухъ своихъ женъ; другой со-
всѣмъ убиваетъ жену за то, что она не такъ пѣжно его лю-
бить, какъ его покойнаго брата. Ко всему этому надобно вспо-
мнить, что за истязанія, увѣчья и даже за убійство жены тузе-
мецъ не несъ почти никакой отвѣтственности⁴. Далѣе тотъ
же авторъ говоритъ: „мужу приглянулась другая, опъ заду-
малъ взять ее въ жены. Старая жена отступаетъ на второй
планъ и, какъ посылая, не видитъ больше ласки. Она оби-
жена, ревнуетъ и мститъ по своему: небреженіемъ о хозяй-
ствѣ. Начинаются ссоры, открытая война и побои..... Мужу
невыгодно отпустить дорогую работницу, и развода онъ ей не
дастъ. Жена понимаетъ, что ее удерживаютъ только для ра-
боты, и рѣшается сложить руки, чтобы потерять цѣну и въ
смыслѣ работницы — авось мужъ прогонитъ какъ дармоѣдку!
Побои усиливаются. Жена, наконецъ, не въ силахъ терпѣть
далѣе и съ помощью родныхъ, тайкомъ, спасается подъ за-
щиту русскихъ“..... „Однажды, продолжаетъ авторъ, явилась
(въ судъ) очень молодая женщина, лѣтъ пятнадцати, бывшая
уже годъ за-мужемъ, съ жалобой, что мужъ приковываетъ ее
къ ножѣ кровати, когда уходитъ изъ дому. На рукахъ и по-
гахъ ея дѣйствительно видны слѣды отъ натертыхъ кацалами
ранъ“⁴). Вотъ характеръ отношеній между супругами въ му-
сульманскомъ бракѣ.

Такое же отсутствіе, или слабое присутствіе любви обна-
руживается и въ отношеніяхъ отца къ дѣтямъ. Правда, здѣсь
не можетъ быть отвращенія и ненависти, какія часто господ-
ствуютъ между супругами; однако не можетъ быть и любви
такой, какая существуетъ въ христіанствѣ между родителями
и дѣтьми. При многоженствѣ любовь отца не должна слиш-
комъ останавливаться на одномъ изъ дѣтей различныхъ су-
пругъ, чтобы сохранить равновѣсіе между супругами. Но не
можетъ же отецъ любить одинаково всѣхъ дѣтей отъ многихъ
женъ; о самихъ же дѣтяхъ нечего и говорить. У нихъ не
можетъ быть искренней любви къ отцу, потому что они должны
дѣлить отца съ другими дѣтьми отъ другихъ матерей. Вслѣд-
ствіе этого они чувствуютъ не сыновнюю любовь, а страхъ
предъ отцемъ, какъ предъ своимъ господиномъ, которому

⁴) Вѣстникъ Европы. 1875 г. Ноябрь. Туркестанъ и туркестанцы. М. Те-
рентьевъ. Стр. 149, 151 и 155.

должны только повиноваться, а не любить его, как слѣдовало бы. Многоженство, нарушивъ правильность однихъ отношеній, нарушило тѣмъ самымъ и другія, — уничтоживъ любовь супружескую, вмѣстѣ съ тѣмъ поколебало и любовь родительскую.

Подобное же вліяніе бракъ ислама оказали и на родственныя отношенія къ отцу и матери жены. Жена, какъ мы видѣли, находится часто въ самыхъ непріятныхъ отношеніяхъ съ мужемъ; мужъ очень часто пользуется правомъ побить свою жену; любовь не смягчаетъ жестокаго обращенія мужа съ женой. Родители жены естественно желаютъ помочь безвыходному положенію своей дочери и нерѣдко увѣщиваютъ своего зятя къ болѣе человѣколюбивому и кроткому обращенію съ ней. Мужнина деспотическая власть чрезъ это встрѣчаетъ на практикѣ нѣкоторое противодѣйствіе со стороны родителей жены. Оскорбленный эгоизмъ и самовластіе мужа не можетъ конечно хладнокровно сносить этого вмѣшательства, — и между родителями жены и ихъ зятемъ начинаются столкновенія самого непріятнаго характера, такъ что, по словамъ Османа-Бей¹⁾, въ этомъ отношеніи мусульмане и особенно турки составляютъ рѣзкую противоположность съ христіанскими народами. У послѣднихъ тесть и теща всегда пользуются уваженіемъ и даже почетомъ со стороны зятя, между тѣмъ какъ у мусульманъ они заслуживаютъ лишь ненависть со стороны зятьевъ и ненависть, нужно сказать, самую ожесточенную. Это есть естественный исходъ и послѣдствіе того деспотическаго права, какое предоставляетъ исламъ мужу надъ женою, между тѣмъ какъ въ христіанствѣ мужъ и жена, вступая въ бракъ, чувствуютъ самую нѣжную привязанность и любовь другъ къ другу. Они вступаютъ между собою въ самыя правильныя, нормальныя и нравственно-свободныя отношенія. Потому мужъ естественно долженъ уважать родителей своей жены.

Но еще не столь печальное вліяніе бракъ въ исламѣ производитъ на отношенія мужа къ различнымъ членамъ семьи, какъ на отношенія различныхъ членовъ семьи между собой. Прежде всего онъ разрываетъ связь между женами. Съ перваго взгляда уже можно видѣть, что никакъ не можетъ быть со-

¹⁾ Турки и ихъ женщины, султаны и его гаремъ, стр. 213.

гласія между многочисленными женами одного мужа и даже между двумя или тремя изъ нихъ. Только мусульмане, привыкши къ многоженству и по своей чувственности, не могутъ понять той простой истины, что при многочисленности женъ не можетъ быть между ними согласія, а напротивъ должна быть постоянная вражда; ревность необходимо должна нарушить всякія миролюбивыя отношенія женъ между собою. Всякая вновь поступающая жена возбуждаетъ къ себѣ самое сильное негодованіе и ревность въ прежнихъ женахъ; ее преслѣдуютъ насмѣшки, колкости и разнаго рода пакости, творимыя изъ-за ревности. По прошествіи болѣе или менѣе продолжительнаго періода времени эта явная ревность переходитъ въ скрытую, до самаго гроба продолжающуюся злобу и ненависть. Такимъ образомъ жены всѣ другъ противъ друга питаютъ самую непримиримую ненависть и ревность. Сколько намъ не приходилось читать разсказовъ путешественниковъ по Востоку и лицъ хорошо знакомыхъ съ внутреннимъ бытомъ гаремовъ, всѣ единогласно свидѣтельствуютъ объ этомъ печальномъ и грустномъ фактѣ, общемъ всему мусульманскому Востоку, именно, что гаремы мусульманъ представляютъ арѣлище постоянной вражды и непримиримой ревности многочисленныхъ женъ поклонниковъ лже-пророка¹⁾. Законъ Мухаммеда, допустивъ полигамію, предпринимаетъ всѣ средства, чтобы прекратить вражду между женами и уничтожить всякій поводъ къ ревности ихъ другъ къ другу. Мужъ долженъ уравнивать ихъ другъ съ другомъ: для каждой жены должно быть отдѣльное помѣщеніе, каждая жена должна быть почтена такимъ же вниманіемъ, какъ и прочія; всѣ жены должны быть содержимы совершенно одинаково²⁾. Но къ несчастію это учрежденіе не принесло ожидаемыхъ выгодъ; ревность нашла и много другихъ причинъ достаточныхъ, чтобы возбудить самую непримиримую ненависть между женами. Немыслимо, чтобы мужъ совершенно одинаково и равно любилъ женъ; особенно при чувственной природѣ мусульманъ это совершенно невозможно. Самъ даже Мухаммедъ не могъ со-

¹⁾ Lüdcke, Beschreibung des Türkischen Reiches, B. III, S. 342; M. de Tott, mem. sur les Turcs, les Tartars et les Egypt. p. 52; Османъ-Бей, Турки и ихъ женщины, султанъ и его гаремъ, стр. 117—118.

²⁾ См. приложение 3-е стр. 103. Bibliothèque du journal le levant, la civilisation musulmane, p. 30 и дал.; Османъ-Бей, стр. 112.

хранить одинаковую любовь ко всем своим женам, а предпочитал Айшу другим¹⁾. А кто может быть таким искусным актером, чтобы в продолжении всей жизни ни разу не обнаружить особенного предпочтительного внимания къ какой-нибудь женѣ? Словомъ, взглядомъ, тѣлодвиженіемъ или даже тономъ своего голоса мужъ непремѣнно когда-нибудь выскажетъ это предпочтеніе, когда-нибудь, обнаружить, тѣмъ болѣе, что положеніе женъ заставляетъ ихъ быть подозрительными и постоянно слѣдить за мужемъ, не отдастъ ли онъ которой-нибудь ея соперницѣ предпочтенія предъ нею. И вотъ малѣйшая неосторожность мужа, совершенно неизбежная для самаго искуснаго дипломата въ этомъ отношеніи, служитъ причиной сильнѣйшей вспышки гнѣва и ревности. Это въ богатыхъ домахъ, гдѣ мужъ можетъ построить отдѣльное помѣщеніе для каждой изъ своихъ женъ и такимъ образомъ уменьшить возможность обнаруженія предъ другими женами своей исключительной привязанности къ которой-нибудь изъ нихъ. Но что же предприметъ мужъ небогатый, который не имѣетъ средствъ для постройки отдѣльных помѣщеній для каждой жены? Здѣсь уже исчезаетъ даже самое представленіе о возможности сохранить миръ между своими женами. У арабовъ обыкновенно одна жена отдѣляется отъ другой лишь занавѣскою, а часто и обѣ находятся въ одномъ помѣщеніи, такъ что всѣ разговоры мужа съ одной женой бываютъ слышны для другой²⁾. Возможно ли, чтобы другая жена оставалась спокойной въ то время, когда ея супругъ окажетъ какую-нибудь любезность ея соперницѣ? Темного нужно наблюденій надъ человѣческой природой, чтобы убѣдиться, что здѣсь дѣло не можетъ обойтись безъ постоянныхъ враждебныхъ и самыхъ непріятныхъ отношеній между женами. Говорятъ, что на Востокѣ дѣвочка съ раннихъ лѣтъ готовится къ этой жизни, готовится раздѣлять брачное ложе съ другими женами; говорятъ, что воспитаніе и постоянное наблюденіе надъ другими должно притупить это щекотливое чувство. Все это правда, но человѣческая природа всеже остается въ женщинѣ; воспитаніе не можетъ же довести ее до степени жи-

¹⁾ См. приложение 1-е, стр. 10—23.

²⁾ Выбл. для чтенія, 1860 года. 162 т. Ноябрь, стр. 21—22.

вотнаго. Такимъ образомъ не только бѣднякъ, но и богачъ, размѣстившій своихъ женъ въ разныхъ комнатахъ, не можетъ застраховать себя настолько, чтобы не подать повода къ ревности женъ между собой.

Но положимъ, что мужу удалось поставить себя такъ искусно, замаскировать свои внутренніе чувства такъ ловко и быть такимъ необыкновеннымъ актеромъ, что онъ ни однимъ словомъ никогда не показалъ предпочтенія одной женѣ предъ другими. Допустимъ все это, хотя и сознаемъ полнѣйшую невозможность существованія такого человѣка. Исчезнетъ ли совершенно ненависть между женами гарема? Рѣшительно нѣтъ. Жена по чувству эгоизма и подозрительности постоянно будетъ думать, что мужъ за ближайшей каменной стѣной обращается съ ся счастливой соперницей гораздо ласковѣе и любезнѣе, нежели съ нею въ прошедшій день. И это ей не будетъ давать никогда полного покоя; она никогда не перестанетъ ревновать каждую жену къ своему мужу. Прибавьте къ этому еще сплетни, особенно сильно господствующія при такой заключенной жизни Востока и вы вполне представите неизбѣжность чувства ревности между женами. Ревность не даетъ покоя, жена представляетъ, что съ каждымъ днемъ любовь мужа къ ней охлаждаетъ все больше и больше; ей начинаетъ представляться, что другая жена совершенно вытѣсняетъ ее изъ сердца мужа; она призываетъ на нее всѣ проклятія неба. На этомъ дѣло не останавливается; она клянеть свою счастливую соперницу, часто совершенно мнимую, а сама въ тоже время старается приобрести любовь мужа. Она рѣшается въ этомъ случаѣ прибѣгнуть къ колдовству. Всякія надежды возратить къ себѣ любовь мужа естественными средствами остаются тщетными, — и она въ полномъ отчаяніи въ своихъ силахъ прибѣгаетъ къ таинственной наукѣ какого-нибудь колдуна или колдуньи, чтобы получить отъ нея помощь въ этомъ мучительномъ для нея состояніи. Колдунъ или колдунья всегда готовы подать помощь этимъ несчастнымъ и страждущимъ плѣнникамъ мусульманскихъ гаремовъ, потому что не съ пустыми руками онѣ приходятъ просить помощи ихъ чудной науки, а обыкновенно имѣя при себѣ порядочное вознагражденіе. Есть много личностей, занимавшихся этимъ ремесломъ, которыя нажили большой капиталъ, благодаря только единственно своему мнимому знанію чудесныхъ наукъ. Такимъ образомъ ревность

женъ даетъ еще поддержку и распространяетъ на Востокъ различныхъ шарлатановъ. Ими полны города и селенія мусульманскаго Востока, потому что ремесло ихъ очень выгодно, — за какую-нибудь бумажку, исчерченную карандашемъ, за нѣсколько бесполезныхъ и ни къ чему негодныхъ строкъ они получаютъ нѣдко большую сумму особенно отъ женъ знатныхъ лицъ, увѣряя этихъ послѣднихъ, что мужъ будетъ принадлежать исключительно имъ. Конечно эти спеціи не приносятъ никакой пользы, развѣ только служатъ успокоивающимъ средствомъ для разстроеннаго ревнивымъ подозрѣніемъ сердца жены. Но случается и противное; если мужъ узнаетъ, что его стараются околдовать, то бѣдной женѣ достается сверхъ прежняго горя еще много новыхъ побоевъ, нѣдко самаго жестокаго характера, потому что мужья опасаются быть отравленными этими спеціями, такъ какъ знахари часто употребляютъ для нихъ нѣкоторыя вещества, вредныя для здоровья¹⁾.

Нѣдко дѣло доходитъ и до болѣе грандіозныхъ размѣровъ. Если жена, считающая себя оставленной мужемъ, имѣетъ характеръ болѣе рѣшительный, лишенный женственности, то ревность часто простирается до лишенія жизни своей соперницы. Въ этомъ случаѣ не пренебрегаютъ ничѣмъ; всѣ средства считаются хорошими, лишь бы избавиться отъ своей соперницы. Конечно тайная отрава составляетъ самое распространенное средство сбыть съ рукъ какую-нибудь изъ соперницъ — женъ своего мужа. Впрочемъ болѣею частью жена не прямо липаетъ жизни соперницу, а старается повредить ея здоровью и красотѣ и тѣмъ положить конецъ симпатіи, привлекающей мужа къ ней. Такого рода отравы менѣе пугаютъ воображеніе женщины. Потому женщины особенно часто прибѣгаютъ къ этому средству и предпочитаютъ его лишенію жизни. Однако нужно сознаться, что и самое лишеніе жизни очень распространено въ мусульманскихъ гаремахъ; и не рѣдкое явленіе, что молодая и красивая жена мусульманина, сегодня совершенно здоровая, завтра умираетъ несчастной жертвой ревности, причиненной полигаміей, которую дозволилъ лжепророкъ. Конечно и здѣсь, какъ и въ колдовствѣ, главную

¹⁾ См. прекрасное описаніе этого безпокойнаго состоянія женъ, заставляющаго ихъ прибѣгать къ помощи колдуновъ и колдуньей, у Османа-Бен-стр. 118—123.

роль играют старухи и старики-знахари, которымъ совѣсть нисколько не запрещаетъ дать въ извѣстной мѣрѣ цѣлительнаго для ревности средства. И къ незавидной чести этихъ лицъ нужно сказать, что искусство составлять отравы доведено ими до высокой степени совершенства; составляются такія снадобья, которыя лишаютъ жизни весьма медленно и почти всегда безъ той предсмертной агоніи, которая служить признакомъ принятаго въ чистомъ видѣ какого-нибудь яда. Тихо, но вѣрно и безъ явныхъ признаковъ отравы — вотъ стремленіе всѣхъ отравителей и отравительницъ Востока. При такомъ искусствѣ, составляющемъ въ нѣкоторомъ родѣ необходимую принадлежность восточныхъ гаремовъ вслѣдствіе полигамическаго брака, лишеніе жизни соперницы ничего не значитъ и ничего не стоитъ. Притомъ самое положеніе гарема много этому способствуетъ. Подчиненный единственно надзору мужа, сокрытый отъ глазъ постороннихъ людей, недоступный даже для правосудія, гаремъ представляетъ самое удобное мѣсто для скрѣпленія тайныхъ интригъ и трагическихъ развязокъ, даже не подвергая виновныхъ никакой отвѣтственности при небольшомъ умѣньи свести концы съ концами¹⁾. Конечно не каждый гаремъ былъ свидѣтелемъ подобныхъ трагическихъ развязокъ ревности женъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ справедливость побуждаетъ сказать, что и эти развязки, даже кончающіяся смертію, очень часты на Востокѣ. Все это происходитъ благодаря полигаміи, которая составляетъ едва ли не самое черное пятно ислама, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ соціальной жизни.

Впрочемъ и безъ этихъ трагическихъ развязокъ ревность женъ даетъ себя почувствовать. Едва ли можно себя представить что-нибудь производящее болѣе разстройства въ отношеніяхъ другъ съ другомъ, какъ ревность мусульманскихъ женъ. Не имѣя рѣшительности отправить на тотъ свѣтъ свою соперницу, ревнивая супруга изобрѣтаетъ противъ нея тысячи клеветъ; она не пропускаетъ случая выставить ее въ самомъ дурномъ свѣтѣ предъ всякой личностью, съ которой ей удастся говорить, направляя всѣ свои клеветы и интриги къ тому, чтобы охладить къ ней любовь своего мужа. Потому она направляетъ всѣ свои силы, употребляетъ всю свою ловкость и

¹⁾ Islam, I. M. Arnold, p. 208—213; Отеч. Записки. 1855 г. CI т. стр 82. Справ. Döllinger, Muhammed's Religion, S. 22.

умѣнье, чтобы достигнуть этого желаемого успѣха—отвратить своего мужа отъ нея. При всякомъ удобномъ случаѣ она не преминетъ выставить предъ нимъ свою соперницу въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ; ею употребляются въ дѣло вымышленные обстоятельства и факты. Она стремится предъ посторонними лицами оклеветать ее какъ можно сильнѣе съ тою же цѣлью, именно, чтобы эти невыгодные для ея соперницы слухи дошли до ушей мужа. Кромѣ этой, такъ сказать, подпольной работы, жена не пропуститъ случая и явно высказать соперницѣ всю свою вражду къ ней. При первой представившейся возможности жена старается оскорбить ее чѣмъ-нибудь, старается всѣми мѣрами выставить ее съ самыхъ худыхъ сторонъ, поставить на-показъ всѣ ея недостатки, не пропуская при этомъ употребить такія отборныя слова, которыхъ едва ли бы снесло ухо нашихъ дамъ. Соперница ея также не стоитъ безгласной слушательницей, а старается ей заплатить тою самой монетой,—начинается брань. Рѣдко дѣло кончается этимъ. Соперницы при первой возможности затѣваютъ драку,—и вотъ двѣ разъяренныя женщины вцѣпляются другъ другу въ волосы—и пошла такая потасовка, что кажется никакія усилія не въ состояніи прекратить ихъ драки. Стыдъ и женская мягкость характера, все здѣсь исчезаетъ; жены одного мужа превращаются въ свирѣпыхъ тигрицъ, готовыхъ поглотить другъ друга, если бы это было возможно. Конечно жены высшихъ аристократовъ рѣже прибѣгаютъ къ этому энергическому изъявленію своей ненависти; но за то тамъ гораздо больше и съ дипломатическимъ тактомъ пускается клеветъ, тамъ даже чаще употребляются разныя отравы, — тайныя, но вѣрныя средства.

Такимъ образомъ семейство мусульманина, состоящее изъ многихъ женъ, раздѣляется на множество соперницъ. Этимъ безпорядокъ въ домѣ еще не ограничивается. Каждая жена старается приобрести себѣ приверженныхъ лицъ; около каждой мало-по-малу составляется своя партія, смертельно ненавидящая партію другой жены и ищущая только случая, какъ бы побольше надѣлать непріятностей враждебной партіи, отомстить ей и унижить ее въ глазахъ хозяина дома. Вслѣдствіе этого домъ мусульманина представляетъ безпорядочную толпу людей, враждующихъ другъ противъ друга. Представляется удобный случай, одинъ клеветаетъ предъ хозяиномъ на другого; въ слѣдующую затѣмъ минуту является и другой, хитрыми пу-

тѣми старается возбудить гнѣвъ хозяина противъ третьяго. Такъ проходитъ весь день и даже ночью составляются разные заговоры; тогда очередная жена старается пустить въ ходъ свое искусство, чтобы заградить сердце своего мужа для другихъ женъ. Мужъ является жертвой, обреченной служить орудіемъ этихъ клеветъ и видѣть кругомъ себя обманъ и измѣну однихъ и ненависть другихъ¹⁾. На его плечи падаетъ вся тяжесть домашней жизни, разстроенной полигаміей; онъ несетъ справедливое наказаніе за нарушеніе естественнаго закона, который положенъ Самимъ Богомъ при твореніи человѣка, именно закона единоженства. Мусульманинъ, слѣдуя за своимъ сластолюбивымъ лже-пророкомъ, преступаетъ этотъ божественный законъ и за это бываетъ обреченъ на постоянную вражду и злобу между всѣми членами семейства. Ему не суждено увидѣть той тихой, спокойной семейной жизни, какую даетъ христіанскій бракъ при одной женѣ и при нравственно-свободныхъ отношеніяхъ супруговъ. Онъ мучится за свои пороки и страдаетъ по правдѣ, какъ нарушитель естественныхъ заповѣдей.

Все, что сказано относительно разстройства семьи, о ревности женъ, о враждѣ ихъ между собой и о разныхъ партіяхъ между членами семейства и прислужой, все это не вымыселъ какой-нибудь, не плодъ ненависти христіанскихъ путешественниковъ къ мусульманамъ. Это сознается самими мусульманами. Многіе даже самые интеллигентные изъ нихъ и высоко стоящіе на общественной лѣстницѣ открыто признавались, что состояніе гарема въ высшей степени неудовлетворительно и вражда женъ между собой рѣшительно непримирима, что партіи въ гаремѣ нельзя совершенно уничтожить, что гаремъ представляетъ страшный хаосъ вражды и ненависти. Потому они считали самую трудную задачею и почти невыполнимымъ дѣломъ держать женъ въ постоянномъ довольствѣ своимъ положеніемъ и въ мирѣ между собой. Такъ египетскій паша Магометъ-Али призналъ это искусство чрезвычайно труднымъ²⁾. Мусульманскіе историки даже прославляли за это искусство

¹⁾ Для того, чтобы провѣрить правдивость моихъ словъ, стоитъ только прочесть книгу Османа-Бей, который, какъ военнотанпый въ гаремѣ, могъ отлично знать всю гаремную жизнь. Также хорошее понятіе о враждѣ и ненависти женъ въ гаремахъ можетъ дать и автобіографія его матери подъ заглавіемъ «Тридцать лѣтъ въ турецкихъ гаремахъ».

²⁾ Mischand, VII, 92. См. Деллингера, стр. 23.

тѣхъ изъ своихъ государей, которымъ удавалось усмирить своихъ женъ. Такъ объ испанскомъ правителѣ Абентъ-Алимарѣ замѣчено, что благодаря огромной ловкости ему удалось устроить и поддержать миролюбивыя отношенія между женами своего гарема¹⁾. Вѣроятно, очень труднымъ казалось это искусство, коль скоро мусульмане въ исторіи въ числѣ похвальныхъ качествъ своихъ любимыхъ государей не забыли упомянуть объ этомъ. Впрочемъ мусульмане могутъ видѣть примѣръ трудности сохранить миръ въ своемъ гаремѣ и изъ исторіи самого Мухаммеда. Ихъ же-проороку также не удалось сохранить тѣхъ миролюбивыхъ отношеній между женами, какихъ ему хотѣлось,—и онъ былъ поставленъ въ такое непріятное отношеніе ревностью своихъ женъ, что могъ успокоить ихъ благодаря только своей безсовѣстности, заставляя божество являться къ нему на помощь всякій разъ, какъ только онъ былъ въ затруднительныхъ обстоятельствах²⁾.

Видя въ примѣрѣ Мухаммеда всю трудность сохранить миръ и любовь между женами и сами испытывая постоянную вражду и непримиримую ревность въ своихъ гаремахъ, мусульмане волей-неволей приходятъ къ заключенію, что моногамія въ этомъ отношеніи гораздо спокойнѣе и что съ одной женой можно жить удобнѣе, нежели со многими. Многіе изъ нихъ не стѣсняются даже предъ христіанскими путешественниками признаваться, что со многими женами живетъ не такъ счастливо, какъ съ одной³⁾. Только чувственность, непомѣрное сладострастіе и примѣръ Мухаммеда удерживаютъ мусульманъ окончательно оставить полигамію и обратиться къ моногаміи.

Но вся эта вражда женъ и прислуги ничего незначитъ въ сравненіи съ тѣмъ раздоромъ, какой производитъ полигамія между дѣтьми разныхъ матерей. Здѣсь ненависть и вражда доходятъ до крайней степени; жестокость мести и стремленіе уничтожить другъ друга превосходятъ даже всякое вѣроятіе. Впрочемъ въ такомъ явленіи нѣтъ ничего удивительнаго; напротивъ было бы весьма удивительно, если братья и сестры отъ одного отца и отъ разныхъ матерей стали бы чувствовать взаимную любовь другъ къ другу. Представьте себѣ дитя, ко-

¹⁾ Conde, III, 29. См. Деллингера, стр. 23.

²⁾ См. приложение 1-е, стр. 28—29, 35—38.

³⁾ Niebuhr, Beschreibung von Arabien, S. 73.

торое каждый день, каждый часъ слышитъ голосъ своей матери, проклипающей свою соперницу и ея дѣтей; оно видитъ съ перваго дня своего рожденія непримиримую ненависть матери къ другимъ его братьямъ и сестрамъ. Можетъ ли дитя при такой обстановкѣ питать какое-нибудь родственное чувство къ своимъ братьямъ и сестрамъ? Оно съ первыхъ дней жизни увлекается этой ненавистью матери; его вражда и злоба къ братьямъ и сестрамъ возрастаетъ постепенно съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ у него развивается самосознаніе. Сначала безсознательная антипатія къ братьямъ постепенно переходитъ въ открытую вражду къ нимъ. Извѣстенъ законъ, что самая сильная ненависть есть ненависть между родственниками, потому что здѣсь постоянно могутъ представиться случаи для обнаруженія взаимной ненависти и вѣдѣствіе этого ненависти постепенно увеличивается. Къ этому въ мусульманствѣ еще присоединяется и то, что здѣсь нѣтъ сближающаго вліянія семьи и не можетъ быть, потому что дѣти разныхъ матерей воспитываются совершенно раздѣльно въ разныхъ комнатахъ; прислуга приверженная къ матери старается и ребенку внушить ту же ненависть къ прочимъ дѣтямъ своего хозяина, какую имѣетъ сама. Когда дитя приходитъ въ совершеннолѣтіе, оно уже бываетъ врагомъ своихъ братьевъ и сестеръ разныхъ по матери, — и эта вражда нерѣдко кончается убійствомъ или остается на всю жизнь тяжелымъ бременемъ, лежащимъ на его сердцѣ¹⁾. Какое громадное различіе въ этомъ отношеніи представляетъ христіанское моногамическое семейство! Здѣсь царствуетъ между родственниками полная родственная любовь; здѣсь братья дружно стараются помогать другъ другу; всѣ родственники смотрятъ на себя какъ на членовъ, связанныхъ между собой самыми тѣсными узами родственной любви, представляя этимъ совершенный контрастъ съ мусульманскимъ семействомъ, гдѣ родственники грызутся между собой, какъ собаки.

При такомъ характерѣ отношеній между членами семьи, не можетъ быть и хорошаго хозяйства. Хозяйство требуетъ единодушнаго дѣйствія, постояннаго стремленія къ одной общей цѣли. Но можетъ ли быть одно общее стремленіе въ полига-

¹⁾ Möhler, Ueber das Verhältniss des Islams zum Evangelium. Gesammelte Schriften, 399—402, цит. въ «Islam», I. M. Arnold, p. 208.

мическомъ семействѣ, гдѣ самые близкіе родственники въ тоже время и самые сильныя враги? Если одинъ начнетъ что-нибудь, даже и относящееся къ общей пользѣ, то другой непременно постарается испортить его предпріятіе и тѣмъ причинить ему вредъ. Въ мусульманствѣ всѣ братья разные по матери стараются какъ можно менѣе сообразоваться другъ съ другомъ. Естественнымъ слѣдствіемъ такого безпорядочнаго семейнаго состоянія бываетъ то, что хозяйство мало-по-малу приходитъ въ совершенный упадокъ. На Востокѣ на продолженіе богатыхъ фамилій нужно смотрѣть какъ на рѣдкость. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ можетъ продлиться на много поколѣній богатое состояніе предка при такомъ быстромъ стремленіи членовъ семьи уничтожить благосостояніе другъ у друга?

Кромѣ вражды членовъ семьи другъ съ другомъ, полигамія производитъ погубное вліяніе и на самый душевный строй мужа. Окруженный многочисленными женами, смотря на нихъ какъ на орудіе своей страсти, мусульманинъ постоянно бываетъ поражаемъ ревностью. Она рѣшительно не оставляетъ его ни на минуту; мучимый ею, онъ изобрѣтаетъ тысячу средствъ, чтобы быть спокойнымъ относительно вѣрности своихъ женъ. Онъ строитъ глухіе и высокіе гаремы, поставляетъ стражамъ этихъ гаремовъ евнуховъ; сверхъ всего этого онъ имѣетъ постоянныхъ шпионовъ въ лицѣ враждующихъ партій гарема. Не смотря на все это, онъ никогда не можетъ успокоиться. Ревность его самого бурнаго свойства. Горе женѣ, вздумавшей измѣнить своему мужу, горе и соучастнику ея преступленія, если мужъ какъ-нибудь успѣетъ замѣтить ихъ незаконную связь,—кинжалъ порѣшитъ участь ихъ обоихъ. Мужъ-мусульманинъ ни на шагъ не остановится предъ пролитіемъ крови въ этомъ случаѣ; онъ чуждъ всякаго состраданія къ своей женѣ. Всѣ описанія странъ Востока наполнены рассказами объ ужасныхъ проявленіяхъ этой ревности, такъ что это уже превратилось въ общее мѣсто, какъ фактъ вполне извѣстный каждому. Ревность мусульманина глубоко отличается отъ ревности мужа-христіанина. Положимъ, что христіанинъ, увидѣвши свою жену съ любовникомъ, не пропуститъ случая поколотить того и другого (исключеній можно встрѣтить очень немногихъ), но въ душѣ его всегда остается что-то такое, что заставляетъ жалѣть свою жену въ этомъ случаѣ, остается состраданіе къ ней. Ничего подобнаго нѣтъ въ душѣ мусуль-

манипа. Онъ обрекаетъ свою жену на смерть безъ всякаго чувства состраданія къ ней. Убійство невѣрной жены въ христіанскомъ мірѣ рѣдкость, на мусульманскомъ Востокѣ оно каждодневное явленіе. Отъ чего зависитъ подобное различіе между христіанскимъ міромъ и мусульманскимъ въ этомъ отношеніи? Причина этого различія заключается безъ сомнѣнія въ самомъ характерѣ брака мусульманскаго и христіанскаго. Въ христіанствѣ вступаютъ въ бракъ двѣ равноправныя личности, соединенныя между собой самыми тѣсными узами любви и имѣющія между собой свободно нравственныя отношенія. Не то представляетъ намъ мусульманскій бракъ. Здѣсь вступаютъ въ бракъ два индивидуума, совершенно неодинаковые по правамъ: одинъ изъ нихъ — мужъ — обладаетъ всѣми правами, другой — жена — почти лишена всѣхъ правъ. Здѣсь нѣтъ обоюдной любви; мужъ смотритъ на жену какъ на свою собственность, исключительно назначенную для удовлетворенія его страстей. Это, по моему мнѣнію, и сообщаетъ различный характеръ ревности мужа-христіанина и мужа-мусульманина. Первый, ревнуя свою жену, въ тоже время любить ее и потому щадить; другой, ревнуя жену, видитъ въ этомъ потерю своей собственности, потому не имѣетъ къ ней никакого сожалѣнія, какъ къ вещи, переставшей быть его собственностью, а отнятой другимъ. Вслѣдствіе только такого взгляда на жену и можетъ мусульманинъ въ порывѣ ревности убить свою жену. Доказательствомъ такого характера ревности мусульманскаго мужа служить разводъ. Будь у него ревность другого свойства, разводъ былъ бы невозможенъ, потому что ему было бы невыносимо видѣть свою жену, которую онъ любилъ, за-мужемъ за другимъ мужчиной. Между тѣмъ мусульманинъ нисколько не тревожится этимъ; онъ можетъ смотрѣть на этотъ фактъ совершенно равнодушно, потому что разводъ прекращаетъ его право собственности надъ женою; послѣ развода жена дѣлается чужою собственностью, и мужъ можетъ быть хладнокровенъ также, какъ человѣкъ, который продалъ свою вещь кому-нибудь другому. Исключеніе изъ этого составляютъ развѣ одни аристократы особенно въ Персіи, которымъ дѣйствительно непріятно видѣть свою жену вышедшую за другого мужа, но и въ этомъ случаѣ не по сохранившемуся къ ней сочувствію, а по чувству гордости и самолюбія, потому что они смотрятъ на это явленіе такъ, какъ будто бы жена предпочла ему другого, или будто мужъ не умѣлъ уладить съ ней

безъ развода. Ужасный и подозрительный характеръ ревности мужа - мусульманина имѣеть своего представителя въ лицѣ самого основателя ислама. Онъ тоже рѣшился однажды на убійство по одной ревности, при томъ не къ женѣ, а къ конкубинѣ, но случай спасъ его отъ этого новаго преступленія, потому что подозрѣваемая личность оказалась евнухомъ, — и Мухаммедъ могъ не запятнать себя убійствомъ¹⁾. Такимъ образомъ не пужно считать ревность мусульманина чувствомъ свойственнымъ всѣмъ вообще людямъ; по указаннымъ свойствамъ ея, нельзя не признать ее явленіемъ совершенно искусственнымъ, происшедшимъ отъ чувственного характера мусульманскаго брака и отъ униженія женщины до обыкновенной собственности своего мужа.

Вліяніе мухаммеданскаго брака на общественную жизнь мухаммеданъ.

Полигамическій бракъ мусульманъ, производя самос крайнее униженіе женщины, былъ причиной разстроеннаго состоянія цѣлаго мусульманскаго міра. Онъ унизилъ всякую умственную дѣятельность на Востокѣ, уничтожилъ на немъ цивилизацію и повергъ его въ крайнее невѣжество и грубость. Все это случилось отъ того, что въ мусульманскомъ бракѣ, при крайнемъ униженіи женщины, лежали элементы, уничтожающіе всякое воспитаніе въ семьѣ, воспитаніе, которое есть корень и источникъ общественнаго просвѣщенія и основаніе цивилизаціи. Разсмотримъ, какимъ образомъ совершилось постепенное огрубѣніе Востока, его возвратъ къ невѣчеству; прослѣдимъ, какъ мусульманскій бракъ могъ произвести и произвелъ этотъ застой общественной жизни и убилъ цивилизацію.

Мы уже видѣли, что Мухаммедъ своимъ полигамическимъ бракомъ окончательно унижилъ женщину, лишилъ ее почти всѣхъ правъ свободнаго человѣка. Это-то несчастное законоположеніе и было причиной умственного невѣжества цѣлаго Востока. Всѣми учеными изслѣдователями признано за несомнѣнное, что положеніе женщины связано самымъ тѣснымъ образомъ съ положеніемъ и состояніемъ цѣлаго общества; воз-

¹⁾ См. приложеніе 1-е, стр. 36—37.

вышеніе и упадокъ общественной жизни всегда слѣдуетъ за возвышеніемъ или упадкомъ женщины. Женщина есть основа цивилизаціи, потому что на ней основывается домашнее первоначальное развитіе и воспитаніе человѣка; а домашнее первоначальное воспитаніе есть корень цивилизаціи и нравственнаго состоянія націи. Потому всякое измѣненіе въ состояніи женщины переходитъ на дѣтей, а чрезъ нихъ и на цѣлую націю. Это неизмѣнный законъ исторіи. Персія, Греція и Римъ представляютъ намъ неопровержимыя доказательства этого. Они процвѣтали, когда женщина у нихъ стояла высоко; они пали, лишь только было нарушено правильное отношеніе между мужчинами и женщинами. Тоже самое явленіе представляетъ и мусульманскій Востокъ. Онъ коснѣетъ въ полномъ невѣжествѣ отъ Мухаммеда, который, унизивъ женщину, лишилъ своихъ послѣдователей благотворныхъ плодовъ цивилизаціи.

Мы не станемъ повторять того, что уже говорили о крайнемъ униженіи женщины въ мусульманствѣ. Вслѣдствіе этого униженнаго ея состоянія, на нее не обращаютъ въ мусульманскомъ мірѣ почти никакого вниманія, нисколько не заботятся о ея воспитаніи; даже религіозное образованіе считаютъ для нея излишнимъ, какъ мы видѣли выше. Въ домахъ самыхъ знатныхъ лицъ мало найдется женщинъ, которыя знали бы болѣе или менѣе порядочно грамоту¹⁾. Какъ мало мусульмане занимаются обученіемъ дѣвочекъ, такъ же мало, если только не меньше, они обращаютъ вниманія и на нравственное и эстетическое ихъ развитіе. Вслѣдствіе чувственности и сладострастныхъ наклонностей мужъ-мусульманинъ съ женой въ частной бесѣдѣ въ присутствіи своихъ дѣтей нисколько не остерегается произносить такія слова и вести разговоры о такихъ предметахъ, которыхъ совершенно не слѣдовало бы доводить до свѣдѣнія малолѣтнихъ дѣтей, а тѣмъ болѣе дѣвочекъ. Лаская свою дочь отецъ-мусульманинъ высказываетъ ей такіе комплименты, которые могутъ вырваться изъ устъ только закоренѣлаго развратника, для котораго чувственное удовольствіе важнѣе всего и голова котораго всегда занята сладострастными образами и мыслями. Само собой разумѣется, что дѣвочка, слыша съ самыхъ первыхъ дней рожденія подобныя

¹⁾ Клотъ-Бей, ч. 1 стр. 261. Lüdeke, Beschreibung des Türkischen Reiches, B. 1, S. 362.

сужденія и слова, высказываемыя своими родителями, до такой степени свыкается съ ними, что начинаетъ смотрѣть на нихъ, какъ на вещь вполне обыкновенную, какъ на самый невинный разговоръ. По словамъ людей бывшихъ на Востокѣ, на улицѣ отъ малолѣтнихъ дѣвочекъ во время ихъ игръ можно услышать такія слова, которыя въ состояніи заставить отвернуться и покраснѣть даже мужчину-европейца съ болѣе или менѣе неиспорченною нравственностью¹⁾. Мусульмане же смотрятъ на это, какъ на вещь вполне обыкновенную; отцы и матери ни мало не думаютъ останавливать подобныхъ разговоровъ своихъ юныхъ дочерей. Такимъ образомъ съ самого перваго дѣтства дѣвочка привыкаетъ къ этимъ чувственнымъ образамъ и картинамъ сладострастія. Въ исламѣ все стремится къ тому, чтобы окончательно подорвать основы нравственности въ женщинѣ и превратить ее въ орудіе мужской похоти и сладострастія. Женщина выходитъ изъ-подъ руки своихъ родителей лишенная точки опоры для нравственности. Еще менѣе заботятся родители объ эстетическомъ развитіи своей дочери. Съ первыхъ дней рожденія ее окружаютъ неряшество и неопрятность всевозможнаго рода. Богачи и бѣдняки различаются въ этомъ отношеніи немногимъ. Все различіе заключается въ томъ, что дочь знатныхъ и богатыхъ родителей осуждена жить въ неряшествѣ и неопрятности, окруженная дорогими матеріями и золотомъ, а дочь бѣдняка живетъ въ перяшествѣ съ бѣдной обстановкой²⁾. Само собой разумѣется, что неряшество и отсутствіе эстетическаго воспитанія всасывается въ плоть и кровь мусульманами съ молокомъ матери. Такимъ образомъ дочь выходитъ изъ родительской школы домашняго воспитанія лишенною всякаго воспитанія: безъ научнаго образованія, безъ прочныхъ основъ нравственности, даже безъ полнаго знакомства съ религіей, съ совершенно неразвитымъ эстетическимъ вкусомъ.

Можно ли ожидать отъ такой дочери, когда она выйдетъ замужъ и сдѣлается матерью, хорошей воспитательницы своихъ дѣтей? Можно ли надѣяться, что она будетъ вполне удовлетворительно исполнять свою первую обязанность, именно воспитаніе дѣтей? Все убѣждаетъ насъ, что отъ подобной матери

¹⁾ Отечественныя Записки. 1855 г., т. CI, стр. 57.

²⁾ Отечественныя Записки 1855 г. т. CI, стр. 52.

нельзя ожидать, чтобы она дала своимъ дѣтямъ надлежащее раціональное воспитаніе. На обязанности матери лежитъ при-
готовить своихъ дѣтей, особенно сыновей, къ общественному
положенію, познакомить ихъ со всѣмъ строемъ общественной
жизни, чтобы изъ нихъ вышли хорошіе граждане; она должна
познакомить ихъ со всѣми превратностями, встрѣчающимися въ
жизни, чтобы укрѣпить ихъ въ борьбѣ съ препятствіями; она
должна подробно и обстоятельно показать своимъ юнымъ дѣ-
тямъ, сколько искушеній, сколько соблазновъ для человѣка
представляетъ жизнь; должна пріучить дѣтей пользоваться въ
этомъ случаѣ тѣми средствами, которыя составляютъ един-
ственное условіе хорошей жизни. Мало того; она обязана посте-
пенно вводить сына въ самую жизнь и руководить имъ въ ней
на первыхъ порахъ. Только тогда, когда дѣти сдѣлаются муж-
чинами, прекращается воспитаніе въ буквальномъ его значе-
ніи. Можетъ ли исполнить эту великую задачу воспитанія
мусульманка-мать, со дня рожденія заключенная въ гаремъ,
не выдавшая жизни и плохо знающая объ ней даже по слу-
хамъ, потому что съ раннихъ лѣтъ ее всѣми мѣрами стара-
лись изолировать отъ всѣхъ постороннихъ людей? Очевидно
такого воспитанія рѣшительно нельзя ожидать отъ мусульман-
ской матери; она не можетъ приготовить своихъ дѣтей къ
жизни, сдѣлать изъ сыновей хорошихъ гражданъ. Она не въ
состояніи сообщить имъ свѣдѣній дальше мелочныхъ интригъ
гарема; только нравы, обычаи и жизнь гарема ей вполне зна-
комы; потому только въ эту область она можетъ ввести своего
сына, дальше ея она идти не можетъ.

Допустимъ, что это образованіе можетъ быть замѣнено впо-
слѣдствіи школою или самою жизнью, но существуютъ двѣ
великія области, которыя уже никакъ не могутъ быть замѣ-
щены посторонними лицами съ такимъ успѣхомъ, какъ ма-
терью; даже отецъ долженъ уступить свое мѣсто матери въ
этихъ важныхъ и обширныхъ областяхъ воспитанія дитяти. Я
разумѣю религіозное и нравственное развитіе дитяти. Здѣсь
мать должна быть самой главной воспитательницей дитяти. Къ
несчастью эти двѣ области почти также не могутъ быть заня-
ты матерью - мусульманкой. Мать, не получившая съ дѣтства
надлежащаго полнаго религіознаго воспитанія, оставленная
своими родителями при самомъ первоначальномъ свѣдѣніи о
своей религіи, какъ существо, не обязанное знать вполне сво-

его завѣта съ Богомъ, даже какъ существо, которому излишне основательно знать религію,—такая мать не можетъ сообщить своимъ дѣтямъ полного знакомства съ религіей. Свѣдѣнія, сообщенныя ею, естественно должны отличаться самымъ поверхностнымъ характеромъ; никакихъ разумныхъ основаній въ этомъ воспитаніи нѣтъ и быть не можетъ. Если и можетъ она сообщить что-нибудь дѣтямъ изъ области религіи, то все это запечатлѣно характеромъ легендарнымъ, все это требуетъ только одной слѣпой вѣры и больше ничего. Развитие нравственнаго характера въ дитяти тоже не можетъ быть исполнено матерью-мусульманкой. А между тѣмъ это дѣло первой важности. Отъ первоначальнаго развитія характера и нравственнаго образа чловѣка почти постоянно зависить все направленіе его жизни. Нѣтъ кажется ни одного чловѣка, даже подвергавшагося самому разнообразному вліянію среды, чтобы онъ совершенно отрѣшился отъ того толчка, который ему сообщило первоначальное воспитаніе въ семьѣ. Это первоначальное семейное воспитаніе кладетъ на чловѣка неизгладимую печать на всю жизнь. Нравственный характеръ чловѣка взрослого, его наклонности и часто даже самыя страсти зависять отъ первоначальнаго воспитанія. Все это заставляетъ относиться къ образованію дѣтскаго характера самымъ тщательнымъ образомъ. Но что можетъ здѣсь сдѣлать женщина, сама не получившая твердой опоры для нравственности, у которой нравственный образъ не развитъ до крайней степени? Какимъ путемъ можетъ дѣйствовать сообразно съ цѣлью выработать нравственный характеръ дитяти та мать, которая съ ранняго дѣтства разсматривалась исключительно какъ игрушка мужа, а не какъ чловѣческая личность, и о которой никогда не заботились, чтобы развить ея нравственный характеръ? Бѣдное дитя въ рукахъ такой матери осуждено на самое случайное извращеніе характера, брошено, можно сказать, на произволъ судьбы. Развѣ только благодаря какому-нибудь счастливому случаю подъ руководствомъ матери-мусульманки можетъ образоваться твердый нравственный характеръ.

Мать - мусульманка, сознавая свое безсиліе, сознавая, что она сама не можетъ воспитывать надлежащимъ образомъ дѣтей, особенно сына, предназначеннаго къ общественной дѣятельности, слагаетъ съ себя бремя воспитанія и препоручаетъ его рабу. Такъ бываетъ въ богатыхъ и знатныхъ семействахъ.

Дѣти же простыхъ мусульманъ осуждаются обыкновенно на полнѣйшее отсутствіе всякаго воспитанія за недостаткомъ въ семьѣ личностей, которыя могли бы замѣтить неразвитую мать¹⁾. Вслѣдствіе этого громадное большинство мусульманскихъ дѣтей лишаются всякаго воспитанія. Но и воспитаніе дѣтей знатныхъ и богатыхъ мусульманъ вызываетъ самое горькое сожалѣніе о плохой постановкѣ этого великаго дѣла въ мусульманскихъ земляхъ. Въ раннемъ возрастѣ, т. е. до 6—7 лѣтъ, дѣти остаются въ гаремахъ вмѣстѣ съ матерями и слѣд. лишаются всякаго воспитанія. Притомъ затворничество и крайнее униженіе женщины, среди которыхъ воспитывается первоначально сынъ, не можетъ не отозваться на воспитаніи и на нравственномъ характерѣ его. Видя кругомъ себя постоянное униженіе и самое крайнее рабство, дитя съ раннихъ поръ лишается той благородной свободы, которая должна отличать человѣка гражданина; лишается той нравственной твердости, которая заставляетъ человѣка смѣло бороться съ превратностями счастія, той отваги, съ которой свободный человѣкъ принимается за разныя предпріятія и исполняетъ съ успѣхомъ самыя трудныя проскты, словомъ, лишается всѣхъ тѣхъ качествъ, которыя служатъ признакомъ жизненности народа, залогомъ его прочнаго существованія. Можетъ ли въ самомъ дѣлѣ сообщить любовь къ гражданской свободѣ женщина-раба? Сынъ среди рабовъ самъ становится рабомъ вѣчнаго произвола, когда находится подъ властію, или превращается въ полнѣйшаго деспота, когда достигнетъ какой-нибудь власти, потому что не привыкъ уважать свободу въ другихъ. Потомъ дитя выходитъ изъ гарема своей матери. Здѣсь его встрѣчаетъ суровый произволъ отца; сынъ долженъ до совершеннолѣтія сидѣть около отца въ рабскомъ отдаленіи, съ благоговѣніемъ прислушиваться къ его разговорамъ и изъ нихъ получать. Кромѣ того ему дается рабъ, который сообщаетъ ему нѣкоторыя свѣдѣнія. Этимъ и заканчивается воспитаніе мусульманскихъ дѣтей въ самыхъ знатныхъ и богатыхъ семействахъ. Образование, какъ видно, самое плохое и неудовлетворительное ни въ какомъ отношеніи. Воспитанія же, какъ созданія цѣлостнаго образа человѣка, здѣсь совершенно не существуетъ. Напротивъ здѣсь, какъ можно видѣть съ пер-

¹⁾ Ludeke, Beschreibung des Türkischen Reiches, B. 1, S. 342.

ваго же взгляда, все клонится къ одной цѣли, какъ бы ухудшить человѣческій родъ чрезъ нѣсколько поколѣній. Можетъ показаться страннымъ тотъ фактъ, что мусульмане славятся своимъ религіознымъ энтузіазмомъ, а мы говоримъ о плохомъ и неудовлетворительномъ воспитаніи ихъ въ религіозномъ отношеніи; по этому явленію нечего удивляться. Религіозный энтузіазмъ мусульманъ основывается не на разумномъ религіозномъ образованіи и глубокомъ пониманіи свойствъ своей религіи, а на томъ фанатизмѣ, который умѣлъ внушить своимъ послѣдователямъ Мухаммедъ и который скорѣе требуетъ слѣпой вѣры и отсутствія раціональнаго религіознаго воспитанія, чѣмъ основательнаго религіознаго обученія. Потому религіозный энтузіазмъ мусульманъ и неудовлетворительное воспитаніе въ религіозномъ отношеніи суть двѣ вещи вполне совмѣстимыя.

Плохое домашнее воспитаніе не могло не обнаружиться роковымъ гибельнымъ образомъ на самомъ строѣ общественнаго мусульманскаго образованія. Оно естественно должно было уничтожить всякій прогрессъ и произвести всеобщій застой и жалкое невѣжество. Не получивъ никакого воспитанія, мусульманинъ не заботится, чтобы и другіе получали какое-нибудь образованіе, которое способствовало бы цивилизации и служило бы источникомъ прогресса. Духъ ислама произвелъ полное рабское униженіе женщины. Вслѣдствіе этого произошелъ совершенный упадокъ интеллигенціи между женщинами, между тѣмъ какъ онѣ, по сознанію лучшихъ мыслителей, служили и служатъ основаніемъ общественнаго развитія.

Вотъ, по нашему мнѣнію, причина, почему мусульманскій міръ представляетъ печальное зрѣлище невѣжеста и даже регресса. А что таково состояніе мусульманскихъ государствъ, этого кажется и нѣтъ надобности доказывать, — это засвидѣтельствовано всѣми путешественниками и людьми хорошо знакомыми съ Востокомъ. Приведемъ слова одного писателя, вполне изучившаго бытъ Востока и притомъ такого, котораго нельзя заподозрить въ преувеличеніи, потому что въ другихъ отношеніяхъ онъ очень благосклонно относится къ мухаммеданамъ. Опъ такъ описываетъ умственное состояніе Египта: „массы египетскаго народа погружены въ самое глубокое невѣжество.... Исключая людей, получившихъ образованіе въ недавно осно-

ванныхъ школахъ, можно найти нѣсколько ученыхъ, которыхъ все образованіе ограничивается знаніемъ священныхъ книгъ и двумя—тремя поэтическими произведеніями¹⁾. Впрочемъ защитники ислама говорятъ, что упадокъ цивилизаціи нельзя искать въ исламѣ; нельзя видѣть въ этомъ слѣдствій неправильнаго и ложнаго законодательства Мухаммеда, унижившаго женщину и тѣмъ погубившаго цивилизацію на Востокъ. Они ставятъ въ видѣ возраженія, что цивилизація была и даже процвѣтала подъ вліяніемъ мусульманъ въ былое время. Этого мало; въ багдадскихъ арабахъ и испанскихъ маврахъ они видятъ предшественниковъ возрожденія наукъ и искусствъ, — будто бы среди всего христіанскаго міра, погруженнаго во мракъ невѣжества среднихъ вѣковъ, однѣ только мусульманскія земли были разсадниками наукъ. По мнѣнію французскихъ ученыхъ, исламъ будто бы встрѣтилъ на Востокъ одно варварство и невѣжество; потому не можетъ быть и рѣчи объ упадкѣ цивилизаціи подъ вліяніемъ ислама, — Востокъ настоящаго времени, хотя и стоитъ на низкой ступени цивилизаціи, все же онъ выше въ интеллектуальномъ отношеніи, нежели Востокъ домухаммедскій²⁾. Вотъ мнѣніе нѣкоторыхъ историковъ, благосклонно смотрящихъ на вліяніе ислама. Но всѣ эти превысшенные похвалы исламу носятъ печать явнаго пристрастія. Что такое арабская мудрость среднихъ вѣковъ, какъ не передѣлка Аристотеля. Ничего новаго, ничего выходящаго изъ круга поверхностныхъ изслѣдованій, не произвела арабская философія. Одно мертвое передѣлываніе философіи Аристотеля на разные лады, да присоединенія къ ней еще нѣкоторыхъ новыхъ элементовъ -- вотъ и все³⁾. Притомъ арабскіе философы и ученые, правда бывшіе образованными людьми своего времени, не были мусульманами въ полномъ смыслѣ этого слова. Прочитайте философскія сентенціи любого изъ нихъ и вы увидите, что тутъ очень мало мусульманскаго. Напротивъ, эти ученые являются самыми явными противниками всего мусульманскаго ученія⁴⁾. „Воздавая удивленіе блестящему періоду исламической образован-

1) Клотъ-Бей, ч. 1. стр. 226.

2) Laurent, T. V, p. 503—507.

3) Шоссеръ, Всемирная Исторія, т. 5, стр. 190—208.

4) Тамъ же,

ности, говорить Вамбери, мы забываемъ очень часто, что животворный умъ магометанскихъ мыслителей того времени находился, по большей части, въ оковахъ мертвой схоластики, и что образованіе было тогда далеко отъ того, что мы понимаемъ теперь подъ этимъ словомъ, и стояло въ такихъ же отношеніяхъ къ народной массѣ, въ какихъ находятся, напр., великолѣпные дворцы султановъ Испагани, Самарканда и Агры къ массѣ окружающихъ ихъ бѣдныхъ мазанокъ,—однимъ словомъ, что образованіе, въ которомъ мы видимъ фундаментъ нашей европейской культуры, встрѣчалось тогда только случайно. Причины этого совершенно ясны. Школы и церкви, медресе и мечети были также тѣсно связаны между собою у мусульманъ, какъ и у христіанъ. Правовѣрный и благочестивый человѣкъ, желавшій посвятить свои земныя сокровища для спасенія души, строилъ медресе или мектебе, чтобы въ нихъ изучалось слово божіе и распространялось такимъ образомъ. Если въ этихъ, перѣдко весьма богатыхъ, коллегіяхъ изъ большаго числа занимающихся экзегетикой корана, догматикой, исламическимъ правомъ, грамматикой, риторикой и пнітикой, выдавался такой ученикъ, любознательный умъ котораго обращался къ той или другой отрасли точныхъ знаній,—это случалось такъ рѣдко, что подобное явленіе можно считать исключительнымъ. Къ такимъ исключительнымъ личностямъ современники далеко не относились съ похвалою и уваженіемъ, какими пользуются христіанскіе ученые новѣйшаго времени. Долго нужно перелистывать біографическіе словари какого-нибудь Ибнъ - Халликана - Ташкепризаде или Кятйба Тсялеби, пока встрѣтишь тамъ естествоиспытателя или математика. Заятіе этими науками находилось въ противорѣчіи не столько съ положеніями ислама, сколько съ господствующимъ духомъ того времени, и если бы съ астрономіей не связывали астрологическихъ цѣлей, изслѣдованія въ этой области знанія не дошли бы до потомства. Подъ именемъ науки, тогдашніе послѣдователи ислама, подобно нынѣшнимъ, разумѣли по преимуществу теологію и теософію, грамматику, логику и ораторское искусство. Только корифеи на *этомъ* поприщѣ изслѣдованія пользовались нераздѣльнымъ уваженіемъ своихъ современниковъ; только *ихъ* имена по преимуществу считались достойными перейти въ потомство. Тѣ, которые уклонялись отъ освященнаго пути божественнаго ученія на путь естество-

знанія, казались тогда, также какъ и теперь, *крайними ерестиками*, усиленная любознательность которыхъ извинялась только въ томъ случаѣ, если точныя науки употреблялись ими какъ посторонніе аргументы для подтвержденія истинъ божественнаго ученія. Иное умственное направленіе было бы осуждено въ самыхъ своихъ основахъ, такъ какъ Коранъ считается квинтъ-эссенціею и энциклопедіею всѣхъ наукъ. Въ силу всего сказаннаго выше, я нахожу достаточную долю преувеличенія въ томъ прославленіи, какое мы воздаемъ прошлой культурѣ ислама¹⁾. Очевидно, что большее или меньшее просвѣщеніе арабовъ и мавровъ появилось и процвѣтало благодаря не вліянію ислама, а вліянію предшествовавшей мысли и отчасти христіанскаго понятія о соціальной жизни, „такъ какъ исламъ, говоритъ Вамбери, въ смыслѣ религіи, представляетъ собою пеструю мозаику прежнихъ религій, и исламическую культуру можно разсматривать какъ агломератъ образованности тѣхъ народовъ, которыхъ арабы покорили своей власти въ короткій періодъ своего могущества. Въ государственной и общественной организаціи восточнаго ислама преобладало вліяніе древней культуры персовъ, вліяніе, противъ котораго тщетно боролись первые халифы и которое безъ труда привело къ господству дружественнаго персамъ Маймуна. Въ западномъ исламическомъ мірѣ можно найти столько же очевидныхъ слѣдовъ византійской цивилизаціи; Константинія [Константинополь] самимъ пророкомъ называлась драгоценнымъ камнемъ между городами, сокровищемъ искусства, и послѣдователи его, не смотря на темное невѣріе Запада, часто брали ее себѣ въ образецъ. Подобные же факты мы наблюдаемъ по всему сѣверу Африки, въ Сициліи и, какъ уже было упомянуто, въ Испаніи. И вообще трудно было распознать въ духѣ магометанской культуры самостоятельный національный характеръ, если бы не одѣяніе, въ которое она была облечена, а именно арабскій языкъ, который былъ для нея болѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ²⁾. Не соціальная жизнь но идеѣ ислама создала эту образованность, а напротивъ полнѣйшее отсутствіе ея; и лишь только соціальная жизнь ис-

¹⁾ Вамбери, «Исламъ въ XIX вѣкѣ». Знаніе. 1876 года. Февраль. стр. 71—73.

²⁾ «Исламъ въ XIX вѣкѣ». Знаніе. 1876 г. Февраль, стр. 71—73.

лама вступила въ свои права, Востокъ и Испанія мавровъ должны были погрузиться во мракъ невѣжества.

Что же касается того, что исламъ будто бы ввелъ въ страны Востока цивилизацію, которой будто бы не существовало раньше, то это совершенная неправда и явная натяжка мыслителей, стремящихся приписать мусульманству заслуги, которыхъ оно не имѣетъ. Въ Малой Азіи, въ Византіи, Египтѣ была самая цвѣтущая цивилизація предъ исламомъ, правда уже потерявшая свой прежній блескъ, но не смотря на это стоящая на высокой степени. Что же представляютъ въ настоящее время эти страны, завоеванныя мусульманами? Грубость, варварство и отсутствіе всякой цивилизаціи. Вотъ что появилось на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ блистала наука какъ христіанская, такъ и языческая. Что же сдѣлалось съ колыбелью ислама — Аравіей? Она по-прежнему осталась въ томъ же грубомъ и полудикомъ состояніи, въ какомъ была и до Мухаммеда.

Чему же все это приписать? Коранъ относится къ образованности повидимому очень благосклонно. Онъ нерѣдко даже хвалитъ образованіе. Потому отсутствіе цивилизаціи и регрессъ въ мусульманскихъ государствахъ нельзя приписывать прямо заповѣди Мухаммеда, будто бы онъ самъ неблагоклонно относился къ образованности. Это печальное явленіе произошло вслѣдствіе постановленія Мухаммеда, унизившаго цѣлую половину человѣческаго рода — женщинъ и лишившаго ихъ даже правъ человѣческихъ. Вслѣдствіе этого униженія женщины произошелъ упадокъ ихъ интеллектуальнаго развитія, а чрезъ это и упадокъ развитія и регрессъ въ цѣломъ обществѣ. Всѣ передовые мыслители мусульманскаго міра, которые, стоя во главѣ управленія мусульманскихъ государствъ и особенно Оттоманской имперіи, старались поставить ихъ въ ряду передовыхъ государствъ Европы, всѣ они убѣдились въ необходимости реформы, которая проникла бы въ жизнь семейную, возвысила бы положеніе женщины и дала ей права единой нераздѣльной супруги мужа, состоящей съ нимъ въ свободно-нравственномъ отношеніи, обладающей всѣми человѣческими правами¹⁾. Такимъ образомъ даже мусульманскія передовыя личности могли уже замѣтить это и видѣли въ

¹⁾ Bibliotheque du journal le levant, la civilisation musulmane, p. 30 et cet.

полигаміи и слѣдующемъ за ней униженіи женщины главныя причины застоя мусульманскихъ государствъ.

Само собою разумѣется, что подобное отсутствіе развитія пагубно вліяетъ и на внѣшнее благополучіе державъ мусульманскихъ. Мы не будемъ говорить объ этомъ, потому что это не требуетъ доказательствъ и всѣ согласны въ томъ, что образованіе служитъ прочнымъ ручательствомъ благополучія государства, а напротивъ упадокъ развитія интеллигенціи въ государствѣ вызывалъ за собой и упадокъ самого государства. Мы коснемся вреднаго вліянія мусульманскаго брака на государственную жизнь съ другой стороны: именно со стороны его прямаго и непосредственнаго вліянія.

Мы говорили выше, что полигамія бываетъ причиною постоянной вражды между членами семейства. Эта вражда въ частномъ семействѣ ограничивается только этимъ семействомъ, но коль скоро она происходитъ въ семьѣ правителя — султана, то она не можетъ не быть гибельной для цѣлаго государства, она производитъ постоянныя распри при вступленіи на престолъ каждаго государя; междусобія были почти при каждой перемѣнѣ государя и поглощали множество подданныхъ. При каждомъ новомъ престолонаслѣдіи лились потоки крови мусульманъ по причинѣ вражды новаго государя со своими братьями, такъ что для избѣжанія этого зла Мухаммедъ II возвелъ въ государственный законъ братоубійство при вступленіи государя на престолъ. Онъ сдѣлалъ обязательнымъ, чтобы всѣ братья новаго султана были убиваемы¹⁾. Въ персидской династіи Суфи утвердился обычай въ подобныхъ случаяхъ ослѣплять всѣхъ братьевъ. Фрезеръ — англійскій ученый — посѣтилъ одного юношу-принца при дворѣ Мирзы — Аббаса и напелъ что онъ съ зажмуренными глазами обѣими руками ощупывалъ кругомъ себя. На вопросъ: что онъ дѣлаетъ? — принцъ отвѣчалъ: я приучаюсь къ слѣпотѣ, — вѣдь ты знаешь, что по смерти моего отца насъ всѣхъ или умертвлять или ослѣплять²⁾. Вотъ до какой жестокости довелъ султановъ полигамическій бракъ. Должно быть велики были

¹⁾ *Annals of the Türkisch Empire*, translated by Fraser, 1829, I, p. 41; Mouradgée d'Ohsson, III, 315; *Hammers, Geschichte des osmanischen Reiches*, II, p. 220, *Islam*, I. M. Arnold, p. 208—213.

²⁾ *Malcolm, history of Persia*, II, p. 432; *Chardin*, V, 242. Ц. Деллингеромъ въ его сочиненіи «*Muhammed's Religion*», S. 24.

происходящіе при престолонаслѣдіи безпорядки и раздоры и разрушительны для государства, что вынудили такіа жестокиа и безчеловѣчныа мѣры. Между тѣмъ все это—печальныя слѣды полигаміи, допущенной Мухаммедомъ. Братоубійство при престолонаслѣдіи, междуусобныа брани, хитрыя происки каждой изъ женъ, чтобы умирающій монархъ назначилъ своимъ преемникомъ ея сына, безчисленные потоки крови подданныхъ и вслѣдствіе этого огромный ущербъ для государства и неминуемый его упадокъ—вотъ то громадное зло, какое полигаміа причинила государству. Въ подтвержденіе своихъ словъ мы позволимъ себѣ выписать нѣсколько словъ изъ писателя, вполне знакомаго съ исторической судьбой мусульманскихъ государствъ. „Никакое человѣческое благоразуміе, говоритъ Деллингеръ, не въ состояніи предотвратить гибельныхъ послѣдствій полигаміи; сыновья различныхъ матерей, еще при жизни господствующихъ монарховъ и почти всегда послѣ ихъ смерти, своими возмущеніями и междуусобными бранями опустошали, ниспровергали или раздробляли мусульманскія государства. Если еще Тацитъ упоминаетъ о *solita fratrum odia*, если и въ христіанскихъ государствахъ вспыхивалъ иногда бѣдственныи раздоръ между сыновьями одного отца и одной матери, то что должно быть съ мусульманскими государствами, гдѣ часто отцы не знаютъ числа своихъ сыновей, а сыновья, воспитываясь раздѣльно другъ отъ друга, съ ранняго дѣтства посвящаются въ глубокую ненависть и мстительныя планы своихъ матерей, не получая успокоивающаго вліянія семейной жизни, гдѣ каждый видитъ въ своихъ братьяхъ опасныхъ соперниковъ, грозящихъ похитить его паслѣдство? Въ одной только династіи мусульманской—оттоманской—чрезъ многія поколѣнія въ непрерывномъ послѣдовательномъ рядѣ совершается правильное и безспорное престолонаслѣдіе. Но этотъ порядокъ былъ купленъ дорогою цѣною: братоубійство было возведено Могометомъ II-мъ въ государственныи законъ, когда онъ и его прадѣдъ, Баязедъ, подали примѣръ этому. Не только надъ братьями султана, но и надъ внуками и племянниками его заранѣе былъ произнесенъ смертныи приговоръ. Поэтому они были умерщвляемы тотчасъ при своемъ рожденіи, такъ что не позволяли даже завязать имъ пуповины. Это убійство фетвою мусульманскихъ законовѣдовъ было признано законнымъ на основаніи изреченія Корана, что безпокойство хуже

смертоубійства, — и намѣстники пророка, осуждавшаго выкидываніе поворожденныхъ дѣтей у языческихъ арабовъ какъ жестокость предъ Богомъ, дѣлаются законными убійцами братьевъ, племянниковъ и внуковъ. Такимъ образомъ преступленіе возростая порождаетъ новое преступленіе и законъ сладострастія вызываетъ законъ убійства¹⁾. Вотъ печальная, но правдивая картина тѣхъ безпорядковъ государственной жизни, которые произвела полигамія въ мусульманскихъ державахъ. Дѣйствительно, говоря словами Дёллингера, никакими средствами нельзя поправить этихъ гибельныхъ послѣдствій полигаміи.

Кромѣ междоусобныхъ браней и кровопролитія при престолонаслѣдіи, полигамія служить источникомъ и корнемъ еще одного явленія, гибельнаго по своимъ послѣдствіямъ для государственной жизни и несогласнаго съ законами гуманности, именно рабства. Мухаммедъ дозволилъ своимъ послѣдователямъ кромѣ четырехъ законныхъ жепъ имѣть столько невольницъ, сколько кто можетъ содержать по своимъ средствамъ²⁾. Это гибельное узаконеніе, рассчитанное на чувственность арабовъ и можетъ быть данное съ цѣлью возбудить въ нихъ особенное влеченіе къ войнѣ, гдѣ легко достать огромное число невольницъ при небольшомъ трудѣ, — это узаконеніе принесло самые горькіе плоды. Мухаммедане по своей чувственной природѣ, имѣя особенную склонность къ невольницамъ, старались и стараются обзавестись ими при всякомъ удобномъ случаѣ, лишь бы средства представляли хотя малѣйшую къ тому возможность; гаремы мусульманскихъ богачей биткомъ набиваются невольницами всѣхъ націй. Тутъ пахотятся черкешенки и негритянки, христіанки и мусульманки, грузинки и гречанки, словомъ — женщины различныхъ вѣръ и націй. Мусульманинъ, пользуясь позволеніемъ Мухаммеда имѣть служанокъ, предпочитаетъ ихъ даже законнымъ женамъ, потому что здѣсь онъ гораздо полноправнѣе и ему не обязательно никакой междъ; власть его надъ служанкой не стѣсняютъ никакіе родственники со стороны ея, какъ это можетъ случиться при законной жепѣ, гдѣ родители жены иногда, при крайней жестокости мужа, имѣютъ обыкновение защищать

¹⁾ Muhammed's Religion, S. 23—24.

²⁾ Коранъ, гл. 4 ст. 29.

своихъ крайне обиженныхъ дочерей. Ничего подобнаго не можетъ быть, когда онъ сожительствуетъ со служанкой, потому что ее некому защищать. Къ этому присоединяется еще одинъ законъ, способствующій размноженію рабынь, именн законъ, по которому султанъ можетъ жениться только на невольницахъ¹⁾. Такимъ образомъ самыя громадныя въ мірѣ гаремы, состоящіе изъ нѣсколькихъ сотъ женщинъ, наполняются невольницами. Все это вызываетъ большую потребность въ рабыняхъ для пополненія мусульманскихъ гаремовъ; искусственныя и вмѣстѣ безчеловѣчныя торговцы привозятъ ихъ несмѣтное количество на мусульманскіе рынки, набирая частью насильно, частью посредствомъ покупки у родителей ихъ, доведенныхъ бѣдностью до крайности.

Впрочемъ этотъ родъ рабства еще не такъ поразителенъ и отвратителенъ, какъ другой родъ рабства, самый постыдный и безчеловѣчный, порожденный ревностью мусульманскихъ мужей и который такъ сильно распространенъ въ восточныхъ земляхъ, какъ нигдѣ и никогда, ни прежде, ни нынѣ. Я разумѣю сословіе евнуховъ. Правда, они существовали и въ древнія времена, потому справедливость требуетъ признаться, что евнухи не плодъ мусульманства; но вмѣстѣ съ тѣмъ пельзя согласиться и съ мнѣніемъ Османа-Бей, который полагаетъ, что сословіе евнуховъ въ исламѣ есть плодъ дальнѣйшей исторіи мусульманства и не допущено самимъ Мухаммедомъ²⁾. Это мнѣніе Османа-Бей опровергается самимъ Кораномъ, гдѣ Мухаммедъ допускаетъ ихъ существованіе, и отводитъ имъ мѣсто въ женскихъ покояхъ, дозволивъ женамъ показываться безъ покрывалъ изъ постороннихъ мужчинъ только „слугамъ, которые не имѣютъ нужды въ женщинахъ.“³⁾ Такимъ образомъ самъ Мухаммедъ признавалъ евнуховъ необходимыми для охраненія многочисленныхъ женъ, чтобы успокоить мучительную ревность мужа-мусульманина. Этого мало; исторія и преданія арабовъ не представляютъ намъ свидѣтельствъ, чтобы евнухи существовали въ Аравіи до Мухаммеда; самъ Мухаммедъ также ни разу не упоминаетъ объ этомъ. Потому

¹⁾ Клотъ-Бей, ч. 1, стр. 215; Османъ-Бей, стр. 250—251.

²⁾ Турки и ихъ женщины, султанъ и его гаремъ, стр. 232.

³⁾ Коранъ, гл. 24, ст. 31. По объясненію Бейзавія въ указанномъ мѣстѣ нужно разумѣть иного другаго, какъ кастратовъ.

можно предполагать, что основатель ислама первый ввелъ въ Аравіи этотъ безчеловѣчный обычай. Мусульмане воспользовались имъ, какъ законнымъ дозволеніемъ своего пророка, этимъ необходимымъ спутникомъ полигаміи. Такъ какъ полигамія очень распространена на мусульманскомъ Востокѣ, то и свнухи, неизбѣжные спутники ея, въ большомъ количествѣ пополняютъ гаремы мусульманъ. Особенно много ихъ въ Египтѣ сравнительно съ другими мусульманскими государствами¹⁾. Приготавливаются же они въ самомъ большемъ количествѣ въ Нубіи и Габешѣ²⁾. Такимъ образомъ нелѣпое введеніе Мухаммедомъ полигаміи повлекло за собой столь звѣрское учрежденіе, какъ сословіе свнуховъ. Эти лица, лишенные естественнаго отличія мужчины, мрачные, сердитые мизантропы, вѣчныя завистники чужаго счастья, — эти лица стадами наполняютъ гаремы мусульманъ. А сколько ихъ погибаетъ при самой операціи, которая совершается обыкновенно самымъ грубымъ образомъ и притомъ надъ дѣтьми? Сколько проклятій отъ умирающихъ или влачащихся горькую судьбу свнуховъ должно сыпаться на голову ихъ оскопителей и въ лицѣ ихъ самому Мухаммеду, допустившему этотъ варварскій обычай.

Вслѣдствіе этихъ двухъ неизбѣжныхъ плодовъ мусульманскаго брака, именно невольницъ и свнуховъ, рабство составляетъ неизбѣжное требованіе мусульманства; невольницы и свнухи распространены въ мусульманскихъ государствахъ до невѣроятности. Такъ въ прежнее время въ одинъ Константинополь ежегодно привозили для продажи до 15 тысячъ рабовъ и рабынь³⁾. Такіе грандіозные размѣры рабства не могли не принести вреда государству. Допустимъ даже, что отъ этого не будетъ прямого, непосредственнаго вреда государству, однако несомнѣнно, что доставка невольницъ повлечетъ за собой громадный ущербъ для государства съ другой стороны. Вывозъ невольницъ изъ чужихъ земель долженъ рано или поздно произвести столкновеніе сосѣднихъ государствъ съ мусульманскими державами. Само собой разумѣется, что ни одно государство не будетъ хладнокровно смотрѣть, какъ изъ его границъ похищаютъ цѣлыя массы народонаселенія

¹⁾ Клотъ-Бей, ч. 1, стр. 264.

²⁾ Niebuhr, Beschreibung von Arabien, S. 81—82.

³⁾ Lüdeke, Beschreibung des Türkischen Reiches, B. 1, S. 342.

для пополненія мусульманскихъ гаремовъ. При первомъ удобномъ случаѣ сосѣднія державы постараются дать отпоръ мусульманамъ и наказать ихъ по справедливости. Начинается война, которая уже сама по себѣ вредна бываетъ для государства; но если случай дастъ побѣду не мусульманамъ, то конечно ихъ положеніе дѣлается еще хуже. Впрочемъ если бы и не было вооруженія для мести со стороны сосѣднихъ державъ, то мусульмане сами должны начать войну для доставленія себѣ рабынь, потому что заповѣдь Мухаммеда повелѣваетъ имъ брать рабынь съ боя. Исторія представляетъ намъ много примѣровъ войны мусульманъ съ сосѣдними державами по поводу захвата мусульманами женщинъ въ чужихъ краяхъ, напр. Турція должна была дорого заплатить за свой постоянный захватъ рабынь съ Кавказа. Вотъ какія гибельныя послѣдствія имѣлъ законъ, основанный на неправильныхъ отношеніяхъ между людьми и позволившій нарушить одно изъ главныхъ отношеній между полами, именно единоженство.

Намъ остается еще разсмотрѣть вопросъ, какъ относится полигамія къ размноженію людей? Способствуетъ ли она размноженію людей или нѣтъ? Думать, что мужчины съ нѣсколькими женами произведутъ гораздо больше дѣтей, нежели въ моногамическомъ бракѣ, совершенно неосновательно. Немного нужно труда, чтобы убѣдиться въ совершенно противномъ, чтобы увидѣть, что полигамія чрезвычайно вредно отзывается на размноженіи народонаселенія. Кажется, всякій долженъ согласиться съ тѣмъ, что женщины, имѣя каждую своего мужа, больше произведутъ дѣтей, нежели всѣ онѣ вмѣстѣ взятыя за однимъ мужемъ, напр. 10 женщинъ, вышедши за-мужъ за 10 мужчинъ произведутъ потомства гораздо больше, нежели тѣ же 10 женщинъ вышедши за-мужъ за одного мужчину. Мухаммедъ оправдывалъ полигамію стремленіемъ произвести больше потомства. Но онъ горько ошибся, потому что мужчина, живя со многими женами, до такой степени скоро теряетъ способность производительности, что кажется сама природа полагаетъ наказаніе за нарушеніе ея законовъ. Надежды Мухаммеда видѣть большее потомство у мужей полигамистовъ оказались тщетными; браки при сильной полигаміи остаются бесплодными. Обыкновенно только первыя супружества бываютъ плодовиты, когда мужъ ограничивается одною женою, или много двумя; позднѣйшіе же

браки остаются по большей части бесплодными. Мухаммедъ самъ на себѣ испыталъ весь вредъ полигаміи для потомства; только первое его супружество сопровождалось плодомъ, позднѣйшія же были бесплодны, не смотря на всю горестъ и отчаянія Мухаммеда; всѣ его дѣти (исключая одного) относятся къ первому супруеству. Притомъ невозможно имѣть много женъ не истощаясь до крайней степени. Выше мы видѣли, что многіе мусульмане страдаютъ безсиліемъ въ очень раннихъ лѣтахъ. Причину этого конечно нужно искать въ полигаміи. Основатель ислама самъ служить доказательствомъ вредности своего учрежденія. Сначала онъ, конечно побуждаемый сладострастіемъ, объявилъ отъ имени Бога, что ему позволено брать столько женъ, сколько захочетъ; потомъ почувствовавъ, что онъ не въ состояніи имѣть супружеское сношеніе со многими женами, и долженъ былъ предложить своимъ супругамъ на выборъ—или развестись съ нимъ, или жить при немъ, но не требовать отъ него супружескихъ отношеній¹⁾. Природа наказала того, кто рѣшилъ нарушеніе заповѣй естества превратить въ социальный и даже религіозный законъ. Такимъ образомъ полигамія производитъ постепенное ослабленіе производительности мужа и уменьшеніе потомства. Печальное доказательство этого представляютъ всѣ мусульманскія государства. Гдѣ прежде были густо населенныя мѣста, гдѣ процвѣтали города, гдѣ находились селенія, тамъ теперь однѣ пустыни и безлюдныя необитаемыя пространства; напр. Египеть, по свидѣтельству арабскихъ историковъ, при завоеваніи его мусульманами, имѣлъ до 12 милліоновъ жителей и около 20 тысячъ городовъ и деревень²⁾. Допустимъ даже, что это число нѣсколько преувеличено, и въ такомъ случаѣ покажется намъ крайне поразительнымъ обезлюденіе его, когда мы знаемъ, что въ настоящее время число жителей его не простирается выше трехъ милліоновъ³⁾. Конечно много было причинъ этого явленія, но нельзя не согласиться, что такому обезлюденію этой страны много способствовало и гибельное вліяніе полигаміи мусульманъ⁴⁾.

1) Коранъ, гл. 33 ст. 28 и слѣд. См. приложение I-е, стр. 31—32.

2) Клотъ-Бей, ч. 1, стр. 128—129.

3) Тамъ же.

4) «Уменьшеніе народонаселенія и опустошеніе всегда слѣдовали за исламомъ. Въ началѣ 18 столѣтія въ окрестностяхъ Алеппо насчитывалось 300

Итакъ, что же представляетъ нашему взору жизнь семейная и общественная подъ вліяніемъ мусульманскаго брака? Невольно поражаешься печалью и невольно вырывается упрекъ Мухаммеду, когда видишь, что дозволенный имъ, обращенный въ законъ и освященный его примѣромъ, полигамическій бракъ оказалъ такое пагубное дѣйствіе на человѣчество и осудилъ 135 милліоновъ на ненормальную жизнь, жизнь противъ естественныхъ отношеній, установленныхъ самой природой. Это гибельное учрежденіе, эта развратная полигамія разрушила семью, унизивъ женщину и сведя ее на степень существа, назначеннаго для удовлетворенія похоти мужа; повредила соціальному строю жизни, произвела безпорядки и раздоры въ государствѣ, а главное—причинила всеобщій застой и упадокъ цивилизаціи, подорвавъ всѣ основы прочности мусульманскихъ государствъ. Сильныя въ началѣ мусульманскія государства, воздвигнутыя руками великихъ завоевателей, теперь представляютъ жалкіе остатки своего прежняго величія и влечуть жизнь во мракъ невѣжества и грубости, пораженныя общественнымъ развратомъ. Гдѣ въ древности были сильныя и цивилизованныя государства христіанъ, тамъ теперь, подъ владычествомъ мусульманъ, безлюдныя пустыни; гдѣ процвѣтала образованность, тамъ теперь невѣжество и дикость; отечество древней цивилизаціи—Египетъ и Греція, вслѣдствіе мусульманскаго владычества, дошли до такой степени невѣжества, что представляется невѣроятнымъ, чтобы здѣсь нѣкогда процвѣтала цивилизація. Таково дѣйствіе ислама. Въ чемъ же заключается причина этого пагубнаго и разрушительнаго его вліянія? Не

деревень, но къ концу его ихъ осталось только 12! Въ округѣ Мардинъ, въ Месопотаміи, изъ 1600 деревень въ настоящее время существуетъ едва 500. До завоеванія мухаммедами, Кипръ имѣлъ 1400 городовъ и деревень, но съ 1670 г. только 700. Не лучше была участь острова Кандіи. Теперь существуютъ только немногіе изъ городовъ и мѣстечекъ, которые были многочисленны и цвѣтущи во время халифата; хорошо извѣстно, сколько выстрадалъ Египетъ со времени завоєванія его сарацинами.

Персія покрыта развалинами; Ширазъ и Пенсавъ представляютъ просто остоны ихъ прежняго величія и великолѣбія, и нѣкогда прекрасная, плодородная провинція Хорасанъ доведена до крайней бѣдности.

Сѣверная Африка, даже во время вандаловъ насчитывавшая у себя до 400 епархій, доведена до полного упадка. Наконецъ Турецкая имперія доведена до крайней политической несостоятельности: ея подданные поставлены въ самое плачевное положеніе, и провинціи, нѣкогда палачи въ иномъ мѣстѣ, оустербли и лежатъ невозвѣданными. (Arnold, Islam. Its History, Character and Relation to Christianity, p. 236—237).

въ климатическихъ условіяхъ странъ, потому что на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ прежде была цвѣтущая цивилизація; не въ человѣческихъ расахъ, потому что многіе мусульманскіе народы принадлежатъ къ кавказскому поколѣнію. Здѣсь нельзя не видѣть вреднаго вліянія полигаміи. Она разрушила въ мусульманствѣ жизнь семейную и общественную. Я не отвергаю того, что при этомъ имѣла значеніе вся социальная система мусульманскихъ государствъ. Но гдѣ основаніе этой системы? Не есть ли она дальнѣйшее развитіе семьи? Не семья ли служить основаніемъ социальной жизни и не бракъ ли есть первый источникъ социальной жизни народа? Потому опять приходится громадный упадокъ социальной жизни мусульманъ искать въ многоженствѣ ислама и разрушеніе общественной жизни считать слѣдствіемъ той же полигаміи.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Такимъ образомъ предъ нашими глазами стоятъ два совершенно противоположныя явленія жизни, два различныя законоположенія — бракъ христіанскій и бракъ мусульманскій. Оба они настолько противоположны, что трудно даже указать на какія-нибудь сходныя черты въ нихъ. Какъ одинъ изъ нихъ отличается нравственною чистотою и возвышенностью и составляетъ таинство Церкви, такъ другой запечатлѣнъ характеромъ чувственности и есть простой гражданскій договоръ. Различаясь въ своемъ основномъ характерѣ, бракъ христіанскій и мусульманскій различаются и своими частными чертами, различаются во всѣхъ подробностяхъ. Въ христіанскомъ бракѣ памъ представляется строгое едипоженство, нерасторжимость и равенство супруговъ какъ человѣческихъ личностей; напротивъ въ мусульманскомъ бракѣ насъ поражаетъ безграничная полигамія, ничѣмъ неограниченная легкость развода, совершенное порабоженіе жены и полнѣйшій деспотизмъ мужа, — жена разсматривается какъ орудіе похоти мужа. Два такія діаметрально противоположныя учрежденія должны были произвести и противоположныя дѣйствія. Дѣйствительно они оказали самое противоположное вліяніе. Христіанскій бракъ возвысилъ женщину, которая находилась въ крайнемъ упадкѣ у языческихъ народовъ; мусульманскій же бракъ довелъ ее до крайней степени униженія. Христіанскій

бракъ благотворно повліялъ на нравственность и спасъ чело-
вѣчество нравственно растлѣнное въ язычествѣ; напротивъ
исламъ со своимъ бракомъ былъ причиною крайняго развра-
щенія нравовъ, какое теперь господствуетъ на Востокѣ. Моно-
гамія христіанства возстановила семью, которая была почти
разрушена язычествомъ; полигамія же ислама окончательно
убила ее, потому что внесла въ нее крайніе раздоры между
всѣми ея членами. Вслѣдствіе возвышенія женщины и воз-
становленія семьи въ христіанствѣ возвышается образованіе
какъ домашнее, такъ и общественное, возвышается цивили-
зація, дается толчекъ прогрессу, начинаютъ процвѣтать науки,
искусства и ремесла; между тѣмъ въ исламѣ противополож-
ныя причины произвели и противоположныя дѣйствія: обра-
зованіе домашнее и общественное упало, цивилизація погибла,
весь Востокъ погрузился во мракъ невѣжества и идетъ бы-
стрымъ шагомъ къ дикости. Возвышеніе семейной жизни и
интеллектуальнаго развитія, совершившіяся подъ вліяніемъ
христіанскаго брака, оказали самое благотворное дѣйствіе и
на государство, — доставили ему прочность и силу. Упадокъ
же семьи и грубое невѣжество въ мусульманствѣ были при-
чиною слабости мусульманскихъ государствъ, которыя быстро
слабѣютъ все болѣе и болѣе. Вотъ отличительныя черты хри-
стіанскаго и мусульманскаго брака и то вліяніе, которое
произвелъ тотъ и другой бракъ на семейно-общественную
жизнь челоѡка.

ПРИЛОЖЕНИЯ

При изложєніи мухаммеданскаго законодательства о бракѣ намъ представлялось много постановлений о самыхъ мелкихъ частностяхъ мухаммеданскаго брака. Если бы всѣ эти постановленія ввести въ самый текстъ нашего сочиненія, то наше сочиненіе безъ пужды затрудняло бы читателя-неспеціалиста. Частныя постановленія мухаммеданскаго законодательства о бракѣ, введенныя въ текстъ сочиненія, могли бы препятствовать цѣлостному представленію объ общемъ характерѣ и духѣ мухаммеданскаго законодательства о бракѣ, особенно въ сравненіи съ христіанскимъ законодательствомъ о томъ же предметѣ. Между тѣмъ большая часть этихъ частныхъ постановлений и подробностей не только не лишены научнаго интереса, но даже имѣютъ большую важность для желающаго познакомиться съ юридическимъ характеромъ мухаммеданскаго законодательства о бракѣ. Эта важность увеличивается еще отъ того, что до сихъ поръ не было сдѣлано на русскій языкъ перевода мухаммеданскаго законодательства. Два сочиненія Барона П. Торнау¹⁾ суть *единственные* пока книги, сообщающія русскимъ свѣдѣнія о мухаммеданскомъ брачномъ законодательствѣ; но эти книги построены по образцу европейскихъ юридическихъ сочиненій, чрезъ что онѣ выигрываютъ въ точности передачи самого *духа* подлиннаго мухаммеданскаго законодательства. Въ виду всего этого мы считали себя обязанными сдѣлать къ своему сочиненію нѣсколько приложений, въ которыхъ передаемъ подробныя свѣдѣнія о мухаммеданскомъ бракѣ.

Въ одномъ (*второмъ*) приложєніи мы представляемъ переводъ нѣсколькихъ молитвъ, читаемыхъ мухаммеданами при

¹⁾ «Изложєніе началъ мусульманскаго законовѣдѣнія» и «Мусульманское право». Выпускъ первый.

совершеніи брака, и нѣсколькихъ образцовъ такъ называемой брачной „Хутбы“¹⁾). Представляемый въ этомъ приложеніи переводъ мы сдѣлали съ изданной въ первый разъ въ Казани, въ 1872 году, книги на арабскомъ и татарскомъ языкахъ, извѣстной подъ названіемъ „Хутьбалык“, т. е. книги, содержащей въ себѣ *хутбы* на разные случаи мухаммеданской религіозной жизни.

Въ другомъ (*третьемъ*) приложеніи мы представляемъ переводъ сокращеннаго мухаммеданскаго законоположенія о *бракѣ*, *молочномъ родствѣ* и *разводѣ*. Переводъ этотъ произведенъ съ изданнаго въ Казани, въ 1845 году, покойнымъ А. К. Казембекомъ арабскаго подлинника сокращеннаго мухаммеданскаго законовѣдѣнія, извѣстнаго подъ заглавіемъ: «*Мухтасару-ль-викая*». Мы избрали для своего перевода это именно сочиненіе потому, что оно очень распространено между мухаммеданами нашего отечества, какъ самый употребительный учебникъ въ мухаммеданскихъ школахъ (*мядрясъ*) Россіи. Но такъ какъ буквальный переводъ арабскаго подлинника на русскій языкъ представляется чрезвычайно неудобопонятнымъ, особенно по необыкновенной сжатости выраженій; то мы, сдѣлавъ буквальный переводъ арабскаго текста подлинника, прибавили къ переводу объясненіе, заимствованное изъ второй части книги, изданной въ Казани, въ 1873 году, подъ заглавіемъ: „*Китабъ мустатабъ, Шаръ нукая Мухтасару-ль-викая*“, т. е. „*Прекрасная книга—избранное толкованіе на Мухтасару-ль-викая*“. Толкованіе это составлено, на основаніи подлинныхъ арабскихъ толкованій мухаммеданскаго сокращеннаго законовѣдѣнія, на татарскомъ языкѣ муллою Симбирской губерніи Абду-л-Лятифомъ, а издано Казанскимъ ишаномъ Бага-уд-диномъ. Нѣкоторые пестробоюватыя юридическіе термины мы объяснили въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Къ нѣкоторымъ мѣстамъ подлинника мы сдѣлали также подстрочныя указанія на текстъ Корана, послужившій основаніемъ мухаммеданскаго законовѣдѣнія. Такимъ образомъ читатель можетъ ясно видѣть связь позднѣйшаго мухаммеданскаго законовѣдѣнія о бракѣ съ основнымъ вѣроучительнымъ кодексомъ мухаммеданъ—Кораномъ.

1) Объясненіе выраженія «хутба» см. ниже, въ приложеніи второмъ.

Наконецъ мы считаемъ не лишнимъ передать въ приложеніи (*первомъ*) русскій переводъ одной главы изъ сочиненія Шпренгера — «*О женахъ Мухаммеда*». Приложить этотъ переводъ къ своему сочиненію мы считаемъ приличнымъ потому, что на мухаммеданскомъ законодательствѣ о бракѣ очень рельефно отразились нравственный характеръ Мухаммеда и личная его семейная жизнь. Интересъ сообщаемыхъ въ этомъ приложеніи свѣдѣній увеличивается еще отъ того, что знаменитый повѣйшій изслѣдователь „жизни и ученія Мухаммеда“, А. Шпренгеръ составилъ переведенную нами главу о женахъ Мухаммеда на основаніи арабскихъ мухаммеданскихъ историковъ и передалъ содержаніе ихъ рассказовъ почти совершенно языкомъ арабскаго подлинника. Переводъ нѣмецкаго текста Шпренгера, какъ болѣе удобопонятный и интересный для читателей — неспеціалистовъ, мы помѣщаемъ въ началѣ своихъ приложеній къ сочиненію; затѣмъ слѣдуетъ переводъ изъ книги „Хутъбалык“ и наконецъ переводъ изъ книги «*Мухтасару-ль-викиа*».

ПРИЛОЖЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Жены Мухаммеда.¹⁾

1) Первою женою Мухаммеда была *Хадиджа*, и онъ не женился на другой до тѣхъ поръ, пока она была жива. Мухаммедъ лишился Хадиджи въ 619 году, послѣ 24-лѣтняго супружества съ нею. Она умерла 65-ти лѣтъ.²⁾ О личности Хадиджи и ея супружествѣ съ Мухаммедомъ въ 1 томѣ сочиненія Шпренгера на стр. 149—153 рассказывается такъ:

Въ Меккѣ жила одна почтенная, зажиточная вдова, по имени Хадиджа, которая по смерти своего мужа продолжала его торговня дѣла. Мухаммедъ на двадцать четвертомъ году своей жизни напался къ ней въ услуженіе и, по ея порученію, совершилъ одно или нѣсколько торговыхъ путешествій. Такъ онъ по ея волѣ посѣщалъ ярмарку въ Сукъ-Хобашъ, который лежитъ на Красномъ морѣ, къ юго-западу отъ Мекки, и гдѣ покупались у абиссинцевъ рабы и другіе товары. Онъ посѣщалъ также Джарашъ, большой рынокъ для кожъ, къ югу отъ Мекки, а можетъ быть ѣздилъ и въ Босру, главный городъ плодоснаго Хаврапа, который былъ одною изъ главныхъ житницъ для арабовъ, откуда еще сего прадѣдъ вывозилъ хлѣбъ въ Мекку. Въ плодосные годы священный городъ Емена запасался хлѣбомъ именно здѣсь, гдѣ росла лучшая пшеница въ мірѣ и гдѣ были прекраснѣйшія женщины. Въ послѣдствіи, когда Мекка, благодаря исламу, сдѣлалась

¹⁾ Das Leben und die Lehre des Mohammed, von A. Sprenger. Berlin. 1865 В. 3, S. 61—87. «Die Frauen des Propheten». Въ распределеніи женъ Мухаммеда Шпренгеръ слѣдуетъ тому порядку, въ какомъ онѣ приведены у Ибн-Саада; только Зайлабу-бнит-Хузайму Шпренгеръ помѣститъ подъ № 4, въѣсто № 8.

²⁾ Далѣе слѣдуетъ переводъ изъ перваго тома Шпренгера тѣхъ страницъ, на вторыхъ описывается личность Хадиджи.

самымъ могущественнымъ мѣстомъ въ Азіи, съѣстные припасы стали привозиться изъ Египта. Но во время Мухаммеда по большей части было самымъ выгоднымъ, не смотря на дальность разстоянія, вывозить зерновой хлѣбъ изъ Босры, гдѣ, вполнѣ вѣроятно, цѣны постоянно стояли самыя низкія и гдѣ удобно можно было купить кожи, ладанъ и другіе предметы, которые привозились арабами.

Мухаммедъ не находился въ постоянномъ услуженіи у Хадиджи, но занимался только для путешествій, и за свое путешествіе въ Босру получалъ молодаго верблюда, что на наши деньги стоитъ около 200 франковъ (50 р. сер.). Притомъ очень вѣроятно, что по крайней мѣрѣ въ первомъ путешествіи управляющимъ дѣлами былъ не онъ, а Хузайма, родственникъ вдовы; Мухаммедъ же исполнялъ только обязанность погонщика верблюдовъ.

Хадиджа была не очень молода; она достигла уже степеннаго возраста въ 38 или 39 лѣтъ,¹⁾ по чувствовала, что она еще не совсѣмъ состарилась для чувственныхъ пожеланій. Чего не доставало ей въ юной прелести, то пополняло ее богатство. Мухаммедъ былъ интересный молодой человекъ 24 или 25 лѣтъ, но такъ бѣденъ, что не могъ и думать о женитьбѣ, хотя по арабскимъ понятіямъ уже довольно прожитъ. По разсказамъ арабскихъ писателей, Богъ долженъ былъ для него совершить чудо, чтобы воспламенить сердце вдовы. Будь она европейская женщина, было бы напротивъ чудомъ то, если бы она не вела съ нимъ любовныхъ интригъ уже въ то время, когда лишь только наняла его. Можетъ быть и здѣсь былъ подобный случай; но одно препятствіе было на пути.

Отецъ Хадиджи былъ противъ брака ея съ Мухаммедомъ. Однако хитрая вдова сумѣла преодолѣть это препятствіе: она напоила старика до-пьяна, получила его согласіе, заранѣе все приготовила для сватъбы и, прежде нежели онъ протрезвился, она уже была женою Мухаммеда.

Ховайлidy, такъ назывался отецъ невѣсты, былъ раздраженъ такимъ коварствомъ дочери и сдѣлалъ ей сильный упрекъ. Члены его фамиліи, Азадиты, взяли даже быдо за оружіе,

¹⁾ Она была пятнадцатью годами старше Мухаммеда. Биографы Мухаммеда единогласно свидѣтельствуютъ, что ей было сорокъ лѣтъ. Я перевожу лунные годы на солнечные.

чтобы отомстить за позоръ. Родственники Мухаммеда поспѣшили къ нему на помощь, и споръ былъ конченъ дружелюбно: Мухаммедъ остался владѣтелемъ своей Хадиджи.

Со стороны Хадиджи это былъ бракъ по любви и уваженію, которыя она вѣрно сохранила до конца своей жизни. Мухаммедъ отвѣчалъ ей наклонности къ нему и долго послѣ ея смерти имѣлъ обыкновеніе рассказывать о добродѣтеляхъ Хадиджи, иногда даже закалалъ овцу и мясо раздавалъ бѣднымъ въ ея память. Айша, на которой Мухаммедъ женился, только спустя три года по смерти Хадиджи, говорила, что она ни къ одной изъ его жепъ не была такъ ревнива, какъ къ Хадиджѣ, потому что онъ по обыкновенію постоянно представлялъ старую, беззубую женщину въ образецъ своимъ женамъ.¹⁾ Нѣтъ никакого сомнѣнія, что по душевнымъ способностямъ и по образованію Хадиджа далеко превосходила своихъ землячекъ. По свидѣтельству Балями, она умѣла даже читать и со своимъ двоюроднымъ братомъ Варакой читала пѣчто изъ Евангелія. Хотя едва ли можно сомнѣваться, чтобы она въ продолженіи всей жизни могла вести свои обороты, не умѣя читать; но является сомнѣніе, чтобы Евангеліе въ то время было извѣстно въ Меккѣ. Въ продолженіи всей ея жизни, Мухаммедъ не имѣлъ другой жены, кромѣ ея. Это слѣдуетъ приписать не склонности его къ ней, но его зависимости отъ нея. И послѣ своего замужества она съ умысломъ свое собственное имущество удержала подъ своей властью и доставляла ему лишь столько, сколько ему было нужно, или сколько ей желалось.

О прежнихъ бракахъ Хадиджи мы знаемъ только то, что она была дважды за-мужемъ. Отъ перваго мужа она имѣла двухъ дѣтей, а отъ втораго — одного. Относительно періода ея вдовства источники молчатъ, и мы не знаемъ, что сдѣлалось съ ея дѣтьми. Однако вполне достоверно, что они не признавали Мухаммеда за пророка. Только по смерти Мухаммеда, послѣ того, какъ исламъ выступилъ побѣдителемъ, являются на сцену потомки ея дѣтей отъ двухъ первыхъ браковъ.

Послѣ брака Мухаммедъ жилъ въ домѣ своей жены, который находился въ лучшей части города, немного повыше храма (къ сѣверу), но имѣлъ нѣсколько плохихъ сосѣдей.

¹⁾ Бухари, стр. 538—539.

Мухаммедъ продолжалъ также торговыя операціи (Коранъ, гл. 25, ст. 6) и паходился въ очень хорошихъ обстоятельствахъ (Коранъ, гл. 93, ст. 6; гл. 108, ст. 1) почти до 617 года по Р. Х. Впрочемъ нельзя допустить, чтобы онъ былъ очень богатъ.....

Бракъ съ Хадиджей наградила Мухаммеда шестью дѣтьми— двумя мальчиками и четырьмя дѣвочками. Мальчики, изъ которыхъ старшаго звали Аль-Касимъ, а младшаго— Абдъ-Манафъ (т. е. рабъ идола Манафа),— умерли въ дѣтствѣ. Согласно еще доселѣ существующему обычаю арабовъ, Мухаммедъ по своему первородному сыну былъ названъ *Абу-ль-Касимомъ*, т. е. отцемъ Касима. Дѣвочки, по достиженіи совершеннолѣтія, были выданы за-мужъ; старшая вышла за-мужъ за одного язычника даже раньше, чѣмъ отецъ ея выступилъ въ качествѣ пророка. Потомство осталось только отъ самой младшей, Фатимы,— и мусульманскій Востокъ нынѣ стонетъ отъ фатимитовъ, занимающихъ важныя и неважныя мѣста.¹⁾

2) *Савда*. Первымъ мужемъ ея былъ Сакранъ. По смерти Хадиджи пришла къ Мухаммеду веселая супруга Османа-бен-Матсуна, предложила ему свои услуги въ качествѣ свахи и сказала, что, по ея мнѣнію, Савда будетъ приличною для него женою. Мухаммедъ тотчасъ согласился и женился на Савдѣ, хотя не прошло еще и двухъ мѣсяцевъ послѣ погребенія Хадиджи (по Ибн-Сааду—въ мѣсяцѣ Рамазанъ, который соотвѣтствовалъ въ 619 г. Апрѣлю). Въ началѣ 628 года Савда, кажется, пользовалась еще благосклонностію Мухаммеда, потому что онъ назначилъ ей, какъ Айшѣ и прочимъ женамъ своимъ, 80 васковъ финиковъ, ячменя или пшеницы изъ добычи послѣ Хайбарскаго похода.²⁾ Впослѣдствіи (по Баладзори—въ осьмомъ году гижры, т. е. въ 629 г. по Р. Хр.) Мухаммедъ хотѣлъ удалить отъ себя Савду по причинѣ ея преклонныхъ лѣтъ, какъ говорятъ біографы его. Но истинною причиною этого было, кажется, то, что Савда имѣла любовника. Благодаря тому, что она имѣла своимъ другомъ одного свнуха и отказалась въ пользу Айши отъ своего права на супружеское ложе, Савдѣ удалось помириться

¹⁾ Далѣе слѣдуетъ переводъ изъ третьяго тома Ширенгера, изъ главы «Жены Мухаммеда».

²⁾ Такой подарокъ называется тапма. Вакиди оставилъ объ этомъ монографію «Китабу-ль тапма».

съ Мухаммедомъ. Богъ одобрилъ это примиреніе, какъ сказано въ Коранѣ.¹⁾ Мухаммедъ обѣщалъ оставить Савду при себѣ и въ день воскресенія; согласно ея желанію, она будетъ воскрешена въ числѣ его супруговъ. Савда умерла въ Мединѣ около 643 года. Если справедливо мнѣніе Ибн-Саада, что Савда умерла въ 674 году, то она достигла глубокой старости.

3) *Айша*, дочь Абу-Бекра. Ей было *шесть лѣтъ*, когда *пятидесятилѣтній* Мухаммедъ влюбился въ нее; *девяти лѣтъ* она вступила уже въ бракъ съ Мухаммедомъ. «Я сидѣла съ другими дѣвочками на качели, рассказывала Айша, когда позвала меня мать; я пошла къ ней, но не знала, зачѣмъ она звала меня. Она взяла меня за руку и подвела къ дверямъ. Предчувствіе произвело трепеть въ моемъ сердцѣ, но я скоро успокоилась. Я вымыла себѣ лице и голову; потомъ мать ввела меня въ домъ, гдѣ было много женщинъ. Онѣ встрѣтили меня поздравленіями и благожеланіями и нарядили меня. Когда онѣ приготовились, то отдали меня пророку». Айша была единственная супруга Мухаммеда, которая вышла за него замужъ дѣвщейей.

Цивилизація и образованіе развиваютъ нѣкоторыя прекрасныя свойства; но паивное, шаловливое существо, исполненное лукавой игривости, естественнаго остроумія и дѣтской откровенности, какова была Айша, выше цѣнится на Востокѣ. Она принесла въ домъ своего супруга игрушки и забавлялась здѣсь куклами. Мухаммедъ, который нѣсколько преждевременно вступилъ во второе дѣтство, забавлялъ ее анекдотами и играть съ нею въ запуски. Онъ былъ такъ страстно влюбленъ въ нее, что даже въ мечети во время богослуженія пряталъ голову подъ ея покрывало, ласкалъ ее, игралъ ея волосами (Таляби, Толкованіе на гл. 2, ст. 183) и возвѣщалъ вѣрующимъ, что и въ раю она будетъ его женою.

Дома она носила только штаны (*накба*), или обвязывала среднюю часть тѣла передникомъ (*изиръ*). Въ рѣдкихъ случаяхъ она набрасывала на плечи кусокъ колена коровы вмѣсто шали. Если она выходила изъ дому, то надѣвала сорочку (*диръ*), обвязывала шею, подбородокъ и нижнюю часть лица

¹⁾ Гл. 4, ст. 127, гдѣ сказано: «Если женщина бьется насилія со стороны своего супруга или его отиращенія къ себѣ, то хорошо помириться, потому что миръ есть великое благо».

сукномъ (*химаръ*), которое прикрывало также и часть груди. Голова, лобъ и затылокъ были покрыты другимъ сукномъ (*джилбабъ*), которое спускалось по плечамъ до груди. Меньше этихъ трехъ одеждъ (*диръ*, *химаръ* и *джилбабъ*), говорила она, никакая женщина не должна имѣть на себѣ, иосѣщая мечеть. Даже этого платья было не достаточно и по этой причинѣ біографы обращаютъ вниманіе на то, что Маймуна однажды явилась на молитву въ одной длинной сорочкѣ и химарѣ безъ изара. Айша обвертывала себя большимъ изаромъ¹⁾ нѣсколько разъ, который покрывалъ голову и все лице. Она не связывала его посрединѣ тѣла, какъ это было въ обычаѣ въ древнія времена, но обвивала его кругомъ головы, какъ *шлябъ*, и, кажется, придерживала его спереди руками. Она имѣла также мантию изъ флоретоваго шелка,²⁾ но она падѣла ее на своего племянника и подарила ему.

Пальцы на рукахъ и на ногахъ она украшала золотыми кольцами.³⁾ Волосы она такъ обильно натирала благовонною мазью, что та иногда текла по лбу. Ея весьма красивая одежда состояла изъ *сера*—матеріи изъ шелка и хлопчатой бумаги; по мнѣнію другихъ *сера* означаетъ грубый атласъ. Она любила, какъ и всѣ обитательницы Востока, *желтый* цвѣтъ. Часто она одѣвалась совершенно почти въ желтый цвѣтъ; иногда шейная повязка (*химаръ*) и сорочка были розовыя, а штаны желтые. Впрочемъ самый обыкновенный цвѣтъ мужскаго и женскаго платья, кажется, былъ *бѣлый*, какъ въ Индіи въ настоящее время. Если носили желтыя платья, то, по причинѣ непрочности этого цвѣта, ихъ послѣ

¹⁾ *Изаръ* первоначально означалъ всякую одежду, которою покрывали срамныя части (кулли ма сатарахъ), специально назывался такъ передникъ, повѣшенный на среднюю тѣла, который носили не только мужчины, но и женщины. Но такъ какъ заповѣдью Мухаммеда о покрывалахъ всякая часть женскаго тѣла уподобляется срамнымъ частямъ, то названіе это перенесли на дѣльную ткань, изъ которую облакаются женщины (если только это случилось не раньше вслѣдствіе подобнаго же разсужденія). Въ одномъ преданіи упоминается еще о *милхавѣ* въ гардеробѣ Айши. Это большой кусокъ колеспора въ видѣ мантии, которымъ покрывалось все тѣло.

²⁾ Въ одномъ преданіи стоитъ «мнтравъ хазиннъ», а въ другомъ—«киса хазиннъ». *Хаззъ* означаетъ шелкъ, который послѣ того, какъ длинная нити будутъ выпрядены изъ кокона, придется какъ шерсть—веретенномъ.

³⁾ Хотя хатым'омъ собственно называется кольцо съ печатью, однако называются иногда и кольца, которыя восточныя женщины носятъ на пальцахъ ногъ. Ср. Понъ-Саадъ 12 т. 76 л. на об.

каждаго мытья опускали въ пастой шафрана, или только кропили имъ. Это случалось именно на свадьбахъ и другихъ празднествахъ. Однажды Мухаммедъ предложилъ Айшѣ въ подарокъ свою шубу; она съ жадностью схватила её.

Въ четвертый годъ гиджры (Января 626 г.) съ ней случилось одно маленькое любовное приключеніе, которое ей причинило много непріятностей. Вотъ ея рассказъ объ этомъ. Онъ былъ измѣненъ почитателями ея въ ея пользу, по Зоґріемъ былъ исправленъ. И слѣдую тексту Бухари—594 стр.

„Когда пророкъ отправлялся въ путешествіе, онъ бросалъ между своими женами жребій и бралъ съ собой ту, которой выпалъ жребій. Такъ поступилъ онъ и предъ походомъ противъ Морайзигъ; жребій выпалъ на меня. Въ это время было уже открыто повелѣніе, чтобы женщины носили покрывало. Потому я, закрывшись покрываломъ, сѣла на посылки, въ которыхъ меня подняли на верблюда, крѣпко привязали ихъ къ животному и затѣмъ отправились въ походъ.

„По совершеніи похода, возвращаясь, мы расположились лагеремъ недалеко отъ Медины. По наступленіи ночи, пророкъ далъ приказъ отправляться въ путь. Услышавъ приказаніе, я встала, вышла изъ лагеря и, по совершеніи естественныхъ потребностей, возвратилась къ своему верблюду. Но тутъ я схватилась за шею и не нашла своего ожерелья изъ тзафарійскихъ раковинъ. Я пошла обратно поискать его и, стараясь найти, долго промедлила тамъ. Между тѣмъ люди, на которыхъ лежала обязанность поднимать меня на носилкахъ на верблюда, подняли носилки и привязали ихъ, думая, что я тамъ сижу; поѣздъ тронулся. Ошибку ихъ легко понять,—женщины были въ то время легки и худы¹⁾ по причинѣ худой пищи, а я кромѣ этого была еще очень молода. Они не могли догадаться по тяжести носилокъ, что онѣ очень легки. Нашедши ожерелье, я поспѣшила къ лагерю, но не нашла никого и никто не откликнулся на мой голосъ. Я думала, что они, не найдя меня на посылкахъ, возвратятся и посадятъ меня на мое прежнее мѣсто. Мои глаза отяготѣли,—я заснула. Солаймитъ Сафванъ-бенъ-Моатталъ не былъ въ это

¹⁾ У Соѳути, Роджугъ алынанхъ или олышабаба, она говоритъ: такъ какъ я была любима пророкомъ, то онъ просилъ мою мать сдѣлать меня толстою (Арабы любятъ толстыхъ женщинъ); мать нашла, что мнѣ ничто не можетъ помочь лучше огурцовъ и свѣжихъ финиковъ....., питаюсь ими, я потолстѣла.

время въ лагерѣ, а оставался позади и утромъ проходить мимо. Онъ замѣтилъ меня, подошелъ ко мнѣ и узнать меня, такъ какъ онъ увидѣлъ меня прежде, нежели я успѣла надѣть покрывало. Онъ разбудилъ меня восклицаніемъ: „мы принадлежимъ Богу и къ Нему возвратимся“. Я мгновенно опустила на лицо свою головную повязку и, клянусь Аллахомъ, онъ не сказалъ мнѣ ни одного слова, исключая упомянутого восклицанія. Онъ сошелъ съ верблюда, заставилъ его встать на колѣни; я сѣла на верблюда, и онъ повелъ его. Мы поспѣшили за войскомъ и догнали его около полудня, когда оно уже намѣревалось остановиться лагеремъ. () моемъ отсутствіи еще не догадались. Только когда увидѣли, что я ѣду съ какимъ-то мужчиной, поднялась суматоха. Когда войско находилось въ пути, я нисколько не предчувствовала тѣхъ снѣтень, которыя составлялись относительно меня. По прибытіи въ Медину, я сдѣлалась тяжело больна и пролежала въ постели почти цѣлый мѣсяцъ. Худые слухи дошли до ушей пророка и моихъ родителей; но они мнѣ ничего не говорили, а мнѣ самой и въ голову не приходило, чтобы пророкъ былъ по отношенію ко мнѣ менѣе пѣженъ теперь, когда я была больна. Онъ иногда посѣщалъ меня, цѣловалъ, но ничего не говорилъ кромѣ того: „какъ поживаешь“ и затѣмъ удалялся.

„Около двадцати дней спустя, я выздоровѣла и дѣлала съ *Умм-и-Мистагъ* почную прогулку къ Манасигъ. На возвратномъ пути она рассказала мнѣ объ этой исторіи и проклинала своего собственнаго сына за то, что онъ вѣрилъ этому. Я попросила у пророка позволеніе сходить къ родителямъ и отъ своей матери узнала тоже, что о происшествіи всѣ говорятъ. Я плакала цѣлую ночь. Пророкъ призвалъ къ себѣ Алія и Озamu - бейъ - Саида и совѣтовался съ ними о томъ, должно ли ему разводитья со мной, такъ какъ онъ не получалъ откровенія отъ Бога. Алій ему посовѣтовалъ развестись, но Озама высказалъ свое убѣжденіе, что я невинна. На слѣдующій день пророкъ пришелъ ко мнѣ и спросилъ меня: „виновна я, или невинна?“ Я просила родителей, чтобы они отвѣчали за меня, но они не знали, что сказать. Я сказала: „вы слишкомъ много наслушались этой дурной молвы, такъ что привыкли считать ее истиной. Если я скажу, что я невинна, то вы не повѣрите мнѣ; если же я признаюсь въ томъ, въ чемъ я, клянусь Богомъ, не виновна, то вы повѣрите

этому. Я не нахожу сказать ничего, какъ только повторить слова (Іакова) отца Іосифа: „терпѣніе прекрасно“. Затѣмъ я пошла спать. Я думала, что пророкъ, можетъ быть, получить видѣніе, оправдывающее меня, но я не ожидала, чтобы Богъ ниспослалъ откровеніе изъ-за такого ничтожнаго существа, какъ я. Однако, прежде нежели пророкъ и другіе оставили комнату, съ нимъ случился пароксизмъ, какъ-бы въ лихорадкѣ, и продолжался до тѣхъ поръ, пока выступили у него капли пота, какъ перлы. Это происходило зимой, и потому было дѣйствіемъ тяжести откровенія, которое онъ получилъ.¹⁾ Когда припадокъ прошелъ, онъ улынулся и первыя слова его были: „Айша! Богъ призналъ тебя невиною“. Моя мать сказала: „обойми его“. Но я отвѣтила: „нѣтъ, я не обниму его, но буду славить Бога“. Откровеніе, которое онъ получилъ при этомъ случаѣ, находится въ Коранѣ (гл. 24, ст. 11—21).

Въ подлинникѣ, который я сократилъ здѣсь, употреблено много стараній, чтобы мотивировать молчаніе болѣзненнаго супруга и пристыженныхъ родителей Айши. Въ самомъ дѣлѣ это былъ самый позорный періодъ въ дѣловой исторіи, какъ это ясно вытекаетъ изъ корана (гл. 24, ст. 15). Мать ее можетъ быть говорила ей: „послушай дочь, твои враги распускаютъ худыя слухи; разскажи мнѣ весь ходъ дѣла, чтобы я могла оправдать тебя“. А если Мухаммедъ уже въ началѣ готовъ былъ вѣрить ей на слово, то онъ имѣлъ лѣстивую надежду открыто доказать ее невиновность и въ продолженіи ее болѣзни могъ обнародовать объ пей. Я не могу подавить въ себѣ сомнѣнія въ томъ, что Айша не была больна, по удалена своимъ мужемъ по совѣту Алія. Этимъ объясняется

¹⁾ Проф. Веіль въ «Sybel's Zeitschrift für Geschichte» 1862 г.—изъ перевода этого мѣста, сдѣланнаго Ибнъ-Исхакомъ,—пытался доказать, что припадки Мухаммеда были не каталептического свойства, а эпилептического. Если бы мы могли съ увѣренностію сказать, что такъ говорила объ этомъ предметѣ Айша, или по крайней мѣрѣ редакторъ этого разсказа, то могли бы сдѣлать подобный выводъ изъ этого мѣста. Но преданія очень отличны отъ письменныхъ документовъ и ими слѣдуетъ пользоваться совершенно иначе: мы должны сравнить всѣ переводы, если хотимъ знать не одно только общее содержаніе. Эти преданія, которыхъ я знаю четыре (кромя преданія Ибнъ-Исхака, Вакиди, Бухари и Муслима), различаются въ данномъ мѣстѣ такъ сильно, что единственное заключеніе, которое можно изъ нихъ сдѣлать, есть то, что редакторъ преданія думалъ, что Мухаммедъ получалъ откровенія въ припадкахъ какого-нибудь рода и этимъ обстоятельствомъ онъ воспользовался, чтобы придать болѣе жизни своему разсказу. Болѣе или менѣе точное описаніе припадковъ есть дѣло лица, которое передавало о нихъ.

та ненависть, которую она питала до конца жизни къ Алію и его семейству и которая причинила много несчастій мухаммеданамъ, какъ гнѣвъ жены Брунгильды на Зигфрида— Нибелунгамъ.

Мухаммедъ могъ оставить её въ подозрѣніи, или она должна быть побита камнями, хотя бы и безъ причины, если бы вина ея была доказана. Хотя Мухаммедъ безъ милосердія исполнилъ смертный приговоръ на двухъ іудеяхъ, нарушившихъ супружескую вѣрность, а также на Маицѣ и еще на одной хамидитянкѣ;¹⁾ но теперь онъ изъ вниманія къ Айшѣ и къ ея родителямъ измѣнилъ этотъ законъ, именно постановилъ, что соблазнитель и соблазненная должны быть наказываемы сотнею ударовъ плетью, и послѣ позорнаго наказанія могутъ вступить въ бракъ только съ невѣрующими и нарушившими брачную вѣрность (Корана гл. 24, ст. 2). Такимъ образомъ Айша, по совершеніи наказанія, могла быть женою Сафвапа. Достоиню вниманія то, что Мухаммедъ для спасенія чести своей возлюбленной удостовѣрялъ, что Сафванъ видѣлся съ Айшею въ его домѣ исключительно только въ его присутствіи. Итакъ кажется, совѣщанія и разговоры существовали на самомъ дѣлѣ. Въ продолженіи трехъ недѣль гнѣвъ Мухаммеда могъ пройти, и онъ могъ убѣдиться, что не можетъ жить безъ своей юной подруги, къ которой онъ чувствовалъ скорѣе снисходительную любовь отца, чѣмъ ревность мужа. Поэтому онъ получилъ откровеніе, что обвиняющій цѣломудренную жену въ преступленіи долженъ представить четырехъ свидѣтелей, которые должны видѣть собственными глазами самый актъ преступленія, какъ опредѣляетъ законъ. Если обвиненіе не будетъ доказано, то обвинитель долженъ подвергнуться восьмидесяти ударамъ плетью. Мистахъ и Хамна, дочери Гапи, двѣ изъ главныхъ обвинительницъ, добровольно

¹⁾ Двое послѣдніе сами признались въ своемъ преступленіи и Мухаммедъ охотно желалъ, чтобы они убѣжили. Но они желали получить «очищеніе». Маицъ потерялъ присутствіе духа, когда камни были брошены въ него и хотѣлъ было бѣжать. Одинъ мусульманинъ сбилъ его съ погъ костью верблюда,—и побіеніе камнями было совершено. Хамидитянкѣ былъ предоставленъ срокъ родить и вскормить грудью плодъ своей любви. Исполнивши свой долгъ относительно дитяти, она дала ему кусокъ хлѣба въ руку, показывая этимъ, что оно можетъ ѣсть и принесла его къ Мухаммеду. Онъ отдалъ дитя одному мухаммеданину, а ее приказалъ зарыть въ землю по грудь. Потомъ Халидъ ударилъ ее камнемъ въ голову. Это было сигналомъ къ побіенію ея камнями. Минская 308 стр.

подчинились этому наказанію, такъ какъ онѣ были истинныя мухаммеданки.¹⁾

Однако худые слухи отъ этого не замолкли. „*Лицемеры*“ (мунафикъ) еще хуже начали отзываться объ Айшѣ. Между ея порицателями самымъ дѣятельнымъ былъ Ибнъ - Обайя. Поэтому Мухаммедъ искалъ случая какъ-нибудь лишить его жизни, чтобы устрасшить этимъ остальныхъ, которые не хотѣли признавать новаго догмата о невинности Айши. Для этой цѣли онъ обратился къ Сааду-бенъ-Обаду, который между истинными мухаммеданами имѣлъ огромное вліяніе на Хазраджитовъ; онъ взялъ его за руку и привелъ вмѣстѣ съ другими важными лицами въ домъ правовѣрнаго вождя Авситовъ Саадъ-бенъ-Моадза. Этотъ угощалъ ихъ, а Мухаммедъ старался убѣдить ихъ въ невинности своей жены и утвердить хорошія отношенія между ними. Спустя нѣсколько дней онъ привелъ послѣдняго въ домъ перваго съ тѣмъ же намѣреніемъ. Послѣ этихъ приготовленій, онъ на слѣдующее утро возшолъ на каеэдру и воскликнулъ: „*кто будетъ защищать меня отъ дурныхъ послѣдствій, если я отошлю тому, кто издѣвается надо мною?*“ „Я, отвѣтилъ Саадъ-бенъ-Моадзъ, если онъ Авситъ, я отрублю ему голову; но если онъ принадлежитъ къ нашимъ братьямъ Хазраджитамъ, то мы предпримемъ противъ него, что ты намъ прикажешь.“ Ясно было, что Мухаммедъ имѣлъ въ виду вліятельнаго Абдъ-Аллаха-бенъ-Обайя. Потому глава Хазраджитовъ отвѣчалъ: „это для тебя не составляетъ важности, Саадъ; но если это — Авситъ, то мы не въ состояніи и не пожелаемъ убить его“. Въ мечети споръ между двумя колѣнами дошелъ до жестокихъ стычекъ, въ продолженіи которыхъ Мухаммедъ молчалъ. Убийственный планъ милосердаго теократа не исполнился. Хазраджиты не во главѣ съ Саадъ-бенъ-Обадомъ, теперь еще болѣе возвысившимся, такъ энергично выступили, что никто не отважился убить Ибнъ-Обайю.

Въ этомъ дѣлѣ участвовала другая также для насъ важная личность, именнно поэтъ Хассанъ. Хотя таланты этого человѣка, судя по его поэтическимъ произведеніямъ, были очель ограничены, однако онъ превосходилъ всѣхъ медин-

¹⁾ Ибнъ-Исхакъ говоритъ, что и поэтъ Хассанъ былъ наказанъ плетью, но другіе сомнѣваются въ этомъ.

скихъ поэтовъ. Онъ былъ человѣкъ безхарактерный и трусъ; вмѣсто того, чтобы выступать на войну, онъ постоянно оставался дома съ женами, даже въ такое время, когда отечество его было осаждено врагами. Но онъ имѣлъ злой языкъ, такъ что, по словамъ арабскихъ историковъ, не было ни одного поэта язвительнѣе его въ своихъ произведеніяхъ. Вѣшность его была фантастическая: волосы всегда спускались напередъ и висѣли между глазами. Онъ носилъ черныя бакенбарды, по усы окрашивалъ въ красный цвѣтъ. Когда его спрашивали, зачѣмъ онъ такъ безобразить себя, онъ отвѣчалъ: чтобы походить на льва съ окровавленной мордой.

Если дѣйствительно онъ былъ наказанъ плетью, то вѣроятно желчь его была возбуждена, а неудача пророка въ убійственномъ замыслѣ противъ Ибнъ-Обайи дала ему смѣлость нападать въ своихъ стихахъ на тѣ колѣна, къ которымъ принадлежалъ Мухаммедъ. Сатира его была представлена Мухаммеду и тотъ спросилъ: „кто желаетъ въ угоду мнѣ лишить жизни Хассана?“ Обиженный Хафванъ предложилъ свои услуги для этого кроваваго дѣла и пошелъ съ этой цѣлью въ городъ Форайгъ, гдѣ находился Хассанъ. Тотъ обратился въ бѣгство, когда Хафванъ приблизился къ нему съ обнаженнымъ мечемъ. Всеже Хассанъ получилъ рану въ икру. Семейства Бену-Харитъ и Бену-Хазрахъ, къ которымъ принадлежалъ поэтъ, схватили виновника и держали его нѣсколько времени въ плѣну. Саадъ-бенъ-Обайдъ и его родственники вмѣшались въ это дѣло и, благодаря краснорѣчію или силѣ, имъ удалось припудить Бену-Харитъ отпустить Сафвана. Саадъ одѣлъ его и привелъ къ пророку. Пророкъ, увидѣвъ его, воскликнулъ: „*Богъ одѣнетъ того, кто одѣлъ тебя*“.¹⁾ Хассанъ пожелалъ перейти на сторону пророка. Родственники приводили его два раза къ Мухаммеду, но онъ не былъ допущенъ. Онъ написалъ нѣсколько льстивыхъ стихотвореній, въ которыхъ общался писать сатиры на Корейшитовъ до

¹⁾ Въ Вакиди, ман. Бр. муз. 20737, листъ 105, есть другая редакция этой исторіи. Хафванъ ранилъ поэта безъ вѣдома Мухаммеда, былъ схваченъ, связанъ и привезенъ къ нему. Пророкъ приказалъ посадить его въ тюрьму и казнить въ случаѣ, если Хассанъ умретъ. Хассанъ и его родственники были умирены Саадомъ. Хафванъ получилъ свободу и почетное платѣ. Хотя Мухаммедъ былъ радъ этому въ высшей степени, однако не оставилъ безъ наказанія и поэта.

тѣхъ поръ, пока они оставлятъ Лать и Уззу и увѣрують въ Мухаммеда. Онъ пришелъ въ третій разъ къ Мухаммеду и сказалъ: (стихи)

„Я писалъ сатиры противъ Мухаммеда, но я также и защищалъ его отъ нападокъ. Богъ наградилъ меня за это. Мой отецъ, мои предки и моя честь должны служить цитомъ чести Мухаммеда противъ его враговъ“.

Теперь его приняли и удовлетворили,—онъ получилъ въ видѣ награды за рану помѣстье Мухаммеда, которое въ послѣдствіи купилъ у него Моавія за огромную сумму для того, чтобы построить на этомъ мѣстѣ *кафъ-аль-дараинъ* (замокъ съ двумя дворами: одинъ для мужичь, а другой для женщинъ). Хассанъ, который и раньше этого случая писалъ похвальные стихотворенія въ честь Мухаммеда, составилъ себѣ карьеру, сдѣлался „*поэтомъ Бога и пророка*“, восхвалялъ высокопоставленныхъ лицъ и насмѣхался надъ врагами ислама. Онъ получалъ за это дорогія подарки. Когда правитель Египта послалъ пророку двѣ конкубины — коптянки, тотъ оставилъ одну для себя, а другую по имени Сирену отдалъ поэту. И въ честь Айши Хассанъ составилъ панегирикъ. Онъ достигъ своей цѣли,—Айша простила ему и въ послѣдствіи отзывалась о немъ не иначе, какъ только съ хорошей стороны. Я сообщи еще нѣсколько анекдотовъ о Хассанѣ изъ *китабу-ль-агани* 1 т. 201 л. и слѣд.

Три корейшита, Абдъ-Аллахъ бенъ-Зибари, Абу-Софіанъ бенъ-аль-Харитъ бенъ-Абдъ-аль-Мотталибъ и Амръ бенъ-аль-Асъ, дали слово писать сатиры на Мухаммеда. Кто-то обратился къ Алію бенъ-Абу-Талибу со слѣдующей просьбой: составь сатиру противъ народа, который насъ презираетъ. Алій отвѣтилъ: я охотно составляю еѣ, если пророкъ дастъ мнѣ на это позволеніе. Но когда онъ просилъ у пророка позволенія, тотъ отвѣчалъ: Алій не для этого предназначенъ. Потомъ онъ обратился къ ансарамъ и спросилъ: почему вы, помогавшіе намъ своимъ оружіемъ, не поможете своимъ языкомъ? Хассанъ вышелъ впередъ и вызвался взять на себя эту задачу. Пророкъ коснулся кончика его языка и сказалъ: „*клянусь Богомъ, ни одинъ языкъ отъ Босры до Самы не доставитъ мнѣ радостей больше твоего. Но какъ ты можешь возбудить презрѣніе къ Корейшителямъ, когда я одинъ изъ нихъ?*“ Хассанъ отвѣчалъ: я тебя исключу изъ числа ихъ,

какъ волосъ вынимають изъ тѣста. Три ансара составили сатиры на Корейшитовъ: Хассанъ, Кабъ бенъ - Маликъ и Абдъ - Аллахъ бенъ - Равага. Два первые написали на нихъ сатиры съ той же стороны, съ какой тѣ нападали на ансаровъ: они говорили о ихъ битвахъ и пораженіяхъ и насмѣхались надъ ними. Но Абдъ-Аллахъ бенъ-Равага представлялъ ихъ невѣріе. Пока они оставались язычниками, ихъ сильнѣе являли нападки Хассана и Каба, когда же они обратились въ исламъ, то нападки Абдъ-Аллаха. Пророкъ такъ сильно удивлялся поэтическимъ дарованіямъ Хассана, что объявилъ его исполненнымъ Святаго Духа. Для того, чтобы дать ему возможность сдѣлать вѣрнѣе нападки на личностей, онъ приказалъ Абу-Бекру познакомить Хассана съ фамилными отношеніями Мекканцевъ и даже употребить умѣренную цензуру. Когда до слуха Корейшитовъ дошла одна язвительная сатира, они сказали: Абу - Бекръ снова пустилъ въ ходъ свою руку. Однажды Мухаммедъ, совершая путешествіе, просилъ поэта сопровождать его и произносить предъ нимъ свои поэтическія произведенія. Пророкъ слушалъ его цѣлую ночь съ величайшимъ удовольствіемъ и, когда Хассанъ окончилъ свое чтеніе, сказалъ: онѣ, т. е. сатиры, острѣе стрѣлъ для нашихъ враговъ. За его жестокія нападки и за то, что онѣ не всегда одинаково мыслили съ пророкомъ, вѣрнѣе по смерти его защитника прозвали его „проклятымъ“. Мухаммедане прежде были не столь расточительны на подобныя выраженія, какъ мы.

Когда Мекка была завоевана и жители ея обратились въ исламъ, направленные противъ нихъ сатиры производили свое дѣйствіе. Поэтому Халифъ Омаръ запретилъ произносить ихъ, потому что, говорилъ онъ, онѣ теперь могутъ возбуждать только прежнія враждебныя отношенія, которыя искоренилъ исламъ. Однажды, уже послѣ этого запрещенія Самить-абдъ-Аллахъ-бенъ-Зибари и Фигритъ-Дираръ пришли въ Медину носѣтитъ своего друга Абу-Ахмеда-бенъ-Гапа. Они просили его пригласить Хассана, чтобы слышать изъ его устъ стихи его, а ему продекламировать свои, такъ какъ они совершенно примирились. Поэтъ радъ былъ ближе познакомиться съ своими прежними противниками и спросилъ ихъ: не хотятъ ли они открыть поэтическаго пренія? Они были довольны этимъ и произнесли всѣ сатиры, составленныя на него. Хассанъ потѣлъ отъ злости, слушая всѣ насмѣшки,

и ожидалъ съ нетерпѣніемъ того момента, когда они кончатъ свою декламацию и онъ можетъ начать свои стихотворенія. Но, окончивши, они сѣли на верблюдовъ и уѣхали въ Мекку, не позволивъ ему начать рѣчи. Хассанъ обратился къ Халифу и разсказалъ ему, какимъ вѣроломнымъ образомъ нарушено его повелѣніе.

Дираръ предвидѣлъ послѣдствія своей шутки и, когда они прибыли въ Равгу въ 40 арабскихъ миляхъ отъ Мекки, онъ сказалъ своему спутнику: „ты увидишь, что Хассанъ будетъ жаловаться Халифу и Омаръ привлечетъ насъ къ отвѣтственности. Поэтому намъ лучше было бы остаться здѣсь и ожидать окончанія дѣла“. Но едва онъ успѣлъ выговорить, какъ гонецъ Омара приблизился и потребовалъ ихъ возвратиться въ Медину. Когда они пришли къ Халифу, былъ призванъ и Хассанъ. Собралось огромное множество народа и Омаръ приказалъ Хассану произнести свои сатиры на этихъ двухъ поэтовъ; когда тотъ исполнилъ, Омаръ сказалъ обоимъ поэтамъ: „вы можете теперь оставаться здѣсь, или возвратиться въ Мекку. Хассанъ удовлетворенъ, потому что имѣлъ преимущество произносить свои стихотворенія публично, между тѣмъ какъ вы декламировали свои въ частномъ обществѣ“. Потомъ онъ обратился къ присутствовавшимъ ансарамъ и продолжалъ: „я запретилъ вамъ держать въ памяти стихи, которые напоминаютъ древнія враждебныя отношенія между мусульманами и язычниками. Но если противная партія не согласна на это распоряженіе, то вы должны написать свои стихотворенія, выучить ихъ наизусть и собрать въ одинъ диванъ“ (сборникъ).

Для того, чтобы снова взять къ себѣ дочь своего вѣрищаго друга и лучшаго совѣтника, не подвергаясь публичному презрѣнію, Мухаммедъ опредѣлитъ въ Коранѣ (гл. 24, ст. 6), что мужъ не долженъ нисколько сомнѣваться въ цѣломудріи своей жены, если онъ не имѣетъ четырехъ свидѣтелей. Если бы даже онъ схватилъ еѣ во время самаго преступленія, то долженъ совершить пятикратную клятву, но эта клятва уничтожается пятикратною клятвою жены. Наконецъ онъ, съ цѣлію успокоить умы, обнародовалъ слѣдующее хорошо обдуманное, но не поэтическое откровеніе (Корана гл. 24, ст. 11—22): „Тѣ изъ васъ, которые распространяютъ обвиненіе, не многочисленны: ихъ двѣ, три дюжины. Не думайте, чтобы они повредили вамъ,—они скорѣе послужатъ къ вашей пользѣ. Вся-

кій порицающій получить свое возмездіе за свое преступленіе. Большую часть падменныхъ (Хассанъ) ожидаетъ великое наказаніе¹⁾.

Ст. 12. Почему вы вѣрные мужи и жены, слыша исторію, не подумали съ хорошей стороны о вашемъ ближнемъ, а говорили: это явная ложь?

Ст. 13. Почему обвинители не представили четырехъ свидѣтелей (чтобы доказать нарушеніе сунружеской вѣрности); а такъ какъ не имѣютъ ни одного свидѣтеля, то пусть знаютъ, что они окажутся предъ Богомъ лжецами.

Ст. 14. Если бы милость и милосердіе Божіе не почило на васъ въ этомъ и томъ мірѣ, то вы подверглись бы великому наказанію за это пустословіе свое, такъ какъ вы распространяли клевету вашими языками. Вы говорите своими устами о вещи, о которой ничего не знаете, и легко относитесь къ предмету, который имѣетъ великую важность предъ Богомъ.

Ст. 15. Почему вы, слыша эту исторію, не сказали: „не прилично намъ говорить объ этомъ. Слава Богу! Это жестокая клевета“?

Ст. 16. Богъ предостерегаетъ васъ, чтобы вы не дѣлали этого, если вы вѣрующіе,

Ст. 17. и Богъ объявляетъ вамъ знаменія, потому что Богъ всевѣдущъ и мудръ.

Ст. 18. По истинѣ ожидаетъ ужасное наказаніе тѣхъ, которые радуются, если распространятся о вѣрующихъ худые слухи,—

Ст. 19. Наказаніе въ этомъ и томъ мірѣ. Богъ знаетъ все, а вы нѣтъ.

Ст. 20. Если-бы милость и милосердіе Божіе не почили на васъ, тогда-бы.... Но Богъ милостивъ и милосердъ.

Ст. 21. О, вѣрующіе! не слѣдуйте по слѣдамъ сатаны. Кто слѣдуетъ по слѣдамъ сатаны, тотъ пусть знаетъ, что са-

1) Въ подлинникѣ нѣтъ никакого глагола. Большая часть толковниковъ разумѣетъ подъ этимъ осужденіе на адскія мученія; а такъ какъ Хассанъ умеръ мухаммеданиномъ, то думаютъ, что эти слова относятся къ Абдъ-Аллаху бей-Обайѣ. Однако Мазрукъ разговаривалъ объ этомъ предметѣ съ Айшей и она понимала подъ этимъ временное наказаніе. Она сказала: «развѣ слѣпота не великое наказаніе». Если это вдохновеніе произошло раньше примиренья Мухаммеда съ Хассаномъ, то онъ могъ разумѣть здѣсь адъ, или свой убійственный замыселъ противъ Хассана. Если же этотъ стихъ открытъ позднѣе, то его можно объяснить такъ: онъ заслуживалъ великаго наказанія, но получилъ оправданіе Сафвана.

тана предлагаетъ постыдное и недозволенное. И если-бы милость и милосердіе Божіе не почтили на васъ, никто-бы между вами не остался чистъ. Но Богъ очиститъ того, кого хочетъ. потому что онъ слышитъ и знаетъ всё.

Ст. 22. Поистинѣ тѣ, которые порицаютъ цѣломудренныхъ, невинныхъ и вѣрующихъ женщинъ будутъ прокляты въ той и въ этой жизни и ихъ постигнетъ великое наказаніе¹⁾.

Была-ли Айша виновна въ нарушеніи супружеской вѣрности, это остается недоказаннымъ. Но пятнадцатилѣтняя женщина, дочь Востока, безъ образованія, шаловливая и уже шесть лѣтъ бывшая игрушкой шестидесятилѣтняго развратника, находится въ уединеніи съ молодымъ человѣкомъ и молодой человѣкъ находится въ уединеніи съ хорошенькой женщиной!... Впрочемъ для насъ не такъ важна вѣрность Айши, какъ убѣжденіе въ ней Мухаммеда. Изъ Корана кажется ясно проглядываетъ, что въ его глазахъ, а еще болѣе въ глазахъ публики, если она и не была виновною, то все же въ высшей степени подвергалась сомнѣнію, такъ что Мухаммедъ въ своемъ домѣ немъ несчастія прибѣгаетъ къ откровеніямъ. Эта наглая пошлость достойна осужденія. Нѣсколько времени спустя послѣ этого приключенія, Айша снова сопровождала Мухаммеда въ одномъ походѣ. Она имѣла не очень счастливый случай еще разъ потерять свое ожерелье. На этотъ разъ она сдѣлала тревогу и вѣрующіе пошли отыскивать его. Это стоило имъ много времени, такъ что они, далеко удалившись отъ лагеря, должны были совершать молитву на безводномъ мѣстѣ. Такъ какъ они нарушили предписанныя омовенія, то и доложили объ этомъ случаѣ пророку. Онъ получилъ относительно этого откровеніе, въ которомъ предписывалось за недостаткомъ воды, въ замѣнъ омовенія, треніе лица и рукъ мелкимъ пескомъ.¹⁾

По смерти Мухаммеда, Айша была самою священной личностью въ цѣломъ исламѣ; не было ни одной государственной интриги, въ которой она не играла бы главной роли, ни одной борьбы партій, которой бы она не заправляла. Она пережила Мухаммеда 47 годами и умерла 67 лѣтъ въ Мединѣ, 13 Іюля 678 года. Она умѣла читать, владела экземпляромъ Корана; въ теологіи, генеалогіи, въ арабскихъ сагахъ и поэзіи она имѣла больше свѣдѣній, нежели всѣ вмѣстѣ остальные жены Му-

¹⁾ Бухари, 532 стр. Ибнъ-Исхакъ, 85 листъ.—Объ этомъ родѣ омовенія говорится въ 4 гл. 46 ст. и 5 гл. 9 ст. Корана. Прим. Ред.

хаммеда. Она знала наизусть стихотворенія во сто и въ двѣсти стиховъ, особенно стихотворенія Лябида. Она передала многія изреченія пророка и сказанія о его жизни, и большая часть ихъ носить на себѣ печать самостоятельности. Уже въ правленіе ея отца, Абу-Бекра, и еще болѣе въ позднѣйшее время на нее смотрѣли, какъ на высшую инстанцію въ религіозныхъ и юридическихъ вопросахъ.

Впрочемъ, уваженіемъ, которымъ пользовалась, она обязана не единственно своимъ талантамъ. Айшою пользовалась политическая партія ея отца, какъ талисманомъ противъ Аліндовъ, которые противопоставили ей другую вдову Мухаммеда, Уммъ-Саляму. Алій назначилъ ея сына Омара правителемъ Бахрайна, а потомъ Мусибзана, а она находилась подъ его защитой. Но она не владѣла интригальнымъ духомъ своей соперницы; Алій и его партія не была такъ свободна отъ мелкихъ раздоровъ, какъ ихъ враги,—и попытка найти противовѣсъ вліянію Айши вполне не удалась. Когда Аббасиды, соединившись съ Аліндами, начали интриги противъ Омаядовъ, Айши давно уже не было въ живыхъ, и теперь нашли нѣкоторое число преданій въ пользу Хадиджи и она съ матерью потомковъ Алія должна была раздѣлить тотъ почетъ, который мухаммедане питали еще къ Айшѣ.

4. *Зяйнаба-бинтъ-Хазайма*, хилилеритянка, изъ одного хавазинскаго колѣна, была сначала женою Тофайля-бенъ-Харитса. Онъ оставилъ ее, и она вышла за-мужъ за его брата Обайда. Послѣ того, какъ Обайдъ палъ при Бедрѣ, Мухаммедъ женился на Зяйнабѣ въ мѣсяцѣ Рамазанъ въ 3-мъ году гіджры (Февраля 625 г.) и далъ ей приданое, состоящее изъ двѣнадцати унцій золота.¹⁾ Восемнадцать мѣсяцевъ спустя, она была похищена смертью, на 30 году жизни. По другимъ сказаніямъ предметникомъ Мухаммеда былъ Абдъ-Аллахъ-бенъ-Гашъ, который палъ при Оходѣ и она умерла, спустя два мѣсяца послѣ свадьбы.

5. *Хавса, дочь Омара*. Она родилась въ 607 году и была сначала за-мужемъ за Хонайсомъ-бенъ-Годзафой. Онъ умеръ отъ ранъ, полученныхъ при Бедрѣ или Оходѣ, и Омаръ предложилъ ей руку сначала Абу-Бекру, потомъ Осману (который

¹⁾ Зогріі не упоминаетъ о днѣ свадьбы, а ея имя упоминаетъ послѣ Зяйнабы-бинтъ-Гашъ и прежде Райханы. Такимъ образомъ кажется, по его мнѣнію, свадьба была совершена въ 627 году.

въ это время лишился Рукайи). Но ни тотъ, ни другой не пожелалъ имѣть её женой. Затѣмъ онъ пришелъ къ Мухаммеду, который тотчасъ же согласился на предложеніе. Свадьба происходила въ Январѣ 625 года, такъ что Зайнаба была по крайней мѣрѣ двадцати лѣтъ. Мухаммедъ хотѣлъ было удалитъ ее, но изъ любви къ Омару оставилъ. Она умерла въ 45 или 41 году гиджры (Октября 665 или 661 года по Р. Хр.).

6) *Уммъ-Салаяма* изъ фамиліи Мазумъ. Такъ какъ гаремъ Мухаммеда былъ очень многочисленъ, то она отказывалась быть его женою и мотивировала свой отказъ тѣмъ, что она очень стара, имѣетъ очень много дѣтей¹⁾ и страдаетъ ревностью. Но она была очень красива; поэтому онъ рѣшился овладѣть ею. Онъ отвѣчалъ ей: *«я гораздо старше тебя; и позабочусь о твоихъ дѣтяхъ и буду молить Бога, чтобы онъ избавилъ тебя отъ ревности»*. По другимъ сказаніямъ, ея первый мужъ на смертномъ одрѣ молился, чтобы его преемникъ получилъ въ раю мѣсто выше его и она повторяла эту молитву послѣ его смерти съ такимъ усердіемъ, что Богъ воспламенилъ любовью къ ней сердце Мухаммеда. Послѣ свадьбы, которая праздновалась въ Мартѣ 626 года, онъ предоставилъ ей на выборъ: жить ли ему съ ней три дня, а потомъ по порядку посѣщать остальныхъ женъ и затѣмъ снова возвратиться къ ней, или оставаться у ней семь дней. Въ послѣднемъ случаѣ, прибавилъ онъ, я пробуду по семи дней и у твоихъ подругъ. Она выбрала первое, и съ этихъ поръ у мухаммеданъ сдѣлалось правиломъ проводить три дня съ новою женою. По преданію она получила въ приданое ручную мельницу, деревянную чашку, постелю и другія принадлежности, все вмѣстѣ на сумму въ 40 диргемовъ. По другимъ рассказамъ Мухаммедъ былъ очень щедръ по отношенію къ своимъ женамъ. «Я, сказалъ онъ Уммъ-Саламѣ, пошлѣ царю абиссинскому подарокъ, состоящій изъ огромнаго числа унцій мускуса и одной прекрасной одежды, верхней и нижней. Но я увѣренъ, что онъ уже теперь умеръ. Когда мои подарки будутъ возвращены, ты получиши ихъ. И подарки дѣйствительно были возвращены назадъ, и Мухаммедъ отдалъ каждой своей женѣ по унціи мускуса, а остатокъ вмѣстѣ съ одеждой отдалъ Уммъ-Саламѣ. Она умерла въ мѣсяцъ Дзу-ль-кагда 59 или 62 года гиджры,—84 лѣтъ.

¹⁾ Охаръ, Салаяма и двѣ дѣвочки: Зайнаба и Барра.

7) *Джувайрийя*. Во время похода противъ Морайза многія женщины племени Мосталикъ попались мусульманамъ въ плѣнъ. Между ними находилась двадцатилѣтняя Барра, которая, по словамъ Айши, не имѣла соперницъ по своей граціи и веселости. При раздѣлѣ имущества она досталась Тсабиту бенъ-Кайзу. Она принадлежала къ знатной фамиліи и была увѣрена, что её выкупятъ. Она освѣдомилась о цѣнѣ и согласилась на девять или десять унцій золота. Когда условія были заключены, она обратилась къ Мухаммеду посовѣтоваться съ нимъ. Онъ, при первомъ взглядѣ на ея красоту, былъ пораженъ, и, чтобы утѣшить себя въ невѣрности Айши, сдѣлалъ предложеніе Джувайрийѣ, уплатилъ ей выкупъ и въ видѣ брачнаго подарка даровалъ свободу многимъ плѣнницамъ, имѣвшимъ съ ней одинаковую участь. Мусульмане освободили остальныхъ, потому что, говорили они, женщины того колѣна, съ которымъ породнился нашъ господинъ, не должны быть рабынями. Джувайрийя умерла въ 56 году гиджры (676 году по Р. Хр.) 60 или 65 лѣтъ отъ роду. Первымъ мужемъ ея былъ Мосталикиъ Мосафа.

8) Асадитянка *Зяйнаба*, дочь *Джахши*. Она называлась первоначально Барра; имя Зяйнабы было дано ей въ первый разъ Мухаммедомъ. Она была въ супружествѣ за его приемнымъ сыномъ Зяйдомъ. Мухаммедъ влюбился въ нее и побудилъ Зяйда развестись съ нею для того, чтобы могъ жениться на ней его господинъ. Зяйнаба была серьезнаго характера, искренно убѣждена въ посланничество Мухаммеда и плодомъ ея благочестія была сердечная привязанность къ нему. Такъ какъ любовныя отношенія къ ней случились во время невѣрности Айши, то вѣроятно, что Мухаммедъ устроилъ это дѣло съ цѣлью утѣшить себя. Она при условіяхъ о бракѣ достигла того, что онѣ освящены были откровеніемъ. Исполнить это Мухаммеду не стоило большого труда. Зяйнаба до конца своей жизни хвалилась, что она есть та изъ его женъ, бракъ съ которой былъ заключенъ на седьмомъ небѣ. На землѣ же бракъ ея съ Мухаммедомъ сопровождался пиромъ, на который было приглашено много чужеземцевъ, въ 4 году гиджры (Апрѣля 626 г.), послѣ похода подъ Морайсигъ.¹⁾ Древ-

¹⁾ Ибнъ-Сагдъ, 12 ст. 89 и 179 стр. Это важно, если заповѣдь о покрывалахъ дана уже послѣ свадьбы: раньше мы привели преданіе о любовномъ

нее преданіе говоритъ, что для пира былъ заколотъ и изжаренъ ягненокъ. По болѣе новому преданію, Анасъ принесъ гостямъ скудное кушанье изъ масла и финиковъ. Мухаммедъ приказалъ ему пригласить своихъ друзей и весь народъ, который былъ въ мечети и на улицѣ. Стеченіе народа было столь велико, что хижины и дворъ были совершенно полны. Мухаммедъ коснулся кушанья тремя перстами и оно умножилось въ такой мѣрѣ, что всѣ вполне насытились. Вѣроятно этотъ рассказъ составленъ въ подражаніе евангельскому описанію брака въ Канѣ Галилейской.

Послѣ пиршества, когда большая часть гостей удалилась, Мухаммедъ посѣтилъ хижины всѣхъ своихъ женъ и друженно съ ними разговаривалъ. Потомъ онъ возвратился къ своей невѣстѣ и думалъ съ ней остаться наединѣ. Но онъ нашелъ еще на дворѣ двухъ или болѣе гостей. Эта невѣжливость побудила его обнародовать 53 ст. 33 гл. Корана, гдѣ Богъ запрещаетъ входить въ покои Мухаммеда безъ позволенія и предлагаетъ посѣтителямъ удалиться, тотчасъ по окончаніи своихъ занятій, — запрещаетъ смотрѣть на женъ Мухаммеда, а предлагаетъ разговаривать съ ними не иначе, какъ чрезъ покрывало. Это — заповѣдь, чтобы женщины покрывали свое лице предъ мужчинами. Впослѣдствіи Мухаммедъ услышалъ, что Тальха внимательно посматриваетъ на Айшу и думаетъ жениться на ней послѣ его смерти. Потому въ приложеніи къ упомянутому стиху Мухаммедъ запретилъ жениться на его женахъ.

Зайнаба была очень трудолюбива; она знала кожевенное ремесло и шитье башмаковъ и продолжала заниматься этими ремеслами даже послѣ того, какъ сдѣлалась женою посланника Божія; но прибыль, получаемую отъ своихъ занятій, она раздавала бѣднымъ. Когда Халифъ Омаръ подарилъ ей вдовью пенсію въ 12000 диргемовъ, она прикрыла деньги сукномъ и сказала одной изъ своихъ подругъ: засунь руку подъ сукно, захвати горсть золота и отнеси бѣднымъ какой-нибудь фамиліи. Она продолжала дѣлать такимъ образомъ деньги до

приключеніи Айши, которое произошло на возвратномъ пути изъ Морайсига, а тамъ упоминается, что заповѣдь тогда уже существовала. Для редактора исторіи о любовномъ приключеніи допустить существованіе повелѣнія закрывать лице было очень выгодно, потому что преступность Айши покажется менѣе вѣроятною, если она мгновенно скрыла свое лице.

тѣхъ поръ, пока подъ сукномъ осталось 85 диргемовъ. Однажды Омаръ послалъ ей пять платьевъ изъ государственной казны. Она выбрала изъ нихъ одно, которое должно было служить ей саваномъ, другое дала для той же цѣли своей сестрѣ Хаммѣ.

На смертномъ одрѣ Зяйнаба выразила желаніе, чтобы ея несли къ могилѣ на тѣхъ самыхъ носилкахъ, на которыхъ лежалъ Мухаммедъ. Это отличіе впослѣдствіи было оказываемо и другимъ женамъ. Марванъ-бегъ-Хакамъ приказалъ приготовить множество носилокъ, надѣлилъ ими четвертую часть жителей Медины и приказалъ, чтобы на будущее время на носилкахъ Мухаммеда выносили только высокопоставленныхъ лицъ. Кажется раньше этого времени лице покойника не было закрываемо.

Когда умерла Зяйнаба, Халифъ приказалъ, чтобы къ ней приближались только самые близкіе родственники, потому что было бы великимъ нарушеніемъ приличія, если бы на нее смотрѣли посторонніе мужчины. Сестра Омайя предложила покрывать трупы сукномъ по абиссинскому обычаю, что впослѣдствіи сдѣлалось всеобщимъ обычаемъ въ исламѣ. Погребеніе Зяйнабы подало поводъ еще къ другому нововведенію: было очень жарко, потому Омаръ повелѣлъ разбить шатеръ, подъ которымъ и работали могильщики. Впослѣдствіи вошло въ обычай воздвигать шатры надъ могилами. Зяйнаба умерла въ 21 году гиджры, 53 лѣтъ, а когда Мухаммедъ женился на ней, ей было около 30 лѣтъ. Она не оставила никакого имущества, кромѣ своей хижины, которую родственники ея продали Халифу Валиду за 50000 диргемовъ.

9) Иудейка *Райхана* была вдова одного курайдзита, котораго Мухаммедъ безчеловѣчно приказалъ казнить въ Апрѣлѣ 627 года. Она вмѣстѣ съ прочими курайдзитами попала въ плѣнъ и сдѣлась рабой, но Мухаммедъ плѣнился ею, помѣстивъ ее у одной сосѣдки и сдѣлавъ ей брачное предложеніе. Сначала она отказывалась отречься отъ религіи своихъ отцевъ и согласиться на его предложеніе. Однако спустя немного пришелъ къ Мухаммеду іудей-ренегатъ, Ибнъ-Сайя и извѣстивъ его объ обращеніи Райханы. Мухаммедъ даровалъ ей свободу, женился на ней и далъ въ приданое двѣнадцать съ половиною унцій золота. Она умерла въ 632 году, раньше Мухаммеда.

10) *Уммъ-Хабібъ*, дочь Абу-Софіана. Она сопровождала своего мужа Убайда-Аллаха-бенъ Джахша во второмъ бѣгствѣ мусульманъ въ Абиссинію. Тамъ онъ обратился въ христіанство и умеръ въ 7 или 8 году гижры (627—8 года); Мухаммедъ послалъ вѣстника Амръ-бенъ-Омайя Замри къ Наджджаши и высваталъ за себя вдову, которая имѣла дочь по имени Набибу и была уже 34 или 36 лѣтъ. Она вышла за него за-мужъ рго суга; Наджджаши заступилъ въ церемоніи мѣсто Мухаммеда, далъ ей приданое въ 400 динаріевъ или въ 400 диргемовъ и послалъ ее въ Медину. Она умерла въ 41 или 44 году гижры, когда братъ ея владѣлъ мусульманскимъ государствомъ.

11) *Іудейка Суфійя*, дочь Хоййи, сначала была въ супружествѣ съ Саллямомъ-бенъ-Мискамомъ. Этотъ покинулъ ее и она сдѣлалась женою іудейскаго поэта Кинани. Она принадлежала къ колѣну Надзиръ и при изгнаніи его изъ Медины сопровождала свою фамилію въ Хайбаръ. Второй мужъ ея былъ убитъ при взятіи этого города въ 7 году гижры (628 года) и она вмѣстѣ со многими дочерьми Израиля попала въ руки мусульманъ. Ея юность (ей было 17 лѣтъ) и красота плѣнили Мухаммеда, и онъ подарилъ ей свободу съ условіемъ, чтобы она была его женою. Она приняла предложеніе съ отвращеніемъ. Любезность же Мухаммеда простиралась до того, что онъ поддерживалъ ее ногу, помогая ей сѣсть на верблюда, а на пути прикрывалъ ее своей мантией, если онъ сидѣлъ впереди ее. Уже на разстояніи двухъ часовъ пути отъ Хайбара онъ хотѣлъ совершить свадьбу, но она отказалась, что разумѣется очень оскорбило его. Въ Сабѣ, стоящемъ въ четырехъ часахъ пути отъ Хайбара, онъ сдѣлалъ стоянку и она нашла сообразнымъ со своею цѣлію больше не сопротивляться. Ее поручили двумъ женщинамъ, которыя вымыли, причесали и нарядили ее. Между тѣмъ разбили шатеръ или, какъ повѣствуютъ нѣкоторые, повѣсили платье на дерево, чтобы образовать прикрытое мѣсто; на землѣ разослали нѣсколько шкуръ, которыя должны были служить брачнымъ ложемъ. Здѣсь посланникъ Божій принялъ свою цѣльсту. Онъ былъ въ такомъ восхищеніи, что цѣлую ночь проговорилъ съ нею не смыкая глазъ. Между прочимъ онъ спросилъ ее, почему она на прежней станціи не соглашалась вручить ему своей руки? Суфійя умно отвѣтила, что считала

нессообразнымъ его родство съ іудеями. Мусульмане изъ приличія удалились отъ его шатра, только Абу-Айюбъ остался вблизи въ саблею въ рукѣ. На слѣдующее утро Мухаммедъ спросилъ его о причинѣ. Тотъ отвѣтилъ: ты казнилъ родственниковъ этой женщины, и я думаю, что она лицемѣрно приняла исламъ и потому могла имѣть намѣреніе убить тебя. Послѣ свадьбы новобрачный пригласилъ своихъ друзей на пиршество, а молодая хозяйка угощала гостей хайсомъ, т. е. давленными финиками, соединенными въ одну жидкую кашу съ поджареной мукой (*савикъ*), масломъ и финиковою водою (*набизъ*). Для того, чтобы приготовить послѣднее, она съ вечера истолкла въ ступѣ финики, налила на нихъ воды, на утро слила свѣтлую жидкость и предложила ее для питья.

Прочимъ женамъ Мухаммеда прибытіе Суфійи доставило мало удовольствія. Онъ помѣстилъ ее въ домѣ сосѣдки, и все женское населеніе Медины стеклось сюда, чтобы увидѣть новую „*мать вѣрующую*“. Айша также была между любопытными. Мухаммедъ спросилъ ее, находитъ ли она Суфійю красивой? Она отвѣчала съ презрѣніемъ: „фи, іудейка“! Въ другой разъ Айша попрекала Суфійю іудейскимъ происхожденіемъ, и Мухаммедъ сказалъ Суфійѣ: почему ты не отвѣчаешь: мой отецъ—Ааронъ и мой дядя—Моисей! Зяйнаба, дочь Гаша, впала въ немилость за то, что была виновна въ подобной же болтливости, за что и была удалена Мухаммедомъ на два или на три мѣсяца. Суфійя умерла въ 52 году гижры и оставила послѣ себя имущество въ 100,000 диргемовъ; треть этого имущества она отказала своему племяннику, какому-то іудею. Хотѣли было удержать это, но Айша требовала строгого руководствоваться справедливостью, — и имущество было передано ему.

12) *Маймуна* изъ колѣна Хилляль. Она была уже дважды замужемъ, когда женился на ней Мухаммедъ въ мѣсяцѣ Шавваль или Дзу-ль-када, въ 7 году гижры (Янв. или Фев. 629 г.) въ Сарифѣ, на пути въ Мекку, въ десяти миляхъ отъ этого города. Она умерла въ 61 году гижры (680—1 г.) восьмидесяти лѣтъ. Она была послѣднею вдовою Мухаммеда.

13) *Фатима* изъ колѣна Килляль. Свадьба ея происходила въ Мартѣ 630 года. Вскорѣ она развелась съ Мухаммедомъ по обстоятельствамъ, о которыхъ мы расскажемъ ниже.

14) *Асма*, изъ царствующаго колѣна Кипдитовъ. Ея отецъ Номанъ былъ Ибнъ-Аби-Джадитъ-Асвадь-бенъ-харитъ-бенъ-Ша-

рахиль-бенъ Джаднъ-бенъ-Акиль-аль-Мераръ. Этотъ Акилю-ль-Мераръ былъ киндитскимъ правителемъ. Родственники невѣсты поселились въ Надждѣ противъ Шаріи и обратились въ исламъ. Номанъ пришелъ къ Мухаммеду засвидѣтельствовать почтеніе и сказалъ: „я хочу отдать за тебя свою дочь, красивѣйшую во всей Аравіи. Она была въ замужествѣ за двоюроднымъ братомъ; но такъ какъ тотъ недавно умеръ, то дочь моя теперь вдовствуетъ и имѣетъ великую склонность къ тебѣ“... Мухаммедъ съ радостью принялъ предложеніе и сказалъ, что онъ даетъ ей приданое въ двѣнадцать съ половиною унцій золота. Отецъ сочелъ это слишкомъ малымъ, но, будучи увѣренъ, что онъ ни одной женѣ не давалъ больше по заведенному порядку, согласился, и брачный договоръ былъ заключенъ. Мухаммедъ послалъ съ отцомъ невѣсты Абу-Озайда привести ее. Пришедши къ ней, Абу-Озайдъ объявилъ ей, что жены пророка не могутъ показываться безъ покрывала ни одному мужчине, исключая самыхъ близкихъ родственниковъ. Асма согласилась подчиниться этому порядку; послѣ трехдневнаго пребыванія, онъ посадилъ ее покрытую покрываломъ на носилки, прикрѣпленныя къ верблюду, и поспѣшилъ съ нею въ Медину, гдѣ представилъ ее въ домъ ея родственниковъ. Городскія женщины пришли къ ней, чтобы увидѣть ее и пожелать ей счастья. Онѣ были въ восхищеніи отъ ея красоты. Одна изъ нихъ имѣла глупость сказать: „если ты желаешь понравиться пророку, то должна, когда онъ приблизится къ тебѣ, привѣтствовать его словами: да сохранить меня Богъ отъ тебя!“

Между тѣмъ Абу-Озайдъ извѣстилъ Мухаммеда о прибытіи его возлюбленной и тотъ тотчасъ же отправился къ ней въ домъ, гдѣ она жила. Было обычаемъ, продолжаетъ рассказчикъ, что женихъ садился передъ ней и цѣловалъ невѣсту, если она снимала предъ нимъ покрывало. Мухаммедъ хотѣлъ, чтобы и Асма оказала ему это выраженіе лѣтності, но она, встрѣчая его, воскликнула: „да хранить меня Богъ отъ тебя!“ Онъ отвѣчалъ: „пусть и меня хранитъ Богъ отъ тебя!“ и такъ обр. изрекъ роковое слово — *развода*. Это составляетъ позднѣйшую редакцію не очень удачно выдуманной исторіи.

Въ одномъ древнемъ вариантѣ рассказываютъ: „шаловливая Айша и ея подруги предупредили юную невинную вдову, что будто бы существуетъ обычай такъ привѣтствовать пророка. Мухаммедъ привелъ ее въ брачную комнату, но вмѣсто того,

чтобы выйти къ нему навстрѣчу, она сказала: „да хранить меня Богъ отъ тебя!“ На слѣдующій день Мухаммедъ отослалъ ее и далъ ей въ вознагражденіе (мута) двѣ штуки муслина (Варакійя, по объясненію Кирбаса).

Эта свадьба происходила въ Іюль 630 года, слѣд. за годъ до смерти Мухаммеда,

Эта же исторія съ нѣкоторыми измѣненіями разсказывается и о другихъ невѣстахъ Мухаммеда (*Мулайкъ и Амръ*). Если сравнить всѣ сказанія, то придеши къ заключенію, что Мухаммедъ однажды или нѣсколько разъ, благодаря шалостямъ своихъ красавицъ, находилъ себя вынужденнымъ оставлять женъ на слѣдующее утро послѣ свадьбы. Необразованныя арабки, ожидая чуда отъ Мухаммеда, не замѣняли слабость тѣла бодростью духа.

Опыты этого рода побудили Мухаммеда рѣшиться на удаленіе изъ своего гарема невѣжливыхъ женъ, которыя не имѣли никакого уваженія къ безсилію старика.¹⁾ „Однажды, разсказываетъ Айша (у Ибнъ-Исхака, 12 т. 52 листъ; ср. Бухари 792 стр.), приходитъ ко мнѣ пророкъ и говоритъ: „я сдѣлаю тебѣ одно предложеніе, но ты не спѣши разводомъ до тѣхъ поръ, пока посоветуешься съ родителями“. Я спросила: что ты хочешь мнѣ сказать? Онъ началъ торжественно произносить слѣдующее откровеніе:

Гл. 33, ст. 28. „О, Пророкъ! скажи твоимъ женамъ: если вы любите жизнь и ея радости, то идите, я дамъ вамъ вознагражденіе (мута) и разведусь съ вами приличнымъ образомъ“.

Ст. 29. „Но если вы любите Бога, его посланника и то, что за гробомъ; то знайте, что Богъ приготовилъ для васъ прекрасную награду за вашу доброту“.²⁾

„Я спросила его, продолжаетъ Айша: зачѣмъ мнѣ нужно спрашивать своихъ родителей? Я люблю Бога, Его посланника и то, что за гробомъ! Онъ былъ очень обрадованъ моимъ отвѣтомъ и сказалъ: „теперь я предоставлю выборъ твоимъ

¹⁾ Шпренгеръ (В. 1, S. 209, Anmerk.) приводитъ преданіе, помѣщенное у Ибнъ-Котайды на стр. 58 «de Foemina, quam uxorem ducet propheta et cum qua concubuit, sed quam non compressit.

²⁾ Ибнъ-Саады (12 т. 143—144 л.) приводитъ два обширныя стихотворенія о поводѣ къ этому откровенію, но оба онѣ посвяты на себѣ печать вымысла. Онѣ кажется были вымыслены уже прежде Зоргія и появились въслѣдствіе спора о толкованіи этого стиха Корана. Откровеніе этого стиха произошло въ 629 году.

подругамъ¹. Но ты не говори имъ, что я избрала, просила Айша. Мухаммедъ не исполнилъ ея желанія, но прочитавши имъ два (упомянутыя) стиха Корана, присовокупилъ: „Айша избрала Бога и его посланника“.

Остальныя жены также послѣдовами ея примѣру, только Фатима (смотри выше стр. 29) предпочла пророку наслажденіе жизнью. Она впала въ такую бѣдность, что была вынуждена собирать верблюжій пометъ (который употреблялся вмѣсто топлива), чтобы снискать себѣ содержаніе. Поэтому она получила прозваніе „шакука“ — горемычная. Она умерла въ 60 году гижры (679 г.).

Въ послѣдніе два года своей жизни Мухаммедъ устремилъ все свое вниманіе на увеличеніе своего гарема. Если онъ слышалъ о какой-нибудь красивой жепципѣ, то дѣлалъ ей предложеніе на бракъ; арабскіе начальники, которые имѣли въ немъ пужду, поблажали его господствующей страсти и внушали своимъ дочерямъ любовь къ нему. Для того, чтобы загладить оскорбленіе, причиненное ему Асмой, Киндиты выдали за него другую красавицу своего колѣна, именно Катайлу, дочь Кайза изъ Хадрамаута, но Мухаммедъ умеръ въ то время, когда она находилась на пути въ Медину. Получивъ извѣстіе о смерти Мухаммеда, Катайла возвратилась въ отечество, отпала отъ ислама и утѣшила себя другимъ супружествомъ. Одинъ Соляймитскій начальникъ возбудилъ въ своей дочери (Сабѣ¹) любовь къ Мухаммеду. Но она вскорѣ умерла и не дожидая до радости соединиться бракомъ со своимъ жепихомъ. Такую же участь имѣла Тавлититянка Хавла. Кромѣ того о дочери Джондоба и дочери Кальбитянина Шарафа разсказывается, что онѣ были ему вручены, но бракъ не былъ совершенъ.

Къ числу жепципъ, руки которыхъ Мухаммедъ тиетно добивался, принадлежитъ его кузина Уммъ-Ханій, дочь Абу-Талиба. Она уже была за-мужемъ и имѣла много дѣтей, по объ этомъ ничего не сказано. Она была вѣрующею, по мужъ ея былъ упорный язычникъ. Поэтому Мухаммедъ объявилъ, что этимъ бракъ фактически уничтожается.²) Къ дочери-же ея,

¹) Уже въ древнее время она была называема пѣкоторыми генеалогами «Саяя». Эти измѣненія выговора можно объяснить только тѣмъ, что сивски именъ распространились письменпо.

²) Для того, чтобы склонить ее, ему было открыто одно мѣсто въ Коранѣ (гл. 33. ст. 49), въ которомъ говорится, что пророкъ долженъ жениться и на

Зайнабъ, которая также была женою язычника, этотъ принципъ не имѣлъ никакого приложенія. Уммъ-Ханій объявила, что она почитаетъ Мухаммеда, какъ посланника Божія, но сохрѣпляетъ супружескую вѣрность и любовь къ своему мужу.

Анбаритянка *Суфійя* попала въ плѣнъ къ мусульманамъ. Посланникъ Божій предоставилъ ей на выборъ: возвратиться къ своимъ родственникамъ, или быть его женою. Суфійя осталась вѣрна своему мужу. Въ исторіи самыхъ первыхъ обращеній въ исламъ встрѣчается *Хавла*, игривая жена Османа-бена-Мазгуна.....Ея свадьба съ посланникомъ Божиимъ возбудила ревность въ мужѣ. Изъ 12-го тома Ибнъ-Саада видно, что она въ семействѣ Мухаммеда жила въ качествѣ служанки и что онъ сдѣлалъ ей брачное предложеніе. Такимъ образомъ не удивительно, что Османъ былъ не совсемъ доволенъ.

Между тѣмъ, какъ нѣкоторыя жены предпочли объятіямъ пророка супружескую вѣрность или удовольствія жизни, были другія, которыя, пропикнувшись искреннимъ религіознымъ чувствомъ, сами предлагали Мухаммеду свои руки. Изъ нихъ я упомяну только объ одной. — *Уммъ-Шарибъ* была столь ревностной мусульманкой, что проникала въ дома Мекканцевъ съ цѣлію проповѣдывать новую религію между прекраснымъ поломъ. Мекканцы замѣтили это, и такъ какъ она принадлежала къ колѣну Давсъ, то схватили ее и подъ предлогомъ отвести къ ся племени завели ее далеко въ пустыню на три дня пути и оставили тамъ безъ пищи и питья на произволь судьбы. Здѣсь чудо было вполнѣ уместно и оно было совершено: она нашла ведро съ водой и спаслась. Потомъ она пришла въ Медину и отдалась пророку.¹⁾ Этотъ случай, который повторяется нѣсколько разъ, нуждается въ объясненіи. Въ Аравіи и на всемъ Востокѣ браки заключались родственниками невесты.

своихъ кузинахъ, которая убѣждалъ съ нимъ въ Медину. Онъ хотѣлъ этимъ сказать: «такъ какъ Уммъ-Ганій живетъ въ Мединѣ, а ея невѣрный мужъ въ Меккѣ, то ты долженъ жениться на ней». Выраженіе «съ нимъ» очень опредѣленно и Уммъ Ганій сказала, что откровеніе къ ней непримѣнно, потому что она прибыла въ Медину «за нимъ». Впрочемъ это мѣсто имѣетъ отношеніе и къ другому брачному плану; именно Мухаммедъ хотѣлъ жениться на Омамъ, дочери своего дяди Хамзы.

1) Балазори, Асбабъ-ал-ашрафъ, рассказываетъ, что Мухаммедъ женился на ней непосредственно послѣ Айши, по сгустя нѣкоторое время удаливъ ее отъ себя, и что только послѣ этого она пошла въ Мекку и съ ней произошло это пропешествіе.

Мы думаемъ, что *женщины были продаваемы*. Это случалось часто; однако смыслъ этого учрежденія другой: оно было направлено къ обезпеченію женщинъ.¹⁾

Подписывался брачный контрактъ и назначался *мягеръ*, т. е. приданое, которое мужъ уплачивалъ или тотчасъ же, или въ случаѣ развода. Если супруги жили вмѣстѣ до самой смерти мужа, то жена получала приданое въ томъ предположеніи, что она его еще не брала; кромѣ того она имѣла свою долю въ послѣдствѣ. Кто подумаетъ о пользѣ этого учрежденія, тотъ не станетъ сразу осуждать его. Въ Индіи между уважаемыми мусульманами вошло въ обычай, чтобы обѣщанное приданое далеко превышало состояніе мужа. Къ этому не рѣдко присоединяется еще два условія: во-первыхъ, что приданое въ случаѣ развода должно быть выплачено все, и во-вторыхъ, что-бы произошелъ разводъ, если мужъ женится на другой женѣ.

На Востокѣ женщина и послѣ замужества принадлежитъ къ семейству отца... Семья распоряжается имуществомъ жены, включая сюда и приданое; она обязана въ случаѣ развода снова принять къ себѣ разведенную жену, пропитывать ее и позаботиться о ея вторичномъ замужествѣ. Эти учрежденія патриархальны; наши же учрежденія, когда въ этихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ помощи суда,—государственные. Если бы патриархальные обычаи были хорошо выполняемы, они имѣли бы нѣкоторое преимущество. Но выполненіе зависитъ отъ публичнаго мнѣнія, отъ моральнаго чувства народа; въ безнравственныхъ земляхъ, напр. въ Египтѣ и Сиріи, которыя лишены всякаго нравственнаго чувства, жена доведена до глубочайшаго униженія.

Если женщина предлагаетъ себя мужчине, то значить, что она сбрасываетъ съ себя контроль семейства и бѣжитъ отъ него со своимъ мужемъ. Этимъ она предоставляетъ ему свободу оставить ее чрезъ нѣсколько дней, и такъ какъ она сама предложила ему себя, то можетъ требовать себѣ развѣ только ма-

¹⁾ Ибнъ-Сагдъ, 12 т. 48 л. Абу-Бекръ спросилъ Мухаммеда, почему онъ не беретъ къ себѣ своей невесты Айши? Тотъ отвѣчалъ: «я не могу дать нисколько приданого». Абу-Бекръ далъ ему 12½ унцій золота, которыя, рассказываетъ Айша, пророкъ послалъ къ намъ, потомъ взялъ меня къ себѣ. Это само по себѣ сомнительное преданіе показываетъ, что считалось честнымъ предлагать приданое, чтобы не продавать дочери, потому что въ этомъ случаѣ деньги давались отцомъ невесты и хотя женихомъ обратно были посылаемы къ нему, но онъ хранилъ ихъ для своей дочери.

ленькое вознагражденіе (*мута*). У арабовъ-язычниковъ семейство убивало того мужчину, который позволялъ бы себѣ это. У шитовъ эти браки, которые они называютъ *мута*, имѣютъ силу законныхъ, и бракъ безъ свидѣтелей и родительскаго согласія можетъ быть заключенъ на одинъ часъ. Если мужъ разводится съ женою, то даетъ ей *мута* (вознагражденіе).

Когда еще нѣсколько женщинъ, напр. Лайля, дочь Хашыма изъ Медины, предложила Мухаммеду свою руку, онъ не могъ устоять отъ искушенія и позволилъ себѣ выдать откровеніе (Корана гл. 33, ст. 49): „Если вѣрующая жена предается пророку, то пророкъ можетъ жениться на ней, если захочетъ. Но эта свобода предоставлена *только ему*, а прочимъ мусульманамъ пѣтъ.“ Нарушеніе Мухаммедомъ общепринятыхъ правилъ приличія было столь безстыдно, что Айпа сказала ему въ лице: „Твой Господь спѣшитъ изъяснить свое согласіе на твои удовольствія“. Нравственное негодованіе его приверженцевъ побудило его нѣсколько ограничить себя. Насколько мы знаемъ, онъ не взялъ въ свой гаремъ ни одной изъ тѣхъ красавицъ, которыя предавались ему, хотя хорошо извѣстно, что по крайней мѣрѣ къ одной изъ нихъ онъ питалъ влеченіе, т. е. находился съ ней въ любовныхъ отношеніяхъ. Чтобы придать видъ, будто бы и здѣсь онъ поступаетъ по повелѣнію Божію, онъ обнародывалъ откровеніе (Корана гл. 33, ст. 51): „Ты можешь, если тебѣ угодно, утѣшить этихъ женщинъ на будущее время, или сейчасъ же можешь взять ихъ къ себѣ.“ Изъ трехъ конкубинъ, которыя услаждали жизнь Мухаммеда, я упомяну только объ одной. Въ 7 году гижры правитель Александріи послалъ Мухаммеду прекрасный подарокъ: тысячу миткалей золота, двадцать штукъ бѣлаго египетскаго китаби - сукна, бѣлаго осла, мула, нѣсколько меда изъ Багны, свнуха Мабура¹⁾ и, что всего за-

¹⁾ Въ патриархальной Аравіи упоминается еще о другомъ свнухѣ, по имени Гитѣ, который извѣстилъ спутниковъ Мухаммеда о тайномъ замыслѣ одной женщины изъ Таифа. Поэтому кажется, что онъ былъ стражемъ гарема въ этомъ городѣ. Бухари 619 стр.

Къ несчастной Саидѣ, второй женѣ Мухаммеда, былъ привязанъ одинъ свнухъ. Онъ иногда посѣщалъ ее и думалъ, что, по своей безпредности, онъ не возбудитъ противъ себя ея мужа. Но Мухаммедъ сослалъ его въ Гумму при Дзу-Голайфѣ. Приближенные Мухаммеда питали состраданіе къ свнуху и сказали пророку: «тамъ въ пустынѣ онъ умретъ съ голода». Поэтому онъ

мѣчательнѣе, двѣ рабыни. Онѣ обѣ обратились въ исламъ. Одну изъ нихъ, Сирену, онъ подарилъ поэту Хассану, сестру ея Марію оставилъ для себя. Марія была родомъ изъ Гафна, что въ области Анситѣ, въ верхнемъ Египтѣ;¹⁾ она была бѣла и имѣла кудрявые волосы. Мухаммедъ любилъ ее страстно, и сначала помѣстилъ ее у одного сосѣда. Однажды онъ бесѣдовалъ съ нею въ хижинѣ Хавсы, которая ушла посѣтить своихъ родителей. Хавса пришла и воскликнула; „какъ! въ моей хижинѣ и въ мой день!... П ты называешь себя посланникомъ Божиимъ?! Мухаммедъ обѣщалъ разгнѣванной жепѣ, что не будетъ болѣе имѣть сношеніе съ Маріей. Хавса потребовала клятвы и Мухаммедъ поклялся. Хавса же обѣщала съ своей стороны ничего не говорить объ этомъ происшествіи и его клятвѣ своимъ подругамъ и особенно Айшѣ; но рассказала всѣмъ эту исторію; въ наказаніе за то Мухаммедъ не посѣщалъ ея и Айшу цѣлый мѣсяцъ. Относительно коптянки Богъ открылъ ему (Корана гл. 66, ст. 1 — 2.): „О, пророкъ! изъ любви къ своимъ женамъ не отказывай себѣ въ томъ, что тебѣ позволилъ Богъ. Между тѣмъ (со времени твоей клятвы) Богъ предписываетъ вамъ уничтожить ваши клятвы примиреніемъ“.²⁾

Мухаммедъ отвелъ своей Маріи жилище въ верхней части города, гдѣ у него было имѣніе, и посѣщать ея очень часто; однако она чувствовала себя совершенно одинокой, если не было около нея ея земляка. Послѣдній оказывалъ ей большое вниманіе и снабжалъ ее дровами и водой. Объ этихъ отношеніяхъ заговорилъ весь городъ, и Мухаммедъ послалъ Алія убить его. Приблизившись съ мечемъ въ рукѣ, онъ увидѣлъ

дозволилъ ему дважды въ недѣлю приходить въ городъ за пищаю. Евпучъ умеръ въ своей ссылкѣ при Халифѣ Омарѣ. Этотъ свпучъ прозывался Мохапнасъ, гермафродитъ. Можетъ быть онъ не былъ кастратомъ, но его неудачно создала сама природа. Нѣкоторые думаютъ, что онъ одно и то же лице съ Гитомъ; но словамъ другихъ напротивъ имя его было Мати, и онъ былъ кліентомъ Махзумитянки Фахита-бинъ-Амръ.

1) Абу-Ханпфа говоритъ, что дерево лобакъ нигдѣ не достигало такой высоты, какъ въ Анситѣ. Этотъ дѣсь разрѣзали на балки и употребляли на постройку судовъ. Онъ былъ очень дорогъ и продавался иногда по 50 динаровъ за бревно. Рассказываютъ, что если сколачивали вѣсть два бруса и полагали въ воду на шесть дней, то они такъ крѣпко приставали другъ къ другу, что дѣлались какъ бы однимъ деревомъ.

2) Для того, чтобы понять профанцію религіозныхъ убѣжденій и милосердіе Мухаммеда, нужно прочесть 3—6 и 10—12 стихи этой (66) главы.

копта и, чтобы освидѣтельствовать его, сорвалъ съ него платье. Алій убѣдился, что это—евнухъ и возвратился, не причинивъ ему никакого вреда. Марія сдѣлалась беременною и родила сына въ Апрѣлѣ 630 года. Ангелъ Гавріилъ пришелъ къ Мухаммеду и поздравилъ его съ новорожденнымъ. Мухаммедъ былъ вполне увѣренъ, что онъ самъ былъ отцомъ дитяти, а не коптъ или какой-нибудь третій отецъ. Однажды онъ принесъ своего сына къ Айшѣ и сказалъ: „видѣла ли ты дитя, которое бы такъ было похоже на своего отца, какъ этотъ малютка?“ Но Айша не нашла и самого отдаленнаго сходства и кто знаетъ, что подумала при этомъ злая жена. Мухаммедъ недолго наслаждался отцовскою радостію, потому что Ибрагимъ умеръ 16 Іюня 631 года. Въ день его похоронъ случилось солнечное затмѣніе. Мусульмане говорили Мухаммеду: солнце сокрылось вслѣдствіе печали о твоей потери. Но пророкъ объяснялъ, что ни жизнь, ни смерть челоѣка не могутъ причинить затмѣнія; впрочемъ, присовокупилъ онъ, сынъ мой *сыддыкъ* въ раю и, если-бы онъ воскресъ, онъ сдѣлался-бы *сыддыкомъ* (праведнымъ и пророкомъ).

Хотя полигамія была въ употребленіи въ Аравіи раньше Мухаммеда, однако неумѣренность въ этомъ случаѣ считалась безнравственною. Поэтому Мухаммедъ былъ вынужденъ успокоить общественное мнѣніе особеннымъ откровеніемъ: Богъ предоставилъ ему въ Коранѣ (гл. 33, ст. 49) *большую* свободу въ числѣ и выборѣ женъ, нежели прочимъ людямъ. Мусульмане, чтобы оправдать его, уже раньше приходили къ этому заключенію, и такое мнѣніе не представляло-бы для нихъ трудностей, если-бы хоть одинъ изъ его позднѣйшихъ браковъ сопровождался бы плодомъ. Онъ самъ долженъ былъ увидѣть, что своимъ образомъ жизни онъ уничтожилъ ту цѣль, которую самъ назначилъ для брака, именно *достиженіе потомства*. Истинный мотивъ своей неумѣренности Мухаммедъ высказалъ самъ въ одномъ достовѣрномъ преданіи: „*мое единственное удовольствіе на землѣ составляютъ женщины, благовопія и молитва.*“

Пророчество, присовокупляли вѣрные, столь трудная задача, что Богъ вознаграждаетъ пророка въ любовныхъ наслажденіяхъ. Поэтому Онъ награждаетъ его большею силою, нежели какою владѣютъ *тридцать* обыкновенныхъ мужчинъ въ совокупности. Они не забыли упомянуть объ Авраамѣ, Давидѣ

и Соломонъ. О первомъ они рассказывали, что онъ каждодневно ѣздилъ на Борахъ въ Мекку, чтобы посѣтить Агарь, поселившуюся тамъ для присмотра за храмомъ (Каабой). Преданія о двухъ послѣднихъ настолько неприличны, что объ нихъ считаемъ неудобнымъ говорить. Этимъ примѣромъ мусульмане доказывали, что излишество въ любовныхъ наслажденіяхъ составляетъ преимущество пророковъ. Такъ какъ Соломонъ имѣлъ *больше ста* женъ, то они встрѣчали здѣсь затрудненіе, но совершенно другого рода, нежели какого можно ожидать: они считали своею задачею доказать, что *хотя царемъ Мухаммеда не было столь многочисленъ, однако пророкъ изъ не былъ ниже премудраго царя или псалмодиста*.

Мухаммедъ не имѣлъ никакого жилища для самаго себя. Его главная квартира была въ хижинѣ Айши; публичныя же занятія онъ исполнялъ въ мечети, по каждую ночь онъ проводилъ съ одною изъ своихъ женъ и кажется ѣлъ съ ней въ качествѣ гостя,—однако онъ каждодневно, если былъ въ хорошемъ расположеніи духа, посѣщалъ всѣхъ своихъ женъ, каждую награждалъ поцѣлуемъ, говорилъ съ ними понѣскольку словъ и игралъ. Мы видѣли, что его семейство владѣло девятью хижинами; такое же было и число его женъ, оставшихся послѣ его смерти. Однако были времена, когда гаремъ его былъ больше. Тогда онъ посѣщалъ нѣкоторыхъ изъ своихъ красавицъ въ домахъ сосѣдей; случалось также, что двѣ жены жили въ одной хижинѣ. Сводные дѣти жили со своими матерями до тѣхъ поръ, пока они были юны.

ПРИЛОЖЕНІЕ ВТОРОЕ.

Брачная хутьба № 1¹⁾

Во имя Бога милостиваго, милосердаго. Хвала Богу, Властителю опредѣленій, опредѣляющему мѣсяцы, устрояющему

¹⁾ 119 стр. подлинника. Хутьбою называютъ у мухаммеданъ особаго рода хвалебныя въ честь Бога и Мухаммеда рѣчи на арабскомъ языкѣ, изложенныя непрѣмѣно рифмованнымъ размеромъ. Эти рѣчи, довольно однообразныя по содержанію, обыкновенно читаются въ сборныхъ мечетяхъ въ день Пятницы, во время полуденной (второй по счету) молитвы. При бракосочетаніи также читаются хутьбы, переводъ которыхъ мы и помѣщаемъ здѣсь. Обыкновенно хутьбу читаютъ мухаммеданскою проповѣдію, но это не справедливо: мухаммеданская хутьба не имѣетъ пазидація, самой существенной части христіанской проповѣди. Поэтому хутьбу правильнѣе считать ораторскою рѣчью.

времена и вѣки, съ Которымъ бесѣдовалъ Моисей на горѣ Синаѣ, Который ниспослалъ Пятокнижіе, Евангеліе, Коранъ и Псалмы. Онъ установилъ бракъ достойный уваженія, при свидѣтеляхъ и подъ условіемъ приданого, какъ сказалъ Всевышній и Превознесенный Богъ въ главѣ (Корана) „Женщины“¹⁾ и въ главѣ „Свѣтъ“²⁾ „ищу прибѣжища у Бога отъ сатаны, побитаго камнями;“³⁾ женитесь на столькихъ женщинахъ, на сколькихъ вамъ угодно: на двухъ, трехъ, четырехъ;⁴⁾ сочетавайте бракомъ сиротъ своихъ, вѣрныхъ рабовъ своихъ и слуганокъ. Если они сочетаются бракомъ, то дѣлаютъ угодное Богу и Богъ наградитъ ихъ по своей щедрости: Богъ щедръ къ нимъ. Въ преданіи отъ избраннаго пророка нашего — да благословитъ Богъ всевышній его, семейство его и превосходныхъ сподвижниковъ его — рассказывается (что онъ сказалъ): „бракъ есть мое учрежденіе и кто удаляется отъ него, тотъ не отъ меня“. А въ другомъ преданіи: „сочетайтесь бракомъ, рождайте и умножайтесь! Подлинно дамъ награду по числу народовъ въ день воскресенія, хотя бы вы родили уродовъ. Вступающій въ бракъ есть желающій, а выходящая за-мужъ есть желаемая, а мяхръ есть то, на что они согласились“ (при вступленіи въ бракъ). Богъ всевышній утвердитъ въ сердцахъ супруговъ вожденную любовь,—сказано: „это—слово мое“. И да помилуетъ Богъ, Который милостивъ ко мнѣ, къ вамъ и ко всѣмъ мусульманамъ, находящимся здѣсь! Подлинно Онъ милостивый, милосердый, преславный, великій, превознесенный, высочайшій!

Брачная молитва № 1.

Во имя Бога милостиваго, милосердаго. Боже, утверди этотъ совершенный и превосходный союзъ, утверди между ними достославный союзъ, не допусти между ними развода и раздѣленія, соедини ихъ, какъ Ты соединилъ Айшу и Мухаммеда—господина надъ всѣми благочестивыми, Фатиму и Алія, славнаго и знающаго тайное и явное! Благослови, Боже, превосходнѣйшаго изъ тварей твоихъ — Мухаммеда, семейство его и всѣхъ асхабовъ его, по милосердію Твоему! О милостивый изъ милостивыхъ!

1) Такъ называется 4-я глава Корана.

2) Такъ называется 24-я глава Корана.

3) Ср. Корана гл. 16, ст. 100; гл. 3, ст. 31.

4) См. Корана гл. 4, ст. 3 и гл. 24, ст. 32.

Брачная хутьба № 2.

Во имя Бога милостиваго, милосердаго. Хвала Богу, Царю всѣхъ состояній, преисполненному благъ, славы и совершенствъ, милостивому, милосердому, прощающему, великому, превознесенному Владыкѣ, Который сотворилъ мѣсто и Самъ существуетъ, Которому нѣтъ мѣста, Который сотворилъ времена и вѣки, а Самъ не имѣетъ нужды во времени и мѣстѣ, Который сотворилъ отца нашего—Адама изъ праха и поставилъ его начальникомъ надъ людьми, создалъ мать нашу Еву изъ ребра Адамова между сномъ и бодрствованіемъ, запретилъ имъ сближеніе до тѣхъ поръ, пока установилъ между ними союзъ и бракъ! При нихъ присутствовали ангелы, а первую хутьбу прочиталъ надъ ними Самъ Всехвальный и Всеблагій и заповѣдалъ о дѣтяхъ ихъ. Подлинно онъ сочтенъ бракомъ подобно этому, по приказанію Достопоклоняемаго. Всѣ существа и твари Богъ сотворилъ по-парно, какъ-то: *паршъ и курси*¹⁾—пара, таблица предопредѣленія и перо—пара, небо и зсмля—пара, мужчина и женщина—пара. Богъ есть единый и единственный, вѣчный, Которому нѣтъ подобнаго, у Котораго нѣтъ ни сыпа, ни подобнаго Ему, ни товарища, ни супруги, ни мѣста, какъ говоритъ Богъ всевышній и превознесенный въ Коранѣ: „Прибѣгаю къ Богу отъ сатаны, побитаго камнями! Женитесь на столькихъ женщинахъ, сколько вамъ угодно: на двухъ, трехъ, четырехъ. Жените сиротъ вапихъ, вѣрныхъ рабовъ вапихъ и служанокъ. Если женятся, то дѣлаютъ угодное и Богъ наградитъ ихъ по Своей щедрости,—Богъ щедръ къ нимъ“. Въ преданіи отъ избраннаго пророка нашего, да благословитъ Богъ всевышній его, семейство его и превосходныхъ асхабовъ его!—передастся: „бракъ есть мое установленіе и кто удаляется отъ установленія моего, тотъ не отъ меня“; а въ другомъ преданіи: женитесь, рожайте и умножайтесь! Подлинно я дамъ награду по числу народовъ, хотя бы вы родили уродовъ. Богъ всевышній утвердитъ въ сердцахъ супруговъ возжеленную любовь. Вступающій въ бракъ есть желающій, а выходящая за-мужъ есть желасмая, а мяхръ есть то, на что они согласились“ (при вступленіи въ бракъ);—сказано: „это слово

¹⁾ Названіе двухъ престоловъ божіихъ въ Коранѣ. См. гл. 7, ст. 52, и гл. 2, ст. 256.

мое“. И да помилуетъ Богъ, который милостивъ ко мнѣ, къ вамъ и ко всѣмъ мусульманамъ находящимся здѣсь. Подлинно Онъ милостивый, милосердый, преславный, великій, превознесенный, высочайшій!

Брачная хутьба № 3.

Во имя Бога милостиваго и милосердаго. Хвала Богу, Который украсилъ насъ языкомъ и даромъ слова, одарилъ насъ краспорѣчемъ и способностью сужденія, Который паградилъ насъ красотою и совершенствомъ; хвала за то, что возвѣстилъ, „Предложилъ и заповѣдалъ намъ бракъ и запретилъ беззаконное сожителство, какъ сказалъ Богъ всевышшій и превознесенный: „Прибѣгаю къ Богу отъ сатаны, побитаго камнями. Женитесь на столькихъ женщинахъ, сколько вамъ угодно: на двухъ, трехъ, четырехъ“. Вѣчно мы обязаны прославлять Тебя за установленіе брака; никогда не прекратится для насъ благодѣяніе въ позволеніи брака; веди насъ совершеннымъ путемъ къ превосходству и совершенству, утверди въ добрѣ дѣла наши отъ начала до конца Твоею великою и совершенною щедростью! Исповѣдую, что нѣтъ бога кромѣ Бога единого, у Котораго нѣтъ товарища, Который обладаетъ великими и совершенными свойствами; исповѣдую, что Мухаммедъ рабъ и посланникъ Его, печать пророковъ, отмѣняющій вѣры. Благословеніе и миръ надъ посланникомъ Его—Мухаммедомъ, посланникомъ съ чудесами и доказательствами, надъ семействомъ его и надъ асхабами его, которыми возвѣщенъ обычай установленнаго и отмѣненнаго, которые установили для насъ превосходный бракъ—различіе между дозволеннымъ и запрещеннымъ, которые показали намъ сунну и исламъ, чтобы мы приняли ихъ для руководства; какъ сказалъ—благословеніе надъ нимъ!—господиъ господъ, великій, владыка тварей (т. е. Мухаммедъ): „бракъ есть мое установленіе и кто удаляется отъ установленія моего, тотъ не отъ меня; вступающій въ бракъ есть желающій, выходящая за-мужъ есть желасмая, а махръ есть то, на что они согласились“ (при вступленіи въ бракъ). Да прославить ихъ обоихъ Богъ по Своей славѣ, благодати, милости и благосклонности, и да помилуетъ Богъ, Который милостивъ ко мнѣ, къ вамъ находящимся здѣсь мусульманамъ—мужчинамъ и женщинамъ. Подлинно Онъ—милостивый, милосердый, преславный, великій, внимающій молитвѣ!

Брачная хутьба № 4.

Во имя Бога милостиваго и милосердаго. Хвала Богу, хвала Тому, кто сотворилъ отцевъ и матерей для произведенія дѣтей и внушилъ мужчинамъ страстную любовь къ женщинамъ для умноженія служенія Ему, и позволилъ имъ изъ нихъ (женщинъ) двѣ, три, четыре; кто установилъ союзъ и сожитіе для продолженія рода. Онъ есть единый, единственный, Который не имѣетъ ни товарища, ни дитяти; Который ни рождалъ, ни рождался, и Которому нѣтъ подобнаго. Да будетъ благословеніе надъ пророкомъ нашимъ неграмотнымъ, великая слава Котораго чужда недостатковъ. (Да будетъ благословеніе надъ) Мухаммедомъ славнымъ, достохвальнымъ, препрославленнымъ! Пророкъ нашъ излилъ благодать свою надъ людьми и джинами; (да будетъ благословеніе Его надъ) дѣтями его, вступавшими въ бракъ по Ханифитскому обряду, угодному Богу, и надъ асхабами его, согласными съ общими законами божественными. Подлинно, Богъ всевышній и превознесенный заповѣдалъ намъ о бракѣ: „Прибѣгаю къ Богу отъ сатаны, побитаго камнями! Женитесь на столькохъ женахъ, сколько вамъ угодно: на двухъ, трехъ, четырехъ. Жените сиротъ вашихъ, вѣрныхъ рабовъ вашихъ и служанокъ. Если женятся, то дѣлаютъ угодное и Богъ наградитъ ихъ по своей щедрости,—Богъ щедръ къ нимъ“. Какъ сказалъ (Мухаммедъ), --- милость и миръ надъ нимъ!— „бракъ есть мое установленіе и кто удаляется отъ установленія моего, тотъ не отъ меня“; а въ другомъ преданіи: „женитесь, рождайте и умножайтесь! Подлинно я дамъ награду по числу народовъ въ день воскресенія, хотя бы вы родили уродовъ; вступающій въ бракъ есть желающій, выходящая замужъ есть желаемая, а мяхръ есть то, на что они согласились“ (при вступленіи въ бракъ). Богъ всевышній утвердитъ въ сердцахъ супруговъ вожделѣнную любовь (три раза слѣдуетъ повторить);—сказано—это слово мое. И да помилуетъ Богъ, который милостивъ ко мнѣ, къ вамъ и ко всѣмъ мусульманамъ, находящимся здѣсь! Подлинно, Онъ—милостивый, милосердый, преславный, великій, внимающій молитвѣ!

Брачная хутьба № 5.

Во имя Бога милостиваго и милосердаго. Хвала Богу, Который сочеталъ душу съ тѣломъ, позволилъ бракъ и запретилъ

беззаконное сожительство! Милость и миръ посланнику нашему Мухаммеду, который раздѣлилъ запрещенное отъ позволеннаго, семейству его и асхабамъ его, которые суть люди благочестивые и спасенные! „Прибѣгаю къ Богу отъ сатаны, побитаго камнями! Женитесь на столькихъ женахъ, сколько вамъ угодно: на двухъ, трехъ, четырехъ! Жените сиротъ вашихъ, вѣрныхъ рабовъ вашихъ и служанокъ! Если женятся, то дѣлаютъ удобное, и Богъ наградитъ ихъ по Своей щедрости, — Богъ щедръ къ нимъ“. Правдивъ Богъ превознесенный! Скажи посланникъ Божій, да благословитъ его Богъ и помилуетъ! — „бракъ есть мое установленіе и кто удаляется отъ установленія моего, тотъ не отъ меня“. Справедливъ посланникъ и рабъ Божій.

Брачная молитва № 2.

Боже, утверди этотъ союзъ, вѣрный и преславный! Утверди между ними союзъ достолюбезный и пріятный, и не производи между ними раздоровъ, развода и раздѣленія! Боже, соедини ихъ, какъ ты соединилъ Адама и Еву; какъ ты соединилъ Мухаммеда-Мустафу, — да благословитъ его Богъ и помилуетъ! — и Хадиджу-Славную; Алія, — да будетъ онъ угоденъ Богу! — и Фатиму Лучезарную, — да будетъ ею доволенъ Богъ! — Боже, дай имъ благочестивыхъ дѣтей, долгую жизнь и обильное имущество! Господи нашъ, освободи супружества наши и семейства наши отъ дѣтей непокорныхъ; сдѣлай насъ праведными вѣчно! Господи нашъ, дай намъ благо въ этомъ мірѣ и въ томъ мірѣ, освободи насъ отъ мученія огнемъ! Слава Господу твоему, Господу великому, обладателю всѣхъ совершенствъ, миръ надъ посланниками и хвала Богу — Господу міровъ.

ПРИЛОЖЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Глава о бракѣ (Китабу-н-Никяхъ.¹⁾)

Онъ исполняется посредствомъ предложенія и пріянія. Т. е. бракъ заключается предложеніемъ со стороны жениха и посредствомъ согласія на это предложеніе со стороны невесты.

¹⁾ 60 стр. подлѣпника, изд. Казембекомъ.

Слова *ихъ* *обоихъ* въ прошедшемъ времени, напр. „я на тебѣ женился“ и „я за тебя вышла за-мужъ“; или въ повелительномъ наклоненіи и въ прошедшемъ времени, напр. „отдай за меня въ замужество“; а онъ скажетъ: „отдалъ за-мужъ“. Предложеніе со стороны жениха и согласіе со стороны невѣсты должно быть выражено въ прошедшемъ времени изъявительнаго наклоненія, напр. женихъ долженъ сказать: „я женился на тебѣ“; а невѣста должна отвѣтить: „я вышла за тебя за-мужъ“. Предложеніе можетъ быть выражено также въ повелительномъ наклоненіи прошедшаго времени, напр. женихъ скажетъ отцу невѣсты: „отдай мнѣ дочь твою за-мужъ“, а тотъ отвѣтитъ: „я отдалъ“.

А если не знаютъ значенія этого, а слова *ихъ*: „отдала“ и „принялъ“ послѣ (словъ): „отдала ли“? и „принялъ ли“? какъ при продажѣ и куплѣ; но не посредствомъ словъ *ихъ* предъ свидѣтелями: „жена моя“ и „мужъ мой“. Если женихъ и невѣста не знаютъ по-арабски, то они могутъ заключать бракъ на персидскомъ языкѣ. Въ этомъ случаѣ женихъ говоритъ невѣстѣ: „отдала ли ты себя“? а невѣста отвѣчаетъ: „отдала“. Или невѣста говоритъ жениху: „принялъ ли меня“? а женихъ отвѣчаетъ: „принялъ“. Подобныя этому слова употребляются при продажѣ и куплѣ. Но бракъ не можетъ быть заключенъ словами жениха и невѣсты: „это—жена моя“, „это—мужъ мой“, сказанными предъ свидѣтелями.

И заключается словами: „бракъ и женитѣба“ и посредствомъ тѣхъ словъ, которыя употребляются при приобрѣтеніи имущества свободнаго. Бракъ можетъ быть заключенъ словами, сказанными женихомъ и невѣстой: „бракъ и женитѣба“. Равнымъ образомъ при заключеніи брака можно употреблять и тѣ слова, которыя положено произносить при приобрѣтеніи какой-нибудь вещи, напр. „я продалъ“, „я сдѣлалъ подарокъ или милостыню“.

Обусловливается слышаніемъ каждаго изъ нихъ словъ послѣднюю. А присутствуютъ два свободныхъ мужчины или одинъ свободный мужчина и двѣ женщины¹⁾ свободныхъ, совершеннолѣтніе, мусульмине, слышащіе оба вмѣстѣ слова *ихъ*. Правильность брачнаго договора обусловливается тѣмъ, чтобы каждый изъ свидѣтелей слышалъ слова вступающихъ въ бракъ.

¹⁾ Основано на 282 ст. 2 гл. Корана.

Количество свидѣтелей при бракѣ полагается два свободныхъ мужчины или одинъ свободный мужчина и двѣ свободныхъ женщины. Эти свидѣтели должны быть совершеннолѣтніе и мусульмане, такъ что дѣти и сумасшедшіе не могутъ быть свидѣтелями. Кромѣ того оба свидѣтеля должны слышать брачный договоръ и притомъ оба вмѣстѣ въ одно и тоже время, такъ что брачный договоръ, заключенный въ присутствіи глухихъ свидѣтелей, считается неправильнымъ; также считается неправильнымъ тотъ брачный договоръ, который свидѣтели слышали попеременно, сначала одинъ, потомъ другой.

Справедливъ предъ двумя нечестивыми, но не имѣетъ¹⁾ очевидности при тяжбѣ, и предъ сыновьями ихъ, или одного изъ нихъ, но не принимается въ пользу ближайшаго. Бракъ, заключенный въ присутствіи нечестивыхъ свидѣтелей, правиленъ, по не имѣть степени несомнѣнности, если случится споръ между мужемъ и женой относительно брака и дѣло дойдетъ до суда. Также бракъ можно заключать и въ присутствіи сыновей мужа и жены, или въ присутствіи сыновей одного котораго-нибудь изъ нихъ, но только въ послѣднемъ случаѣ, если случится тяжба между мужемъ и женой относительно брака, то свидѣтельство сыновей въ пользу родителя не принимается, не въ пользу же родителя принимается.

Мусульманинъ вступаетъ въ бракъ съ женщиной—зимми въ присутствіи зимми, но не принимается противъ мусульманина. Если мусульманинъ вступаетъ въ бракъ съ зимми, т. е. христіанкой или іудейкой, подвластной мусульманскому правительству, то свидѣтели могутъ быть зимми. Но если случится тяжба между мужемъ и женой, то свидѣтельство зимми не принимается въ ущербъ мусульманина.

Довѣренный (вакиль) бываетъ свидѣтелемъ въ присутствіи довѣрителя, также какъ опекунъ (валий) въ присутствіи родственницы, находящейся подъ опекой, достигшей совершеннолѣтія. Бракъ, заключенный при довѣренномъ и еще одномъ свидѣтелѣ, будетъ правиленъ, если при этомъ находится самъ довѣритель. Также точно бракъ, заключенный при опекунѣ, т. е. отцѣ, хозяинѣ и т. п., и еще при одномъ свидѣтелѣ, будетъ правиленъ, если женщина, паходящаяся подъ опекой, будетъ присутствовать при этомъ и если она будетъ совершеннолѣтняя.

¹⁾ 61 стр. подлинника.

Запрещенъ съ женщинами по восходящей линіи и по боковымъ линіямъ, родственниками по боковой линіи ближайшихъ по восходящей и дальнихъ родственниковъ по восходящей. Запрещается бракъ съ родственницами по восходящей линіи, напр. мать, бабушка по отцу или по матери и т. д.; также запрещается бракъ съ родственницами по боковымъ линіямъ, напр. дочь, внука и т. д.; еще запрещенъ бракъ съ родственницами по боковой линіи, происшедшими отъ ближайшихъ родственниковъ по линіи восходящей, напр. родственницы матери по боковой линіи; наконецъ запрещается бракъ между дальнѣйшими родственниками восходящей линіи, каковы напр. дѣдъ, бабука, дядя, тетка и т. п.

Мать жены, дочери той, съ которой имѣлъ сношеніе, женщина по восходящей и по боковой линіи, вѣтъ родственницы по кормленію, отъ той женщины, съ которой имѣлъ прелюбодѣяніе—¹⁾ той, которую держалъ мужчина за дѣтородныя части и державшей и той, на срамныя части которой онъ смотрѣлъ со страстью и восходящая линія ихъ,— что же касается раньше девяти лѣтъ, то нѣтъ и со страстью. Мужчинѣ запрещенъ бракъ съ матерью жены, если онъ находился въ правильномъ бракѣ, хотя бы и не имѣлъ сожитія: потомъ — съ дочерью той женщины, съ которой онъ имѣлъ сношеніе; затѣмъ съ женами родственниковъ по восходящей и по боковой линіи, напр. съ женою отца, дѣда, сына, внука и т. п. Запрещается также бракъ между родственниками по кормилицѣ, каковы напр. мать мужа кормилицы, бабушка кормилицы по отцу и по матери, мать молочнаго брата и т. п. Наконецъ запрещенъ бракъ съ родственницами женщины, съ которой совершилъ прелюбодѣяніе, а также съ родственницами той женщины, которую онъ держалъ за срамныя части или на срамныя части которой онъ смотрѣлъ съ любострастнымъ пожеланіемъ. Впрочемъ если женщина эта была моложе девяти лѣтъ, то запрещенія не бываетъ, хотя бы мужчина и смотрѣлъ со страстью.

Бракъ съ женщиною и выдданъ¹⁾ ея дѣлаетъ запрещеннымъ бракъ съ женщиной, которой, если бы ее представить муж-

¹⁾ Основано на 26—27 ст. 4 гл. Корана.

²⁾ Выддатомъ называется срокъ, который женщина обязана сохранять между двумя замужествами и раньше котораго она не можетъ выйти замужъ.

чиной, не позволена была бы эта вторая, и сожитіе съ нею посредствомъ владѣнія. Во время брака съ извѣстною женщиною или во время гыддата ея запрещается бракъ съ другою женщиною — родственницею по крови, по молочному родству или по свойству въ такой степени, что если ее представить мужчиной, то между женою и ею былъ бы невозможенъ бракъ, напр. если кто женатъ на извѣстной женщинѣ, то ему нельзя жениться на сестрѣ жены по отцу или по матери; но ему позволяется жениться на падчерицѣ ея, потому что хотя и бываетъ бракъ запрещенъ, если представить мужчиной падчерицу; но онъ бываетъ позволенъ, если представить мужчиной жену. Впрочемъ имамы: Зафаръ, Ибнъ-Абу-Лйли и Басри считаютъ бракъ въ послѣднемъ случаѣ непозволеннымъ и совѣтуютъ воздержаться отъ него. Бракъ съ извѣстною женщиною запрещаетъ также сожитіе съ другою женщиною по праву владѣнія, если эта женщина состоитъ въ вышеупомянутомъ родствѣ.

Также сожитіе съ одною посредствомъ владѣнія—сожитіе съ нею въ бракъ и посредствомъ владѣнія, но не бракъ съ нею: а если женится на ней, то не имѣетъ сожитія съ нею ни однажды, до тѣхъ поръ пока вторая бываетъ запрещенною. Сожитіе съ женщиною по праву владѣнія запрещаетъ сожитіе въ бракъ или по праву владѣнія съ другою женщиной—родственницею ей въ такой степени, что если ее представить мужчиной, между ней и первой женщиной бракъ былъ бы невозможенъ. Однако самый бракъ мужа съ женщиной—родственницею не воспрещается, но только онъ не долженъ имѣть съ нею сожитія до тѣхъ поръ, пока первая женщина находится въ сожительствѣ съ нимъ.

Правильнъ бракъ съ женщиной писанія, хотя бы и служанкой вѣсть¹⁾ со всемъ определеннымъ для свободной, женщины и мужчины, вошедшимъ въ запрещенную черту и съ беременной отъ прелюбодѣнія; но не сожительствуетъ до тѣхъ поръ, пока продолжается, и заключаетъ союзъ съ пребывающей въ завитной чертѣ. Мусульманину позволяется жениться на женщинѣ писанія, т. е. на христіанкѣ и іудейкѣ, хотя бы она была служанкой, выполнивши въ послѣднемъ случаѣ махръ и пропитаніе одинаковое съ свободной жен-

щиной. Правилень также бракъ мужины и женщины во время ихъ пребыванія въ запрещенной чертѣ, т. е. въ окружности Мекки; правилень бракъ съ женщиной беременной отъ прелюбодѣянія не только участнику прелюбодѣянія, но и другому мужинѣ; только этотъ не долженъ имѣть съ нею сожитія, пока продолжается беременность. Касательно правильности этого брака имамъ Агзамъ и Мухаммедъ дали фетву; тоже упоминается въ „Мухитѣ“ и „Гыдайѣ“. Если женщина вступить въ бракъ въ запрещенной чертѣ, то бракъ правилень.

Но не женится на служанкѣ, на женѣ раба, на нестройной, кромѣ женщины писанія, и на послѣдней во время гыддата четвертой, а рабъ — въ гыддату второй, и на рабѣ сверхъ свободной или во время гыддата ея, на беременной отъ близкаго родственника. Запрещается бракъ со служанкой, съ женой раба, съ невѣрной, кромѣ женщины писанія, на пятой жепѣ во время гыддата четвертой жены, а рабу запрещается жениться на трестей во время гыддата второй. Впрочемъ бракъ на двухъ женахъ считается болѣе приличнымъ и для свободного человѣка, потому что Мухаммедъ началъ свое опредѣленіе количества жепѣ съ двухъ.¹⁾ Запрещается еще жениться на рабѣ сверхъ опредѣленнаго количества свободныхъ женъ, или во время гыддата четвертой жены, также на женщинѣ беременной отъ близкаго родственника.

И ложный бракъ и временный. Ложный и временный браки несправедливы и незаконны. Форма ложнаго брака состоитъ въ томъ, что кто-нибудь при свидѣтеляхъ скажетъ женщинѣ: я желаю пользоваться тобою на такой-то срокъ, напр. на десять дней. Этотъ бракъ былъ допущенъ два раза: во дни Хайбара и при взятіи Мекки, потомъ всѣми законовѣдами запрещенъ. Подобнымъ образомъ и Хазратъ Алій Керимъ признаетъ его неправильнымъ во всѣхъ своихъ преданіяхъ. Форма брака временнаго почти такая же, но только здѣсь упоминается количество мяхра и самое сожителство называется бракомъ, напр. мужчина говоритъ женщинѣ: я женился на тебѣ съ такимъ-то количествомъ имущества и на такой-то срокъ; а женщина отвѣтитъ: я согласна.²⁾

¹⁾ Коранъ гл. 4, ст. 3.

²⁾ Шіиты допускаютъ временный бракъ.

Бракъ заключается свободною и совершеннолѣтнею, хотя-бы при неравенствѣ и безъ посредства опекуна; но ему представляется жалоба; а при неравенствѣ союзъ бываетъ непроченъ. Женщина свободная, совершеннолѣтняя и въ здравомъ умѣ можетъ сама выйти за-мужъ помимо согласія опекуна, хотя-бы женихъ ея былъ ей не равенъ. Однако, когда женихъ ея не равенъ ей, а она вышла за-мужъ безъ согласія опекуна, то опекуну предоставляется право пожаловаться казю и расторгнуть неравный бракъ; по въ „Шархъ-вигкайъ“ говорится, что если въ этомъ случаѣ жена отъ неравнаго мужа родить дитя, то опекунъ не имѣетъ права расторгать бракъ, чтобы этимъ не причинить вреда дитяти. Впрочемъ имамъ Хусайнъ отъ лица Абу-Ханифы утверждаетъ, что подобный бракъ не имѣетъ силы. Этого мнѣнія держится большая часть шейховъ, и фетва Казыхана подтверждаетъ то же.

Опекунъ не имѣетъ власти надъ совершеннолѣтней, хотя бы она была дѣвственницей. Опекунъ не имѣетъ права насильно выдать за-мужъ совершеннолѣтнюю, хотя-бы она была дѣвица.

А молчаніе, смѣхъ и плачъ безъ звуковъ есть позволеніе, а со звукомъ—расторженіе, во время спрашиванія позволенія или при доставленіи извѣстія, съ условіемъ произнесенія имени супруга, но не мехра. Когда опекунъ будетъ спрашивать совершеннолѣтнюю дѣвицу о ея согласіи вступить въ бракъ, или когда до нея достигнетъ извѣстіе объ этомъ, и она будетъ молчать, или смѣяться, или плакать, не издавая звуковъ,—то всё эти дѣйствія ея принимаются за выраженіе ея согласія на бракъ; но если она заплачетъ и будетъ при этомъ издавать звуки, то это приписывается за выраженіе ея несогласія. Нужно замѣтить, что опекунъ, спрашивая ее о согласіи на бракъ, долженъ при этомъ произнести имя ея жениха, но не обязанъ упоминать о количествѣ мехра.

Если спрашиваетъ о согласіи не ближайшій опекунъ, то утвержденіе ея посредствомъ слобѣ какъ и вдовы; а мнившаяся дѣвства чрезъ блудъ или безъ совокупленія, какъ дѣвственница, и слово ея: „я не соглашалась“ важнѣе, нежели слово его: „ты молчала“, но принимается свидѣтельство въ молчаніи ея, и не принуждается она къ присягѣ, если тотъ не засвидѣтельствуетъ.¹⁾ Если о согласіи на бракъ совер-

¹⁾ 63 стр. подлинника.

пеннолѣтнюю дѣвицу спрашиваетъ не ближайшій опекунъ, а дальнѣйшій, или посторонній человѣкъ, то она выражаетъ свое согласіе тѣми словами, какими выражаетъ вдова. Дѣвица, лишившаяся дѣвства чрезъ блудъ или какимъ-нибудь инымъ образомъ, выражаетъ свое согласіе такъ же, какъ и дѣвственница. Если между мужемъ и женой произойдетъ тяжба относительно брака и жена будетъ говорить, что она не согласалась, а мужъ будетъ утверждать, что она молчала; въ такомъ случаѣ предпочтеніе оказывается женѣ. Впрочемъ, если мужъ представить свидѣтелей на то, что она молчала, то бракъ утверждается; однако жена не принуждается къ присягѣ, если мужъ не доставитъ свидѣтелей.

Опекунъ заключаетъ бракъ несовершеннолѣтняго и несовершеннолѣтней, хотя бы она была вдова, т. е. имѣетъ право опекунъ заключать эти браки.

Если отецъ или дѣдъ сочетаетъ бракомъ, то онъ бываетъ необходимъ; а другіе промѣ ихъ, то несовершеннолѣтніе разводятся по достиженіи совершеннолѣтія или узнавши о бракѣ послѣ него. Молчаніе дѣвицы въ обоихъ этихъ случаяхъ бываетъ согласіемъ и нѣтъ продолженія воли ея до предположѣ мѣджиса,¹⁾ если не знала этого; различается отпущенная на свободу. Если несовершеннолѣтнихъ сочетаетъ бракомъ отецъ или дѣдъ, то бракъ признается во всей силѣ и не расторгается; если опекунами были не отецъ и не дѣдъ, а другіе родственники и сочетали бракомъ несовершеннолѣтнихъ, то эти послѣдніе по достиженіи совершеннолѣтія имѣютъ право расторгнуть бракъ; или бракъ расторгается въ то время, когда достигшій совершеннолѣтія супругъ узнаетъ о бракѣ. Если супруга по достиженіи совершеннолѣтія получить извѣстіе о бракѣ и будетъ молчать въ самый моментъ полученія извѣстія, то она уже не можетъ расторгнуть брака; также она не можетъ расторгнуть брака, если спросить объ имени мужа или о количествѣ мехра. Однако если она не знала такого узаконенія, то можетъ расторгнуть бракъ. Въ этомъ отношеніи отличается раба, пущенная на волю. Она можетъ знать о своемъ бракѣ продолжительное время и, лишь только получить извѣстіе о своемъ освобожденіи, можетъ расторгнуть бракъ.

¹⁾ Мѣджисомъ называется положеніе человѣка, какое онъ занимаетъ при извѣстномъ случаѣ, въ извѣстный моментъ.

Воля дитяти и вдовы не бываетъ тщетною безъ точнаго согласія и свидѣтелей и не прекращается съ промедленіемъ мяджлиса; и рѣшеніе казья служитъ условіемъ для развода совершеннолѣтней, но не для освобожденной. Дитя и вдова, не изъяснившія точнаго и опредѣленнаго согласія на бракъ предъ свидѣтелями, не теряютъ права на разводъ даже съ перемѣной мяджлиса. Согласіе можетъ быть выражено и не словами, напр. объятіемъ мужа, взятіемъ мехра у него, полученіемъ отъ него пропитанія; однако жьсть хлѣбъ мужа, услуживать ему, быть съ нимъ въ хыльватѣ,¹⁾ по безъ объятій, все это еще не служитъ выраженіемъ полнаго согласія па бракъ. Супруга, выданная за-мужъ несовершеннолѣтнею, можетъ по достиженіи совершеннолѣтія развестись не иначе, какъ по рѣшенію казья; но супруга, получившая освобожденіе, можетъ развестись и безъ рѣшенія казья. Въ „Халаязъ“ упомянуто, что по рѣшенію казья расторгаются браки въ слѣдующихъ случаяхъ: при отпяти дѣтородныхъ членовъ мужа и при его импотенціи; по желанію достигшей совершеннолѣтія; при неравенствѣ супруговъ или недостаточности мехра; если зимми-жена сдѣлается мусульманкою и будетъ приглашать мужа къ припятию ислама, а тотъ не согласится; наконецъ по причинѣ заклітія жены мужемъ.

Опекунами бываютъ родственники по порядку; условіемъ служитъ свобода, совершеннолѣтіе и исламъ въ рожденіи отъ мусульманина, потомъ мать, затѣмъ ближайшіе родственники и ближайшіе изъ близкихъ; потомъ близкій другъ, потомъ казый, въ метрикахъ котораго этотъ. Опекунами при бракѣ бываютъ тѣ родственники, въ родствѣ которыхъ нѣтъ женщины, какъ посредствующаго звѣна. Опекунами бываютъ родственники по порядку родства; такъ опекуномъ сначала бываетъ отецъ, потомъ дѣдъ по отцу и т. д. по восходящей линіи; затѣмъ братъ, потомъ племянникъ по брату и т. д. по нисходящей; потомъ дядя по отцу, послѣ него сынъ дяди и т. д. по нисходящей. При опредѣленіи опекуномъ дается преимущество ближайшему родственнику. Отъ опекуна требуется, чтобы онъ былъ свободенъ, въ здоровомъ умѣ и совершеннолѣтній, такъ что рабъ, сумасшедшій и несовершеннолѣтній не могутъ быть опекунами при бракѣ. Кромѣ этого отъ опе-

¹⁾ Объясненіе «хыльвата» см. ниже стр. 53—54.

куна требуется, чтобы онъ былъ дитя мусульманина и самъ былъ мусульманинъ. За неимѣніемъ опекуновъ по мужской линіи ими бываютъ родственники по женской линіи. Сначала бываетъ опекуномъ мать, а за ней какой-нибудь близкій родственникъ и притомъ самый близкій изъ всѣхъ. Когда же не будетъ родственниковъ, тогда опекуномъ бываетъ близкій другъ, такой другъ, который имѣетъ съ нимъ самое тѣсное общеніе даже въ имуществѣ. Если же нѣтъ и подобнаго друга, то опекуномъ назначается тотъ казый, въ книгахъ котораго записаны вступающій въ бракъ.

Дальній сочетаетъ бракомъ за отсутствіемъ ближняго, когда не ожидаетъ отъ него извѣстія сватъ, по нѣкоторымъ — на пространствѣ сафира.¹⁾ За отсутствіемъ ближайшаго родственника сочетаетъ бракомъ родственникъ дальнѣйшій, когда сватъ не будетъ дожидаться отъ него извѣстія; по мнѣнію нѣкоторыхъ законовѣдовъ, дальній родственникъ тогда только заключаетъ бракъ, когда ближайшій родственникъ будетъ находиться на разстояніи сафира.

Въ бракъ требуется равенство по происхожденію, такъ что часть курейшитовъ равна части ихъ, часть арабовъ²⁾ равна части арабовъ. Смыслъ понятенъ.

А не-арабамъ — по исламу: тотъ, у кого два отца въ исламъ, равенъ той, у которой нѣсколько отцовъ въ исламъ; но не равенъ имъ тотъ, у кого одинъ отецъ въ исламъ, а ему мусульманинъ самъ по себѣ. Относительно не-арабовъ пужно соблюдать равенство по исламу, такъ что тотъ, у кого два предка были мусульманами, равенъ той, которая имѣетъ нѣсколько предковъ мусульманъ. Этими обоими не равенъ тотъ, у кого только лишь отецъ принялъ исламъ; а этому послѣднему не равенъ тотъ, у кого нѣтъ ни одного предка въ исламѣ.

И по свободѣ,—требованія тѣ же, какія упомянуты относительно ислама. Еще требуется равенство по свободѣ. Опре-
дѣленіе равенства то же какъ и по исламу.

И по благочестію; потому несчастивецъ не равенъ дочери благочестиваго, — и по имуществу, такъ что не имѣющій требимаго мекхри и пропитанія не равенъ нищей, а владѣю-

¹⁾ «Сафиромъ», т. е. путешественникомъ называется человекъ, находящійся отъ своего мѣста жительства на три дня пути.

²⁾ 64 стр. подлинника.

ицѣй въ достаткѣ тѣмъ и другимъ равенъ богатой, — и по ремеслу: потому красильщикъ, или цирюльникъ, или производящій низкія работы, или кожевникъ не равенъ продающей благовонія и под. Еще требуется равенство по благочестію, по имуществу и по ремеслу. Смыслъ понятенъ.

А если сочетается бракомъ при недостаточности мехра, то опекуну предоставляется жалоба, до тѣхъ поръ пока будетъ дополненъ, или разводятся. Если кто женится, а мехра не выплатить, то опекуну жены предоставляется право жалобы, чтобы мехръ былъ дополненъ, или бракъ былъ расторгнутъ.

И считается бракъ фузули законнымъ и заключаетъ двѣ дороги брака кто-нибудь безъ фузуля. Бракъ фузули, т. е. заключенный безъ воспитателя или опекуна, считается законнымъ, если дѣвица въ здоровомъ умѣ, совершеннолѣтняя, невинная и если она была съ мужемъ въ хыльватѣ. Бракъ этотъ заключается законнымъ образомъ или посредствомъ словъ, или посредствомъ дѣйствій, напр. если жена запроситъ мехръ и пропитаніе и будетъ подчиняться мужу, а мужъ съ своей стороны выплатитъ ей мехръ. Двѣ дороги брака, т. е. предложеніе и согласіе, скрѣпляетъ въ этомъ случаѣ кто-нибудь: или опекунъ съ обѣихъ сторонъ, или съ одной стороны воспитатель, а съ другой опекунъ.

Меньшій мехръ десять диргемовъ, потому онъ необходимъ, если поименованъ меньше его, а если поименовано сверхъ этого, то поименованный, по смерти одного изъ нихъ или дѣйствительнаго хыльвата. Самое меньшее количество мехра десять диргемовъ или вещи стоимостью въ десять диргемовъ. Потому, по смерти мужа или дѣйствительнаго хыльвата, жена должна получить десять диргемовъ, если назначенъ мехръ меньше этого; а если назначенъ больше этого, то жена получаетъ тотъ мехръ, который назначенъ.

А это бываетъ, если нѣтъ препятствія или по существу, или по закону, или по средствамъ, напр. этому препятствіемъ болѣзнь, постъ-разазанъ¹⁾, молитва-фарзъ, ихрамъ, мензуры, очищеніе послѣ родовъ и при отсутствіи дѣтородныхъ членовъ, импотенція и скочестъ. Хыльватъ, т. е. дѣйствительное уединеніе мужа съ женою бываетъ тогда, когда оба

¹⁾ 65 стр. подлинника.

они находятся въ уединенномъ мѣстѣ и не будетъ препятствій ни по существу, ни по закону, ни по средствамъ, какъ напр. болѣзнь, постъ рамазанъ, близкое родство, менсуры и пр. исключенныя въ текстѣ причины.

Половина его при разводѣ равнае его; а если онъ не поименованъ, то мехръ, опредѣленный при краткихъ бракахъ и мехръ-мисль послѣ него. Если мужъ разводится прежде хильвата, то жена получаетъ половину мехра. Если же мехръ не поименованъ, то жена въ этомъ случаѣ получаетъ мехръ, который назначается при кратковременныхъ бракахъ, т. е. рубаху, головной уборъ и покрывало. Однако стоимость этихъ вещей не должна быть меньше мехра-мисля или пяти диргемовъ. Когда же мужъ разводится послѣ хильвата, а мехръ не опредѣленъ, то жена получаетъ мехръ-мисль.

И справедливы бракъ безъ упоминанія мехра и при отрицаніи его и посредствомъ вещи неизвѣстной стоимости и при незнаніи рода его. Бракъ считается законнымъ, хотя бы и не былъ упомянутъ мехръ или даже былъ отрицаемъ, или посредствомъ вещи, стоимость которой не опредѣлена въ шаригатѣ, напр. вино, свинья; или когда неизвѣстенъ родъ его, напр. если скажутъ: „четвероногое“, но не объяснить, что разумѣтъ подъ этимъ: лошадь ли, корову ли, барана ли. Также если скажутъ: „одежда“, но не опредѣлять—шелковая или бумажная.

И бываетъ необходимъ мехръ-мисль въ упомянутомъ. Во всѣхъ вышеупомянутыхъ случаяхъ бываетъ необходимъ мехръ-мисль, если мужъ разводится послѣ хильвата, а мехръ не опредѣленъ.

Если родъ его, то середина его или цѣна его, или посредствомъ служенія жень раба, когда она принимаетъ, и посредствомъ того или этого, то мехръ-мисль, если будетъ между ними, и худшій, если ниже его, и лучшій, если выше его. Бракъ бываетъ правиленъ, когда для мехра назначаютъ родъ извѣстныхъ предметовъ, не обозначая его въ частности, напр. если назначена просто лошадь, верблюдъ или бумажная одежда, но не обозначены въ точности. При разводѣ въ этомъ случаѣ жена получаетъ полную стоимость мехра или половину его. Бракъ правиленъ также, если рабъ, женившійся, вмѣсто мехра будетъ работать для жены, когда жена согласится принять эти услуги. Бракъ правиленъ, когда мужъ назначить въ

мехръ одного изъ двухъ рабовъ, но не опредѣлить котораго именно, а между тѣмъ одинъ рабъ дороже другаго. Въ этомъ случаѣ бываетъ необходимъ мехръ-мисль, если онъ будетъ составлять среднюю цѣну обоимъ рабамъ. Если же мехръ-мисль будетъ ниже стоимости худшаго раба, то необходимъ этотъ послѣдній; а если мехръ-мисль будетъ выше стоимости лучшаго раба, то необходимъ этотъ послѣдній.

А если разводятся прежде сожитія и хлывата, то половина худшаго, т. е. раба, бываетъ необходима.

А если женится посредствомъ тысячи съ тѣмъ, чтобы не вывозить ея, или съ тысячею если живетъ постоянно; но посредствомъ двухъ тысячъ, если вывезетъ. Если сдержитъ слово и останется на одномъ мѣстѣ, то тысяча, а если нѣтъ, то мехръ-мисль, но не превышаетъ двухъ тысячъ и не меньше тысячи. Если кто женится, положивши мехръ въ тысячу диргемовъ, съ условіемъ не вывозить жены изъ мѣста жительства, и мехръ въ двѣ тысячи, если вывезетъ ее, то онъ обязанъ заплатить ей тысячу диргемовъ въ томъ случаѣ, когда онъ сдержитъ свое слово и не вывезетъ ея; если же вывезетъ, то обязанъ заплатить мехръ-мисль. Этотъ мехръ-мисль долженъ быть не менѣе тысячи диргемовъ и не болѣе двухъ тысячъ.

Если сочетается бракомъ посредствомъ этихъ двухъ рабовъ, и одинъ изъ нихъ свободенъ, то для нея только рабъ, если стоитъ десять. Если кто сочетается бракомъ, назначивши мехръ двухъ извѣстныхъ рабовъ, и если одинъ изъ нихъ окажется свободнымъ, то жена получаетъ только оставшагося раба, если только цѣна этого раба будетъ не меньше десяти диргемовъ; въ противномъ случаѣ получаетъ десять диргемовъ.

А если дѣлаетъ условіемъ цѣломудріе, а она окажется лишеною дѣвства, то необходимъ¹⁾ весь. Если мужчина при заключеніи брака дѣлаетъ условіемъ цѣломудріе жены, а она окажется не цѣломудренною; то мужъ, не смотря на это, обязанъ выплатить весь мехръ.

А въ бракъ неправильномъ, если не бываетъ сожитія, не необходимо ничто; если же было сожитіе, то устанавливается родство со времени сожитія, и мехръ-мисль, не большіе поименованнаго. Если не было сожитія при бракѣ неправильномъ, т. е. при бракѣ безъ согласія жены, или безъ сви-

¹⁾ 66 стр. подлинника.

дѣтелей, то выплачивать мехръ нѣтъ необходимости. Если же было сожитіе, то признается дитя роднымъ, если оно родилось шесть мѣсяцевъ спустя послѣ брака; и въ этомъ случаѣ нужно выплатить мехръ-мисль, если только онъ не больше поименованнаго въ брачномъ контрактѣ.

А мехръ-мисль по роду отца, по годамъ, по красотѣ, по имуществу, по уму, по вѣрѣ, по зѣлѣ, по времени, по дѣятельности или недѣятельности. А если не находится изъ нихъ, то по постороннимъ, но не мать и родственники ея, если только она не будетъ изъ родственниковъ отца ея. Мехръ-мисль опредѣляется количествомъ мехра, полученнаго родственницею по отцу, напр сестрами отца или дѣтьми ихъ. При этомъ требуется, чтобы родственница была равна по красотѣ, по имуществу, по уму, по вѣрѣ; чтобы она жила въ одномъ томъ же городѣ и въ одно время; чтобы она была также цѣломудренна или нецѣломудренна. Если нѣтъ подобныхъ родственницъ со стороны отца замужнихъ, то для опредѣленія мехра-мисля принимается во вниманіе какая-нибудь посторонняя женщина, равная по качествамъ; но мать и родственницы ея не принимаются во вниманіе, если только онѣ не состоятъ въ родствѣ съ отцемъ.

Правильна уплата мехра ея опекуну ея, хотя бы несовершеннолѣтней. Опекунъ можетъ вмѣсто мужа уплатить мехръ женѣ, хотя бы она была несовершеннолѣтняя, такъ что если жена взяла уже мехръ отъ мужа, то она должна возвратить его.

Предварительный и заключительный мехръ, если опредѣленъ, то этотъ, если нѣтъ, то обычное. Мехръ раздѣляется на двѣ половины; одна получается тотчасъ, другая постѣ. Если количество того и другаго мехра опредѣлено, то жена и получаетъ это; если же не опредѣлено, то жена получаетъ столько, сколько получаютъ обыкновенно личности равныя ей.

А прежде принятія предварительнаго мехра, ей принадлежитъ возбранять ему сожитіе и путешествіе, хотя бы послѣ сожитія по ея уступкѣ, безъ прекращенія пропитанія,—и путешествіе и выходъ по желанію безъ позволенія его; а послѣ принятія его, онъ увозитъ ее; но говорятъ, что онъ не дѣлаетъ съ нею сафара и объ этомъ есть фетва.¹⁾ До по-

¹⁾ Фетвою называется постановленіе мусульманскихъ законовѣдковъ.

лученія предварительнаго мехра жена имѣтъ право отказываться отъ сожитія съ мужемъ и отъ путешествія съ нимъ, хотя бы даже прежде этого она и позволяла ему пользоваться супружескими правами. Однако изъ-за этого отказа мужъ не имѣтъ права лишать ее пропитанія. Притомъ до полученія предварительнаго мехра, жена имѣтъ право безъ позволенія мужа выходить изъ дому и даже совершать путешествіе. Но послѣ полученія его, мужъ имѣтъ право увести жену изъ мѣста жительства. Однако ученые законовѣды говорятъ, что мужъ не можетъ увести свою жену безъ ея согласія дальше трехъ дней пути отъ мѣста жительства. Объ этомъ есть фетва. Подобное постановленіе было вызвано опаснымъ временемъ, такъ какъ женѣ въ путешествіи много опасностей.

Если онъ ей пошлетъ что-нибудь, а она скажетъ: „это подарокъ“, а онъ скажетъ: „мехръ“, то слово за нимъ, кромѣ того, изъ чѣмъ есть вредъ для нѣды. Если мужъ пошлетъ женѣ что-нибудь, а спустя нѣкоторое время жена скажетъ: „это былъ подарокъ“, а мужъ скажетъ: „это былъ мехръ“, то въ шаригатѣ принимается въ уваженіе слово мужа. Но если были посланы предметы, употребляемые въ пищу и которые могутъ испортиться, напр. хлѣбъ, лепешки, жареное мясо, обыкновенные плоды, не употребляемые для мехра; въ этомъ случаѣ принимается въ уваженіе слово жены. Однако когда бываютъ посланы: ншеница, медъ, баранье сало, грецкіе и простые орѣхи, то принимается въ уваженіе слово мужа.

Бракъ полнаго раба, записаннаго, назначеннаго къ отпущенію по смерти, служанки и уммъ-валяди¹⁾ безъ позволенія хозяина неправиленъ. Если согласится, то утверждается, а если отвергнетъ, то уничтожается; если позволитъ, то полный рабъ продается за мехръ, а два послѣдніе работаютъ. Если вступятъ въ бракъ безъ позволенія хозяина полный рабъ, рабъ уплатившій часть своего выкупа, рабъ назначенный къ отпущенію по смерти хозяина, служанка и уммъ-валяди, т. е. служанка, прижившая дитя отъ хозяина,—то бракъ считается правильнымъ. Если хозяинъ согласится на этотъ бракъ, то онъ признается во всей силѣ; если же нѣтъ, то расторгается. Когда хозяинъ дастъ позволеніе рабамъ на бракъ съ извѣстнымъ мехромъ, а рабы не могутъ ни выплатить его, ни доставить про-

¹⁾ 67 стр. подлинника.

питанія, то рабъ полный продается для уплаты мехра, рабъ же назначенный къ отпущенію по смерти хозяина и рабъ уплатившій часть своего выкупа не продаются за мехръ, а обязаны работать вмѣсто уплаты.

И позволеніе на бракъ обще на законный и неправильный. Позволеніе хозяина на бракъ рабу бываетъ общимъ на законный и неправильный бракъ: такъ если хозяинъ дастъ рабу позволеніе жениться, а тотъ вступить въ неправильный бракъ, напр. безъ свидѣтелей, то не смотря на это раба все же, по мнѣнію имама Агзама, должно продать къ невыгодѣ хозяина для уплаты мехра. То же самое утверждаютъ Абу-Юсуфъ и Мухаммедъ.

Кто выдастъ за мужъ служанку, то нѣтъ необходимости въ отпущеніи ея; и пропитанія нѣтъ отъ него; и сожителствомъ супругъ, если свободенъ. Хозяинъ можетъ выдать за-мужъ служанку, и ему при этомъ необходимо увольнять ее отъ работы для хильвата съ мужемъ. Однако въ этомъ случаѣ мужъ не обязанъ доставлять пропитаніе женѣ. Впрочемъ хозяинъ не имѣетъ права не допускать служанку до хильвата съ мужемъ, если у нея нѣтъ работы и у мужа ея есть свободное время.

И ему женитьба раба и служанки насильно; освободившаяся раба и записанная выходитъ изъ-подъ свободного или раба: а если вступитъ въ бракъ безъ позволенія, а потомъ освободится, то въ силу при нежеланіи ея.¹⁾ Хозяинъ имѣетъ право женить раба и выдать за-мужъ служанку, не смотря на ихъ нежеланіе, хотя это и мякругъ, т. е. достойно презрѣнія. Впрочемъ служанка, полная или уплатившая часть своего выкупа, если будетъ выдана за-мужъ насильно, то послѣ освобожденія имѣетъ право расторгнуть бракъ, будетъ ли она за свободнымъ или за рабомъ. Но если она вступала въ бракъ безъ согласія хозяина, то не имѣетъ права расторгнуть брака, хотя бы и не желала жить съ мужемъ.

И что упомянуто, то хозяину, если было сожитіе, а потомъ была освобождена; а если прежде освободилась, а потомъ было сожитіе, то ей. Если мужъ будетъ имѣть сожитіе со служанкой до ея освобожденія, то назначенный мехръ онъ долженъ заплатить хозяину; если онъ пачаль сожитіе уже послѣ ея освобожденія, то мехръ отдается женѣ.

¹⁾ Основано на 29 ст. 4 гл. Корана.

И мужъ служанки ниспускаетъ съ позволенія господина ея, а свободной съ ея позволенія. Мужъ служанки имѣть право не допускать семени въ утробу, а выкидывать его вонъ, впрочемъ съ позволенія ея хозяина, какъ утверждаетъ имамъ Агзамъ; а Абу-Юсуфъ и Мухаммедъ говорятъ, что онъ можетъ сдѣлать это только съ ея позволенія. Что касается мужа свободной жещины, то онъ можетъ сдѣлать это съ ея позволенія.

Если сдѣлаетъ сожиганіе со служанкой сына, а потомъ она родитъ, а затѣмъ онъ признаетъ его, то родство утверждается и она бываетъ уммъ-валяди и необходима цѣна ея, но не мехръ ея и не цѣна дитяти ея. Если кто-нибудь будетъ имѣть сношеніе съ служанкой сына и та родитъ дитя, а онъ признаетъ его своимъ, то между нимъ и новорожденнымъ дитяти признается родство и служанка дѣлается уммъ-валяди.¹⁾ Въ этомъ случаѣ отецъ обязанъ заплатить сыну стоимость служанки, но за дитя не обязанъ платить, также не обязанъ платить и мехръ.

Дѣдъ какъ отецъ, по смерти его, и если женится на ней, то правильно, и она не считается уммъ-валяди и необходимымъ мехръ ея, но не цѣна ея, а дитя свободно по причинѣ близости его. Дѣдъ такой, въ родствѣ съ которымъ нѣтъ посредствующаго женскаго звѣна, напр. отецъ отца,—такой дѣдъ принимается, по смерти отца, въ значеніи отца относительно даннаго случая. Если отецъ женится на служанкѣ сына, то бракъ считается правильнымъ, и она, когда родитъ дитя, уже не считается уммъ-валяди. Въ этомъ случаѣ отецъ долженъ отдать мехръ служанкѣ, но не обязанъ платить выкупа за нее сыну. Дитя, происшедшее отъ этого брака, считается свободнымъ, такъ какъ между нимъ и бывшимъ господиномъ его матери родство очень близкое.

Несовершеннолѣтній сльдуетъ лучшей вѣри родителей,²⁾ а безъ извѣстія о нихъ сльдуетъ селенію, и маѣ хуже чело-вѣка писанія. Если родители будутъ разной религіи, напр. одинъ будетъ мусульманинъ, а другой не-мусульманинъ, а дитя будетъ еще настолько молодое, что не можетъ отличить хорошей вѣры отъ плохой, то оно должно быть воспитано въ той вѣрѣ

¹⁾ Этимъ терминомъ называется у мусульманъ служанка, прижившая дитя отъ своего господина. Она получаетъ свободу по смерти господина

²⁾ 68 стр. подлинника.

родителей, которая лучше, такъ что если отецъ или мать будетъ исповѣдывать исламъ, то дитя непременно обязано воспитываться въ исламѣ; если же отецъ будетъ магомъ, т. е. огнепоклонникъ, а мать — женщина писанія, т. е. христіанка или іудейка, или наоборотъ отецъ будетъ христіанинъ или іудей, а мать огнепоклонница, то дитя должно быть христіаниномъ или іудеемъ, потому что христіанинъ или іудей гораздо выше мага. Въ этомъ случаѣ, когда неизвѣстны будутъ родители малолѣтняго дитяти, которое будетъ найдено гдѣ-нибудь, дитя слѣдуетъ той вѣрѣ, какая исповѣдуются жителями того селенія или той провинціи, гдѣ онъ найденъ; напр. если онъ найденъ въ провинціи населенной мусульманами, то онъ долженъ быть мусульманиномъ; если же найденъ въ провинціи населенной невѣрными, то — невѣрнымъ.

Если обратятся въ исламъ вступившіе въ бракъ безъ свидѣтелей, или по обычаю невѣрныхъ, то увѣренные въ этомъ признаются въ немъ, но расторгаются запрещенные, — и въ исламъ мужъ огнепоклонника, или жена невѣрнаго, то предлагается исламъ другому, и если обратится въ исламъ, то она ему, а если нѣтъ, то расторгается. Если обращаются въ исламъ мужъ и жена, вступившіе въ бракъ безъ свидѣтелей или по обычаю, какой существуетъ у невѣрныхъ, и если они увѣрены, что бракъ ихъ правиленъ съ точки зрѣнія ихъ бывшей религіи, то бракъ ихъ остается во всей силѣ. Впрочемъ тѣ браки, которые считаются запрещенными по ученію ислама, расторгаются въ этомъ случаѣ. Если обращается въ исламъ мужъ огнепоклонника, или жена челоѣка писанія, т. е. христіанина или іудея, то предлагается въ присутствіи казья исламъ другому супругу, оставшемуся въ невѣріи. Если онъ приметъ исламъ, то бракъ ихъ утверждается, если же нѣтъ, то расторгается.

Это бываетъ разводомъ, если сопротивляется; и нѣтъ мехра, если она воспротивилась, исключая той, съ которой имѣлъ сожитіе. Если мужъ отказался принять исламъ, то бываетъ полный разводъ; если жена отказалась принять исламъ, то мужъ не обязанъ платить ей мехра. Однако если онъ имѣлъ сожитіе съ ней, то долженъ заплатить мехръ.

И въ домъ своемъ раздѣляются по происшествіи трехъ менструацій со времени ислама послѣдняго; и различаются посредствомъ деревень, но не плыня. Если мужъ огнепоклон-

ницы или жена невѣрнаго, обратившись въ исламъ, будутъ жить въ одномъ домѣ со своими супругами, то они должны быть разведены по прошествіи времени трехъ періодовъ менструацій, начиная со времени обращенія въ исламъ мужа огнепоклонницы или жены невѣрнаго. Въ этомъ случаѣ, когда менструація не показывается по какимъ-нибудь причинамъ, они разводятся по прошествіи трехъ мѣсяцевъ. Послѣ развода въ этихъ случаяхъ мужъ и жена должны поселиться въ разныхъ селеніяхъ: невѣрный супругъ— въ селеніи невѣрныхъ, мусульманинъ— въ селеніи мусульманинъ. Если мужъ и жена вмѣстѣ попадутся въ плѣнъ въ мусульманское селеніе, то они не разводятся.

И вѣроотступничество котораго-нибудь изъ нихъ нарушаетъ тотчасъ, потомъ той, съ которой имѣлъ сожитіе, весь мехръ ся, а безъ этого половина его, если онъ отступилъ отъ вѣры, и ничего, если она отступила отъ вѣры. Если мужъ или жена оставляетъ исламъ и переходитъ въ другую вѣру, то бракъ прекращается въ тотъ же самый моментъ. Если вѣроотступничество случилось послѣ сожитія, то жена получаетъ весь мехръ, опредѣленный въ контрактѣ, или мехръ - мисль, кто-бы ни былъ вѣроотступникомъ, мужъ или жена, потому что мехръ есть плата за сожитіе. Но жена получаетъ половину мехра, если вѣроотступничество случилось до сожитія и отступила отъ ислама не она, а мужъ; если же она отступила, то въ этомъ случаѣ не получаетъ ничего.

Бракъ остается, если отступянтъ вмѣстѣ и обратятся въ исламъ вмѣстѣ; но расторгается, если одинъ изъ нихъ обратится въ исламъ прежде другаго. Бракъ остается во всей силѣ, если мужъ и жена въ одно время сдѣлаются вѣроотступниками и въ одно время снова обратятся въ исламъ. Но бракъ расторгается, если мужъ и жена, сдѣлавшись вѣроотступниками въ одно время, обратятся въ исламъ въ разное.

Всякая жена въ домъ равна, кромѣ служанки,¹⁾ а для нея половина свободной, но не отправки въ путь; справедливъ отказъ отъ отправки и возвращеніе. Всѣ жены, будутъ ли дѣвицы или вдовы, мусульманки или женщины писанія,— всѣ равны относительно пищи, одежды и почей. Равенство относительно почей мужу соблюдать необходимо, хотя бы онъ самъ или жена была больна. Въ преданіи отъ лица Айши разска-

¹⁾ Основано на 128 ст. 4 гл. Корана.

ывается: „По священному преданію, посланникъ Божій — да помилуетъ и благословить его Богъ! — во время своей болѣзни, призвавши Айшу, — да будетъ ею доволенъ Богъ! — послать ее за своими женами; тѣ въ священномъ присутствіи его собрались всѣ; посланникъ Божій — да помилуетъ и благословить его Богъ! — сказалъ имъ: „у меня нѣтъ силы ходить къ вамъ поочередно, — дайте позволеніе мнѣ пребывать съ Айшею. Пречистыя жены его дали ему это позволеніе.“ Если бы болѣзнь освобождала отъ обязанности соблюдать между женами равенство въ ночахъ, то посланникъ Божій не сталъ бы просить себѣ этого позволенія. Въ „Шархъ-къафійѣ“ говорится: „если какой-нибудь мужъ, имѣя двухъ женъ, провелъ мѣсяцъ съ одной изъ нихъ, не возбуждая ропота другой, по наконецъ другая жена стала роптать; въ такомъ случаѣ ночи распредѣляются между женами по соглашенію, но прошедшій мѣсяцъ не возвращается; однако мужъ виновенъ въ несоблюденіи равенства. Если же дѣло дойдетъ до казны, и тотъ сдѣлаетъ внушеніе мужу, а мужъ будетъ по прежнему нарушать равенство, то казый упрекаетъ его еще болѣе“. Впрочемъ въ „Мухбатѣ“ сказано, что относительно супружескаго сожитія равенство соблюдать не обязательно. Это относительно женъ свободныхъ. Относительно служанки же соблюдать равенство не обязательно, такъ что на долю ея должна доставаться только половина свободной. Что касается отправки въ путь, то мужъ можетъ взять съ собой любую жену, не соблюдая равенства; но бросить жребій между женами лучше. Жребій дается женамъ слѣдующимъ образомъ: нужно нарѣзать нѣсколько лоскутковъ бумаги; на одномъ изъ нихъ написать „путь“, на другихъ написать „пресѣваніе“, потомъ эти бумажки замять въ грязь или тѣсто и отдать какому-нибудь дитяти предложить ихъ женамъ для выбора. Та, которой достанется бумажка съ надписью „путь“, и должна отправляться. Однако она можетъ отказаться отъ отправки и передать это право другой женѣ. Но раскаявшись въ этомъ, можетъ снова возвратить его себѣ.

Глава о молочномъ родствѣ (*Китабу-р-Ризагъ*)¹⁾

Утверждается посредствомъ сосанія въ продолженіи двухъ съ половиною лѣтъ материнство кормящей и отцовскаго му-

¹⁾ 69 стр. подлинника.

жа, молоко ея отъ него для сосущаго, и дѣлаются для него запрещеннымъ вмѣстѣ съ родственниками ихъ, какъ кровные родственники и вѣтви его и сосущій для нихъ.¹⁾ Кормленіе грудью дѣласть матерью женщину кормящую по отношенію къ тому ребенку, котораго она кормить, и дѣласть отцемъ того мужа, отъ котораго кормилица получила молоко, такъ что если кормилица получила молоко отъ одного мужа, потомъ вышла за другаго и стала кормить грудью дитя, то это дитя будетъ сыномъ по молочному родству первому мужу, а второму мужу будетъ пасынкомъ и поэтому можетъ вступить въ бракъ съ его дѣтми отъ другой жены. Кормленіе грудью устанавливаетъ родство, которое служитъ препятствіемъ къ браку, такъ что сосавшему нельзя жениться на кормилицѣ; ея мужъ, отъ котораго она получила молоко, на ближайшихъ родственникахъ ихъ и на нисходящей линіи ихъ. Точно также и супругъ сосавшаго не можетъ вступить въ бракъ съ кормилицей или съ ея мужемъ.

Позволяется сестра своему брату по молочному родству подобно, какъ и въ кровномъ родствѣ. Братъ и сестра по молочному родству могутъ вступить въ бракъ съ братомъ и сестрой по кровному родству, какъ въ кровномъ родствѣ братъ и сестра по отцу могутъ вступить въ бракъ съ братомъ и сестрой по матери.

А клистиръ и молоко мужчины, не примѣшанное къ пищѣ, не дѣлаетъ запрещеннымъ, и къ другому, то принимается въ расчетъ количество его; и дѣлаетъ запрещеннымъ введеніе его въ носъ и молоко дѣвицы и мертвой. Клистиръ сдѣланный изъ женскаго молока дитяти не устанавливаетъ молочнаго родства. Молоко мужчины, примѣшанное къ пищѣ, также не устанавливаетъ родства; но если оно примѣшано не къ пищѣ, а къ чему-нибудь другому, напр. къ водѣ, къ лекарству, то принимается въ расчетъ количество его, такъ что если молока будетъ больше, нежели веществъ примѣшанныхъ, то устанавливается, если же будетъ наоборотъ, то не устанавливается. Введеніе молока въ носъ, а также молоко дѣвицы и мертвой женщины устанавливаетъ родство.

Если покормить грудью свою подругу, то обѣ бывающія запрещены по молочному родству; и нѣтъ мебра для стар-

¹⁾ Основано на 27 ст. 4 гл. Корана.

шей, если не было супружескаго сожитія, а сосавшей половина его, и отнимается у кормившей, если имѣла намѣреніе повредить. Если одна жена покормитъ грудью другую, то обѣ дѣлаются запрещенными для сожитія съ мужемъ, потому что кормившая будетъ матерью сосавшей, слѣд. первая по отношенію къ мужу будетъ матерью его жены, а послѣдняя дочерью его жены или даже его дочерью по молочному родству, если молоко кормившей было отъ него. Такимъ образомъ обѣ жены становятся запрещенными мужу. Кормившая жена должна быть разведена. Ей не выдается писколько мехра, если съ ней не было сожитія; послѣ этого позволяется снова вступить въ бракъ съ женой, которая сосала. Въ „Махитѣ“ же сказано: „если съ кормившей женой было сношеніе, то ей слѣдуетъ полный мехръ и мужу не позволяется вступать въ бракъ съ той, которая сосала грудь“. Что касается сосавшей жены, то ей слѣдуетъ половина мехра если будетъ разведена и она. Въ этомъ случаѣ, если жена кормила другую жену съ вреднымъ намѣреніемъ, т. е. если она знала, что та жена ея мужа и что чрезъ это она дѣлаетъ разрывъ брака, а не смотря на это кормила, — то у ней отнимается и та половина мехра, которую далъ ей мужъ.

Глава о разводѣ (*Китабу-т-Талакъ*)¹⁾

Совершается только совершеннолѣтнимъ, хотя бы былъ пьянъ, или рабомъ, но не господиномъ его и соннымъ. Разводъ можетъ дать только совершеннолѣтній и въ здоровомъ умѣ; сумасшедшій же, дитя и человѣкъ, пахотящійся въ безсознательномъ состояніи, развода дать не можетъ. Впрочемъ разводъ можетъ быть данъ человѣкомъ пьянымъ, если только можно разобрать его слова; если же пельзя, то развода не бываетъ. Такъ сказано въ „Загидѣ.“ Рабъ также можетъ дать разводъ своей женѣ, по господинъ не можетъ дать развода женѣ своего раба. Впрочемъ и онъ можетъ дать разводъ, если только въ брачномъ контрактѣ оставить за собой это право, т. е. въ брачномъ контрактѣ онъ помѣститъ слѣдующія слова „я женою такого-то, разводъ предоставляю себѣ, въ какое бы время я не пожелаю, я могу сдѣлать разводъ“ а рабъ напишетъ: „я согласенъ“. Не можетъ дать развода еще человѣкъ спящій.

¹⁾ 69-я стр. подлинника.

Превосходнѣйшій изъ нихъ только одинъ разводъ въ чистотѣ, нѣтъ супружескаго сожитія въ немъ. Самый лучшій разводъ только одинъ, именно тотъ, который дается жёнѣ въ то время, когда она чиста отъ менструаціи и истеченія крови послѣ родовъ, притомъ жёнѣ, съ которой мужъ не имѣлъ супружескаго сожитія въ этотъ періодъ чистоты.

Хорошій изъ нихъ и сообразный съ сюнною разводъ для жены, съ которой не имѣлъ сношенія, хотя бы¹⁾ во время менструаціи; а для той, съ которой имѣлъ сношеніе, кратчайшій разводъ въ чистотѣ, нѣтъ сношенія съ ней, для той, которая имѣетъ менструацію и мѣсяцы для несовершеннолѣтней; для той, у которой прекратилась менструація, для беременной, хотя бы послѣ сношенія. Хорошій и сообразный съ сюнною разводъ состоитъ въ томъ, чтобы дать одинъ разводъ жёнѣ, съ которой мужъ не имѣлъ сношенія, хотя бы это было во время менструаціи. Что же касается жены, съ которой было супружеское сожитіе, то для совершенія хорошаго развода нужно сказать ей разводъ трижды въ три періода чистоты отъ менструацій. Притомъ мужъ не долженъ имѣть съ ней сожитія въ это время. Это относительно жены, у которой бываетъ менструація. Для той же жены, у которой прекратилась менструація, для несовершеннолѣтней и беременной нужно произнести три развода въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, хотя бы раньше развода мужъ имѣлъ супружеское сожитіе съ ними.

А еретическій изъ нихъ одинъ въ чистотѣ и имѣетъ сожитіе съ ней, или во время менструаціи той, съ которой имѣлъ сожитіе; а что сверхъ, то разводъ безъ возвращенія — въ чистотѣ. Разводъ еретическій и запрещенный состоитъ въ произнесеніи одного развода во время чистоты отъ менструаціи, — чистоты, въ которую мужъ уже имѣлъ сожитіе съ женою разводимою; или произнесеніе развода жёнѣ, съ которой онъ имѣлъ сожитіе, во время ея менструаціи. Если мужъ дважды или трижды произнесетъ разводъ въ продолженіи одного періода чистоты, то это будетъ также еретическій разводъ, но супружество между разведенными не восстанавливается.

И возвращается, если разводъ во время менструаціи, а когда она очистится, онъ разводитъ ее, если пожелаетъ. Если

¹⁾ 70 стр. подлинника.

разводъ данъ во время менструаціи жены, то необходимо ее возвратитъ назадъ. Впрочемъ нѣкоторые ученые говорятъ, что это только похвально. Однако, когда жена очистится, мужъ можетъ снова развести ее, если пожелаетъ этого.

А разводъ для свободной три,¹⁾ а для служанки два, хотя бы супруги ихъ были противоположны имъ. Свободной женѣ разводъ нужно дать трижды, а рабѣ — дважды, хотя бы мужъ у свободной былъ рабъ, а у рабы — свободный человекъ.

А выраженіе то, что употребляется только въ немъ, кромѣ другаго, напр. „ты разводишься“, „ты разведена“, „я тебя развелъ“, и при этомъ обыкновенно совершается раджги.²⁾ Для выраженія развода употребляются слова специально для этого назначенныя, которыя нигдѣ больше не употребляются, напр. „ты разводишься“, „ты разведена“, „я тебя развелъ“. По произнесеніи этихъ словъ совершается раджги, было ли намѣреніе взять назадъ свое слово, или дать полный разводъ.

Если будетъ упомянуто имя дѣйствія, то три, если имѣетъ въ намѣреніи, если же нѣтъ, то раджги. Если мужъ выразитъ разводъ именемъ дѣйствія, напр. скажетъ женѣ: „ты разводъ“, а при этомъ имѣетъ въ намѣреніи три развода, то исполняется три; если же нѣтъ, то происходитъ раджги.

Справедливо отношеніе развода ко всей ей и къ тому, что не можетъ быть отнято отъ цѣлаго, напр. голову твоею, или шею твоею, или душу твоею, или лицу твоему, или срамному проходу твоему „проклянетъ Богъ проходы на сѣдлѣ“, или ко всему члену, или къ половинѣ его; но не къ рукѣ, не къ ногѣ, не къ животу и не къ спинѣ. Правильно относить разводъ ко всей женѣ, напр. „разводъ всей тебѣ“, „разводъ всей тебѣ совершенно“, „разводъ цѣлой тебѣ“; правильно также относить его и къ тому члену, который не можетъ быть отдѣленъ отъ цѣлаго организма, напр. „разводъ головѣ твоей, или шеѣ твоей, или душѣ твоей, или лицу твоему, или срамному проходу твоему“. Последнее подтверждается преданіемъ, гдѣ употребленъ срамный проходъ вмѣсто цѣлой женщины. Это преданіе читается: „проклянетъ Богъ проходы на сѣдлѣ“. Разводъ можетъ быть отнесенъ къ цѣлому члену или части его,

¹⁾ Основано на 229—230 ст. 2 гл. Корана.

²⁾ «Раджги» называется такой разводъ, который потомъ возвращается мужемъ обратно.

напр. „разводъ половинѣ или третьей части“ извѣстнаго члена, потому что жена и члены ея относительно развода недѣлимы. Но разводъ не можетъ быть отнесенъ къ рукѣ, ногѣ, животу и спинѣ.

И часть развода — разводъ, а два въ двухъ — два и справедливо намѣреніе¹⁾ въсплѣть; начало предѣла входитъ, но не конецъ его; а что касается „между“, то какъ „изъ“. Если мужъ скажетъ женѣ: „половина, или третья, или четвертая часть развода тебѣ“; то исполняется одинъ разводъ; если онъ скажетъ: „тебѣ въ двухъ разводахъ два развода“, то исполняется столько разводовъ, сколько онъ имѣетъ въ намѣреніи. Онъ можетъ имѣть въ намѣреніи эти разводы вмѣстѣ, т. е. два развода съ двумя разводами. При этомъ исполняется три развода. Начало развода входитъ, но конецъ его нѣтъ, т. е. если скажетъ: „ты разведена пачиная отъ одного до двухъ“, то исполняется одинъ разводъ. Частица „между“ принимается въ значеніи частицы „изъ“, напр. „ты разведена между однимъ и двумя“, то исполняется только одинъ разводъ.

А „ты разводъ въ Мекку“ тотчасъ же исполняется. И соединяется со входеніемъ въ Мекку и исполняется на зарѣ; въ (выраженіи): „ты разведена на утро или въ заутренній день“, то правильно намѣреніе — только для втораго; и исполняется тотчасъ же въ (выраженіи): „ты разведена вчера“; а если женился послѣ этого, то это пустое слово. Если мужъ скажетъ женѣ: „ты талахъ, т. е. разведена, въ Меккѣ“, то разводъ исполняется тотчасъ же, когда бы ни было это сказано. Если онъ скажетъ: „ты разведена, когда войдешь въ Мекку“, то разводъ исполняется только тогда, когда она войдетъ въ Мекку, и именно на зарѣ того дня, когда она войдетъ. Если мужъ скажетъ: „ты разведена на утро или въ заутренній день“, то полдень можно имѣть въ намѣреніи только по отношеніи къ заутреннему дню. Если мужъ скажетъ „ты разведена вчера“, то разводъ исполняется тотчасъ же. Если же онъ женился сегодня лишь, то этотъ разводъ пустое слово.

И исполняется при концѣ жизни въ (выраженіи): „ты разведена, хотя бы я не разводилъ тебя“; и тотчасъ въ (выраженіи): „когда бы (мать моя) не разводила“, и потомъ замолчитъ; а въ (выраженіи): „когда“ (идза), то что имѣетъ

¹⁾ 71 стр. подлинника.

въ намѣреніи; а если не имѣетъ намѣренія, то происходитъ по Абу-Ханифѣ, — помилуетъ его Богъ! — Если мужъ скажетъ женѣ: „ты разведена, хотя бы я не совершалъ развода“, то разводъ исполняется при концѣ жизни мужа или жены за часъ до смерти. А если мужъ скажетъ: „когда бы ни (мата лямъ) разводилъ я тебя“ и потомъ замолчить, то разводъ исполняется тотчасъ же. Если же мужъ скажетъ: „ты разведена, когда (идза) я развелъ тебя“, то нужно знать, въ какомъ смыслѣ онъ употребилъ частицу „когда“ (идза); если онъ употребилъ ее въ значеніи „хотя бы“, то разводъ исполняется при концѣ жизни; если же въ значеніи „когда“ (идза), то разводъ совершается тотчасъ же. по мнѣнію Абу-Ханифы.

А день принимается за день опредѣленный, когда происходитъ работа, напр. „дѣло твое въ рукахъ твоихъ въ день, когда возвратится Зейдъ за время назначенное для развода, то онъ не прекращается съ дневной работой, напр. „ты разведена въ день, когда возвратится Зейдъ.“ Если въ словахъ развода упоминается день и полагается временемъ развода, то нужно знать въ какомъ смыслѣ употребляется слово день. Онъ можетъ означать срокъ времени, въ которое производится работа, напр. мужъ скажетъ женѣ: „ты разведена въ день, когда возвратится Зейдъ,“ а Зейдъ возвратится ночью, то слова мужа ничего не значать. Но слово день еще можетъ быть употреблено для обозначенія вообще времени назначеннаго для развода, напр. если въ вышеприведенномъ примѣрѣ мужъ разумѣлъ подъ днемъ вообще время развода, то разводъ исполняется когда бы ни возвратился Зейдъ.

А женъ, съ которой не имѣлъ сожитія въ (выраженіи): „ты разведена трижды,“ то происходитъ, а при соединеніи происходитъ разводъ посредствомъ перваго. Если мужъ скажетъ женѣ: „ты разведена трижды,“ то происходитъ три развода; если онъ скажетъ: „ты разведена, еще разведена и еще разведена,“ то значеніе имѣетъ только первое „ты разведена“ и разводъ происходитъ только одинъ.

Подобнымъ образомъ и тогда, когда ставишь условіе и условіе предшествуетъ; и исполняются всѣ, если послѣдуетъ; а въ (выраженіи): „ты разведена одинъ разъ прежде одного или послѣ его“, то одинъ; а если женъ, съ которой имѣлъ сожи-

тис,¹⁾ то два; а въ (выраженіи): „раньше этого и послѣ“ или „съ нимъ“, или „вмѣстѣ“, то два. Подобнымъ же образомъ, если мужъ соединить разводъ съ какимъ-нибудь условіемъ и условіе поставить напередъ, а потомъ три раза повторить „разведена“, то разводъ совершается только первымъ „разведена“, напр. мужъ скажетъ: „если ты войдешь въ домъ, то разведена, разведена, разведена“, — разводъ бываетъ одинъ посредствомъ перваго „разведена“. Но происходитъ три развода, если мужъ поставить условіе позади, напр. если скажетъ: „ты разведена, разведена, разведена, если войдешь въ домъ.“ Если мужъ скажетъ женѣ, съ которой не имѣлъ сношенія: „ты разведена однимъ разводомъ прежде одного“ или: „ты разведена однимъ разводомъ послѣ одного“, то происходитъ только одинъ разводъ. Если послѣднія двѣ формы развода мужъ употребить по отношеніи къ женѣ, съ которой имѣлъ сожитіе, то происходитъ два развода. Если мужъ скажетъ женѣ: „ты разведена однимъ разводомъ раньше этого, или послѣ этого, или съ этимъ, или вмѣстѣ съ однимъ разводомъ“, — во всѣхъ этихъ случаяхъ происходитъ два развода.

Если дается знакъ посредствомъ лица пальцевъ, то принимается во вниманіе счетъ выпрямленныхъ; если же наружностью пальцевъ, то согнутые. Если мужъ хочетъ означить число разводовъ посредствомъ пальцевъ, то пужно различать, какъ онъ обратитъ свою руку: если обратитъ ее ладонью къ женѣ, то число согнутыхъ пальцевъ будетъ означать количество разводовъ; если же обратитъ руку наружностью къ женѣ, то количество разводовъ будетъ означать счетъ пальцевъ выпрямленныхъ.

Если охарактеризуешь разводъ посредствомъ силы, или длины, или ширины, или уподобишь его тому, чему свойственно это, то три, если имѣешь въ намѣреніи; если же нѣтъ, то одинъ разводъ. Если мужъ присоединитъ къ разводу эпитетъ, означающій понятіе силы или длины, напр. если мужъ скажетъ: „крѣпкій разводъ, или длинный разводъ, или широкий разводъ“, или уподобитъ разводъ предметамъ, которымъ приписываются упомянутыя свойства, напр. „даю тебѣ разводъ съ гору, или въ величину дома, или въ длину тѣни шеста, или величину съ лице земли“, — то во всѣхъ этихъ случаяхъ происходитъ три развода, если мужъ имѣлъ въ намѣреніи три развода; если же нѣтъ, то одинъ разводъ.

¹⁾ 72 стр. подлинника.

А несобственные слова его сходны для него и для другого, напр. уйди, убирайся, встань, обуславливаются значеніемъ. Слова развода, не специально назначенныя для него, суть тѣ, которыя употребляются при разводѣ и при другихъ случаяхъ, напр. уйди, убирайся, встань; этимъ словамъ придется значеніе смотря по обстоятельствамъ, напр. „убирайся“, будучи отвѣтомъ на вопросъ жены о разводѣ можетъ значить: „убирайся отъ меня“ или „убирайся съ вопросомъ о разводѣ.“

И если кто скажетъ: раздѣлена, испорчена, разъединена, отдѣлена, запрещена, то значитъ по смыслу; или если скажетъ: считай, очисти утробу твою, ты одна, ты свободна, дѣлай свободный выборъ, дѣло твое въ рукахъ твоихъ, тебя дѣлаю пустою, я отдѣляю тебя, и сомнѣваются въ обоихъ, а въ благорасположеніи все основывается на намѣреніи; и во гнѣвъ первыя; а когда упомянетъ разводъ, то первая только; а если онъ имѣетъ въ намѣреніи три, то происходитъ, а если нѣтъ, то брань; и въ (выраженіи): считай, очисти утробу твою и ты одна. Если мужъ скажетъ женѣ: „ты раздѣлена, или испорчена, или разъединена, или отдѣлена, или запрещена;“ то нужно опредѣлять ихъ значеніе по смыслу. Такъ они могутъ значить: ты раздѣлена съ благочестіемъ, испорчена въ нравственности, разъединена съ вѣрой и отдѣлена отъ нея. Но они будутъ означать разводъ, если служатъ отвѣтомъ на вопросъ жены о разводѣ. Если скажетъ мужъ женѣ: считай, очисти утробу твою, ты одна, ты свободна, дѣлай свободный выборъ, дѣло твое въ рукахъ твоихъ, тебя дѣлаю пустою, я отдѣляю; то эти слова развода считаются сомнительными, потому что могутъ содержать разводъ, брань и многое другое, напр. слово „считай“ можетъ значить: „считай гыддаты“, а въ другомъ случаѣ: „считай благодаренія Божіи.“ Потому когда эти слова сказаны мужемъ въ веселомъ расположеніи духа, имъ придается тотъ смыслъ, какой подразумѣвалъ мужъ; когда же онъ произноситъ ихъ въ гнѣвѣ, то двѣ только первыя формы, т. е. „считай“ и „очисти утробу твою“, зависятъ отъ намѣренія говорящаго, потому что первая можетъ указывать на отказъ въ разводѣ, а вторая — на брань. Если же мужъ упомянетъ о разводѣ при этихъ словахъ, то первая только форма, т. е. „считай“ будетъ зависетьъ отъ намѣренія, потому что всѣ остальные формы въ этомъ случаѣ будутъ указывать уже прямо на разводъ. Когда мужъ, произнося всѣ эти формы

развода съ присоединеніемъ слова „разводъ“, подразумѣваетъ три развода, исполняются три развода; когда же не подразумѣваетъ при этомъ трехъ разводовъ, исполняется баннь.¹⁾ Если мужъ произноситъ слова: „считай, очисти утробу твою и ты одна“, и при этомъ имѣетъ въ виду разводъ, то исполняется одинъ разводъ—раджги.

И совершается чрезъ утвержденіе себя отдѣленія, и за-прещенія, но не развода. Разводъ исполняется, когда мужъ самъ себя отдѣлитъ отъ жены или запретить, напр. когда мужъ скажетъ женѣ: „я отъ тебя отдѣленъ“, или „я для тебя за-прещенъ“; но развода не бываетъ, когда мужъ самъ себя разведетъ отъ жены, напр. скажетъ женѣ: „я отъ тебя разведенъ.“

Предоставленіе¹⁾ развода ей ей. Дальше рѣчь будетъ о предоставленіи мужемъ женѣ права развода посредствомъ нѣкоторыхъ словъ, напр. въ родѣ слѣдующихъ: „дѣлай себѣ разводъ“ или „разводъ въ волѣ твоей“.

И знаніе ея соединяется съ мяджлисомъ, развъ только скажетъ: „все что ни пожелаешь“ и „когда хочешь“; съ раз-личіемъ: „если хочешь“. Жена можетъ воспользоваться предо-ставленнымъ ей правомъ развода, не перемѣняя своего мядж-лиса, т. е. положенія. Впрочемъ когда мужъ, предоставляя же-нѣ право развода, присоединитъ: „все что ни пожелаешь“ или „когда хочешь“, въ этомъ случаѣ жена можетъ развестись и перемѣнивъ мюджлисъ. Однако если, предоставляя женѣ право развода, мужъ присоединитъ: „если хочешь“, то жена теряетъ право развода съ перемѣной мяджлиса.

И не возвращается отъ него; а для другой кромѣ ея не соединяется и возвращается. Когда мужъ предоставилъ женѣ право развода, онъ уже не можетъ отказаться отъ своего сло-ва, потому что это предоставленіе права развода равнозначу-ще клятвѣ. Если, по просьбѣ мужа, какой-нибудь другой по-сторонній мужчина предоставитъ отъ лица его женѣ его право развода, то это право не ограничивается мяджлисомъ жены и мужъ можетъ отнять у ней это право когда ему угодно, по-тому что онъ просилъ посторонняго человѣка предоставить его женѣ право развода для своей пользы; а если бы онъ не могъ

¹⁾ Словомъ „баннь“ обозначается разводъ совершенный въ противопо-ложность раджги—разводу, который мужъ внослѣдствіи возвращаетъ.

²⁾ 73 стр. подлинника.

отнять этого права у жены, то ему была бы не польза, а вредъ.

А мяджлись подлинно то, что измѣняется вставаніемъ, или переходеніемъ, или вступленіемъ въ слово и дѣло; но не соединяется съ тѣмъ, что прошло; а лодка ея, какъ домъ ея, а путь животнаго ея, какъ ея путь. Мяджлись измѣняется, если жена встанетъ, или пойдетъ, или начнетъ говорить или дѣлать что-нибудь. Впрочемъ если жена прочитаетъ стихъ Корана, или съѣстъ немного чего-нибудь, или надѣнетъ платье, также если жена пойдетъ посоветоваться съ отцемъ о разводѣ, или пригласитъ свидѣтелей, во всѣхъ этихъ случаяхъ мяджлись не измѣняется. Притомъ разговоръ и дѣло уже оконченные также не нарушаютъ мяджлиса. Если жена во время предоставленія ей мужемъ права развода сидитъ въ лодкѣ, то движеніемъ лодки мяджлись ея не измѣняется, потому что это движеніе не зависитъ отъ ея воли. Если жена во время предоставленія права сидитъ верхомъ, то движеніемъ животнаго измѣняется ея мяджлись, потому что она можетъ остановить животное.

И въ (выраженіи): „будь свободна“ съ намѣреніемъ предоставленія; а она скажетъ: „я освобождаюсь“, то не исполняется какъ только баянъ; а условіе—упоминаніе одного изъ самихъ себя; или слово его: „освободись освобожденіемъ“, а она скажетъ: „я освобождаюсь“. Когда мужъ скажетъ женѣ съ намѣреніемъ предоставить ей право развода: „будь свободна“, а жена отвѣтитъ: „я освобождаюсь“, то исполняется баянъ. Условіемъ правильности предоставленія права развода служить упоминаніе мужа или жены о самихъ себѣ, напр. мужъ скажетъ женѣ: „дѣлай саму себя свободной“ или жена скажетъ: „я сдѣлала саму себя свободною“. Предоставленіе права развода можетъ быть совершенно и по слѣдующей формѣ: мужъ скажетъ женѣ: „ты въ правѣ освободить себя“, а жена отвѣтитъ: „я сдѣлала себя свободною“.

А если повторитъ его трижды, а она освобождается однимъ изъ нихъ, то три; а если она скажетъ: „я развожусь себя“, или „освобождаю себя однимъ разводомъ“, то баянъ. Если мужъ повторитъ предоставленіе права развода трижды безъ соединительнаго союза, а жена освободится однимъ изъ нихъ, то исполняется три развода; а если она скажетъ въ отвѣтъ: „я развожусь себя“, или „освобождаю себя однимъ разводомъ“, то исполняется баянъ.

А если онъ скажетъ: „дѣло твое въ твоихъ рукахъ“ съ намѣреніемъ предоставленія, а она разведетъ саму себя, то бантъ; а если онъ имѣетъ въ намѣреніи три, то исполняются. Если мужъ, съ намѣреніемъ предоставить женѣ право развода, скажетъ ей: „дѣло твое въ твоихъ рукахъ“; а жена отвѣтитъ: „я развожу саму себя“, то происходитъ бантъ. Если же мужъ подразумѣвалъ при этомъ три развода, то три развода исполняются.

А въ (выраженіи): „дѣло твое въ рукахъ твоихъ въ отношеніи развода“, или: „освобождайся разводомъ“, а она: „освобождаюсь“, то раджи. Если мужъ скажетъ женѣ: „дѣло твое въ рукахъ твоихъ относительно развода“, или скажетъ: „будь свободна на совершеніе одного развода“, а жена отвѣтитъ: „дѣлаю саму себя свободною“, то исполняется раджи.

А „дѣло твое въ рукахъ твоихъ на нынѣшній день и завтра“ (ночь¹⁾) заключается; а если она возвратитъ днемъ, то не бываетъ власти послѣ него. Если мужъ скажетъ женѣ: „дѣло твое въ рукахъ твоихъ на нынѣшній день и завтра“, то подразумѣвается и ночь, находящаяся между этими двумя днями, такъ что жена можетъ развестись въ эту ночь. Если же жена откажется отъ права развода на нынѣшній день, то она не можетъ развестись и послѣ нынѣшняго дня.

А если онъ скажетъ: „сегодня и послѣ завтра“, то два значенія разлагаются. Если мужъ скажетъ женѣ: „свобода въ твоихъ рукахъ сегодня и послѣ завтра“, то эта форма отличается отъ предыдущей тѣмъ, что если жена не откажется сегодня, то не будетъ имѣть права развода ночью; если же откажется сегодня, то право остается за ней и послѣ завтра.

А въ (выраженіи): „разведи саму себя, если имѣши въ намѣреніи три, исполняется, а если нѣтъ, то разводъ раджи. Если мужъ скажетъ женѣ: „разведи саму себя“, подразумѣвая при этомъ три развода, а жена разведетъ себя, то исполняется три развода. Если же при этомъ мужъ подразумѣваетъ не три развода, а два, или одинъ, или вовсе ничего не подразумѣваетъ, въ такомъ случаѣ происходитъ разводъ раджи.

А въ (выраженіи): „разведи саму себя трижды“, а она разведется, то одинъ исполняется, нѣтъ наоборотъ. Если мужъ скажетъ женѣ: „разведи саму себя трижды“, а жена сдѣластъ одинъ

разводъ, то исполняется одинъ разводъ, но не наоборотъ, такъ что, по мнѣнію имама Абу-Ханифы, если мужъ предоставитъ женѣ право на одинъ разводъ, а она разведется тремя разводами, то ни одного не бываетъ. Впрочемъ Абу-Юсуфъ и Мухаммедъ полагаютъ, что въ этомъ случаѣ происходитъ одинъ разводъ.

Если приказывается *баинъ* или *раджъ*, а она дѣлаетъ противное, то исполняется, что приказывается *имъ*. Если мужъ предоставляет женѣ право на *баинъ*, она разводитъ себя *раджъ*; если наоборотъ, то исполняется тотъ разводъ, какой предоставилъ мужъ.

А условіе при (выраженіи): „ты разведена, если хочешь“, желаемое безусловно, или соединено съ тѣмъ, чего существованіе уже извѣстно, но не съ тѣмъ, что извѣстно послѣ, напр. она скажетъ: „хочу, если ты хочешь“, а онъ скажетъ: „хочу“. Если скажетъ женѣ: „ты разведена, если хочешь“, то условіемъ развода служитъ то, чтобы жена не поставляла своего желанія въ зависимость ни къ какому предмету; или чтобы она поставила его въ зависимости отъ такого предмета, который самъ по себѣ не допускаетъ никакого сомнѣнія, напр. если она скажетъ: „я хочу, если небо выше земли“. Но желаніе жены не должно быть поставляемо въ зависимость отъ того, что дѣлается извѣстнымъ уже послѣ ея отвѣта, напр. если она скажетъ мужу: „хочу, если ты хочешь“, а мужъ отвѣтитъ: „хочу“, въ этомъ случаѣ не происходитъ никакого развода.

А въ (выраженіи): „всегда когда хочешь“, то разводится трижды раздѣльно, но не послѣ *тахлия*¹⁾. Если мужъ скажетъ женѣ: „дѣлай себѣ разводъ во всякое время, когда хочешь“, то жена имѣетъ право сдѣлать три развода, раздѣливши ихъ другъ отъ друга. Но послѣ *тахлия* жена не можетъ сдѣлать развода.

А въ (выраженіи): „какъ хочешь“ исполняется *баинъ* или *три*, если она имѣетъ намѣреніе и если различается намѣреніе ея отъ его, а если нѣтъ, то *раджъ*. Если мужъ скажетъ женѣ: „ты разведена какимъ угодно разводомъ“, а жена

¹⁾ «Тахлия» означаетъ періодъ времени, проходящій между разводомъ мужа съ женой и вторичнымъ бракомъ съ ней послѣ ея супружества съ другимъ мужемъ.

разведется, то происходитъ баниъ или три развода смотря по тому, что имѣеть въ намѣреніи жена и если притомъ ся намѣреніе не отличается отъ намѣренія мужа; въ противномъ случаѣ бываетъ раджи.

А въ (выраженіи): „что хочешь изъ трехъ“, то что въ томъ. Если мужъ скажетъ женѣ: „разведись какимъ угодно количествомъ разводовъ изъ трехъ“, то жена можетъ сдѣлать количество разводовъ только меньше трехъ, потому по-арабски частица «изъ» (минъ) употребляется для выраженія раздѣленія.

Условіе правильного таглика¹⁾ составляетъ владѣніе или прибавленіе къ нему. Тагликъ правиленъ только тогда, когда во время его женщины находится во власти мужа; въ противномъ случаѣ тагликъ бываетъ неправиленъ, напр. если кто-нибудь скажетъ посторонней женщинѣ: „если ты войдешь въ домъ, то разведена“, а потомъ по выходѣ за него за-мужъ если она войдетъ въ домъ, развода не бываетъ, потому что во время таглика она не состояла съ нимъ въ бракѣ. Впрочемъ если присоединить тагликъ ко владѣнію, то онъ будетъ правиленъ.

А слова его: „если“ (инъ), хотя бы (иза), когда (идза), когда бы ни (идза ма), когда (мата), когда бы ни (мата ма), всякій разъ (кюля) и всякій разъ когда (кюля ма), т. е. условіе соединяется съ разводомъ посредствомъ этихъ частицъ.

И прекращеніе владѣнія не дѣлаетъ тщетнымъ его. Если прекратится власть мужа, то тагликъ не уничтожается; но если при тагликѣ находится условіе, то оно уничтожаетъ тагликъ, напр. мужъ скажетъ женѣ: „если ты войдешь въ домъ, то получишь разводъ“; но прежде нежели она войдетъ въ домъ, онъ разведется съ ней и потомъ снова женится на ней и если послѣ этого жена войдетъ въ домъ, то она должна быть разведена, потому что тагликъ безъ прибавленія условія не уничтожается.

Въ (выраженіи) безъ (прибавленія): „всякій разъ какъ“ (кюля ма), если существуетъ условіе²⁾ однажды при владѣніи, то разрѣшается къ выгоду, а при безъ владѣнія не къ пользѣ. Когда условіе высказано безъ частицы „всякій разъ какъ“, высказано одно условіе и говорящій имѣлъ власть надъ женщи-

¹⁾ Словомъ «тагликъ» означается въ данномъ случаѣ соединеніе развода съ какимъ-нибудь условіемъ.

²⁾ 75 стр. подлинника.

ной, то тагликъ окапчивается къ выгодѣ говорящаго и послѣ этого онъ уничтожается. Но если говорящій не имѣлъ власти надъ женщиной, то тагликъ оканчивается не въ его пользу.

И въ (выраженіи): „всякій разъ какъ“ (кюля ма) разръшается послѣ трехъ и не происходитъ, если онъ женится на ней послѣ втораго супруга. Если тагликъ высказанъ посредствомъ частицы „всякій разъ какъ“, то онъ уничтожается послѣ трехъ разводовъ, такъ что если мужъ снова женится на своей женѣ послѣ тахлиа, то развода уже не бываетъ. *Развъ только она уже вступила въ супружество, т. е. разводъ состоится въ томъ случаѣ, когда мужъ женится на женѣ послѣ того, какъ она уже была за другимъ мужемъ.* Напримѣръ, если кто-нибудь скажетъ женѣ: „всякій разъ какъ“ (кюля ма) я вступлю въ супружество съ тобою, ты разведена, то разводъ происходитъ, послѣ котораго бы тахлиа мужъ ни вступалъ въ бракъ со своею женою.

А если возникаетъ споръ въ существованіи условія, то слово за нимъ, развъ только при доказательствѣ ея. Если между мужемъ и женой при тагликѣ возникнетъ споръ: жена скажетъ, что условіе существовало, потому долженъ быть разводъ; а мужъ скажетъ, что условія не существовало, а потому развода не должно быть; въ этомъ случаѣ отдается предпочтеніе словамъ мужа. Однако когда жена докажетъ посредствомъ свидѣтелей истину своихъ словъ, то отдается предпочтеніе ей.

А при условіи не извѣщается какъ только отъ нея, напр. если ты будешь имѣть менструацію, то разведена ты и такая-то, то удостовѣряется только относительно ея, и рѣшается послѣ трехъ дней съ разводомъ въ первый изъ нихъ. Когда жена получила извѣстіе о тагликѣ отъ другой жены, а не отъ мужа, напр. когда мужъ скажетъ женѣ: „если у тебя появится менструація, то разведена ты и еще другая такая-то“, то дѣлается удостовѣреніе только относительно первой жены, относительно же второй не дѣлается. Послѣ удостовѣренія спустя три дня опредѣляется разводъ въ первый изъ трехъ дней.

А въ (выраженіи): „если получишь менструацію“, и исполняется когда она очистится. Если мужъ скажетъ женѣ: „если у тебя появится менструація, ты разведена“; въ этомъ

случаѣ разводъ происходитъ въ то время, когда жена очистится послѣ менструаціи.

А въ (выраженіи): „если постишься день“, то когда закатится солнце, съ различіемъ: „если будетъ постъ“. Когда мужъ скажетъ женѣ: „если ты пропостишься одинъ день, ты разведена“, и если жена потомъ будетъ поститься, то разводъ исполняется по закатѣ солнца, потому что по шаригату день начинается съ восходомъ солнца и кончается съ закатомъ. Впрочемъ если мужъ скажетъ: „когда будетъ постъ, ты разведена“, то разводъ совершается въ первый часъ поста.

А если соединяется разводъ съ рожденіемъ дитяти мужескаго пола и два развода съ рожденіемъ дитяти женскаго пола, а она родитъ обоихъ и не знаетъ перваго, то она разводится однажды по рѣшенію и другой для очищенія ея, а гыддаты считаются со втораго. Если мужъ обусловитъ одинъ разводъ жены рожденіемъ отъ нея мальчика и два развода рожденіемъ отъ нея дѣвочки и если жена родитъ мальчика и дѣвочку, но не знаетъ который родился прежде; въ этомъ случаѣ она разводится по рѣшенію казья однажды, а если дважды, то только для успокоенія ея. Однако гыддаты въ этомъ случаѣ считаются со времени рожденія другого дитяти.

А если соединяется съ двумя вещами, то исполняется, если находится во владѣніи вторая. Если мужъ обусловитъ разводъ двумя предметами, напр. мужъ скажетъ женѣ: „если ты поговоришь съ Зендомъ и Омаромъ, ты разведена“, то разводъ исполняется, когда жена выполнитъ условіе относительно втораго предмета, т. е. когда она поговоритъ съ Омаромъ, хотя бы съ Зендомъ она и не говорила.

А отсутствіе дѣлаетъ ничетнымъ тагликъ. Отсутствіе трехъ разводовъ уничтожаетъ три развода по таглику.

А если соединитъ, а потомъ исполнитъ три, потомъ она возвратится къ нему послѣ тахлиля, потомъ существуетъ условіе,¹⁾ то исполняется. Если мужъ обусловитъ три развода чѣмъ-нибудь, а самъ разведется съ женой помимо этихъ условій и потомъ вступить снова съ ней въ бракъ послѣ тахлиля, и если жена исполнитъ это условіе въ этомъ повомъ бракѣ, то развода не бываетъ.

Если соединить со словом своим „если желаетъ Богъ“, то бываетъ тщетнымъ. Если кто-нибудь присоединитъ къ своимъ словамъ фразу: „если желаетъ Богъ“, то сила этихъ словъ уничтожается; напр. когда мужъ скажетъ женѣ: „ты разведена, если хочетъ Богъ“; или господинъ скажетъ рабу: „ты свободенъ, если хочетъ Богъ“, то ни жена не разводится, ни рабъ не освобождается.

Тотъ, чья мысль преслѣдуется смертію, напр. больной, не могущій встать надлежащимъ образомъ и выйти изъ дому, и кто вышелъ на сраженіе, и кто обвиненъ зачинщикомъ въ убійство, грабежъ или побитъ камнями, болѣе болѣзнію смертною и если супругу свою разведетъ безъ ея согласія и умретъ хотя бы и не отъ этой причины, а она въ выдаты, то наследуетъ. Человѣкъ больной, который не въ состояніи исполнять работу и выходить изъ дому, также человѣкъ, который вышелъ на сраженіе или обвиненъ въ качествѣ зачинщика въ убійствѣ, грабежѣ, или приговоренъ къ побіенію камнями за прелюбодѣяніе,—все эти люди разсматриваются какъ смертельно больные, если они опасаются смерти. Если находящійся въ одномъ изъ этихъ состояній, разведя свою супругу безъ ея согласія, мужъ умретъ и не отъ той причины, которой опасался, а жена не успѣетъ еще окончить свой выдаты, то она должна получить законную долю наследства.

А кто находится въ рядахъ сраженія, или въ горячкѣ, или заключенъ въ темницу за убійство, — здоровъ. Мужчина, находящійся въ рядахъ сраженія, страдающій горячкой, заключенный въ темницу за убійство, разсматривается какъ здоровый человѣкъ, если онъ не помышляетъ о смерти, такъ что если онъ разведетъ свою жену и потомъ умретъ, то жена не получаетъ наследства, оставшагося послѣ него.

Если онъ удостовѣряетъ въ болѣзни своей о разводъ ея, или разведетъ ее по ея волѣ, а потомъ откажетъ ей два дома, или завѣщаетъ ей, то ей меньшая изъ него и изъ наследства. Если мужъ во время своей болѣзни будетъ увѣрять, что выдаты жены прошель, а жена будетъ согласна съ нимъ, или, если мужъ разведетъ жену по ея волѣ, а умирая оставить ей мехръ или другой какой-нибудь долгъ или сдѣлаетъ завѣщаніе на извѣстное количество имущества, то жена послѣ его смерти получаетъ самый меньшій долгъ, или самую меньшую часть имущества.

А если соединить разводъ ея съ условіемъ, а оно находится въ болѣзни его, то она наследуетъ, если соединено съ дѣйствіями его, или съ дѣйствіями ея, но не властна надъ нимъ, или кромѣ этого и онъ уже соединитъ въ болѣзни. Если мужъ соединитъ разводъ съ какимъ-нибудь условіемъ, которое находится въ его смертной болѣзни, то жена получить наследство, если это условіе соединено съ дѣйствіями его или съ дѣйствіями ея, но съ такими дѣйствіями, надъ которыми жена не имѣетъ власти, напр. прекратить дыханіе въ нормальномъ состояніи, или оставить молитву или постъ фарзъ. Жена также получить наследство, если мужъ соединитъ разводъ съ условіемъ какихъ-нибудь дѣйствій посторонняго человѣка; только требуется, чтобы это условіе заключалось въ его болѣзни и самое выраженіе его онъ совершилъ во время болѣзни.

Справедливо возвращеніе въ гыддатъ, если и воспротивится она, когда не будетъ баина полного или не полного, напр. посредствомъ: „я возвращаю тебя“, и посредствомъ сожитія съ нею, и объятій¹⁾ со страстью, и смотрѣнія на срамныя части ея. Мужъ имѣетъ право снова возвратитъ къ себѣ разведенную жену, находящуюся въ гыддатъ, хотя бы жена и не соглашалась. Возвратитъ ее можетъ мужъ въ гыддатъ всякого развода, если только не было баина полного и неполного, т. е. состоящаго изъ трехъ разводовъ или меньше. Возвращеніе можетъ быть совершено посредствомъ словъ: „я возвращаю тебѣ, т. е. разводъ“, или „я возвращаю женѣ мой“, все равно присутствуетъ ли при этомъ жена, или нѣтъ. Мужъ можетъ возвратитъ къ себѣ жену находящуюся въ гыддатъ, совершивъ съ нею брачное сожитіе, или обнявши ее со страстнымъ пожеланіемъ, или посмогъвъ со страстнымъ пожеланіемъ на срамныя части жены.

И принимаютъ свидѣтели его для возвращенія. И извѣщаетъ ее и чтобы не входила къ ней до тѣхъ поръ, пока не извѣститъ ее, если не рѣшилъ возвратитъ ее. Достойно похвалы, если мужъ пригласитъ двухъ благонадежныхъ свидѣтелей при возобновленіи супружества; достойно похвалы также извѣщать жену о томъ, что онъ возвратилъ ее. Если мужъ перѣбѣлся еще возвратитъ жену, то онъ не долженъ входить къ ней врасплохъ, а долженъ предупредить о своемъ приходѣ, напр. шептаньемъ башмаковъ, кашлемъ, восклицаніемъ и т. п.

А находящаяся въ гыддатъ раджи украшается и ему сожитіе съ нею, и не путешествуетъ съ нею, до тѣхъ поръ пока не засвидѣтельствуетъ возвращенія ея. Жена, находящаяся въ гыддатъ раджи и надѣющаяся на возвращеніе, должна украшать себя, натирать лице, надѣвать красивое платье и т. п. Мужу позволительно имѣть супружеское сожитіе съ этой женой, потому что возвращеніе ея возможно. Но онъ не имѣетъ права путешествовать съ ней, пока не засвидѣтельствуетъ о возвращеніи ея.

И удостоверяется въ прохожденіи ея, если возможно, и оставляетъ его, увеличиваетъ его извѣстіе ея о возвращеніи въ гыддатъ. Окончаніе гыддата подтверждается словами жены, если только возможно окончаніе его въ тотъ періодъ времени, о которомъ идетъ рѣчь. Гыддатъ же продолжается: для свободной женщины, не имѣющей менструаціи—три мѣсяца; для служанки—половина этого; для свободной женщины, имѣющей менструацію,—по мнѣнію имама Агзама—два мѣсяца, для рабы—сорокъ дней; по мнѣнію же Абу-Юсуфа и Мухаммеда,—для свободной женщины—тридцать девять дней, а для рабы—двадцать одинъ день.¹⁾ Если мужъ скажетъ въ гыддатъ своей женѣ: „я возвращаю тебя“, а жена согласится съ правильною требованія мужа, то возстановленіе брака будетъ правильно; если же жена скажетъ, что мужъ возвращаетъ ее въ гыддатъ, то принимается во вниманіе слово жены и гыддатъ удлинняется.

И не позволяется свободная послѣ трехъ, а раба послѣ двухъ, до тѣхъ поръ пока не возымѣтъ съ нею супружескаго сожитія совершеннолѣтній или старшій (мураикъ) справедливый бракомъ и пройдетъ гыддатъ развода ея, или смерти ея.²⁾ Мужъ не можетъ возобновить брака со свободной женой послѣ трехъ разводовъ, а съ рабой послѣ двухъ, пока она не вступитъ въ законный бракъ съ человѣкомъ вполне совершеннолѣтнимъ и не возымѣтъ съ нимъ брачнаго сожитія и пока не пройдетъ гыддатъ развода или смерти этого втораго мужа, словомъ—онъ можетъ возобновить супружество только послѣ тахлиля. Если жена по разводѣ имѣла незаконное сожительство съ кѣмъ-нибудь въ неправильномъ бракѣ или по

¹⁾ Ср. Коранъ, гл. 2, ст. 226—228; гл. 65, ст. 4.

²⁾ Основано на 229—230 ст. 2 гл. Корана.

прелюбодѣянiю, то это не принимается во вниманiе и не даетъ мужу права возобновить супружество.

Бракъ съ условiемъ тахмилъ достоинъ презрѣнiя, но правиленъ; а если она скажетъ: я дѣлаю тахмилъ, и протяженiя времени достаточно, а мысль ея занята правильностью его, то позволяется бракъ съ нею. Вступать послѣ развода въ новое супружество съ цѣлью скорѣе разорвать его для жены будетъ мякругъ, т. е. достойно презрѣнiя, но не смотря на это бракъ подобный считается правильнымъ. Если жена скажетъ мужу: „я дѣлаю тахмилъ“, и при этомъ времени для тахмилъ будетъ достаточно, то первый мужъ можетъ возобновить съ нею супружество, если только онъ убѣжденъ въ правильности бывшаго ея брака.

А супругъ другой уничтожаетъ то, что меньше трехъ, по различiю Мухаммеда, т. е. если свободная жена, получивъ два развода, или служанка, получивъ одинъ разводъ, выйдутъ за-мужъ за другого, послѣ сожитiя съ нимъ разведутся и снова выйдутъ за перваго своего мужа, то уничтожаются бывшiе два развода свободной жены и одинъ разводъ служанки и мужъ имѣетъ право снова дѣлать три развода свободной женѣ и два развода рабѣ. Это постановленiе сдѣлано на основанiи словъ Мухаммеда, — да помилуетъ его Богъ!

Иля—клятва. Она запрещаетъ сожитiе съ женою. Иля буквально значить клятва; еъ шаригатъ же она означаетъ клятву прекратить супружеское сношенiе съ женою. Она запрещаетъ имѣть сожительство съ женою въ извѣстный перiодъ времени.

Четыре мѣсяца со свободной и два мѣсяца со служанкой, а если приблизится къ ней съ продолженiемъ, то дѣлается преступникомъ. Самый меньшiй срокъ, на который можно полагать иля, есть четыре мѣсяца для свободной жены и два мѣсяца для служанки, такъ что иля даваемая на меньшiй срокъ недѣйствительна. Если мужъ будетъ имѣть сношенiе съ женою въ перiодъ иля, то онъ бываетъ преступникомъ.

И необходимо¹⁾ очищенiе при клятвѣ Богомъ, а безъ него выгода и прекращается иля, а если нѣтъ, то она разводится посредствомъ одного. Если мужъ покланяется именемъ Божiимъ, напр. скажетъ женѣ: „ей Богу, не буду приближаться

¹⁾ 78 стр. подлинника.

къ тебѣ“, или „ей Богу, не буду приближаться къ тебѣ четыре мѣсяца“, а между тѣмъ приблизится къ ней въ этотъ періодъ времени, то онъ дѣлается преступникомъ и ему необходимо очищеніе, кяфарать. Если же клятва сказана безъ имени Божія и условіемъ поставлена выгода жены, то эта выгода необходима, если клятва будетъ нарушена, напр. если мужъ скажетъ женѣ: „если я буду имѣть сожитіе съ тобою, ты разведена“, и если онъ приблизится къ ней, то происходитъ байнъ, а иля уничтожается по прошествіи четырехъ мѣсяцевъ и во второй разъ развода не бываетъ. Если же срокъ пройдетъ безъ приближенія, то бываетъ только одинъ байнъ.

И уничтожается клятва временная, но невѣчный; и разводится двумя разводами; если проходитъ срокъ второй послѣ брака безъ сожитія, потомъ другой, какъ этотъ, послѣ третьяго и продолжается клятва послѣ третьяго, но не иля, и если приблизится къ ней, то очищается, но не разводится посредствомъ иля. Уничтожается только та клятва, которая относилась ко времени, не продолжалась въ вѣчность, такъ что при клятвѣ послѣдняго рода мужъ долженъ развестись двумя разводами и если проведетъ второй гыддетъ послѣ втораго брака и третій гыддетъ безъ брачнаго сожитія, не нарушивъ клятвы и не сдѣлавшись преступникомъ, также сдержать свое слово и послѣ третьяго, то клятва и послѣ третьяго развода остается въ силѣ, если она дана именемъ Божиимъ, но иля уничтожается. Такимъ образомъ если мужъ сдѣлаетъ сношеніе съ женою послѣ тахили, то долженъ совершить кяфарать, такъ какъ клятва продолжаетъ существовать; по развода по причинѣ иля не бываетъ.

А если онъ будетъ безсиленъ отъ возвращенія посредствомъ сожитія по болѣзни одного изъ нихъ или по другому; то возвращается, если скажетъ: „я возвращаюсь къ тебѣ“, а если силенъ прежде срока, то возвращеніе его посредствомъ сожитія. Если нельзя мужу возвратить себѣ жену посредствомъ сожитія съ нею по причинѣ его иля ея болѣзни или по какой-нибудь другой причинѣ; то онъ можетъ возвратить ее посредствомъ словъ: „я возвращаюсь къ тебѣ“. Если послѣ этого мужъ будетъ имѣть возможность къ брачному сожитію, то онъ возвращаетъ жену посредствомъ сго; а возвращеніе посредствомъ словъ уничтожается.

А въ (выраженіи): „ты для меня запрещена“, если ду-

маетъ о спинѣ,¹⁾ или о трехъ, или ложь, то что думаетъ, а если имѣетъ въ намѣреніи запрещенность, то иля, а если имѣетъ въ намѣреніи разводъ или ничего не имѣетъ въ намѣреніи при этомъ, подобно: „во всякомъ случаѣ для меня запрещена“, то байнъ. Когда мужъ скажетъ женѣ: „ты для меня запрещена“, подразумѣвая при этомъ спину или три развода или желая обмануть, въ этомъ случаѣ происходитъ то, что онъ подразумѣваетъ. Если мужъ при этихъ словахъ разумѣетъ запрещенность, то происходитъ иля, потому что дѣлать дозволенное запрещеннымъ составляетъ для насъ клятву по слову всевышняго Бога: „о пророкъ! не запрещай словомъ своимъ того, что Богъ уже позволилъ для вѣры вашей.“ Если мужъ, произнося вышеприведенныя слова клятвы, будетъ подразумѣвать разводъ или ничего не будетъ подразумѣвать, то происходитъ байнъ; также байнъ происходитъ, если онъ скажетъ женѣ: „во всякомъ случаѣ ты для меня запрещена“, подразумѣвая разводъ или ничего не подразумѣвая.

Не бываетъ вреда отъ хульги для помзы. Хульгомъ называется уничтоженіе супружества мужемъ за извѣстную плату. Онъ производитъ разводъ байнъ, совершается же посредствомъ клятвы со стороны мужа и предложенія извѣстной платы со стороны жены, какъ говоритъ Абу-Ханифа; Абу-Юсуфъ же и Мухаммедъ говорятъ, что онъ совершается посредствомъ клятвы со стороны мужа и жены. Если хульгъ совершается при разногласіи между мужемъ и женой, когда невозможно примиреніе между ними, то отъ хульга не будетъ вреда.

Посредствомъ того, что справедливо для мехра; а онъ разводъ-байнъ и необходима для нея плата за него и мякругъ взятіе ся, если онъ пожелаетъ,²⁾ и большаго если она пожелаетъ. Правильно дѣлать хульгъ за такое имущество, которое дается въ мехръ. Хульгъ имѣетъ значеніе развода байнъ и возвращеніе его неправильно; жена должна дать мужу извѣстную плату за него. Впрочемъ мужъ можетъ и подождать платы. Однако мякругъ, т. е. достойно презрѣнія, требовать

¹⁾ Т. е. уподобить жену спинѣ матери, что дѣлаетъ незаконнымъ дальнѣйшее сожителство съ нею.

²⁾ 79 стр. подлинника.

мужу отъ жены платы, если онъ самъ пожелаетъ развестись, почувствовавъ отвращеніе къ ней. Подобнымъ образомъ мякругъ мужу брать съ жены плату, превышающую тотъ мехръ, который онъ далъ ей, хотя бы жена сама пожелала развестись, почувствовавъ отвращеніе къ мужу.

А если онъ отпустилъ посредствомъ имущества или для имущества, то исполняется байнъ, если она согласится, а посредствомъ вина или свиней, не необходимо ничего. И исполняется байнъ при хульмъ и раджги при разводъ. Если кто-нибудь дастъ женѣ разводъ подъ условіемъ получить отъ нея извѣстное имущество, то происходитъ разводъ байнъ и жена обязана уплатить это имущество, когда она согласилась на эту сдѣлку съ мужемъ, не переменяя мюджлиса. Если же мусульманинъ согласится на хульгъ или разводъ подъ условіемъ получить отъ жены вина, свиней, кровь, мертвечину или нѣчто другое, цѣна чего не опредѣлена въ шаригатѣ, то жена не обязана уплачивать эти вещи, потому что онѣ не позволены мусульманину. Однако при подобномъ условіи хульга происходитъ байнъ, а развода происходитъ раджги.

А если она разводится трижды за тысячу, а онъ разведетъ ее однажды, то байнъ за треть тысячи; а въ (выраженіи): для меня тысяча раджги, то безъ всего по Абу-Ханифѣ. Если жена проситъ у мужа трехъ разводовъ за тысячу рублей, а мужъ сдѣлаетъ только одинъ разводъ-байнъ, то жена обязана уплатить треть тысячи рублей. Если же жена ищетъ трехъ разводовъ за тысячу рублей, а мужъ дастъ разводъ-раджги, то по мнѣнію Абу-Ханифы жена ничего не обязана платить; но Абу-Юсуфъ и Мухаммедъ полагаютъ, что она обязана заплатить треть тысячи и при этомъ совершается разводъ-байнъ.

А хульмъ мѣна въ отношеніи ея и справедливо возвращеніе ея, а условіе польза для нея и сокращается для мяджлиса. Хульгъ въ отношеніи къ женѣ есть разводъ за извѣстное количество имущества. Потому жена имѣетъ право отказаться отъ своего предложенія хульга, сказавъ „я возвращаюсь“, пока мужъ невыразилъ еще своего согласія на хульгъ. Дѣлать условіемъ хульга согласіе на него жены въ ея пользу правильно. Если послѣ предложенія хульга женою до согласія мужа, который-нибудь изъ нихъ измѣнитъ мяджлисъ, то хульгъ уничтожается.

А клятва въ отношеніи его, пока измѣняются постановленія. Если хульгъ бываетъ клятвою въ отношеніи мужа, т. е. соединяется съ разводомъ, то вышеупомянутыя постановленія относительно согласія на предложеніе измѣняются, такъ что если предложеніе будетъ со стороны мужа, то онъ не можетъ отказаться отъ него прежде согласія жены, также если мужъ встанетъ, то мяджлисъ не измѣняется, а если жена встанетъ, то измѣняется; при томъ самое присутствіе жены не составляетъ необходимости.

А рабъ посредствомъ того, что опредѣлено для нея. Относительно освобожденія раба или служанки правила тѣ же самыя, что и относительно хульга; хозяинъ въ этомъ случаѣ заступаетъ мѣсто мужа. Напр. если рабъ скажетъ хозяину: „я выкупаю себя отъ тебя за такое-то количество имущества“, то прежде согласія хозяина рабъ можетъ взять свое слово обратно; если же хозяинъ скажетъ рабу: „я тебя освобождаю за такую-то сумму“, то онъ уже не можетъ отказаться отъ своего слова. Другія частнѣйшія постановленія тоже сходны съ вышеприведенными.

Хульгъ и разлученіе уничтожаетъ обязанности брака для нихъ. Хульгъ и разлученіе мужа отъ жены уничтожаетъ обязанности брака. Мужу не обязателенъ мехрь и пропитаніе жены. Впрочемъ въ продолженіи гыддета онъ обязанъ пропитывать жену и дѣтей; но онъ можетъ прекратить пропитаніе по особому условію. Однако помѣщеніе женѣ мужъ обязанъ давать въ гыддетъ ея по причинѣ постановленія въ шаригатѣ о помѣщеніи. Шаригатъ считаетъ жительство жены во время гыддета въ другомъ домѣ, а не въ томъ, гдѣ она получила разводъ, безчестьемъ. Но если жена заплатитъ мужу за помѣщеніе, занимаемое ею въ его домѣ, изъ своихъ доходовъ, получаемыхъ съ собственнаго дома, такъ какъ она наноситъ мужу ущербъ, живя въ его домѣ, — то мужъ законно можетъ получить эту плату.

А если дѣлаетъ хульгъ несовершеннолѣтней посредствомъ имущества ея, то для нея кроме и исполняется разводъ. Подобно если она согласится, и для него уплата и для него имущество. Если отецъ сдѣлаетъ хульгъ несовершеннолѣтней дочери ея имуществомъ, то разводъ происходитъ, но платить не обязаны ни отецъ изъ своего имущества, ни дочь изъ своего. Подобнымъ образомъ разводъ происходитъ, но плата за хульгъ

не необходима, если бы дочь и согласилась на уплату. Если же отецъ, сдѣлавъ хульгъ своей несовершеннолѣтней дочери, обязуется самъ уплатить за него, то ему необходимо заплатить за хульгъ, а мужу необходимъ бываетъ мехрь.

Загаръ уподобленіе его тому, что производитъ разводъ отъ супружества для него посредствомъ того, что запрещается смотрѣніе на части запрещенныя. Загаръ есть, влѣкущее за собой разводъ, уподобленіе членовъ жены членамъ родственницы,—членамъ, на которые смотрѣть воспрещено, напр. сказать женѣ: „ты для меня, какъ мать моя, или спина моей матери, или голова ея, или утроба ея, или бедра ея, или ерамныя части ея,“ или уподобить жену этимъ членамъ сестры, тетки.

А онъ воспрещаетъ сожитіе съ нею и интимныя отношенія, пока не очистится. Загаръ воспрещаетъ сожитіе съ женою и всякія вообще интимныя отношенія, напр. цѣловать, обнимать со страстнымъ пожеланіемъ,—все это воспрещается, пока мужъ не очистится.

А въ (выраженіи): „ты для меня, какъ мать¹⁾ моя“, справедливо намѣреніе почтенія и загара и развода, а если онъ не имѣетъ въ намѣреніи этого. Когда мужъ скажетъ женѣ: „ты мать моя“, или „ты подобна матери моей“, то онъ можетъ имѣть въ мысли выразить этимъ почтеніе, и тогда развода и загара не бываетъ; но онъ также можетъ подразумѣвать при этомъ и загаръ и разводъ; въ такомъ случаѣ происходитъ загаръ и разводъ; а если онъ ничего не подразумѣваетъ, то слово пронадеаетъ даромъ.

А въ (выраженіи): „ты для меня запрещена, какъ мать моя“, что имѣетъ въ намѣреніи: загаръ или разводъ, а если не имѣетъ въ намѣреніи, то иля по Абу-Юсуфу и загаръ по Мухаммеду. Когда мужъ скажетъ своей женѣ: „ты для меня запрещена подобно матери моей“, происходитъ то, что онъ имѣлъ въ мысли, загаръ или разводъ, или иля; а если онъ ничего не имѣлъ при этомъ въ мысли, то по мнѣнію имама Абу-Юсуфа происходитъ иля, а по мнѣнію имама Махаммеда—загаръ.

А въ (выраженіи): „ты для меня какъ спина моей матери“, женамъ необходимо для всякой оишченіе, а оно необхо-

димо при возвращеніи. Когда мужъ многимъ женамъ скажетъ: „вы для меня, какъ спина моей матери“, вѣсьмъ имъ необходимо очищеніе, именно необходимо при возвращеніи.

А оно освобождается рабъ, но не такой, который не приноситъ пользы, напр. слѣпой,—такой, у котораго отсѣчены руки, или пальцы, или рука и нога со стороны и назначенный къ освобожденію послѣ смерти и уплатившій часть своего выкупа, и половину раба совмѣстнаго съ товарищемъ, потомъ оставшую часть его послѣ уплаты его, и половину раба своего, потомъ остатокъ его послѣ сожитія съ нею. Очищеніе состоитъ въ освобожденіи раба, но не такого, который не приноситъ пользы, напр. слѣпой, или такой, у котораго отсѣчены руки, или два большихъ пальца у рукъ, или рука и нога съ одной стороны. Также не можетъ быть освобождается для очищенія рабъ, назначенный къ освобожденію послѣ смерти хозяина, или рабъ, уплатившій часть своего выкупа. Не долженъ быть освобождается для этой цѣли и такой рабъ, которымъ хозяинъ владѣетъ вмѣстѣ съ товарищемъ, и котораго товарищъ съ своей стороны освободилъ за выкупъ. Неправильно также освобождать одну половину раба предъ сожитіемъ съ женою при очищеніи, а другую послѣ сожитія.

А если онъ не достаточенъ для освобожденія, то постится два мѣсяца и нѣтъ въ нихъ рамазана и дней торжественныхъ, а если нарушитъ, то снова начинаетъ. Подобно же если будетъ имѣть съ нею сожитіе намѣренно ночью, или днемъ вообще. Если онъ не въ состояніи освободить раба, то долженъ поститься два мѣсяца, въ числѣ которыхъ не должно быть рамазана и дней, въ которые запрещенъ постъ. Если въ продолженіи этихъ двухъ мѣсяцевъ онъ нарушитъ постъ однажды или нѣсколько разъ, намѣренно или ненамѣренно, то для очищенія долженъ снова начать поститься. Подобнымъ образомъ снова долженъ начать постъ, если онъ будетъ имѣть сожитіе съ женою, находящеюся въ загарѣ, ночью намѣренно, или днемъ намѣренно или ненамѣренно.

Если же онъ не въ силахъ, то доставляетъ шестидесяти бѣднымъ нищѣ въ достаточномъ для всѣхъ количествахъ или иѣмъ ся; а если утромъ и вечеромъ и насытитъ ихъ, или¹⁾ дастъ фунтъ пшеницы и два фунта финиковъ или ячменя.

или одного два мѣсяца питаетъ, а въ день количество двухъ мѣсяцевъ ѣсть. Если онъ будетъ не въ состояніи поститься, то долженъ доставить пищу шестидесяти бѣднымъ въ количествѣ достаточномъ для всѣхъ, или выдать стоимость этой пищи; если же онъ будетъ питать шестьдесятъ бѣдныхъ утромъ и вечеромъ, то можетъ кормить и не-досыта—понемногу. Въ-сто всего этого онъ можетъ дать каждому по одному фунту пшеницы и по два фунта финиковъ или ячменя; или можетъ одного бѣднаго питать въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, выдавая ему достаточное количество пищи утромъ и вечеромъ, но въ одинъ день предложить ему пищу за оба мѣсяца незаконно.

Кто упрекаетъ въ прелюбодѣяніи жену свою неповинную и всякій будетъ справедливъ для свидѣтельства, или отказывается отъ дитяти ея и подтверждается клятвою и говоритъ четыре раза: „я свидѣтельствую Богомъ подлинно я справедливъ въ томъ, что я порицаю ее въ прелюбодѣяніи или отказываюсь отъ дитяти“, а въ пятый разъ проклятiе Божіе на себя, если будетъ лжецомъ въ томъ, въ чемъ порицалъ ее, потомъ она говоритъ: „я свидѣтельствую Богомъ, подлинно онъ лжетъ въ томъ, въ чемъ упрекалъ меня“, а въ пятый разъ ижезъ Божій на ней, если онъ справедливъ въ томъ, въ чемъ упрекалъ ее.¹⁾ Если кто-нибудь обвиняетъ въ прелюбодѣяніи свою жену, которая не заслужила своимъ поведѣніемъ этихъ упрековъ, и если мужъ и жена обладаютъ качествами, дѣлающими ихъ свидѣтельство достовѣрнымъ, также если мужъ отказывается отъ дитяти жены, а жена во всѣхъ этихъ случаяхъ потребуетъ отъ мужа клятвы; то онъ обязанъ произнести её. Форма ея слѣдующая: мужъ по приказанію казны говоритъ четыре раза: „свидѣтельствую превознесеннымъ именемъ всевышняго Бога, что я, произнесши клятву, безъ сомнѣнія справедливъ, когда упрекалъ жену въ прелюбодѣяніи, или когда отказывался отъ дитяти ея“; въ пятый же разъ онъ произноситъ: „пусть будетъ на мнѣ проклятiе Божіе, если я лгалъ, когда упрекалъ жену въ этомъ.“ Потомъ жена четыре раза говоритъ: „свидѣтельствую превознесеннымъ именемъ всевышняго Бога съ клятвою, что безъ сомнѣнія мужъ, порицаая меня въ прелюбодѣяніи, лжетъ“; въ пятый же разъ она

¹⁾ Основано на 6—9 ст. 24 гл. Корана.

произносить: „гнѣвъ Божій на мнѣ, если справедливъ мужъ, порицающій меня въ прелюбодѣянїи или отказываясь отъ моего дитяти“.

Потомъ казый рѣшастъ между ними, затѣмъ разводятся разводомъ и отрицается родство дитяти отъ него. А если онъ отказывается отъ клятвы, то заключается въ темницу, до тѣхъ поръ пока поклянется или признаетъ себя лжецомъ; потомъ наказывается; а если она отказывается, то заключается въ темницу, до тѣхъ поръ пока поклянется, или признаетъ его правымъ.¹⁾ Послѣ клятвы казый дѣлаетъ постановленіе о разводѣ; дитя не признается роднымъ отцу и отдается матери. Если мужъ отказывается произнести клятву, то онъ заключается въ темницу до тѣхъ поръ, пока произнесетъ клятву, или признается во лжи. Послѣ этого проклятїе уничтожается, но мужъ наказывается плетью. Если же жена отказывается произнести клятву, то заключается въ темницу, до тѣхъ поръ пока произнесетъ клятву, или признаетъ мужа справедливымъ. Впрочемъ въ послѣднемъ случаѣ она не наказывается.

А если онъ будетъ рабомъ, или невѣрнымъ, или выстѣненъ за упреки, то наказывается; а если онъ будетъ достоувѣрнымъ для свидѣтельства, а она раба, или неувѣрная, или²⁾ наказанная за упреки, или несовершеннолѣтняя, или безумная, или прелюбодѣйная, то онъ не наказывается и не клянется; а поклявшіеся не соединяются вѣчно, а если онъ признаетъ себя лжецомъ, то наказывается, но позволительно ему бракъ съ нею. Подобно если упрекнетъ другую кромѣ ея, то наказывается, или если она совершитъ прелюбодѣянїе и будетъ наказана. Если жена будетъ имѣть всѣ качества достовѣрнаго свидѣтеля, а мужъ нѣтъ, т. е. если онъ будетъ рабъ, невѣрный, наказанъ за упреканіе своей жспы въ прелюбодѣянїи, то наказывается, рабъ—сорока плетями, а свободный—восмидесятью. Если же наоборотъ, мужъ будетъ имѣть всѣ качества достовѣрнаго свидѣтеля, а жена будетъ раба, или невѣрная, или наказанная по обвиненію въ прелюбодѣянїи, или несовершеннолѣтняя, или безумная, или прелюбодѣйца; то въ этомъ случаѣ мужъ не подвергается наказанію и не

¹⁾ Основано на 4 ст. 24 гл. Корана.

²⁾ 82 стр. подлинника.

произносить клятвы. По мнѣнію имама Абу-Юсуфа, бракъ между мужемъ и женой, произнесшими клятву въ этомъ случаѣ, будетъ не законенъ вѣчно; но, по мнѣнію имама Агзама и имама Мухаммеда, брака между ними не можетъ быть только до потери ими всякаго довѣрія въ общественномъ мнѣніи. Однако если мужъ послѣ клятвы признаетъ себя лжецомъ и будетъ наказанъ, то онъ можетъ возобновить бракъ со своею женою. Бракъ бываетъ правиленъ и въ томъ также случаѣ, если мужъ, произнесшій клятву, будетъ въ послѣдствіи наказанъ за ложное обвиненіе мужичины или женщины какой-нибудь въ прелюбодѣяніи, или если жена будетъ наказана за прелюбодѣяніе.

И не проклинается при безгласномъ порицаніи и отрицаніи беременности, а въ прелюбодѣяніи и эта беременность отъ него, то проклинается, но не отрицается беременность. Не бываетъ клятвы и наказанія за порицаніе своей жены въ прелюбодѣяніи или за отрицаніе беременности ея не посредствомъ словъ. Когда мужъ скажетъ женѣ: „ты совершила прелюбодѣяніе и эта беременность есть плодъ прелюбодѣянія“, въ этомъ случаѣ произносится проклятіе, но беременность не отрицается и родство родившагося дитяти съ отцомъ признается.

А кто отрицается дитяти во время извѣстія или покупки дѣтскихъ вещей, то справедливо, а послѣ этого клятвъ, и клянется въ обоихъ этихъ. Если мужъ не признаетъ дитяти своимъ во время полученія извѣстія о его рожденіи или во время покупки дѣтскихъ принадлежностей, это непризнаніе считается законнымъ, но требуется клятва въ обоихъ этихъ случаяхъ. Послѣ этого времени онъ не можетъ отказать отъ дитяти.

А если отказывается перваго изъ двойней и признаетъ дитя послѣднее, то наказывается, а наоборотъ клянется и утверждается родство въ обоихъ этихъ. Если жена родитъ двойни и мужъ не признаетъ своимъ дитятей перваго, а втораго признаетъ, то онъ подвергается наказанію, потому что чрезъ признаніе втораго, онъ обличаетъ себя во лжи; а наоборотъ, т. е. если признаетъ перваго, и отрицаетъ втораго, то долженъ произнести проклятіе, потому что чрезъ отрицаніе этого втораго онъ дѣлаетъ упрекъ женѣ. Однако родство мужа съ дѣтьми признается въ обоихъ этихъ случаяхъ, потому что онъ призналъ своимъ одного изъ нихъ.

Если онъ признается, что онъ не былъ въ состояніи для нея, то судья назначаетъ ему лунный годъ, а рамазанъ и дни менструаціи въ немъ, но не продолженіе болѣзни одного изъ нихъ, и если не былъ способенъ, то разводятся между собою, если она потребуетъ этого, и разводятся разводомъ и ей весь мехръ, если онъ дѣлалъ хыльватъ съ нею и необходимъ гыддетъ. Если совершеннолѣтній мужъ сдѣлаетъ признаніе, что онъ былъ не въ состояніи имѣть сношеніе съ женою, то судья даетъ ему сроку лунный годъ для испытанія; мѣсяць рамазанъ и дни менструаціи жены должны входить въ счетъ года, потому что безъ этого годъ не бываетъ, но дни болѣзни котораго нибудь супруговъ въ счетъ года не входятъ, потому что годъ бываетъ безъ нихъ. Если мужъ признается, что онъ въ продолженіи года былъ не въ состояніи имѣть сношеніе съ женою, то казый разводитъ ихъ по требованію жены, хотя бы мужъ и сопротивлялся этому; жена получаетъ банинъ. Мужъ обязанъ уплатить жемъ весь мехръ, если онъ имѣлъ съ нею хыльватъ, если же не имѣлъ, то половину мехра; жена обязана соблюдать гыддетъ.

А если заспорятъ и она будетъ не дѣвственна, или дѣвственна, то осматриваютъ¹⁾ женщины и если скажутъ: не дѣвственна, то заставляютъ клясться, и если поклянется, то нищего требованіе ея, а если онъ откажется, или онъ скажутъ: дѣвственна, то назначается годъ лунный, а если назначится, а потомъ заспорятъ, то рѣшеніе для нихъ, какъ въ первый разъ. Если между мужемъ и женой произойдетъ споръ о томъ, было ли нѣтъ супружеское сожитіе между ними; мужъ будетъ утверждать, что было, а жена будетъ утверждать, что нѣтъ, въ этомъ случаѣ поручается нѣсколькимъ женщинамъ освидѣтельствовать жену. Если онѣ скажутъ, что жена не дѣвственна, то мужа заставляютъ произнести клятву именемъ Божіимъ, что онъ имѣлъ сожитіе съ женою. Клятва мужа уничтожаетъ требованіе жены о разводѣ. Если мужъ откажется отъ клятвы, или женщины, свидѣтельствовавшія жепу, скажутъ, что она дѣвственна, то имъ дается сроку лунный годъ. Если по прошествіи года жена окажется не дѣвственною и мужъ клятвой подтвердить, что онъ имѣлъ съ ней сношеніе, то это сношеніе признается фактомъ существующимъ:

1) 83 стр. подлинника.

въ противномъ случаѣ жена въ правѣ развестись. Если споръ возобновится по прошествіи назначеннаго для испытанія луннаго года, то въ этомъ случаѣ рѣшеніе казія бываетъ такое же, какъ и въ первый разъ.

И дѣлается тщетнымъ требованіе ея клятвою его подобно какъ дѣлалъ тщетнымъ потомъ его; подобно этому, если остается съ нимъ, и онъ бываетъ свободенъ подобно какъ назначается потомъ его. Клятвою мужа уничтожается требованіе жены о разводѣ, какъ и сначала уничтожалось. Подобнымъ образомъ требованіе жены уничтожается, если она согласится жить съ мужемъ. Если жена окажется дѣвственною по прошествіи этого луннаго года, то она въ правѣ развестись, между тѣмъ какъ при первомъ разѣ назначался цѣлый годъ на испытаніе.

А безъ шулятъ, какъ кастратъ въ этомъ; при отрѣзаніи дѣтороднаго члена, разводятся тотчасъ по желанію ея, и не свободенъ ни одинъ изъ нихъ при болѣзни другаго. Человѣкъ, у котораго отняты шулята, принимается въ значеніи полнаго кастрата въ этомъ случаѣ, т. е. при требованіи женою развода. Мужъ, у котораго отнятъ дѣтородный членъ, разводится тотчасъ же по требованію жены, потому что ждать въ этомъ случаѣ бесполезно. Но ни жена, ни мужъ не имѣютъ права требовать развода по случаю болѣзни супруга, какая бы ни была болѣзнь, хотя бы и сильная, напр. сумасшествіе, проказа, поврежденіе дѣтороднаго члена и т. п. Впрочемъ кастрація, отсутствіе дѣтороднаго члена и шулятъ служить причиной къ разводу.

Гыддатъ свободной, видящей менструацію, при разводѣ или при незаконномъ бракѣ три менструаціи полныхъ, подобно же и для уммъ-валяди по смерти господина ея или послѣ освобожденія ея, а для той, которая имѣла сожитіе при сомнѣніи или неправильномъ бракѣ при смерти и разводѣ, недостижной совершеннолѣтія и невидящей — три мѣсяца.¹⁾ Гыддатъ свободной женщины, имѣющей менструацію при разводѣ или нечестивомъ бракѣ — три полныхъ періода менструаціи, начиная со времени развода, или со времени нечестиваго брака. Если же разводъ произошелъ во время менструаціи, то эта менструація въ счетъ не принимается. Подоб-

¹⁾ Основано на 228 ст. 2 гл. и на 1—7 ст. 65 гл. Корана.

нымъ образомъ три же періода менструаціи служатъ срокомъ гыддета и для уммъ-валяди, когда господинъ, имѣвшій сожитіе съ нею, умереть, или освободить ее. Три же періода менструаціи служатъ гыддетъ женщины, имѣющей менструацію, женщины, съ которой мужъ имѣлъ сожитіе сомнительное или въ неправильномъ бракѣ, послѣ смерти мужа или послѣ развода. Гыддетъ же женщины, не имѣющей менструаціи по молодости или по старости, или въ годахъ совершеннолѣтія по какой-нибудь причинѣ,—три мѣсяца.

А при смерти четыре мѣсяца и десять дней; а для рабы, видящей менструацію,—два менструаціи, а для не видящей менструаціи или той, у которой умеръ мужъ, — половина свободной, а для беременной свободной или служанки, и если умереть, а дитя отъ него, то положится беременность ея, а для зачатой¹⁾ дитя послѣ смерти, гыддетъ смерти и нѣтъ родства въ отношеніи его.²⁾ Гыддетъ свободной женщины по случаю смерти мужа—четыре мѣсяца и десять дней. Гыддетъ рабы, которая имѣетъ менструацію и съ которой былъ хыльватъ, — два періода менструаціи, по случаю развода, нечестиваго брака и сожитія сомнительнаго; раба же, которая не имѣетъ менструаціи по молодости или по старости, также раба, у которой умеръ мужъ, хотя бы она и имѣла менструацію, должны соблюдать гыддетъ на половину меньше гыддета свободной женщины, имѣющей менструацію и схоронившей мужа, т. е. полтора мѣсяца при разводѣ, два мѣсяца и пять дней при смерти мужа. Гыддетъ же смерти женщины беременной, будетъ ли она свободная или служанка, продолжается до разрѣшенія отъ бремени, если только дитя зачато отъ мужа умершаго. А если женщина зачала дитя послѣ смерти мужа, то гыддетъ смерти, т. е. для свободной—четыре мѣсяца и десять дней, а для служанки — полтора мѣсяца. Но будетъ ли беременность отъ умершаго мужа или нѣтъ, родство дитяти съ нимъ не признается.

А для получившей баниъ при смерти длиннѣйшій изъ двухъ сроковъ, а при раджи то, что при смерти, а для освобожденной въ гыддетъ раджи, какъ гыддетъ свободной, а въ гыддетъ баниъ и смерти, какъ служанки. Гыддетомъ жены,

¹⁾ 84 стр. подлинника.

²⁾ Основано на 234 ст. 2 гл. Корана.

получившей разводъ-баинъ во время смертной болѣзни мужа, служить длиннѣйшій изъ гыддетовъ, изъ которыхъ одинъ — три періода менструаціи, а другой четыре мѣсяца и десять дней; а гыддетъ жены, получившей разводъ-раджги во время смертной болѣзни мужа, — четыре мѣсяца и десять дней. Гыддетъ служанки, получившей освобожденіе во время гыддета развода-раджги, — равенъ гыддету свободной женщины; гыддетъ же рабы, получившей освобожденіе во время гыддета развода баинъ или смерти равенъ гыддету рабы, не получившей освобожденія.

А если не имѣющая менструаціи угодитъ кровъ послѣ гыддета, то мѣсяцы пересчитываются менструаціями; подобно пересчитывается посредствомъ мѣсяцевъ та, которая имѣла менструацію, а потомъ сохлалась не имѣющею менструаціи. Если женщина, лишенная менструаціи, по окончаніи гыддета, считаемаго мѣсяцами, увидитъ менструацію, то начинаетъ снова считать гыддетъ посредствомъ періодовъ менструаціи; дни прошедшаго гыддета въ счетъ не принимаются. Подобнымъ образомъ начинаетъ считать мѣсяцами свой гыддетъ та жена, которая, увидѣвши одну менструацію, будетъ лишена менструаціи.

А для находящейся съ гыддетъ и имѣвшей сомнительное сожитіе, гыддетъ другой и входитъ, и когда исполнитъ первый, совершаетъ часть втораго. Если жена во время гыддета будетъ имѣть съ мужемъ супружеское сожитіе, сомнѣваясь въ гыддетѣ ли она имѣла его или по окончаніи его, то ей необходимъ другой новый гыддетъ. Въ этомъ случаѣ она должна поступать такъ: оставить первый гыддетъ и пачать считать второй; когда счетъ втораго гыддета будетъ равенъ количеству дней перваго совершеннаго гыддета, она должна оставить второй гыддетъ и окончить первый, по окончаніи перваго должна выполнить остатокъ втораго гыддета.

А гыддетъ нечестиваго брака опредѣляется прекращеніемъ его или рышеніемъ его прекратить сношеніе и исполняется гыддетъ, хотя бы она и не знала. Гыддетъ нечестиваго брака, будетъ ли онъ послѣ смерти мужа, или послѣ развода, или послѣ рѣшенія казія, или послѣ того, какъ мужъ рѣшится прекратить этотъ бракъ, — во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ начнется съ прекращенія брака нечестиваго. Гыддетъ исполняется, хотя бы жена и не знала причины его, послѣ развода, или послѣ смерти или послѣ чего-нибудь инаго она исполняетъ его.

Если женится на находящейся въ гыддетъ баннъ развода, потомъ разведется прежде сожитія, то необходимо для нея полный мехръ и гыддетъ первоначальный. Если кто женится на женщинѣ, находящейся въ гыддетѣ развода-баннъ, и потомъ разведется съ ней, не имѣя сожитія; то онъ обязанъ выплатить весь мехръ, а жена должна выполнить преждебывшій гыддетъ. Та часть гыддета, которую она выполнила, не принимается и гыддетъ выполняется снова.

Нытъ гыддета для женщины зимми, когда разведетъ ее зимми, и нытъ для хурби¹⁾, когда она войдетъ въ мусульманское селеніе, кромѣ беременной. Женщина - зимми не обязана соблюдать гыддета послѣ развода съ мужемъ - зимми, или послѣ его смерти, если гыддетъ не полагается законами ея религіи. Но когда мусульманинъ разведетъ зимми, она должна соблюдать гыддетъ. Если хурби перейдетъ въ мусульманское государство, то послѣ развода съ невѣрнымъ мужемъ ей нытъ необходимости соблюдать гыддетъ. Впрочемъ, если зимми или хурби будетъ беременна, то ей нуженъ гыддетъ.

И скорбитъ находящаяся въ гыддетѣ баннъ или смерти совершеннолѣтняя мусульманка посредствомъ оставленія вещей прелюбодѣльных и одежды цвѣта шафрана²⁾, музагфара, мазей, бирюгину и сюрму кромѣ необходимости, но не находящаяся въ гыддетѣ освобожденія или неправильнаго брака и не называется находящаяся въ гыддетѣ, какъ только намерками и не выходитъ изъ дому находящаяся въ гыддетѣ раджи или баннъ совершенно, и выходитъ находящаяся въ гыддетѣ смерти днемъ и вечеромъ, а ночь проводитъ въ своихъ покояхъ. Совершеннолѣтняя мусульманка, находясь въ гыддетѣ развода-баннъ или смерти, должна печалиться и скорбѣть о томъ, что прекратились удовольствія брака. Для выраженія своей печали она должна оставить всѣ предметы, могущіе возбуждать похоть, напр. она должна оставить платье, имѣющее цвѣтъ шафрана или музагфара,³⁾ прекратить намащать голову, краситься бирюгиной, натираться сурьмой. Но жена, находясь

¹⁾ Хурби означаетъ христіанина или еврея, не находящагося въ подданствѣ мусульманъ въ противоположность зимми, что означаетъ христіанина или еврея, состоящаго въ подданствѣ у мусульманъ.

²⁾ 85 сгр. поддлинника.

³⁾ Музагфаромъ называется извѣстнаго рода красящее вещество.

въ гыддетѣ послѣ освобожденія или неправильнаго брака, не обязана выражать печаль. Женщину, находящуюся въ гыддетѣ, не должно называть по имени, а нужно употреблять вмѣсто ея имени какіе-нибудь знаки. Жена, находящаяся въ гыддетѣ развода - раджги или баинъ не должна выходить изъ дому ни днемъ, ни ночью. А жена, находящаяся въ гыддетѣ смерти, можетъ по нуждѣ выходить изъ дому днемъ и вечеромъ, но ночь должна проводить въ томъ мѣстѣ, которое ей назначилъ мужъ.

И проводитъ гыддетъ въ мѣстѣ своемъ, гдѣ разводъ и смерть, развѣ только будетъ выведена, или боится разстроить свое имущество или пустынности, или не будетъ въ состояннн на плату за долгъ и нѣтъ перегородки, разделяющей ихъ между собою при баинъ, и если тѣсно будетъ для ихъ обоихъ, то онъ первый выходитъ изъ него, подобно же при буйствѣ его. Жена должна сохранять гыддетъ въ томъ помѣщеніи, въ которомъ она находилась при полученіи развода отъ мужа, или при смерти его. Однако она не будетъ виновною, если перейдетъ въ другое мѣсто въ томъ случаѣ, когда послѣдники выгонятъ её изъ дому мужа, или когда боится разстроить состояніе своего имѣнія, находясь въ домѣ мужа, или боится пустынности самого мѣста, или будетъ не въ состояннн заплатить за помѣщеніе, если послѣдники потребуютъ этого, или въ томъ случаѣ, когда при разводѣ баинъ, не будетъ въ дому мужа никакой перегородки, которая отдѣляла бы помѣщеніе мужа отъ помѣщенія жены. Если же мужу съ женой тѣсно будетъ жить въ помѣщеніи мужа, то приличнѣе мужу выдти изъ него; впрочемъ и жена можетъ выдти; но двоимъ безъ перегородки жить не слѣдуетъ. Подобнымъ образомъ, если мужъ буйнъ, такъ что жена боится жить съ нимъ, то ему слѣдуетъ выдти изъ дому, потому что женѣ необходимо жить въ мѣстопробываніи мужа, а мужъ не обязанъ жить въ мѣстопробываніи жены. Впрочемъ и жена можетъ выдти по уважительнымъ причинамъ.

Хорошо если полагается между ними сильная надѣ хлыватомъ. Хорошо если казый поставитъ между разведенными супругами такую женщину, которая могла бы не позволить мужу войти къ женѣ.

А если разведетъ ее или умретъ при ней въ пути ихъ обоихъ и если будетъ послѣ этого отъ города ея и мѣста

достиженія разстояніе сафира, и къ одному изъ двухъ будеть ближе, то идетъ къ нему, а если нѣтъ, то она свободна, опекунъ съ ней или нѣтъ, и гыдетъ лучший, а если она будеть въ мисръ¹⁾, то совершаетъ гыдетъ тамъ, потомъ выходитъ съ мухрамомъ. Если мужъ разведется съ женою или умреть во время путешествія и если разстояніе между мѣстомъ жительства жены и мѣстомъ, куда она ѣхала съ мужемъ, будеть на три дня пути и одно изъ этихъ двухъ мѣстъ ближе другаго, то жена должна ѣхать въ то мѣсто, которое ближе. Если же разстояніе между мѣстомъ жительства жены и мѣстомъ, куда она ѣдетъ, будеть меньше трехъ дней пути, то она имѣетъ право ѣхать въ которое угодно мѣсто, все равно будеть съ нею находиться опекунъ ея или нѣтъ. Однако лучше отправиться въ мѣсто своего жительства, чтобы сохранять въ немъ гыдетъ. Если же селеніе, гдѣ мужъ разведется съ женою, или умреть, будеть мисръ, то жена сохрпаетъ гыдетъ въ этомъ селеніи. По окончаніи гыдета, она выѣзжаетъ изъ этого мѣста въ сопровожденіи мухрама, т. е. такого родственника, съ которымъ запрещень бракъ по близости родства.

Воспитаніе²⁾ матери безъ принужденія ея, разведется или нѣтъ, потомъ матери ея насколько возможно вверхъ, потомъ отца его, потомъ сестеръ его по отцу и матери, потомъ по матери, потомъ по отцу, потомъ теткѣ по матери подобно же, потомъ теткѣ по отцу подобно же съ условіемъ свободы ихъ обоихъ. Воспитывать дитя и кормить его молокомъ должна мать, будеть ли она разведена или пѣтъ, если же она откажется, то ее не слѣдуетъ принуждать насильно. Послѣ матери мѣсто воспитательницы должна занять бабушка дитяти по матери, затѣмъ прабабушка и т. д. по восходящей линіи. Послѣ нихъ мѣсто воспитательницы занимаетъ бабушка по отцѣ; потомъ воспитаніе вручается сестрѣ дитяти по отцѣ и по матери, затѣмъ сестра по одной матери, послѣ нея сестра по одному отцу; потомъ сестрѣ матери по отцу и по матери, потомъ сестрѣ матери по одно-

¹⁾ Мисромъ пазывается такое селеніе или городъ, въ которомъ совершается пятничная молитва. Это же названіе прилагается въ тѣсномъ смыслѣ къ Капру.

²⁾ 86 стр. подлинника.

му отцу, потомъ сестрѣ отца по обоимъ родителямъ, потомъ сестрѣ отца по матери; наконецъ сестрѣ отца по отцѣ. За кѣмъ-нибудь остается воспитаніе дитяти съ условіемъ только, чтобы личность, берущая на себя воспитаніе, была свободна.

И не признается для служанки и для уммъ-валяди; а зимми, какъ мусульманка, пока не различаетъ вѣры. Право воспитанія не признается за служанкой, будетъ ли она полная раба, или выплатившая часть своего выкупа, или назначенная къ освобожденію по смерти хозяина. За уммъ-валяди также не признается право воспитанія. Что касается женщины-зимми, то она подобно мусульманкѣ можетъ быть воспитательницей дитяти, до тѣхъ поръ пока оно не начнетъ понимать различія въ религіяхъ. Послѣ этого оно берется у зимми и передается мусульманкѣ, чтобы не заразилось невѣріемъ.

Посредствомъ брака съ неродственникомъ уничтожается право ея, а съ родственникомъ нѣтъ, напр. мать выйдетъ за мужъ за дядю его и бабушка за дѣда его, и возвращается право при уничтоженіи брака, который лишилъ его. Женщина, имѣющая право воспитанія, лишается этого права чрезъ бракъ съ неродственникомъ дитяти. Но это право не отнимается отъ нея, если она выйдетъ за-мужъ за родственника дитяти, напр. если мать дитяти выйдетъ за-мужъ за родственника отца, или бабушка дитяти по матери выйдетъ за-мужъ за дѣда его по отцѣ и наоборотъ, т. е. бабушка по отцѣ выйдетъ за-мужъ за дѣда по матери. Впрочемъ, если бракъ, лишившій женщину права воспитанія, будетъ уничтоженъ, то это право снова возвращается женщинѣ.

Потомъ побочнымъ вѣтвямъ ихъ по порядку ихъ, но не вручается дитя вѣтвямъ не мужрамнымъ, напр. опекуну по освобожденію и сыновьямъ дяди, и нечестивому безпечному и невольному дитя; но мать и бабушка отличныя для этого. Послѣ вышеупомянутыхъ родственниковъ право воспитанія переходитъ къ побочнымъ вѣтвямъ дитяти въ томъ же порядкѣ, какъ и право наслѣдства; однако дитя не должно воспитываться у родственниковъ такихъ, съ которыми не запрещенъ бракъ, напр. у хозяина, который освободилъ отца дитяти, или сыновей дяди. Недолженъ быть воспитателемъ человѣкъ распутный, который при распутствѣ будетъ дѣлать упущенія. Само дитя, будетъ ли оно мужескаго пола или женскаго, не можетъ выбирать воспитателя, — оно должно воспитываться у

того, кого назначить казый; однако мать и бабушка считаются лучшими воспитателями.

До тѣхъ поръ, пока оно начнетъ ѣсть, пить, одѣваться и умываться одно; а для дѣвицы до тѣхъ поръ, пока появится менструація, а по Мухаммеду—пока появится страсть, а оно было примѣнимо къ нечестію времени, а безъ этихъ обоихъ, до тѣхъ поръ, пока появится страсть. Дитя должно воспитываться до тѣхъ поръ, пока начнетъ само ѣсть, пить, одѣваться и совершать омовеніе: по мнѣнію Абу-Бекра-Разы—до девяти лѣтъ, а по словамъ Хазафы—до семи лѣтъ. Фетва согласна съ словами Хазафы. Мать и бабушка должны воспитывать дѣвочку до тѣхъ поръ, пока появится у нея менструація; а по мнѣнію Мухаммеда, пока появится у нея половосвѣщеніе. Это постановленіе имама Мухаммеда было вызвано нечестіемъ того времени. Если воспитателями бываютъ не мать или бабушка, а кто нибудь-другой, напр. сестра, тетка по матери или по отцу, то воспитаніе дѣвочки должно продолжаться до полового свѣщенія.

И не путешествуютъ разведенная съ дѣтяти своими, кромѣ какъ только къ городу ея, гдѣ онъ женился на ней. И это только для матери¹⁾. Жена разведенная, по окончаніи гыддета, не должна путешествовать съ дѣтяти, потому что отъ этого можетъ произойти вредъ отцу дѣтяти. Не если она получила разводъ на чужбинѣ, то можетъ возвратиться съ нимъ въ тотъ городъ, гдѣ она вышла замужъ. Впрочемъ это относительно матери, а отецъ и другія личности, имѣющія право на воспитаніе, не должны путешествовать съ дѣтяти никуда,—въ противномъ случаѣ они лишаются права воспитанія.

Меньшій срокъ беременности шесть мѣсяцевъ, а большій срокъ два года и утверждается родство дѣтяти находящейся въ гыддетѣ рожени и если родитъ въ большій двухъ годовъ, когда не признается въ прохожденіи гыддета и утверждаетъ возвращеніе, а для меньшаго изъ нихъ нѣтъ и дѣтя находящейся въ бани въ меньшій изъ нихъ, нѣтъ при исполненіи ея, какъ только чрезъ признаніе. Меньшій періодъ беременности—шесть мѣсяцевъ, а большій—два года, самый правильный—девять мѣсяцевъ. Въ этомъ согласны все ученые. Если дѣтя родится раньше шести мѣсяцевъ послѣ брака, то родство

¹⁾ 87 стр. подлинника.

его съ мужемъ не утверждается, потому что это несомнѣнно показываетъ, что беременность началась раньше брака. Утверждается также это родство, если жена родить дитя въ гыддетѣ развода-раджги; утверждается и въ томъ случаѣ, когда она родить дитя спустя болѣе двухъ лѣтъ послѣ развода, но не признается въ томъ, что гыддетъ ея прошель. Если же признается и будетъ несомнѣнно, что гыддетъ ея прошель и она потомъ спустя шесть или болѣе мѣсяцевъ родить дитя, то родство не утверждается. Когда жена родить дитя спустя болѣе двухъ лѣтъ послѣ развода, то мужъ снова возвращаетъ ее; если же она родить, спустя меньше двухъ лѣтъ послѣ развода, то мужъ не обязанъ возвращать ее, но родство утверждается. Также утверждается родство, если жена родить дитя спустя меньше двухъ лѣтъ послѣ развода-баннъ и не признается, что гыддетъ прошель. Если дитя родится спустя болѣе двухъ лѣтъ, то родство утверждается, если мужъ признаетъ дитя своимъ.

И забеременнеть отъ сожитія съ нею по сомнѣнію въ гыддетѣ, а когда ляжетъ, и она родитъ, то супружество утверждается свидѣтельствомъ супруи. Родство утверждается и беременность признается закономъ въ послѣднемъ случаѣ потому, что можетъ быть сомнѣніе, не имѣлъ ли мужъ сожитія съ женою въ гыддетѣ по ошибкѣ, считая законнымъ сожитіе въ гыддетѣ развода-баннъ, или смѣшавшись въ женахъ или забывши о разводѣ. А когда мужъ полежитъ съ женой, находящейся въ гыддетѣ, и жена потомъ родить, то родство утверждается на основаніи клятвеннаго свидѣтельства жены, хотя бы мужъ и не признавалъ дитя своимъ. Однакожъ если мужъ докажетъ, что жена во время гыддета имѣла сношеніе съ другимъ, то родство не утверждается.

Необходимо пропитаніе, одѣваніе и помѣщеніе для мужа, хотя бы онъ по молодости былъ неспособенъ къ сожитію съ женою, мусульманка ли она, или невѣрная, старуха или молодая, если она способна къ сожитію, по мѣрѣ состоянія ихъ обмѣтъ. Мужу необходимо доставлять пропитаніе, одежду и помѣщеніе женѣ, съ которой вступилъ въ правильный бракъ, будетъ ли она мусульманка или невѣрная, старуха или молодая, если она только способна къ супружескому сожитію, хотя бы мужъ по молодости и былъ не въ состояніи выполнять супружескія обязанности. Это пропитаніе и помѣщеніе должно быть сообразно съ состояніемъ мужа и жены.

Когда они оба богаты, то пропитаніе богатаго, если бѣдны, то пропитаніе бѣднаго. А въ (случаѣ) онъ богатъ, а она бѣдна и наоборотъ, то середина двухъ состояній. Когда мужъ и жена богаты, мужъ долженъ доставлять пропитаніе богача; когда же бѣдны оба, — пропитаніе бѣдняка. Если же мужъ богатъ, а жена бѣдна, или наоборотъ, то необходимо пропитаніе среднее, т. е. меньше богача и больше бѣдняка.

И хотя бы она въ дому отца ея или заболитъ въ дому мужа, нѣтъ для упорной, если она вышла изъ дому его безъ нужды; для заключенной въ темницу за долги, для больной¹⁾, если она не находится налицо и увезена насильно, и для находящейся въ хаджѣ²⁾ не вмѣстѣ съ нимъ, то для нея пропитаніе нахожденія на мѣстѣ, а не пути, и не плата за провожательство, и для него, когда онъ богатъ, и пропитаніе слуги и одного только для нея, нѣтъ, когда онъ бѣденъ по достовѣрѣніимъ. Пропитаніе жены лежитъ на мужѣ, хотя бы жена была въ дому своего отца, или, переѣхавъ къ мужу здоровою, заболѣла въ его домѣ. Но мужъ не обязанъ пропитывать свою жену, если она, удалясь изъ его дому безъ нужды, будетъ требовать настоятельно развода, или будетъ запрещать мужу входить въ свой домъ; не обязанъ онъ также пропитывать жену, посаженную въ тюрьму за долги, или больную, если она не въ его домѣ, или ту, которую родственники увезли отъ него насильно. Необязательно въ этихъ случаяхъ пропитаніе потому, что не со стороны мужа прекращаются здѣсь супружескія отношенія. Мужъ не обязанъ пропитывать жену, находящуюся въ хаджѣ не вмѣстѣ съ нимъ; если же она вмѣстѣ съ нимъ совершаетъ хаджъ, то ему необходимо пропитаніе ея, впрочемъ домашнее, а не путевое. За провожательство въ этомъ случаѣ мужъ не платитъ женѣ. Если мужъ богатъ, то ему необходимо давать пропитаніе еще одному слугѣ жены, но не больше; если же онъ бѣденъ, то, по самымъ достойнѣмъ сказаніямъ, ему нѣтъ необходимости доставлять пропитаніе слугѣ жены.

И не дѣлается развода между ними при недостаточности ея на это и повелевается дѣлать долгъ на него. Жена не имѣетъ права разводиться потому, что мужъ по бѣдности

1) 88 стр. подлинника.

2) Т. е. въ путешествіи въ Мекку.

не можетъ пропитывать ее, но ей дозволяется брать въ долгъ въ счетъ мужа съ тѣмъ, чтобы онъ, когда сдѣлается богатымъ, заплатилъ этотъ долгъ. Такъ говоритъ Музапафа въ Шархъ-вигкаѣ.

И если кто опредѣляется для бѣднаго, потомъ разбогатѣетъ, то исполняетъ пропитаніе богатого, если она потребуетъ. Если пропитаніе жены опредѣлено во время бѣдности мужа, а потомъ онъ сдѣлается богатымъ, то онъ обязанъ давать женѣ пропитаніе богача, если она потребуеъ этого.

И прекращается въ прошедшемъ продолженіи, развѣ когда рѣшается опредѣленіе казья, или соглашается на что-нибудь, то необходимо для того, что прошло, когда продолжаютъ жить оба, а если умретъ одинъ изъ нихъ обоимъ, или разведетъ ее прежде уплаты, прекращается назначенное, кромѣ только когда возьметъ въ долгъ по опредѣленію казья и не возвращается взятое въ продолженіи, если умретъ одинъ изъ нихъ прежде его. Мужъ не обязанъ выдавать жепѣ пропитанія того, которое ей слѣдовало въ прошедшій срокъ времени, на которое она не взяла. Но онъ обязанъ выдать это пропитаніе, если оно назначено казыемъ, или опредѣлено по обоюдному согласію супруговъ въ извѣстномъ количествѣ вещей, — обязанъ въ томъ случаѣ, если онъ жилъ вмѣстѣ съ женой со времени назначенія казья, или со времени обоюднаго соглашенія. Если же мужъ или жена умретъ, или мужъ разведется съ женой, не уплативши пропитанія, назначеннаго казыемъ или опредѣленнаго по обоюдному соглашенію, то женѣ прекращается выдача пропитанія. Однако долгъ, сдѣланный женою въ счетъ мужа по опредѣленію казья, долженъ быть уплаченъ. Вещи, взятые женою отъ мужа въ качествѣ пропитанія за извѣстный срокъ, не возвращаются, если мужъ или жена умретъ до окончанія этого срока.

И пропитаніе жены раба ему и продается для него разъ послѣ втораго, а за долгъ кромѣ этого одинъ разъ. Полный рабъ обязанъ пропитывать свою жену, если онъ вступилъ въ бракъ съ позволенія хозяина. Для пропитанія жены рабъ можетъ быть проданъ послѣ перваго раза еще два раза, т. е. можетъ быть проданъ три раза, напр. за работою накопится пропитанія на 500 диргемовъ, то его слѣдуетъ продать за ту сумму; если послѣ этого снова на немъ накопится это коли-

чество, то его снова слѣдуетъ продать, и такъ до трехъ разъ, потому что количество пропитанія увеличивается со-временемъ. Но за другой долгъ, кромѣ пропитанія, раба можно продавать только одинъ разъ, потому что долгъ съ теченіемъ времени не возобновляется подобно пропитанію, напр. если раба продадутъ за мехъ и цѣны его будетъ недостаточно, то жена должна ждать остатокъ меха, но раба не дозволяется продавать во второй разъ.

И необходимо помѣщеніе ея въ домъ, въ которомъ нѣтъ ни одного изъ людей его, хотя бы дитяти его отъ другой, развѣ по согласію ея. Мужъ обязанъ помѣстить жену въ такомъ домѣ, въ которомъ не живутъ ни другія жены, ни близкіе родственники. Это непремѣнная обязанность мужа. Даже дѣти его отъ другой жены не должны помѣщаться въ этомъ домѣ, если не согласится жена жить вмѣстѣ съ ними, или съ другими родственниками.

И комната отдѣльная отъ дому его, запирающаяся, достаточна для нея. Для жены достаточно комнаты, отдѣльной отъ дому мужа и при томъ такой, въ которой дверь запиралась бы замкомъ.

И¹⁾ ему препятствіе родителямъ ея и дитяти ея отъ другаго отъ вхожденія къ ней, но не отъ смотрѣнія ея и не отъ привѣтствія ея. И сказано: не препятствуетъ отъ вхожденія къ родителямъ и отъ вхожденія ихъ къ ней во всякую пятницу, а другимъ родственникамъ всякій годъ; и это справедливо. Мужъ имѣетъ право запретить отцу и матери жены, также дитяти ея рожденному отъ другаго мужа входить въ комнату жены, но видѣться съ женою въ какое угодно время онъ не имѣетъ права имъ запрещать. Мужъ также не имѣетъ права запрещать женѣ посѣщать отца и мать по пятницамъ, равнымъ образомъ и имъ посѣщать жену его въ эти дни. Что касается другихъ родственниковъ, то мужъ не имѣетъ права препятствовать имъ посѣщать его жену, также женѣ ходить къ нимъ однажды въ годъ. Это вполне справедливо. Въ 1-мъ сказано: „мужъ не долженъ запрещать женѣ видѣться и разговаривать съ отцомъ, матерью и другими родственниками, въ какое бы время они не пожелали, потому что это нарушило бы родство, тогда какъ мужу нѣтъ отъ этого никакого вреда.“

¹⁾ 89 стр. подлинника.

Въ другомъ мѣстѣ сказано: „мужъ не прешаетъ имъ ходитъ къ женѣ и разговаривать съ нею, но смотрѣть на нее запрещаетъ, потому что бываетъ вредъ отъ продолжительнаго разговора.“

И опредѣляетъ пропитаніе жены отсутствующаго и дитяти его и родителямъ его въ имущество его только изъ части изъ. Если мужъ находится въ отсутствіи, то пропитаніе женѣ, дитяти и родителямъ его назначаетъ казый изъ того имущества, которое обыкновенно дается въ качествѣ пропитанія, какъ-то: изъ пищи, одежды и денегъ. Если же имущество мужа состоитъ изъ другихъ предметовъ, то изъ него назначается пропитаніе для другихъ родственниковъ, кромѣ вышеупомянутыхъ.

У человека, которому вѣрено имущество, или человека—товарища по занятію, или должника, если признаетъ его и бракъ, или казый знаетъ объ этомъ, и заставляетъ его клясться, что подлинно онъ не давалъ ей пропитанія и берется поручательство отъ нея. Если имущество отсутствующаго мужа находится у кого-нибудь на сохраненіи, или у должника, или у товарища по владѣнію имъ; и если тотъ, у кого имущество отсутствующаго, признается въ этомъ и признаетъ дѣйствительнымъ бракъ отсутствующаго съ женой, требующей пропитанія, то онъ можетъ дать послѣдней пропитаніе, а также и другимъ родственникамъ, если онъ признаетъ родство ихъ съ отсутствующимъ. Человекъ, у котораго находится имущество отсутствующаго, обязанъ также дать пропитаніе женѣ и другимъ родственникамъ, если казый знаетъ о бракѣ или о родствѣ. Въ послѣднемъ случаѣ казый заставляетъ жену сдѣлать клятву, что мужъ не давалъ ей пропитанія; потомъ отъ нея берется ручательство въ полученіи пропитанія отъ казья для того, чтобы освободиться отъ нареканія, когда возвратится мужъ и потребуетъ свое имущество.

Нынѣ при разногласіи свидѣтелей о бракѣ и нынѣ, если не оставитъ имущества и недостаточно свидѣтельство для того, чтобы рѣшить о немъ и приказатъ ей о долѣ и не рѣшаетъ объ немъ; а Зафаръ говоритъ: рѣшаетъ о пропитаніи, но не о бракѣ. А дѣло рѣшенія нынѣ по сему по нуждѣ. Казый не дѣлаетъ постановленія о пропитаніи жены, если она утверждаетъ существованіе брака, а довѣренный мужа или компаньонъ его, или должникъ его отрицаютъ бракъ. Казый

также не дѣлаеть постановленія о пропитаніи жены, если мужъ не оставилъ имущества и казью неизвѣстно о бракѣ, а жена будетъ утверждать о существованіи его для того, чтобы казій за отсутствіемъ мужа сдѣлалъ постановленіе о пропитаніи ея и позволилъ ей взять въ долгъ въ счетъ мужа. Казій не долженъ рѣшать при отсутствіи мужа о существованіи брака подобно тому, какъ онъ не долженъ дѣлать постановленія о пропитаніи жены въ этомъ случаѣ. А имамъ Зафаръ говоритъ, что въ этомъ случаѣ казій можетъ сдѣлать постановленія о пропитаніи, но не долженъ рѣшать о бракѣ. Въ настоящее время дѣлають рѣшеніе согласно имаму Зафару по необходимости.

И находящейся въ разводъ-раджги и байнъ и разведенной не по винѣ, подобно какъ достигшей совершеннолѣтія или свободы, или разведенной по недостаточности равенства пропитаніе и¹⁾ помѣщеніе, не для находящейся въ гыддетъ смерти и разведенной по винѣ, напр. въроотступничество и поцѣлуй сына мужа, и въроотступничество находящейся въ гыддетъ трехъ прекращаетъ, но не обьятіе ею сына его. Необходимо пропитаніе, одежда и помѣщеніе женѣ, находящейся въ гыддетъ развода-раджги или байнъ, также женѣ разведенной не по причинѣ ея вины и наконецъ женѣ, разведшейся по праву освобожденія, или по праву достиженія совершеннолѣтія, или по причинѣ неравенства съ мужемъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мужъ обязанъ доставлять женѣ пропитаніе, одежду и помѣщеніе до окончанія гыддета. Но не необходимо доставлять пропитаніе женѣ, находящейся въ гыддетъ смерти и женѣ, разведенной по ея винѣ, напр. за въроотступничество, за поцѣлуй сына или отца мужа, за намѣреніе совершить съ ними прелюбодѣяніе. Въроотступничество жены во время гыддета трехъ разводовъ лишаетъ ея права на пропитаніе, но обьятіе сына мужа или поцѣлуй его, или намѣреніе совершить прелюбодѣяніе не лишаютъ ея права пропитанія.

И пропитаніе несовершеннолѣтняго бѣднаго на отца его, не участвуетъ въ немъ никто, подобно какъ пропитаніе отца его и жены его. Пропитывать бѣднаго дитя долженъ отецъ до тѣхъ поръ, пока оно достигнетъ способности само пріобрѣтать себѣ пропитаніе. Въ пропитаніи этого дитяти съ нимъ не уча-

¹⁾ 90 стр. подпункта.

ствуется никто подобно тому, какъ никто не раздѣляетъ бремени пропитанія отца и жены.

И нѣтъ для матери его кормленіе его грудью, развѣ когда она обязывается, и нанимаетъ отца для кормленія его вмѣсто ея, и если нанимаетъ ее для кормленія его во время брака или гыддета - раджы, то не платитъ. Матери не необходимо кормить грудью свое дитя. Но когда она бываетъ обязана исполнить по бѣдности дитяти и отца его, или за неимѣніемъ другой кормилицы, — ее побуждаютъ насильно кормить грудью. Если мать не кормитъ грудью дитя, то отецъ обязанъ нанять кормилицу. Ежели онъ найметъ для этого самой мать, состоящую съ нимъ въ бракъ или разводъ-раджы, то наемъ будетъ неправиленъ и мужъ не обязанъ выдавать женѣ условленной платы.

А въ (отношеніи) находящейся въ разводъ - баинъ, два преданія, а для кормленія его послѣ гыддета или для сына отъ другой правильно, и она лучше чужой, развѣ когда потребуютъ плату большую. Относительно найма матери, находящейся въ гыддетѣ развода-баина, существуетъ два преданія, по одному несомнѣнному — оно правильно, по другому, именно по преданію имама Хасана, оно неправильно. Если отецъ пайметъ мать кормить грудью дитя по окончаніи гыддета или дитя отъ другой жены, то этотъ наемъ правиленъ. Нанимать мать для кормленія грудью въ тѣхъ странахъ, когда наемъ ея правиленъ, лучше, нежели нанимать постороннюю кормилицу. Но если мать потребуетъ платы больше посторонней кормилицы, то лучше нанять постороннюю кормилицу.

А пропитаніе совершеннолѣтней дочери и сына больного хроническими припадками отцу и объ этомъ есть фетвы. А для достаточнаго доставлять подаяніе пропитаніе коренымъ родственникамъ бѣднымъ безъ различія дочерей и сыновей. Отецъ обязанъ доставлять пропитаніе совершеннолѣтней незамужней дочери, также и сыну, страждущему продолжительною болѣзнію или бѣсноватому. Это подтверждено фетвою. Кто будетъ богатъ настолько, что можетъ подавать милостыню, тому необходимо доставлять пропитаніе родственникамъ по восходящей линіи, напр. отцу, матери, дѣду, бабушкѣ и т. д.; также сыновьямъ и дочерямъ безъ всякаго различія, хотя бы состоянія ихъ были различны.

И принимается во вниманіе близость и порядокъ, но не

наслѣдство; а въ (случаѣ), кто у него дочь и сынъ сына, то дочери, а въ (случаѣ), дитя дочери и братъ, то дитяти¹⁾ ся. Относительно пропитанія родственниковъ принимается во вниманіе близость или порядокъ родства, но не порядокъ ихъ правонаслѣдія, напр. если у кого-нибудь будетъ дочь и сынъ сына, то пропитаніе необходимо дочери, хотя сынъ сына и дочь по порядку и по наслѣдству равны, но дочь ближе, потому ей и нужно дать пропитаніе. Если же у кого будетъ дитя дочери и братъ, то пропитаніе нужно дать дитяти дочери, потому что братъ съ дитятей дочери, хотя и равны по близости и хотя братъ прямой наслѣдникъ, но онъ дальше по порядку.

И пропитаніе всякаго владѣтеля запрещеннаго родства несовершеннолѣтняго или совершеннолѣтняго бѣднаго, или находящагося въ хронической болѣзни, или слѣплаго, по количеству наслѣдства, и принимается порядокъ наслѣдства, но не права на него; а пропитаніе у кого дядя по матери и сынъ дяди по отцу, то дяди по матери. Кто богатъ настолько, что можетъ дѣлать подаваніе, тому необходимо доставлять пропитаніе родственникамъ, съ которыми запрещенъ бракъ, будутъ ли онѣ несовершеннолѣтній, или совершеннолѣтній, бѣдный, или бѣсноватый, или слѣпой, — этимъ родственникамъ онъ обязанъ давать пропитаніе въ количествѣ наслѣдства. Касательно пропитанія принимается во вниманіе порядокъ наслѣдства, но не право на него, потому что послѣднее неизвѣстно при жизни. У кого есть дядя по матери и сынъ дяди по отцу, то его долженъ пропитывать дядя по матери, потому что съ нимъ бракъ запрещенъ; сынъ же дяди, хотя и наслѣдникъ, по ему не необходимо пропитывать, потому съ нимъ бракъ позволенъ.

И нѣтъ пропитанія при различіи религій, какъ только женѣ, кореннымъ родственникамъ и вѣтвямъ. Родственникамъ, исповѣдующимъ другую вѣру, никто не обязанъ доставлять пропитаніе. Однако жену, родственниковъ по восходящей линіи, т. е. отца, мать, дѣда, бабушку и т. д. и вѣтви этихъ родственниковъ необходимо пропитывать, хотя бы они были и другой вѣры. Жена имѣетъ право на это пропитаніе по браку; вышеупомянутые родственники имѣютъ это право по

причинѣ близости родства. Другіе же родственники получаютъ право на пропитаніе чрезъ наслѣдство, но наслѣдниками не могутъ быть лица другой вѣры, потому другіе родственники и должны лишиться пропитанія чрезъ исповѣданіе другой религіи.

И нѣтъ для бѣднаго, какъ только ея и вѣтвей и нѣтъ для богатаго, кромѣ ея. Бѣднякъ не обязанъ пропитывать никого, кромѣ жены и дѣтей. Богатый человѣкъ не имѣетъ права просить пропитанія; однако жена, хотя бы и была богата, имѣетъ право требовать себѣ пропитаніе отъ мужа.

И продаетъ отецъ для своего пропитанія движимое имущество сына своего, но не домъ его и не (продаетъ) для дома его, потому что вредъ его; и мать не продаетъ имущество его для пропитанія своего. И отвѣтственъ доверенный сына, если издержитъ его на пропитаніе родителей его безъ позволенія казья, но не родители его, если издержатъ имущество его для самихъ себя. Отецъ имѣетъ право продать для своего пропитанія какое-нибудь имущество сына, исключая дома. Но отецъ не имѣетъ права продать движимое имущество сына для уплаты своего долга, а не для пропитанія, потому что только неимѣніе пропитанія причиняетъ вредъ. Мать не имѣетъ права продавать для своего пропитанія имущества сына, потому что власть надъ имуществомъ сына принадлежитъ только отцу, по слову пророка нашего:—да благословитъ его Богъ и помилуетъ!—„Ты и имущество твое для отца твоего“. Доверенный сына подлежитъ отвѣтственности, если безъ позволенія казья истратитъ его имущество на пропитаніе его родителей. Отецъ же и мать не подлежатъ отвѣтственности, если будутъ брать себѣ пропитаніе изъ вѣреннаго имъ имущества сына, хотя бы и безъ позволенія казья.

И когда постановлено о пропитаніи, кромѣ жены, и пройдетъ срокъ, то прекращается, кромѣ если позволеніи казья на долгъ. Если казый сдѣлалъ постановленіе о пропитаніи отца, матери, сына, дочери и другихъ ближайшихъ родственниковъ, исключая жены, и если срокъ, назначенный для полученія пропитанія, прошелъ, а родственники не получили пропитанія, то выдавать его послѣ срока и не необходимо. Однако по окончаніи срока нужно уплатить долгъ, какой сдѣлалъ по рѣшенію казья родственникъ за отсутствіемъ его.

И пропитаніе находящагося подъ властію—на господинъ;

если сопротивляются, то приобретаютъ и пропитываются; а если недостаточны для этого, то приказывается о продажѣ его. Пропитаніе раба и служанки лежитъ на обязанности ихъ господина. Если же они откажутся отъ пропитанія, предлагаемаго имъ господиномъ, то сами должны трудиться и снискивать себѣ пропитаніе. Если же въ послѣднемъ случаѣ они будутъ не въ силахъ доставить себѣ пропитаніе, то господинъ повелѣваетъ продать раба, если только онъ будетъ годенъ для продажи.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Страницы:

Введение 5— 8.

I. Христiанское законодательство о бракѣ и разводѣ.

Происхожденiе и отличительный характеръ христiанскаго брака сравнительно съ до-христiанскими воззрѣнiями на бракъ 9— 22.
Условiя законности и незаконности христiанскаго брака. 22— 51.
Христiанское законодательство о разводѣ. 51— 62

II. Мухаммеданское законодательство о бракѣ и разводѣ.

Отличительный характеръ мухаммеданскаго законоположенiя о бракѣ, сравнительно съ христiанскими законами 63— 72.
Условiя правильности мухаммеданскаго брака и препятствiя ко вступленiю въ бракъ 72— 77.
Мухаммеданское законодательство о степеняхъ родства 77— 81.
Мухаммеданское законодательство о возрастѣ вступающихъ въ бракъ и о дѣвственности пещбеты 81— 84.
Полигамiя, какъ условiе мухаммеданскаго брака. 84— 90.
Мухаммеданское законодательство о препятствiяхъ ко вступленiю въ бракъ 90— 93.
Мухаммеданское законодательство о разводѣ. 93—102.

III. Влiянiе христiанскаго брака на семейную и общественную жизнь человека.

Общiй взглядъ на положенiе женщины у древнихъ до-христiанскихъ народовъ 103—106.
Положенiе женщины у римлянъ, грековъ, восточныхъ народовъ и свресеъ 106—113.
Положенiе женщины въ христiанствѣ 113—117.
Влiянiе до-христiанскаго брака на семейную и общественную жизнь человека 117—125.
Влiянiе христiанскаго брака на семейную и общественную жизнь человека. 125—140.

IV. Влiянiе мухаммеданскаго брака на семейную и общественную жизнь человека.

Критика различныхъ взглядовъ на положенiе женщины въ Аравiи до Мухаммеда и послѣ Мухаммеда 141—155.
Вредныя послѣдствiя полигамiи, отразившiяся на женщинѣ 155—167.
Государственное значенiе женщины въ исламѣ 167—183.

Страницы:

Вредное вліяніє мухаммеданскаго брака на нравственность мухаммеданъ	183—199
Вліяніє мухаммеданскаго брака на семейную жизнь мухаммеданъ	199—216.
Вліяніє мухаммеданскаго брака на общественную жизнь мухаммеданъ	216—235.
Заключеніє	235—236.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПРИЛОЖЕНІЙ.

Предисловіє	3— 5.
Приложеніє первое: Жены Мухаммеда	6— 38.
Приложеніє второе: Брачныя хутьбы	38— 43.
Приложеніє третіє: Законодательство о бракѣ	43— 62.
> > Законодательство о молочномъ родствѣ	62— 64.
> > Законодательство о разводѣ	64—109.